

Андрей Жуков
Алексей Комогорцев
Николай Непомнящий

ЛЮДИ И ДИНОЗАВРЫ

**Андрей Жуков
Алексей Комогорцев
Николай Непомнящий**

Люди и динозавры

**Москва
Берлин
2019**

УДК 56
ББК 28.01
Ж86

Жуков, А.

Ж86 Люди и динозавры / А. Жуков, А. Комогорцев, Н. Непомнящий. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. – 355 с. : ил. DOI: 10.23681/499966

ISBN 978-5-4475-9991-1

Сосуществовал ли человек с динозаврами? На конкретном археологическом, этнографическом и историческом материале авторы книги демонстрируют, что в культурах различных народов, зачастую разделенных огромными расстояниями и многими тысячелетиями, содержатся сходные представления и изобразительные мотивы, связанные с образами реликтовых чудовищ. Авторы обращают внимание читателя на многочисленные совпадения внешнего облика «мифологических» монстров с современными палеонтологическими реконструкциями некоторых разновидностей динозавров, якобы полностью вымерших еще до появления на Земле homo sapiens. Представленные в книге свидетельства говорят о том, что реликтовые чудовища не только существовали на протяжении всей известной истории человечества, но и определенным образом взаимодействовали с человеческим обществом. Следы таких взаимоотношений, варьирующихся от поддержания регулярных симбиотических связей до прямого физического противостояния, прослеживаются авторами в самых разных исторических культурах.

УДК 56
ББК 28.01

ВВЕДЕНИЕ

«Динозавры (лат. Dinosauria, от др.-греч. δεινός – страшный, ужасный, опасный и σαύρος – ящер, ящерица) – надотряд наземных позвоночных животных, доминировавших на Земле в мезозойскую эру в течение более 160 млн лет, начиная с позднего триасового периода (приблизительно 225 млн лет назад) до конца мелового периода (около 65 млн лет назад), когда большинство из них стало вымирать во время крупномасштабного исчезновения животных и многих разновидностей растений в относительно короткой геологической период истории» (Википедия).

Сегодня в любой стране, а то и в любом доме можно увидеть ребенка, забавляющегося с игрушечным динозавром. Динозавры прочно вошли в нашу повседневную жизнь. В XXI в. с легкой руки Голливуда даже появился теперь уже привычный термин «динотопия». Притом большинство людей вряд ли испытывают теплые чувства к рептилиям, к коим и относятся динозавры. Впрочем, исследование этого феномена массовой культуры лежит за рамками данной книги. Здесь же просто постулируется тот факт, что динозавры, которые, согласно мнению большинства ученых, вымерли десятки миллионов лет назад, сегодня обрели «вторую жизнь».

Гигантские кости в земле находили всегда, и принадлежность многих таких останков людям была неизвестна. Так, например, в античности подобные кости иногда считали останками героев Троянской войны, в Средние века и вплоть до XIX в. их относили к древним исполинам, о которых упоминается в Ветхом Завете, а в Китае и на Дальнем Востоке их считали костями драконов, приписывая им целебные свойства.

Примерно с 1820 г. английские и французские исследователи стали уделять пристальное внимание находкам окаменевших зубов и костей больших размеров. Изучая их, ученые пришли к выводу, что окаменелости принадлежат необычайно крупным ящерам – пресмыкающимся, жившим в доисторические времена. В 1822 г. английский врач Паркинсон присвоил находке из коллекции геолога Уильяма Баклэнда название

мегалозавр (гигантский ящер). В 1824 г. У. Баклэнд, бывший в то время президентом Королевского геологического общества, приступил к описанию этой находки и дал ей научное обозначение. Но в 20–30 гг. XIX в. никому из исследователей не приходило в голову, что открытые животные, известные лишь по фрагментам, относятся к самостоятельным отрядам реликтовых животных. Первым к такому выводу (после обнаружения более-менее полных скелетов) пришел лондонский профессор Ричард Оуэн. В 1841 г. в своем «Сообщении об ископаемых рептилиях Британии» он предложил всех представителей этой группы животных называть «динозаврами», т. е. «ужасными ящерами».

31 декабря 1853 г. в лондонском Хрустальном дворце состоялся торжественный ужин по случаю завершения экспозиции удивительного парка «Доисторические монстры», организованной Оуэном. Под его руководством скульптор Бенджамин Хокинс создал из бетона скульптуры древних рептилий в натуральную величину. Кроме того, им же было сооружено небольшое помещение в виде скульптуры игуанодона для проведения торжественного ужина, на который были приглашены 22 ученых. Открывая это мероприятие, Оуэн провозгласил примечательный тост: «Завры и всякие птеродактили! Грезили ли вы когда-нибудь, на ваших древних празднествах, о грядущей расе, живущей над вашими могилами, дающей обед на ваших костях?» Собственно, этот момент можно считать отправной точкой профессионального интереса западной науки к динозаврам, который через полтора столетия превратился в настоящую «динотопию».

Начиная с 70-х гг. XIX в. наиболее массовые открытия динозавров были сделаны в Северной Америке, в предгорьях Скалистых гор. Два исследователя-палеонтолога, Отаниел Чарльз Марш и Эдвард Дринкер Коуп, независимо друг от друга посылали в эту область экспедиции и платили старателям за ископаемые останки. Именно эти экспедиции впервые применили методы препарирования и подготовки скелетов для перевозки, которыми пользуются и поныне. К сожалению, эти двое ученых в буквальном смысле ненавидели друг друга. В яростном стремлении не допустить, чтобы интересные экземпляры попали к сопернику, они доходили до того, что приказывали

разбивать и взрывать скелеты, которые не могли полностью выкопать сами. Тем не менее, в результате их поисков, получивших название «Большой американской охоты за динозаврами», до конца XIX столетия было обнаружено более 140 новых видов. Изучение этих материалов привело к тому, что палеонтологи в 1887 г. выделили два основных семейства динозавров – птицетазовые и ящеротазовые.

К настоящему времени кости древних ящеров обнаружены уже на всех континентах, в т. ч. в Антарктиде (первая находка была сделана в 1986 г.). В Китае, где исследования динозавров начались только в 40-е гг. прошлого столетия, было найдено столько скелетов, что они составили четверть всех известных сегодня находок. Там же было обнаружено огромное количество яиц древних ящеров. В настоящее время, согласно неофициальной статистике, палеонтологи в среднем раз в два месяца находят останки нового, ранее не известного вида динозавров.

Словом, современная палеонтология развивается быстрыми темпами. Однако базовые представления этой науки пребывают в основном без изменений последние сто лет, равно как остаются без ответа и многие важнейшие вопросы. На сегодняшний день палеонтологами описано более 500 различных родов и более 1000 видов разных динозавров. При этом целый ряд исследователей полагают, что около трети описанных видов не существовали: за ранее неизвестных ящеров учёные принимали уже описанных динозавров на разных стадиях развития, либо в результате неправильных реконструкций искусственно создавали новые виды.

Еще в 1964 г. находка останков дейнониха (хищного ящеротазового динозавра, передвигавшегося на задних лапах) произвела научную революцию в палеонтологии. На основе изучения строения этого динозавра исследователи пришли к выводу, что он передвигался относительно быстро, из чего следовал вывод, что животное было теплокровным. Идея теплокровности заставила пересмотреть старые представления не только о физиологии, но и о поведении динозавров. Однако до сих пор ученые не пришли к единому мнению, являлись ли древние ящеры холоднокровными или теплокровными животными, либо имело место совмещение обоих типов.

Совершенно не известен цвет кожи динозавров. Хотя палеонтологам посчастливилось обнаружить несколько образцов их шкуры, окаменелые останки не дают представления о цвете и окрасе этих животных. Современные реконструкции в плане окраса шкуры древних ящеров являются фантазией художников, в основу которой положены аналогии с окрасом шкур современных пресмыкающихся.

Считается общепризнанным, что динозавры населяли нашу планету на протяжении всей эпохи мезозоя, т. е. примерно 225–65 млн лет назад. Средний период этой эпохи – юрский (примерно 205–145 млн лет назад) – считается временем максимального расцвета динозавров. Согласно современным научным представлениям о прошлом Земли, примерно 65–60 млн лет назад на планете произошла глобальная катастрофа, изменившая облик планеты и ее животный и растительный миры. По поводу причины этой катастрофы высказываются различные гипотезы, ни одна из которых не является на сегодня достоверно доказанной. Одной из самых популярных гипотез, объясняющих глобальную катастрофу, является предположение о падении гигантского метеорита или даже астероида, в одночасье изменившее облик Земли. Официально считается, что эта катастрофа привела к полному вымиранию динозавров, равно как и многих других видов животных и растений. Хотя даже в академической среде мнения ученых относительно гибели динозавров расходятся. Не все исследователи согласны с тем, что древние ящеры погибли быстро и одновременно. Некоторые ученые полагают, что процесс вымирания был длительным и растянулся на тысячи и даже миллионы лет.

Проблема эта весьма неоднозначна. Достаточно задаться простым вопросом: почему до наших дней дожили многие виды рептилий – крокодилы, черепахи, змеи, а также десятки других видов зверей, рыб и насекомых, а все динозавры во всем своем разнообразии вымерли?

Основным доказательством массового вымирания живых существ является отсутствие ископаемых останков тех или иных видов в слоях, относящихся к последующим геологическим периодам. Однако такое доказательство не является абсолютным. Ведь некоторых видов животных могло остаться

очень мало, и шанс, что именно их останки превратятся в окаменелости, может быть минимальным. Несостоятельность такого подхода подтверждается и фактами выживания реликтовых животных. Широко известна история с кистеперой рыбой – латимерией (или целакантом). В геологической летописи останки целакантов фиксируются со времени 350 млн лет назад; по альтернативной версии – 260–250 млн лет. Впрочем, что для геологии каких-то 100 млн лет? Считалось, что целаканты вымерли 145 млн лет назад. По другим данным, последние окаменелые останки целаканта были найдены в слоях, датированных возрастом 75–70 млн лет. Отряд целакантообразных относится к надотряду кистеперых рыб. Вплоть до настоящего времени часть биологов считает, что кистеперые рыбы дали начало земноводным и первыми из позвоночных вышли на сушу. И произошло это, соответственно, сотни миллионов лет тому назад.

Но в 1938 г. у побережья Южной Африки был выловлен живой целакант, что стало настоящей сенсацией в научном мире. Со временем было поймано около сотни экземпляров этой рыбы. И хотя сегодня ее ареал ограничен преимущественно Коморскими островами и водами южной оконечности Африки, а также побережьем Индонезии (второй вид латимерии, открытый только в 1997 г.), факт выживания данного вида на протяжении почти полумиллиарда (!) лет налицо.

Ситуация с латимерией-целакантом весьма показательна, и на ней стоит остановиться подробнее. Современные ученые признают, что данный вид рыбы просуществовал на планете несколько сотен миллионов лет! Но никто не задается вопросом: почему? Почему именно данный вид выжил, а десятки тысяч других видов живых существ погибли? Что особенного в целаканте? С точки зрения фактора выживания, эта рыба должна была вымереть быстрее других видов. У целаканта крайне специализированная физиология и образ жизни. Во-первых, это яйцеживородящая рыба: самка вынашивает яйца (икру) внутри себя, детеныши покидают яйцевую оболочку еще в утробе и только после этого рождаются на свет. Как установили палеонтологи по ископаемым останкам, целаканты юрского периода тоже были яйцеживородящими. Беременность у самок длится очень долго, около 13 месяцев, а половозрелыми они становятся примерно в 20 лет. Во-вторых,

целакант чрезвычайно прихотлив по отношению к таким характеристикам водной среды обитания, как температура и глубина. В-третьих, современный ареал вида достаточно узок – воды Индийского океана и небольшой район около острова Суматра в Индонезии.

Целакант – крупная (в среднем 1,5 м) и очень медлительная рыба, которая, по идее, должна быть легкой добычей для любого хищника. И этот вид смог пережить все перемены климата Земли на протяжении 200–300 миллионов лет?!

Есть еще одно живое существо, чье присутствие на Земле в настоящее время ставит в тупик зоологов. Это так называемая туатара (или гаттерия) – примитивная рептилия, похожая на ящерицу, но с тремя глазами. Правда, третий глаз функционирует не полностью. Туатара до сих пор обитает на нескольких маленьких островах неподалеку от Новой Зеландии. А древнейшие окаменелые останки этой рептилии датируются временем 200 млн лет назад и практически не отличаются от современного вида. Каким образом можно объяснить подобную избирательность эволюции? Одни виды вымирают полностью, другие успешно существуют без особых изменений на протяжении сотен миллионов лет! И здесь вполне уместен простой вопрос: а были ли эти сотни миллионов лет? В последние десятилетия все большее число исследователей высказывает неудовлетворенность существующей хронологической шкалой, в рамках которой описывается история Земли. Они приводят множество фактов и аргументированных доказательств, указывающих на несовершенство и противоречивость принятой сегодня геологической шкалы, а также существующих методов абсолютного датирования ископаемых останков. Не будем подробно останавливаться на данной проблематике, поскольку она требует отдельной работы по пересмотру и переосмыслению гигантского массива фактических данных в десятке научных дисциплин и, что более существенно, иного взгляда на множество фундаментальных постулатов различных наук.

За последние десятилетия было обнаружено несколько цепочек следов динозавров, оставленных в окаменевшем грунте и сопровождаемых следами человека или как минимум прямоходящего примата. Большинство таких следов были найдены

на юго-западе США на территории штата Техас. Здесь, в государственном заповеднике «Долина динозавров», были найдены многочисленные окаменевшие цепочки следов древних ящеров, что и послужило причиной создания заповедника. Еще в 60–70 гг. прошлого века в тех же геологических слоях обнаружались окаменевшие следы человеческих ног. Крупнейшая цепочка следов, получившая название «Тропа Тейлора», содержала 14 отпечатков человеческих ног – правой и левой. Очень четкий отпечаток человеческой ступни был найден в Нью-Мексико в слое, датируемом пермским периодом (т. е. до начала эпохи динозавров).

Еще более сенсационное открытие было сделано в начале 1980-х гг. в горах юго-восточной Туркмении. На скалистом плато Кугитанг в слоях юрского периода (датированных 200–150 млн лет назад) было обнаружено около 3000 окаменевших следов динозавров. Несколько коротких исследовательских экспедиций, побывавших на этом плато, насчитали здесь следы 65 различных видов древних ящеров. Местность получила название «Плато динозавров». И на нем между следами рептилий сохранилось около десятка окаменевших человеческих следов. Кроме того, само плато состоит из известняка. Интенсивность эрозии известняков очень велика, поэтому следы вряд ли могли бы сохраниться на открытой поверхности в таком виде 200–150 миллионов лет. Так что вызывает сомнения и сама датировка этих слоев юрским временем.

Есть и другие факты, свидетельствующие в пользу того, что динозавры существовали в не столь отдаленные от нас времена. В последние десятилетия были получены очень интересные данные в новой и необычной научной дисциплине, называемой «молекулярная палеонтология». Оказалось, что в окаменелых и не совсем окаменелых костях вымерших животных и в других ископаемых останках можно обнаружить нераспавшиеся фрагменты белков, а порой фрагменты молекул ДНК. При этом возраст таких останков официально оценивается вплоть до десятков, а то и сотен миллионов лет!

В 1997 г. американский палеонтолог Мэри Швейцер опубликовала результаты исследования «недоокаменевшей» кости тираннозавра, найденной в штате Монтана (США) семью годами раньше. Этой кости приписывался возраст в 67–65 млн лет.

Лабораторные опыты выявили, что, несмотря на «десятки миллионов лет», в кости тираннозавра сохранились остатки лабильных (нестойких) органических молекул, в т. ч. и гемоглобина! Таким образом, за 65 млн лет (!) нестойкие молекулы большого и сложного белка в кости тираннозавра не распались до конца. Публикация этих данных вызвала скандал в палеонтологических и биологических кругах. Доктора М. Швейцер обвинили в спекуляциях, подтасовке результатов, саморекламе и тому подобном. Ее шефу профессору Джеку Хорнеру пришлось оправдываться несколько лет, заявляя, что на самом деле никаких клеток крови они в костях не находили. Но это продолжалось недолго.

В 2005 г. в ведущем мировом научном журнале «Science» М. Швейцер опубликовала результаты исследования костей четырех разных динозавров: трех тираннозавров и гадрозавра (официальный возраст 80 млн лет). Оказалось, что в костях всех четырех ящеров сохранились мягкие ткани – прозрачные, эластичные (по виду почти неотличимые от современных), кровеносные сосуды, а также образования, идентичные эритроцитам и клеткам кости с видимыми под микроскопом ядрами. В эти же годы похожие данные были получены при исследовании костей динозавров польским исследователем доктором Р. Павлички.

В 2006 г. доктор М. Швейцер опубликовала в «National Geographic News» статью под названием «Множество окаменелостей динозавров могут иметь внутри мягкую ткань». В статье говорилось, что приблизительно в половине исследованных образцов были «получены замечательно последовательные результаты» и что вид под микроскопом «был неотличим от образцов современных тканей». Речь шла о клетках из ткани костей гадрозавра, чей «официальный» возраст был определен в 80 млн лет. В том же году в журнале «Discovery» появилось интервью с М. Швейцер. Когда Швейцер исследовала скелет тираннозавра, найденный в Адском ручье (штат Монтана), она заметила, что окаменелость отчетливо источает органический (трупный) запах. «Она пахла точно так же, как один из трупов, которые были у нас в лаборатории» – сообщила Швейцер. Тогда обеспокоенная М. Швейцер обратилась к профессору Дж. Хорнеру. «Но он заявил только, что все кости с Адского

ручья пахнут», – вспоминает Швейцер. Каким же образом окаменелости, состоящие целиком из минералов, могут источать органические запахи?

Также в августе 2006 г. в журнале Геологического общества США «Geology» были опубликованы данные группы авторов во главе с исследовательницей из Ирландского университетского колледжа в Дублине М. Макнамарой. В отложениях древнего озера в Испании обнаружили останки более сотни амфибий – лягушек и саламандр, причем в десятой части костей сохранился костный мозг с клетками и жировыми прослойками. Визуально эти клетки имели обычный вид, характерный для клеток недавно умерших лабораторных животных. Парадокс заключался в том, что останкам этих амфибий палеонтологи приписывали возраст в 10 млн лет, по той простой причине, что найдены они были в миоценовых слоях (миоцен датируется 23–5,3 млн лет назад). Но согласно представлениям современной биологии никакие клетки и ткани, а также биологические макромолекулы в принципе не могут сохраняться в земле не то что десятки миллионов, а даже сотни тысяч лет!

Однако упомянутые факты не стали научной сенсацией. Более того, сама М. Швейцер не поверила первоначально собственным исследованиям, пока не повторила свои опыты 17 раз. Официальные палеонтологические круги легко отмахнулись от них, заявив, что раз мягкие ткани могут сохраняться в костях животных десятки миллионов лет, то, значит, так оно и есть. Чуть позже некоторые исследователи попытались выдвинуть ряд наукообразных объяснений того, как мягкие ткани могли сохраниться в окаменелых останках на протяжении десятков миллионов лет. А теперь уже официально так и говорят: «Множество окаменелостей динозавров могут иметь внутри мягкие ткани». И никто не удивляется, как же подобные ткани могли сохраняться миллионы лет вопреки всем известным биологическим и физико-химическим закономерностям. Представьте себе помойку, на которой спустя десятки миллионов лет можно найти остатки не окаменелой пищи. Оказывается, палеонтологи на это способны, лишь бы никто не покушался на «святая святых» – постулат, что все динозавры вымерли 65 млн лет назад.

Здесь уместно упомянуть еще одну проблему, связанную с динозаврами, точнее, с их останками. За последние сто лет в разных частях мира были найдены девять так называемых «мумий» динозавров. Название было дано условно, поскольку это были не мумии в точном смысле слова, т. е. не высушенные скелеты с кожным покровом. Палеонтологи назвали «мумиями» останки динозавров с окаменевшими мягкими тканями. Первые три «мумии» обнаружил Ч. Штернберг еще в начале XX века на территории штата Вайоминг (США). Это были останки гадрозавров, у которых до 40% мягких тканей в процессе минерализации были замещены песчаником. Сейчас эти мумии экспонируются в Американском музее естественной истории (Нью-Йорк). Останки детеныша динозавра (сципионикса) с фрагментами мягких тканей были найдены в Италии около Неаполя в 1983 г. У этой мумии сохранились окаменевшие кишечник, печень, некоторые мышцы и дыхательное горло. В 1993 г. на ранчо в Южной Дакоте была обнаружена мумия тесцелозавра с окаменевшими останками сухожилий, хрящей и сердца. Ее возраст определили в 66 млн лет. По имени штата эту мумию окрестили «Дакота». С помощью компьютерной томографии удалось получить свидетельства, что у тесцелозавра имелось четырехкамерное сердце с двойным кругом кровообращения и единственной системной аортой (как у крокодилов). Сам факт быстрой минерализации трупа ученые объяснить не могут и просто ссылаются на некое стечение «физико-химических обстоятельств».

Последняя мумия была раскопана в 2001 г. То были останки брахилозавра, возраст которых оценили в 77 млн лет. Мумии даже присвоили собственное имя – Леонардо. В «Книге рекордов Гиннеса» Леонардо был признан «наиболее сохранившимся динозавром в мире». Останки этого утконосного динозавра составляли 7 м в длину и весили около 2 т. Древний ящер был полностью захоронен в песчанике, и чтобы не испортить экспонат, его извлекли целиком вместе с куском породы. Мумия на 85–90% сохранила окаменевший покров (кожу и чешую), мягкие ткани и внутренние органы, когти, клюв и «гребень» (складку вдоль спины). Сохранилось даже окаменевшее содержимое желудка, так что стало возможным узнать состав последней трапезы брахилозавра: папоротники, печеночник,

хвойные растения и магнолия. Желудок содержал пыльцу около 40 различных растений. Никакого внятного объяснения такому факту палеонтологи дать не смогли. Более того, за исключением доклада группы изучавших Леонардо исследователей на ежегодной встрече палеонтологов в Окле (США, 2002), никаких публикаций по этой теме не последовало.

Общепринято считать, что минерализация костных останков – длительный процесс, занимающий тысячи, а то и миллионы лет. Этот постулат является одним из краеугольных камней в концепции многомиллионной древности останков динозавров. И здесь возникает закономерный вопрос: с какой скоростью должен был происходить процесс минерализации туши Леонардо, если не успели разложиться не только мягкие ткани, но и остатки пищи в желудке? Логично предположить, что такой загадочный процесс занял несколько дней или недель, но не тысячелетия. Почему тогда не допустить, что этим останкам не 77 млн лет, а, например, 7000?

Есть еще одна палеонтологическая странность, которая не очень-то укладывается в версию многомиллионного возраста всех останков древних ящеров. Речь идет о находках самих костей динозавров. Дело в том, что в разных частях света их находят на разных глубинах от поверхности земли. Это закономерно, все места на планете имеют свою геологическую историю, и процесс накопления геологических слоев, равно как и процесс их последующего разрушения, обуславливается целым комплексом природных факторов. Например, не так давно в Испании строители при прокладке туннеля для скоростной железнодорожной магистрали Мадрид-Валенсия нашли самое большое в Европе «кладбище» динозавров (так называют скопления на небольшом участке множества костных останков животных разных видов). Здесь были обнаружены останки восьми динозавров, в т. ч. гигантских травоядных ящеров, четырнадцати крокодилов, нескольких десятков черепах и других, еще не известных науке видов. Останки находились на глубине 20 м. Предполагается, что животные существовали здесь 80 млн лет назад.

Но при этом значительное количество останков древних ящеров обнаруживали и продолжают обнаруживать на очень незначительных глубинах. В нашей стране одним из самых

богатых останками динозавров мест являются окрестности села Шестаково в Кемеровской области. Начиная с середины XX в. здесь находили кости брахиозавров, титанозавров, стегозавров, а также останки древних рыб, ящериц, крокодилов и в т. ч. млекопитающих. Но все эти находки были единичными. Летом 2014 г. в этом же районе ученые совместно с сотрудниками местного музея раскопали пять целых скелетов динозавров (так называемых пситтакозавров сибирских), а затем еще два скелета. Находки в Шестаковском районе уникальны тем, что были сделаны в коренных залеганиях (не подвергшихся разрушению породах). При этом кости динозавров покоились не слишком глубоко, в первых метрах грунта.

Однако данный случай – не самый показательный. Несколько лет назад бразильские палеонтологи нашли новое кладбище динозавров в районе города Убераба (штат Минас-Жерайс) во время проведения работ по расширению автомагистрали Сан-Паулу-Бразилиа. На останки динозавров рабочие наткнулись прямо у обочины старого шоссе. Кости, возраст которых составляет, по оценкам палеонтологов, почти 80 млн лет, хранились все это время практически на поверхности земли. Аналогичные находки были сделаны в последнее десятилетие в Китае, Мексике. Прекрасно сохранившиеся останки, в т. ч. и практически целые костяки, залегали буквально в полуметре от поверхности земли. С 1920-х гг. широкую известность получила Нэмэгэтинская котловина – обширная межгорная впадина, расположенная на юге пустыни Гоби в Монголии. Всемирно известной она стала благодаря трём крупным местонахождениям ископаемых костей динозавров. Большинство останков покоились буквально на поверхности земли, не будучи даже целиком занесены песком. Ученые объяснили этот факт очень просто: «В результате многовековой водной и ветровой эрозии ископаемая фауна региона оказалась почти на самой её поверхности».

Тем не менее, не всегда и не все можно объяснить так просто. Возникает закономерный вопрос: почему на протяжении десятков миллионов лет многочисленные процессы эрозии буквально перемололи тысячи тонн осадочных пород, но при этом более хрупкие костные останки реликтовых животных дошли до нас в таком хорошем состоянии, а не рассыпались в пыль?

Приведенные выше факты не являются спекуляциями альтернативных историков и палеонтологов. Это результаты исследований академических ученых, опубликованные в официальных научных изданиях. И эти факты не просто не укладываются в современные теории, а прямо противоречат общепринятой парадигме развития жизни на Земле и основным принципам геохронологии. Если мы рассматриваем вопрос о времени вымирания динозавров, то на одной чаше весов оказываются факты, демонстрирующие относительно небольшую (в геологическом плане) древность останков реликтовых ящеров, на другой – устоявшееся убеждение, что их массовое вымирание произошло 65 млн лет назад. Но для человеческого восприятия нет абсолютно никакой разницы между 65 и 6,5 млн лет. Это физически невообразимые для нас промежутки времени. Наверное, поэтому сами геологи и палеонтологи с легкостью оперируют понятием геологического возраста в 60–70 плюс-минус 5–10 млн лет. Учитывая продолжительность человеческой жизни, можно смело сказать, что разница в возрасте каких-либо геологических событий в 5, 10, 20 млн лет не имеет для нас никакого познавательного значения. Это всего лишь абстрактные цифры, отличающиеся друг от друга количеством нулей.

Однако вопрос о возрасте, в данном случае, о времени вымирания динозавров приобретает значение, если мы ставим его по-другому: все ли динозавры вымерли энное количество миллионов лет тому назад? В принципе, чем могут мешать современной науке здравствующие и поныне реликтовые ящеры? Ведь живущие на протяжении сотен миллионов лет крокодилы и черепахи не стоят поперек дороги академическим ученым. В чем причина такого избирательного подхода к вопросу выживания родственных отрядов пресмыкающихся?

Конечно, официальное объяснение очень простое: в письменных источниках отсутствуют описания динозавров, и за последние столетия ни ученые, ни путешественники не встречали живых реликтовых рептилий ни в одном из уголков планеты. Объяснение исчерпывающее, если просто принять его на веру. Но если подходить к нему критически, получается, что данное объяснение не только голословно, но и лживо.

Во-первых: относительно описания древних ящеров в исторических источниках верно лишь то, что в них отсутствует термин «динозавр». Да и откуда ему там быть, если сам термин был введен только полторы сотни лет назад? А вот описаний различных монстров, чудовищ и странных нетипичных животных в древних летописях любой страны более чем достаточно. Однако академическая наука не считает целесообразным анализировать эти сведения. Гораздо проще отмахнуться от них, объявив результатом фантазий представителей древних народов. Сказка – она и есть сказка, но никак не исторический источник.

Во-вторых: существует огромное количество показаний путешественников, исследователей и прочих свидетелей о встречах с животными, похожими на динозавров. Тысячи таких встреч с реликтовыми существами были зафиксированы и описаны в последние столетия. В т. ч., существуют и документальные свидетельства в виде древних артефактов, произведений искусства и даже фотографий.

Но академическая наука упорно игнорирует этот массив фактов. И мы опять возвращаемся к риторическому вопросу: почему так происходит? Вопрос действительно риторический, поэтому в данной книге останавливаться на нем подробно мы не будем. Наша работа ставит своей целью представить вниманию читателей определенный массив фактических данных, археологические и исторические свидетельства того, что динозавры, как и другие виды рептилий, не вымерли поголовно, что они сосуществовали с человеком на протяжении большей части его истории и продолжают свое существование в различных уголках планеты.

КАМНИ ИКИ

В самом центре прибрежной части Перу в 325 км к югу от Лимы расположен город Ика, который является столицей одноименного департамента, включающего в себя четыре провинции: Ика, Наска, Писко и Пальпа (или Чинча). Департамент Ика – единая область, как в природно-географическом, так и в культурно-историческом плане. С точки зрения современной археологии, это также единая культурная область, обозначаемая как зона Центрального побережья Перу, объединенная преемственной последовательностью близких друг другу археологических культур.

Сегодня местность департамента Ика является прибрежной пустыней в несколько десятков километров шириной, ограниченной с востока первыми, еще невысокими, отрогами Анд. Климат здесь чрезвычайно сухой, что, кстати, обусловило наличие уникальных почвенных условий, способствовавших прекрасной консервации археологических останков в древних погребальных комплексах. Археологическое наследие этого региона настолько обильно и разнообразно, что еще сто лет назад один из основателей перуанской археологии Макс Уле назвал этот район «раем для археологов».

Первой археологической культурой в этом регионе, обладавшей развитой системой земледелия и ирригационными сооружениями, считается культура паракас, которую датируют IX в. до н. э. – I в. н. э. Основной ареал этой культуры располагался севернее департамента Ика – на полуострове Паракас, но ее влияние, особенно в период расцвета, распространялось и гораздо южнее. Носители культуры паракас были прекрасными ремесленниками, особого мастерства они достигли в изготовлении шерстяных и хлопковых тканей. По погребальному обряду культуры паракас тело умершего одевали в пончо и заворачивали в несколько, иногда в десяток, слоев шерстяных одеял. Такой погребальный куль помещался в плетеную корзину в сидячем положении, с подтянутыми к груди ногами. В могилу покойнику клали многочисленный инвентарь – керамические сосуды, бытовые орудия, речные раковины. Но не только прекрасно сохранившиеся предметы древней утвари привлекли особое внимание исследователей к культуре паракас. Здесь

было найдено огромное количество мумий, черепа которых имели отчетливые следы операций по трепанации черепа. Количество таких черепов на разных могильниках полуострова Паракас составляло от 40 до 60% от общего числа!

На смену культуре паракас приходят культуры наска и ика, расцвет которых приходится на период I–VIII вв. н. э. Основу экономики этих культур также составляло ирригационное земледелие. Наиболее распространенными продуктами являлись маис, тыква, сладкий картофель и маниок. В больших количествах выращивался хлопок, а также кока, использовавшаяся как галлюциноген при проведении религиозных церемоний. Носители культуры наска создали замечательную ирригационную систему. Основу ее составляли подземные, облицованные камнем, акведуки, которые сегодня называют *лукиос*. Их вырывали в склонах холмов вдоль русла реки вплоть до достижения подземного водоносного горизонта; по ним же вода отводилась в систему ирригационных каналов. До сегодняшнего дня около города Наска сохранились колодцы, имевшие спиральный спуск под землю для облегчения набора воды. Часть из них функционирует и сегодня.

Носители культур наска и ика были также выдающимися ремесленниками. До нас дошли тысячи прекрасных изделий из керамики, дерева, тканей, меди, бронзы и золота. В могилах этих культур, благодаря сухости почвы, прекрасно сохраняются как предметы из неорганических материалов, так и из органики. Женские мумии часто находят с толстыми, длиной до двух метров, косами.

Археологи приписывают культурам паракас и наска создание всемирно известного комплекса гигантских линий, полос и рисунков, найденных на плато Наска и Пальпа.

Несколько лет назад группа британских археологов под руководством Д. Бересфорда-Джонса из Кембриджского университета выдвинула гипотезу, что культура наска, процветавшая здесь в середине I-го тыс. н. э., погубила сама себя в результате массового вырубания рощ уارانго. Это растение, родственное акации, имело твердый ствол и покрытые шипами ветви. Изделия из древесины уارانго прекрасно сохраняются в древних индейских могилах. На основе анализа образцов пыльцы, найденных в древних погребениях, английские ученые сделали

вывод, что в последние века существования культуры наска в этом районе совсем не осталось зарослей уаранго. Все они были вырублены для расчистки земли под плантации кукурузы и хлопка. Это привело к резкому обезвоживанию земель и, как следствие, к закату культуры наска.

После ее исчезновения, причиной которого, возможно, послужили серьезные экологические изменения, население этого региона, скорее всего, сильно сократилось. И уже только в XV в., когда Инка Пачакути включил эти территории в состав своей империи, здесь вновь забурлила экономическая жизнь.

Коллекция древних артефактов, ныне известная как гравированные камни Ики, была собрана в 60–70 гг. прошлого века Хавьером Кабрерой. Личность исследователя всегда играет определяющую роль в формировании его научного мировоззрения и соответствующим образом сказывается на характере его работ. Доктор Хавьер Кабрера Даркеа родился в городе Ика в 1924 г. Вся его жизнь прошла в родном городе и закончилась здесь же: в декабре 2001 г. он скончался после продолжительной болезни, причиной которой послужила раковая опухоль. Хавьер Кабрера являлся прямым потомком испанского конкистадора – основателя города Ики и был одним из почетных граждан города. Семья его из поколения в поколения проживала в центре Ики. И сейчас здесь на главной площади Пласа-де-Армас расположен особняк семьи Кабрера, в котором собственно и находится собрание камней Ики.

После окончания средней школы в родном городе Хавьер Кабрера поступил в Национальный университет Сан-Маркос в Лиме, где он специализировался на кафедре хирургии. Получив степень профессора, Кабрера проработал четыре года в государственной клинике, после чего вернулся в город Ику. Здесь в 1961 г. он стал одним из основателей Национального университета Ики, в котором возглавил кафедру хирургии. Увлечшись собиранием древних гравированных камней, он впоследствии вынужден был оставить кафедру. Тем не менее, доктор Кабрера длительное время, пока позволяли силы и здоровье, вел частную медицинскую практику. По словам тех, кто был с ним знаком, Хавьер Кабрера был очень увлеченным и даже эксцентричным человеком. Но именно такие люди обычно становятся настоящими первооткрывателями и выдающимися

исследователями. Начиная с 1966 г., Кабрера увлекся коллекционированием камней с гравированными рисунками и посвятил им оставшиеся сорок лет своей жизни. Следует отметить, что до этого времени он вообще не интересовался археологическими древностями. Но уже первое знакомство с гравированными камнями вызвало у него неподдельный интерес и энтузиазм. Кабрера оказался всецело поглощен собиранием и исследованием таких камней, потратил на это все имевшиеся у него свободные средства и, несмотря на полное неприятие со стороны официальной науки, продолжал свое дело на протяжении десятилетий. Поэтому неудивительно, что большинство людей, знавших Хавьера Кабрера, в т. ч., и его друзья, считали его чудачком, а то и сумасшедшим. При этом в прессе в период активной кампании, развернутой против признания подлинности коллекции Кабреры, его чуть ли не напрямую обвиняли в фальсификации или, как минимум, в легковёрности и наивности.

Но здесь следует отметить следующий факт: несмотря на всю предысторию, муниципальные власти в 1988 г. наградили доктора Кабрера почетным титулом «Любимый сын города Ики». А в октябре 2001 г., за два месяца до смерти, Кабрера был награжден золотой медалью и еще одним титулом «Выдающийся сын города».

Занимаясь врачебной практикой, доктор Кабрера часто лечил малоимущих крестьян и индейцев, которым порой нечем было заплатить за его услуги. Узнав об увлечении доктора, многие пациенты стали в качестве оплаты приносить ему гравированные камни, изделия из керамики и дерева. Этому способствовало и то обстоятельство, что Кабрера активно расспрашивал местных крестьян о предмете своего интереса. Кроме того, в собирании камней ему активно помогали друзья. Доктор Кабрера также занимался целенаправленной скупкой камней. Благодаря своей активной деятельности за пару лет он собрал около 6000 экземпляров. Помимо врачебной практики, во второй половине 60-х гг. Кабрера основал Дом культуры города Ики и стал его директором. А в 1968 г. выставил там часть своей коллекции. Но еще в 1967 г. Кабрера развил бурную активность по пропаганде собрания камней Ики, стараясь заинтересовать этим феноменом представителей официальной

науки. Он выступал с лекциями, давал интервью, публиковал статьи в прессе; в результате камни Ики за короткий срок стали известны не только в Перу, но и за рубежом.

Реакция властей и представителей академической науки на активную популяризаторскую деятельность Хавьера Кабреры первоначально оказалась сдержанно-негативной. Сдержанной, скорее всего, потому, что доктор Кабрера считался авторитетным человеком и происходил из древнего знатного рода, что в Перу и до сих пор является существенным социальным фактором. Но в 1974 г. в Париже вышла книга Робера Шарру «Таинства Анд», в которой он уделил значительное место описанию коллекции камней Ики. Шарру высказывал в своей книге идею о том, что человечество на многие миллионы лет древнее, чем это принято считать; камни Ики он рассматривал как одно из решающих доказательств этого постулата. И вот тут последовала реакция в центральной перуанской прессе. В январе 1975 г. столичный журнал «Мундиаль» напечатал статью под названием «Сделано Базилио Учуйя». Статья не имела авторской подписи, равно как и фотографии, приведенные в ней. Но в ней доказывалось, что камни Ики – современная подделка, и что все они сделаны двумя крестьянами из городка Окукахе (расположен в 50 км к югу от города Ика): Базилио Учуйя и Ирмой Гутиеррас. Через два дня после публикации статьи в «Мундиаль» в другой столичной газете, «Коррео», вышло интервью с директором Регионального музея Ики Адольфо Дженкисом, в котором он заявил, что гравированные камни были изготовлены Базилио Учуйя. Таким образом, пара статей, опубликованные в центральных изданиях, по сути дела, поставила официальное «клеймо» на феномене камней Ики, объявив их современной подделкой. Представители научных учреждений не сочли нужным изучить собрание Кабреры даже поверхностно. Таким образом, приговор о современном происхождении коллекции был вынесен журналистами в нескольких популярных (а не научных!) изданиях. И представители академической науки с тех пор даже не пытаются исследовать гравированные камни, которые по-прежнему находятся в открытом доступе, и нет никаких препятствий для их изучения.

Но почему коллекция Кабреры была объявлена фальшивой? Все дело в том, что на множестве камней Ики изображены... динозавры! Причем самых различных видов. Более того, множество сцен показывают охоту человека на древних ящеров. Но ведь всем хорошо известно, что динозавры вымерли за десятки миллионов лет до появления человека. Следовательно, этого не может быть, потому что не может быть никогда. Соответственно, камни Ики – современная подделка.

Точное количество камней в собрании доктора Кабреры неизвестно. Он никогда их не пересчитывал и, к сожалению, не проводил их каталогизацию. Впрочем, это достаточно затруднительная процедура для одного человека. Сам Хавьер Кабрера определял число камней в своей коллекции примерно в 11000 экземпляров. Кроме того, он утверждал, что у других коллекционеров в Перу хранится еще примерно 10000. Дочь доктора Кабреры Евгения писала, что ей известно примерно еще о 4000 камней, хранящихся в частных коллекциях в Перу. Таким образом, говоря о гравированных камнях Ики, по самым скромным подсчетам, можно оперировать приблизительной цифрой в 15000 экземпляров. А камни с изображениями динозавров составляют приблизительно около четверти всей коллекции!

В самом конце 60-х гг. Хавьер Кабрера перевез свое собрание, которое насчитывало уже около 6000 камней, из дома культуры города Ика в свой особняк и оборудовал несколько комнат под хранилище. Сейчас его коллекция занимает четыре комнаты, одна из которых на протяжении тридцати лет служила доктору Кабрере одновременно и рабочим кабинетом. Большую часть камней он разместил на стеллажах вдоль стен, а крупные камни были расположены на полу. Кабрера осуществил первичную сортировку своей коллекции, разложив на стеллажах камни по сюжетам. Так, на одних полках разместились камни с изображениями вымерших животных, на других – со сценами жизни древнего общества, на третьих – с отдельными символами и т. д. Некоторые полки с маленькими камнями сегодня забраны металлической сеткой. Но сказать, что в музее предприняты какие-либо серьезные меры охраны, нельзя. Двери просто закрываются на обычный замок. Войдя внутрь, сразу же попадаешь в комнату, буквально заваленную

гравированными камнями. Крупные камни лежат без определенной системы, иногда один на другом. Стеллажи украшены прекрасными образцами деревянной скульптуры, также найденными в древних захоронениях. Это высокие резные столбы с многоуровневыми изображениями и небольшие антропоморфные скульптуры. Образцы такой деревянной скульптуры широко представлены в местных музеях и относятся к известным индейским культурам центрального побережья Перу.

Гравированные камни Ики значительно варьируются по размеру и по цвету. Самые маленькие камни имеют вес в 300–500 граммов, а единичные экземпляры достигают веса около 300 кг и имеют в длину до 1,5 м. Следует подчеркнуть, что примерно процентов пятьдесят всей коллекции доктора Кабреры представлены небольшими камнями 10–20 см в диаметре, на которых имеется одиночное изображение. Можно сказать, что это своего рода «листочки» с рисунками. Один камень – один персонаж или предмет. Причем изображалось буквально все что угодно. Человек или его голова, отдельное животное, птица, рыба, насекомое или растение. На камне может быть изображен отдельно топор, нож или керамический сосуд. Существует целый ряд камней с одиночными изображениями различных символов.

Все камни по форме представляют собой обкатанные горными реками валуны, минералогически определяемые как андезитовые (андезит – вулканический гранит, происходящий из горной системы Анд). Они различаются по цвету. Есть серые разных оттенков, а также коричневые, бежевые и розоватые камни. Но большинство имеет поверхность черного цвета (точнее, цвета мокрого асфальта). Тогда как сами изображения внутри контура имеют серый цвет, т. е. сами изображения чуть светлее фона. Геологи из московского государственного Дарвиновского музея классифицировали черные камни как андезито-базальт, а светло-бежевые и коричневые как собственно андезит. Это родственные виды магматических пород.

Преобладающая техника изображений на камнях Ики – гравировка. Линии рисунка имеют среднюю глубину до 1 мм, ширину – 1,5–2 мм. Но качество техники гравировки значительно отличается на различных образцах. Есть изображения, выполненные чрезвычайно грубо, линии гравировки могут быть

неровными, выходить за общий контур. Но на других камнях изображения выполнены настолько тщательно, что искусство древних камнерезов вызывает настоящее восхищение. В любом случае, столь сильные различия в качестве гравировки еще раз свидетельствуют, что изображения принадлежат совершенно разным художникам, а не изготавливались «на потоке» парочкой перуанских крестьян.

Доктор Хавьер Кабрера был не первым, кого заинтересовали камни со странными гравированными рисунками. До него известными крупными собирателями камней в городе Ика были братья Карлос и Пабло Сольди. В середине 50-х гг. прошлого века они приобрели обширную территорию в районе долины Окукахе под виноградные плантации, поскольку занимались виноделием. На приобретенных землях оказалось огромное количество древних могильников. Поэтому начиная с 1955 г. рабочие, обслуживающие эти поля, каждый год приносили хозяевам виноградников извлеченные при вспашке земли различные древние артефакты из вскрытых погребений. Братья Сольди имели крупную домашнюю коллекцию перуанских древностей, среди которых были и гравированные камни. Они были первыми, кто осознал огромную научную ценность этих древних камней. Поэтому братья Сольди начали активно скупать их у грабителей могил, которых в Перу называют «уакерос». Гравированным камням уакерос не придавали особенного значения. Ведь это были просто камни с рисунками, а не ювелирные изделия из золота, не полихромная керамика и не расписные ткани, которыми изобилует буквально напичканная древностями земля Ики.

Братья Сольди пытались привлечь к феномену гравированных камней внимание профессиональных археологов, но безуспешно. Они также хотели, чтобы камни экспонировались в музеях Перу. В 1967 г. после смерти Карлоса Сольди его брат Пабло безвозмездно передал в Региональный музей Ики часть своего собрания гравированных камней в количестве 114 штук. Некоторые из них даже попали в экспозицию музея, но ненадолго. Доктор Кабрера тоже знал о коллекции братьев Сольди, но только после того, как сам увлекся гравированными камнями, в 1967 г. познакомился с ней вплотную.

Узнав о проявившемся у Кабреры интересе к гравированным камням, братья Сольди предложили ему купить часть коллекции, поскольку в их доме уже не осталось места для хранения, и приходилось складывать камни под открытым небом. Доктор Кабрера согласился и выкупил у Сольди 341 камень за сумму в 7000 старых солей (в то время это соответствовало примерно 45 долларам США). Деньги действительно были небольшие даже для провинциального перуанского города. Именно эта первая партия камней стала основой будущей коллекции доктора Кабреры. Дело в том, что в ней было несколько образцов, изображающих сложные хирургические операции. И Хавьер Кабрера, будучи профессиональным хирургом, не мог не обратить на них пристального внимания. Именно с этого времени он начал сам активно собирать информацию о гравированных камнях и коллекционировать их.

Здесь следует отметить, что грабительские раскопки являются распространенным промыслом среди населения центрального побережья Перу, обеспечивая достаточно стабильный доход значительному числу семей. Это и не удивительно. Перуанское законодательство, естественно, предусматривает уголовное наказание за подобный вид деятельности. Но спрос на черном рынке на древности этого региона чрезвычайно высок. Основной поток древних изделий уходит в США. Количество древних погребений в этом регионе исчисляется десятками тысяч. Вряд ли более 1–2% из них раскапывается профессиональными археологами. На фоне такого изобилия антикварных изделий камни с гравированными рисунками просто теряются. Сами уакерос сбывали их коллекционерам за сущие гроши. А с представителями официальной науки перуанские «черные археологи» контактировать, естественно, не особенно стремятся.

Уакерос практикуют два основных способа добычи древностей. Первый – непосредственно раскопки погребений на известных могильниках в пустыне или поиск новых некрополей. Второй – поиск артефактов по руслам местных небольших речушек, которые после весенних разливов каждый сезон размывают берега, и в тех местах, где русла рек близко подходят к древним могильникам, каждый год можно найти вещи из размывших погребений, что значительно проще, чем лазить

две-три недели по пустыне. Есть еще третий способ, который также практикуется – скупка находок у местных крестьян, которые часто находят древние вещи на своих полях.

Хотя известен такой факт. Путешественник и исследователь Герман Базе опубликовал в 1965 г. книгу «Знакомство с Перу», в которой дал описание гравированных камней со странными изображениями и заявил, что в 1961 г. разлив реки Ики в районе Окукахе вымыл огромное количество таких камней, большая часть которых попала в коллекцию братьев Сольди. Базе также писал, что уакерос готовы были показать места находок профессиональным археологам, чтобы доказать подлинность их происхождения, но последние просто отказались от такой возможности.

В 2001 г. перуанский крестьянин наткнулся на нетронутое погребение, когда копал свое поле на самой границе плато Наска (в 25 км к югу от одноименного города). Приглашенные на захоронение местные археологи датировали данный комплекс V–VI вв. н. э., отнеся его к культуре наска. Принципиальное значение имеет тот факт, что данный камень был найден *in situ*, т. е. в не потревоженном погребении. В экспозиции музея Антонины (г. Наска) также выставлен крупный камень (весом около 100 кг) с гравированными изображениями. На этом камне есть изображения ламы, птицы, пумы, но нет реликтовых животных. Очевидно, поэтому камень и выставлен в музее.

Если бы доктор Кабрера убрал из своего собрания примерно половину – камни с изображениями динозавров, реликтовых млекопитающих и других «скандальных» сюжетов, противоречащих нынешним представлениям о древней истории американского континента, – ситуация вокруг его коллекции сложилась бы совершенно иная. Ее бы тут же превратили в научную сенсацию. Еще бы, новый вид изобразительного искусства – гравированные камни, раскрывающие многогранную жизнь древнего индейского населения Перу. На этом материале были бы защищены десятки диссертаций, опубликованы многочисленные статьи и монографии. Коллекцию наверняка соотнесли бы с одной из известных археологических культур этого региона – наска или ика, датировали бы ее серединой – 2-й половиной I-го тыс. н. э.

Действительно, несколько тысяч камней в коллекции Кабреры представляют сцены из жизни какой-то древней культуры с комплексным производящим хозяйством, развитой религиозной системой, монументальным строительством. На многих камнях представлены сюжеты охоты, рыболовства, земледельческих работ и сцены с домашними животными. По имеющимся в распоряжении археологов данным, все это вполне соответствует уровню развития известных ныне перуанских культур 1,5–2 тыс. назад.

Сказать что-либо определенное об антропологическом типе людей, изображенных на камнях Ики, не представляется возможным. Все-таки подавляющее большинство рисунков отличается схематичностью и простотой. Но при этом можно с уверенностью говорить о существовании определенного изобразительного канона. Основные характерные черты этого канона следующие. В подавляющем большинстве случаев человеческое тело изображалось в профиль. Изображения анфас очень немногочисленны. Пропорции тела явно искажены, т. к. голова занимает от $1/3$ до $1/4$ всего туловища. Отличительной чертой является огромный, сильно выступающий горбатый нос. На многих рисунках подчеркнут выдающийся массивный подбородок. Изображения глаз весьма условны, они имеют слегка вытянутую миндалевидную форму. Изображения ушей почему-то отсутствуют даже в том случае, когда соответствующая часть головы не закрыта головным убором.

Люди на камнях Ики в большинстве случаев изображены полуобнаженными. Из предметов одежды, как правило, присутствуют только головной убор из перьев и «набедренная повязка». О том, что это набедренная повязка, можно лишь предполагать, поскольку изображается она весьма условно, скорее, как трусы, и заштриховывается параллельными линиями или прямоугольной сеткой. Только на некоторых камнях есть отдельные изображения мужчин в орнаментированных туниках. За редким исключением, человек на них изображен анфас и является единственным персонажем на камне. Такой тип рисунка можно условно обозначить как «парадный портрет вождя». Все атрибуты персонажа на таких «портретах» – оружие, одежда – совершенно типичны для известных нам индейских культур Перу.

Иконографический комплекс камней Ики отличается конкретикой изображаемых сюжетов и высокой динамичностью сцен. Вряд ли какое-либо из известных древних обществ обходилось без вооруженных конфликтов и войн. Не является исключением и цивилизация, оставившая после себя камни Ики. Следует, однако, заметить, что военная тематика представлена в собрании доктора Кабреры не очень широко, например, тема человека и динозавра отражена здесь гораздо обширнее.

Что касается набора оружия, использовавшегося представителями этой неизвестной цивилизации, то он был достаточно ограничен и традиционен для большинства древних обществ. В военных действиях они использовали копье или дротик, топор, палицу, нож. Примечательно, что топор в комплексе рисунков на камнях Ики рисовался наиболее подробно. Практически всегда можно увидеть ремни, которым сам топор крепится к топорщику, в редких случаях даже изображался рисунок на поверхности топора. Палицы, приведенные на рисунках, имеют традиционную для древних андских культур форму – они сделаны в виде звезды. Такие навершия палиц, выполненные из камня и бронзы, во множестве найдены в захоронениях инков и предшествующих им археологических культур. А вот лук со стрелами является большой редкостью в иконографическом комплексе камней Ики. На отдельных изображениях приведено его использование в качестве охотничьего оружия.

В музее Кабреры есть один весьма примечательный камень, изображение на котором заслуживает особого внимания. На камне выгравирована четырехступенчатая пирамида, по обе стороны которой сидят на коленях два человека, по-видимому, жрецы. Руки их молитвенно сложены перед грудью. Тонкие линии, исходящие из их ртов, очевидно, символизируют процесс произнесения молитвы или пения гимна. Лица молящихся обращены к солнцу. Необходимо обратить внимание на то, что солнце соединено «стволом» с вершиной пирамиды, что явно указывает как на наличие солнечного культа в этом древнем обществе, так и на то, что пирамиды были связаны с этим культом. Еще более примечательно, что из вершины пирамиды исходят вверх две стрелы. Можно смело предположить, что

стрелы символически обозначают энергетическое предназначение данного сооружения (фото 1).

Фото 1. Уникальный камень с изображением ступенчатой пирамиды и молящихся жрецов (фото автора).

Примерно на трети камней в собрании Хавьера Кабреры изображены динозавры, реликтовые млекопитающие и другие представители вымершей фауны. Камней с динозаврами в коллекции насчитывается несколько тысяч! Что и послужило основным поводом для того, чтобы объявить камни Ики современными подделками. И это понятно, поскольку считается общепризнанным, что динозавры населяли нашу планету на протяжении всей эпохи мезозоя, т. е. примерно 245–65 млн лет назад. Средний период этой эпохи – юрский (примерно 205–145 млн лет назад) – считается временем максимального расцвета динозавров.

Сюжеты с динозаврами можно разделить на два типа: на одних камнях выгравированы только древние рептилии, на других они взаимодействуют с человеком или с другими

животными. Камни с изображениями второго типа более многочисленны.

Следует отметить, что количество видов динозавров на камнях коллекции Кабреры не очень велико. В общем комплексе изображений можно выявить два-три десятка различных видов древних ящеров. Но в большинстве случаев уровень детализации не позволяет точно определить конкретный вид. В редких случаях изображение отдельных, хорошо известных по палеонтологическим данным черт позволяет точно идентифицировать вид древнего ящера. Так, без всякого сомнения, легко отождествляются представители семейства цератопсов, которых палеонтологи относят к поздним динозаврам, существовавшим в позднемеловой период, датируемый 80–65 млн лет назад. Таких камней в коллекции несколько. На некоторых из них изображен трицератопс (фото 2), легко узнаваемый по своим характерным признакам: низкому шейному щиту, клювовидному рту и трем рогам, два из которых расположены над бровями и третий – на носу.

Фото 2. Камень с изображением трицератопса (фото автора).

Другой узнаваемый вид цератопса – стиракозавр или «шипастый ящер» (фото 3) с длинными рогами на шейном щите. Согласно современным реконструкциям, стиракозавр имел один большой рог на носу, но не имел рогов над бровями. Тогда как на данном камне хорошо видно, что верхние рога животного являются надбровными, а не растут из шейного воротника. Но, с другой стороны, гравированный камень – не фотография. И древний художник мог так изобразить верхние самые длинные рога на воротнике животного.

Фото 3. Камень с изображением стиракозавра (фото автора).

Еще один хорошо узнаваемый на камнях Ики вид – стегозавр. Его невозможно спутать с другими видами из-за ряда спинных пластин, нескольких длинных хвостовых шипов и маленькой головы. Этот ящер принадлежит к семейству стегозаврид и хорошо изучен палеонтологами, начиная с XIX в. Существование его относят ко времени 200–150 млн лет назад, т. е. ко второй половине юрского периода. Останки этого семейства известны по раскопкам в Северной Америке и Китае. Стегозавр являлся травоядным ящером, однако на нескольких камнях он изображен в сценах схватки с человеком. На одном

из камней выгравирован стегозавр, возможно, откусивший человеку голову (фото 4). Этот ящер, весивший примерно 2–3 т, мог достигать в высоту 3,5–4 м, т. е. превышать ростом современного африканского слона. Но вызывает удивление сам факт, что он изображен в схватке с человеком. Впрочем, подобные изображения типичны для камней Ики. Как будет показано ниже, сюжет с травоядным динозавром, легко откусывающим голову человеку (охотнику), очень распространен, что также свидетельствует, пусть и косвенно, в пользу подлинности изображений. Зачем предполагаемому фальсификатору изготавливать подделку с хорошо известным травоядным ящером, изображая из него опасного для человека хищника?

Фото 4. Сцена схватки человека со стегозавром (фото автора).

В коллекции доктора Кабреры есть несколько примечательных камней средней величины (30–40 см в диаметре), на которых изображено одновременно несколько видов древних ящеров. При этом сюжет отсутствует, разные виды динозавров просто изображены вместе. Так, на одном из камней можно легко узнать стегозавра, протоцератопса, между ними – еще

одного представителя семейства цератопсов с веерным шейным щитом. Здесь же изображены представители подотряда зауроподов и еще несколько динозавров, передвигавшихся на задних конечностях, которых трудно отнести к конкретному семейству. Интересно, что на данном камне наглядно показано, чем питались эти виды древних ящеров – растениями и рыбой. Здесь следует отметить следующий факт: на одном и том же камне изображены разные виды древних рептилий, которых, согласно современным представлениям палеонтологов, разделяли десятки миллионов лет. Что это? Наивная безграмотность «фальсификаторов», которые, изготавливая «подделки», не обратили внимания на то, что стегозавров и цератопсов (согласно книжкам, откуда, «фальсификаторы» должны были срисовывать картинки) разделяет чуть ли не сотня миллионов лет? Или этому все же есть другое объяснение? Например, что именно эти камни из собрания доктора Кабреры как раз и являются примером немногочисленных современных подделок. И хотя без лабораторных исследований установить это с точностью невозможно, для такого предположения есть целый ряд оснований. Во-первых, на большинстве камней Ики обычно не изображалось более двух разных видов динозавров. К тому же, если их несколько, они, как правило, включены в жанровую сцену, например, сцену охоты. На вышеописанном же камне присутствуют рисунки различных видов животных, относящихся к тому же к разным геологическим периодам. Во-вторых, изображения данных динозавров отличаются от общепринятых в иконографии камней Ики канонов: они гораздо более похожи на современные реконструкции древних ящеров.

Здесь следует отметить следующий момент. Доктор Кабра знал, что некоторые камни его коллекции являлись современными изделиями. И те же Базилио Учуйя и Ирма Гуттиерас никогда не скрывали, что изготавливали некоторое количество гравированных камней. Сегодня в таких городах как Наска, Ика можно за пару долларов купить сувениры в виде гравированных камней. Их действительно изготавливают современные перуанцы для продажи туристам. Но, во-первых, данный бизнес не слишком широко распространен и является скорее исключением. Во-вторых, на большинстве сувенирных камней изображаются только хорошо всем известные рисунки

пустыни Наска: паук, кондор, колибри и др. А современные камни в коллекции Кабреры значительно отличаются от камней оригинальных, древних как по иконографии изображений, так и по более грубой технике гравировки.

Собственно, описанными выше видами и ограничивается число четко идентифицируемых на камнях Ики изображений травоядных динозавров. Подавляющее же число рисунков древних рептилий можно с уверенностью соотнести лишь с определенным отрядом или подотрядом. Также можно с уверенностью сказать, что большинство динозавров, изображенных на камнях коллекции доктора Кабреры, относятся к двум основным подотрядам – зауроподов и тероподов. Оба подотряда относятся к отряду зауриший («ящеротазовые» динозавры) и являются, если можно так сказать, самыми популярными и известными представителями древних рептилий. Зауроподы – травоядные динозавры – были самыми крупными наземными животными на нашей планете, расцвет которых приходился на период поздней юры (165–145 млн лет назад). К ним относятся диплодок, апатозавр, брахиозавр и еще более десятка видов. Эти рептилии, достигавшие в высоту 12 м и имевшие вес до 25–30 т, были распространены на всех континентах. Их отличительными чертами являлись огромное слоноподобное туловище, маленькая голова на длинной змееобразной шее и такой же длинный мощный хвост. Доктор Кабрера, а вслед за ним и другие исследователи полагали, что на камнях Ики чаще всего изображался диплодок. Однако если судить по деталям изображений, наиболее типичного зауроподового ящера на камнях Ики скорее можно идентифицировать как апатозавра (старое название – бронтозавр). В отличие от диплодока он имел не такую длинную, но более толстую шею и гораздо более высокую, выгнутую спину.

Очень часто на камнях Ики изображались хищные динозавры – тероподы («звероногие») семейства тираннозавридов. Согласно современным палеонтологическим представлениям расцвет тираннозавридов приходится на меловой период (145–65 млн лет назад). Естественно, что современная наука не признает существование человека разумного в столь отдаленную эпоху. Тероподы являлись плотоядными динозаврами, передвигавшимися на мощных задних лапах, передние лапы были гораздо меньше. Наиболее известными из теропод явля-

ются: тираннозавр рекс, аллозавр, карнотавр, раптор. Эти огромные рептилии, достигавшие 5 м в высоту и веса до 5-6 т (тираннозавр), являлись самыми страшными наземными хищниками мезозойской эпохи (фото 5).

Фото 5. Камень с изображением схватки человека и тираннозаврида (фото автора).

Как уже указывалось, расцвет зауроподовых по времени не совпадает с расцветом тероподов (165–145 млн и 145–65 млн лет назад соответственно). Но на некоторых камнях Ики они изображены вместе, как правило, в сценах охоты. Однако мы оставим в стороне вопросы хронологии и обратимся к имеющимся в наличии фактам, т. е. к комплексу изображений на камнях Ики.

Как говорилось выше, точно идентифицировать конкретный вид большинства динозавров, изображенных на камнях коллекции доктора Кабреры, представляется затруднительным. Нам не ясны каноны иконографии данного комплекса. Изображения человека и динозавров на камнях соразмерны по масштабу. В сценах взаимодействия человека и динозавра люди изображены либо чуть меньше, чем древние ящеры, либо такого же размера. По этому поводу можно выдвинуть несколько предположений. Во-первых, такое соотношение могло диктоваться изобразительным канонам. Во многих древних культурах изображения человека равны или даже превышают по размеру изображенных вместе с ними крупных животных. Во-вторых, можно предположить, что представители этой древней цивилизации были иного роста, гораздо большего, чем современный человек. Такое предположение может быть достаточно обоснованным, поскольку предания о гигантах сохранились у большинства народов во всех частях света. С другой стороны, на камнях, где люди изображены вместе с млекопитающими – лошадьми или коровами, их взаимные пропорции вполне соответствуют современным. И, наконец, третье доступное в такой ситуации предположение. В эпоху, когда создавались камни Ики, некоторые виды динозавров продолжали свое существование после массового вымирания, но виды эти сильно измельчали.

Хотя четкие морфологические черты конкретных видов древних рептилий на камнях Ики в большинстве случаев отсутствуют, анализ всего комплекса позволяет сделать целый ряд интересных наблюдений и выводов. Правда, вопросов и загадок при этом возникает еще больше.

На многих изображениях туловище древнего ящера покрыто простым геометрическим орнаментом. Чаще всего это окружности или концентрические круги, параллельные ряды

коротких линий, реже – волнистые линии и парные окружности, соединенные несколькими линиями. Не вызывает сомнений, что это стилизованное изображение рисунков на шкуре динозавров. Современные исследователи не знают, каков был окрас шкур у древних ящеров, но редкие останки окаменевшей кожи, найденные за последние десятилетия, дают некоторое представление об ее строении. Так, в конце прошлого века в скальных образованиях Южной Аргентины были обнаружены окаменелые останки шкуры плотоядного ящера карнотавра, которые были датированы временем 100–95 млн лет назад. Сохранившиеся отпечатки шкуры карнотавра были достаточно большими. Крупные, толстые, конические чешуи были расположены рядами вдоль спины и с боков в верхней части тела ящера. Остальная часть тела была покрыта круглыми чешуйками величиной с монету. Интересно, что чешуйки не перекрывали друг друга, как у многих современных рептилий. Это вполне соответствует тому, что на камнях Ики окрас шкуры у динозавров показан путем изображения отдельных окружностей или концентрических кругов.

В Аргентине, в провинции Сальта, в 1970 г. были найдены хорошо сохранившиеся останки ящера подотряда зауроподов. По месту находки он получил наименование сальтазавр. Палеонтологи обнаружили и окаменелые останки его шкуры, покрытые подобием костного панциря, состоящего из множества мелких округлых щитков и овальных костяных пластин размером с ладонь взрослого человека. Ученые отнесли этого ящера ко времени позднего мела, т. е. 70–65 млн лет назад. В коллекции доктора Кабреры есть камни с изображением зауропода, которого можно было бы идентифицировать как сальтазавра (фото б). Все эти находки датируются временем, когда коллекция Кабреры уже существовала и даже была опубликована, что лишний раз свидетельствует в пользу ее подлинности. Художникам, создавшим литотеку Ики, был известен внешний вид древних рептилий.

Интересна также следующая деталь: у многих динозавров, изображенных на камнях Ики, верхняя часть спины («горб») выделена и заштрихована в косую линейку или клетку. В подавляющем большинстве случаев этот элемент окраса шкуры

встречается на изображениях растительноядных динозавров, и крайне редко – у плотоядных.

Фото 6. Камень с изображением зауроподового ящера, возможно, сальтазава (фото автора).

Особое внимание следует обратить на такую часть тела древнего ящера, как спинные пластины. Они хорошо известны палеонтологам как неотъемлемая часть строения стегозавров, выделенных в отдельное семейство. Но дело в том, что на камнях Ики количество изображений динозавров со спинными пластинами чрезвычайно велико. Как уже упоминалось выше, имеется несколько камней с рисунками типичных стегозавров. Однако остальные камни изображают древних ящеров со спинными пластинами, принадлежащих к другим семействам. И среди них больше всего зауроподов. Мы привыкли, что эти гигантские рептилии изображаются во всех книгах с гладкой спиной. А здесь – треугольные спинные пластины! В свое время противники доктора Кабреры использовали этот факт в качестве свидетельства в пользу фальшивого характера его коллекции.

Кстати, о «фальсификаторах». В одной из публикаций мы встретили насмешливую фразу, что фальсификаторы даже не удосужились толком ознакомиться с учебником по палеонтологии и из-за своей невнимательности изображали диплодоков со спинными пластинами. Не будем говорить о том, что зауроподовые являются наиболее известными представителями динозавров, и их облик хорошо знаком любому, кто когда-либо интересовался палеонтологией. Речь здесь идет о другом. Можно ли представить себе фальсификатора, изготовившего подделку, допустим, картины голландского живописца XVII в., и изобразившего всех персонажей на ней в современных деловых костюмах? Еще нелепее выглядит фальсификатор, штампующий такие картины десятками с целью продать их коллекционерам живописи.

Как бы то ни было, в начале 90-х гг. было сделано открытие, которое заставило по-новому взглянуть на этот вопрос. Швейцарская палеонтологическая экспедиция обнаружила в штате Вайоминг (США) останки взрослого детеныша диплодока вместе с окаменевшими и хорошо сохранившимися останками шкуры. Специально приглашенный из Юты специалист по шкурам динозавров Стивен Черкас изучил останки и пришел к однозначным и сенсационным выводам. В скальной породе отпечатались следы острых, конической формы, шипов, идущих от конца хвоста вверх по спине. Эти шипы увеличивались в размере по мере поднятия к спине. Самые крупные достигали высоты 20 см и по форме напоминали спинной плавник акулы. Именно такой треугольной формы спинные пластины изображены у зауроподов на камнях Ики! Что самое существенное, эти спинные шипы были бескостными, т. е. представляли собой мягкие кожистые образования. Вероятно, поэтому палеонтологи и не фиксировали их ранее в составе останков скелетов этих видов динозавров. Черкас уверен, что такие шипы и пластины должны были идти вдоль всей спины диплодоков и родственных им видов. Результаты этих исследований были опубликованы в американском журнале «Геология» (*Geology*, December, 1992, vol. 20, no. 12). Интересен и тот факт, что на камнях Ики у динозавров, имеющих треугольные спинные пластины, эти пластины заштрихованы косыми или вертикальными линиями. Может, древние художники использовали этот графический прием (вспомним косую штриховку

на спинах ящеров), чтобы показать, что это именно кожистые образования?

Кстати, в сериале BBC «Прогулки с динозаврами» (2000 г.) диплодоки показаны уже с длинными рядами спинных шипов (но не пластин). Но коллекция Кабреры почти на полвека старше.

Следует отметить, что на разных камнях различные виды зауроподовых динозавров имеют и разное количество спинных пластин. У одних они изображены только на спине, у других – на спине и хвосте, у третьих – покрывают весь хребет от головы до кончика хвоста (фото 7). О какой мистификации здесь может идти речь?

Фото 7. Крупный камень с изображением сцены охоты на зауроподового динозавра, покрытого спинными пластинами (фото автора).

Примечательно также, что в коллекции доктора Кабреры есть изображения и других видов динозавров, не принадлежащих к подотряду зауроподов, но имеющих спинные треугольные пластины. Так, на одном из камней выгравирован травоядный ящер, передвигавшийся, очевидно, на задних конечностях. По его внешнему виду можно предположить, что

это один из видов орнитомимидов («птицетазовые» динозавры), неизвестный современной науке (фото 8). Есть изображения и более странных и неизвестных видов древних ящеров со спинными пластинами. Чрезвычайно интересен камень, изображающий спаривающихся ящеров (фото 9). Это явно травоядные динозавры, передвигающиеся на четырех ногах. Характерно, что они имеют пару рогов на голове, и этот вид также не известен современной науке. Но что самое примечательное, что самец данного вида имеет спинные пластины, а самка – нет. На нескольких камнях коллекции имеются изображения этого вида древнего ящера, используемого человеком в качестве верхового животного, причем всадник, что естественно, использует самку, не имеющую спинных пластин.

Интересно, что в Вайоминге Стивен Черкас обнаружил также окаменелые отпечатки кожистой «бахромы» или «оборки», располагавшейся по спине диплодока. Но изображение такой спинной бахромы присутствует и на рисунках зауроподовых динозавров в коллекции доктора Кабреры.

Фото 8. Динозавр неизвестного вида со спинными пластинами (фото автора).

Фото 9. Спаривающиеся динозавры (фото автора).

За последние десятилетия палеонтологами были сделаны и другие не менее примечательные находки. В 1984 г. в Патагонии (Аргентина) был обнаружен практически полный скелет зауроподового ящера, известного как амаргазавр. Оказалось, что у этих динозавров на спине и шее были очень длинные (до 65 см) остистые отростки, причем располагались они в два ряда. Палеонтологи на основе изучения скелета предположили, что отростки могли быть покрыты кожей, образуя своего рода два паруса, или же могли образовывать шипастую гриву. И это не единственная находка скелета зауроподового ящера со спинными шипами.

Следует отметить еще один интересный факт. На многих камнях Ики динозавры изображены с хвостами, вытянутыми параллельно земле или даже загнутыми вверх. В большинстве музеев скелеты динозавров расположены с хвостами, лежащими на земле. Только в последние десятилетия, после исследования окаменевших цепочек следов динозавров, палеонтологи пришли к выводу, что динозавры не волочили свои хвосты по земле, а использовали их в качестве балансира, держа вытянутыми над поверхностью.

В одной из частных коллекции в Перу один из авторов этой книги (А. Жуков) сфотографировал камень с интереснейшим изображением динозавра подотряда зауроподовых. Уникальность его обусловлена тем, что на голове ящера изображены два рога (фото 10). Но палеонтологии сегодня не известен такой вид рогатых зауроподов. Можно предположить, что такие рога у некоторых видов ящеров представляли собой (как и спинные пластины) кожистые образования, поэтому не сохранились в качестве окаменелых останков. Не менее интересно и то, что на этом камне у древнего ящера изображен половой орган и, судя по деталям рисунка, выглядит он как половой орган млекопитающего. Что имел в виду древний художник и какой закладывал в это изображение смысл, остается загадкой. Кстати, изображения рогатых зауроподовых динозавров также есть и в коллекции доктора Кабреры.

Фото 10. Камень с изображением рогатого динозавра неизвестного вида из частной коллекции (Наска, Перу, фото автора).

Многие перечисленные выше факты, касающиеся внешнего вида динозавров, были открыты палеонтологами лишь в последние десятилетия. Уместно ли предполагать, что «фальсификаторы» камней Ики обладали провидческим даром (или настолько выраженной фантазией), что могли предвидеть будущие научные открытия и использовать их в своих рисунках? Проще и логичнее объяснить такое знакомство с анатомическими подробностями тем, что художники, создававшие эти изображения, видели динозавров живьем.

Сцены охоты человека на динозавров и схваток человека с ящером, как уже указывалось, являются совершенно типичными мотивами для комплекса камней Ики. Их сюжеты не отличаются особым разнообразием. Собственно говоря, можно выделить два основных мотива: охота на травоядных динозавров и охота на плотоядных. Причем первый мотив является более распространенным в собрании Кабреры. Для охоты на древних рептилий люди использовали самые простые виды оружия: ножи, топоры, копья. Редкий случай, когда на камне изображен мужчина, готовящийся ударить динозавра боевой палицей. Интересно, что этот вид оружия, определяемый как звездчатая булава, хорошо известен в инкской и до-инкских индейских культурах Андского региона. В то же время, самые популярные виды оружия для охоты для ящеров – нож и топор. При этом наиболее распространенным способом умерщвления древней рептилии на рисунках комплекса Ики является отсечение головы. Данный сюжет может вызвать закономерное удивление: с какой легкостью древние охотники отделяли голову динозавра при помощи ножа. Хотя детали изображений разных видов оружия не дают повода сомневаться, что они были сделаны из металла, однако отрубить голову апатозавру или другому хищному тероподу ножом представляется достаточно проблематичной задачей. Но здесь мы опять-таки возвращаемся к проблеме незнания и непонимания логики и закономерностей древнего иконографического канона камней Ики. Можно ведь предположить, что древние художники использовали прием поэтапного изображения. Т. е. в данном случае, к примеру, речь идет не об отрубании головы ящера во время охоты, а об отделении головы от туловища уже после умерщвления животного. Кроме того, никого из нас не удивля-

ет тот факт, что древние охотники на мамонтов без особых проблем убивали этих толстокожих гигантов при помощи каменных копий и стрел и так же легко расчленили их туши и кости с помощью каменных ножей, рубил и топоров.

Во многих сценах охоты на крупных зауроподов типичны изображения охотников, наносящих удар в нос, затылок или крестцовую область ящера. Доктор Кабрера полагал, что таким образом древние художники изображали метод парализации животного путем воздействия на его нервные узлы. Однако это всего лишь одно из возможных объяснений.

Сцены охоты людей на хищных динозавров не отличаются по особенностям композиции от описанных выше. Обычно на камне также изображена пара охотников, нападающих на хищного ящера, чаще всего принадлежащего, судя по внешнему виду, к семейству тираннозавридов. Оружие используется то же самое: ножи, топоры, копья. И приемы умерщвления рептилии аналогичны тем, что изображены в сценах охоты на травоядных ящеров – отсечение головы (фото 11).

Фото 11. Сцены охоты на хищного ящера (фото автора).

Можно лишний раз отметить следующий факт: древние художники, несмотря на довольно обобщенные принципы изображения динозавров, соблюдали правильное отображение деталей их строения. Так, зауроподовые ящеры и стегозавры изображались пятипалыми, что соответствует современным палеонтологическим сведениям об этих видах рептилий. Плотоядные ящеры, передвигавшиеся на задних конечностях, изображались с тремя заостренными пальцами на задних ногах и противостоящим им пяточным шипом и с пятью на передних лапах.

Сцены охоты на камнях Ики исполнены драматизма. В большинстве случаев, будь то охота на хищного ящера или травоядного, изображены гибнущие охотники. Динозавр, как правило, откусывает одному из нападающих голову. Можно предположить, что это своего рода канон для охотничьих сцен.

В собрании доктора Кабреры большинство камней со сценами охоты имеют средние размеры 20–30 см в диаметре. На них присутствует всего несколько персонажей – охотники и животное, иногда есть дополнительные фигуры животных, рептилий, птиц. В то же время в музее имеется несколько высокохудожественных камней, которые можно смело назвать валунами. Их размер варьируется от 50 до 70 см в диаметре, а пара таких камней имеет размер до 1 м. Поверхность их покрыта гравировкой со всех сторон, а не только с одной, как на небольших камнях. Исполнение рисунков также отличается гораздо более тщательной проработкой деталей и более высоким художественным уровнем. Они отличаются сложной композицией, более свойственной скорее изображениям на текстильных изделиях. Эти камни составляют, по сути, отдельную серию. На них изображена одна и та же сцена – охота на зауроподовых ящеров. Рисунки на всех камнях этой серии повторяют друг друга во многих деталях. Так, все ящеры-зауроподы изображены со спинными треугольными пластинами. Охотники имеют сложные головные уборы из перьев, детали которых тщательно проработаны. Люди используют только металлические топоры на деревянной ручке, при помощи которых пытаются поразить ящера в голову. В сцене обязательно присутствуют детеныши рептилий, изображенные по единому стандарту. Они показаны

сверху и как бы распластаны. Примечательно, что в большинстве случаев морды детенышей изображены анфас, а не в профиль (что в целом является редкостью для иконографии камней Ики), и им явно приданы антропоморфные черты. Однако головы некоторых детенышей изображены в профиль, и в них можно узнать тех самых зауроподовых ящеров, на которых и происходит охота (фото 12). Как правило, на этих камнях присутствует изображение солнца, которому также приданы антропоморфные черты. Все это позволяет предположить, что на камнях данной серии отражена важная сторона жизни древнего общества, связанная с взаимоотношениями людей и динозавров.

Фото 12. Крупный камень с изображением охоты на травоядного динозавра (фото автора).

В целом сцены охоты на древних рептилий не так просты, как может показаться на первый взгляд. На многих камнях помимо охотников и ящеров присутствуют изображения змей и птиц. Причем птицы, как правило, показаны клюющими динозавра и, возможно, охотника. Это позволяет предположить, что и птица, и змея в иконографическом каноне камней

Ики имели символическое значение, связанное с темой охоты на динозавра.

Здесь хотелось бы обратить внимание на очередную загадку литотеки Ики, связанную с древними ящерами. На одном из камней (фото 13) показана типичная сцена охоты: два человека убивают зауропода, один уже успел отрезать рептилии голову. Сцена стандартная, если бы не одна загадочная деталь.

Фото 13. Камень с необычной композицией. Охотники убивают самку млекопитающего зауропода. Хорошо видны детеныши динозавра, сосущие вымя (фото автора).

Под брюхом ящера изображены два детеныша, которые сосут материнское вымя! Но такой сюжет полностью противоречит всем представлениям о динозаврах, ведь рептилии не могут быть млекопитающими! Что это может означать? Как убеждает весь комплекс изображений на камнях Ики, древние художники, оставившие эти рисунки, работали в реалистичной манере. Рассмотренные выше изображения динозавров наглядно показывают нам, что представители древней цивилизации, оставившие после себя камни Ики, были прекрасно знакомы с разнообразными видами древних рептилий. Как будет показано ниже, они прекрасно знали, что динозавры являются яйцекладущими животными, а не живородящими. Тогда чем же можно объяснить данное изображение? Более того, такое изображение не является единичным. На другом камне довольно крупного размера также выгравирована сцена охоты на динозавров. Композиция на нем интересная и комплексная (фото 14): один из охотников сидит на спине зауропода, его голову венчает сложный головной убор, что говорит о его высоком социальном статусе. В пользу этого свидетельствует и то, что данный персонаж изображен гораздо более крупно, чем второй, который, вероятно, является простым охотником. И динозавр успел схватить его своими зубами, которые, кстати, больше подошли бы плотоядному ящеру. Охотники уже умертвили детеныша динозавра традиционным способом – отрезав ему ножом голову. Сзади на первого охотника нападает хищный теропод, что также является типичным мотивом. Но дело в том, что у самки зауропода под брюхом изображена такая же пара молочных желез, как и на предыдущем камне. Более того, под хвостом самки изображен маленький детеныш, который, без сомнения, показан в процессе появления на свет. В пользу этого говорит и сам характер рисунка: тело детеныша не отделено графически от тела самки. Они составляют единый контур, т. е. наглядно показано, что детеныш еще не до конца вышел из лона матери.

И еще один не менее интересный камень со сценой охоты (фото 15). Охотник отрубил топором голову самке зауропода и достает из ее чрева полностью сформировавшегося, но еще не рожденного детеныша. Интересно, что сзади на охотника нападает хищный ящер, вероятно, очень крупный, т. к. на рисунке показано, что он успел проглотить второго человека.

Характерно, что под брюхом самки также изображены парные молочные железы.

Фото 14. Сложная композиция со сценой охоты на самку млекопитающего динозавра (фото автора).

Фото 15. Сцена с изображением охоты на живородящего динозавра (фото автора).

Таким образом, на всех трех камнях присутствует один и тот же вид животного. Как это можно интерпретировать? Просто фантазия древних художников? Вряд ли такое объяснение уместно. Можно ли предположить, что за миллионы лет своего существования некоторые виды динозавров эволюционировали в млекопитающих? Или, быть может, это свидетельство геновой инженерии, которая была высокоразвита в этой древней цивилизации? В пользу такого предположения могут свидетельствовать детали приведенных здесь изображений. Люди убивают самку, чтобы заполучить для каких-то своих целей новорожденного детеныша. При этом они вынуждены охранять своих подопытных животных от постоянных нападений хищных ящеров. В пользу такого предположения свидетельствует и сцена, изображенная на первом камне этой серии, описанном выше. Второй охотник, расположенный на хвосте самки зауропода, держит в руках детеныша динозавра. Впрочем, это только предположения, и данная проблема по-прежнему остается загадкой. Хотя подобная интерпретация и не представляется совсем уж дикой.

Как утверждают сами палеонтологи, вес взрослого апатозавра должен был быть в две-три тысячи раз больше, чем вес вылупившегося даже из самого большого яйца детеныша. Многие ученые полагают, что такие темпы роста просто невозможны для крупных животных. Кроме того, анализ окаменелых останков свидетельствует, что кости конечностей маленького апатозавра были всего лишь вчетверо меньше соответствующих костей взрослой особи. Вряд ли можно представить себе яйцо динозавра, которое было бы всего лишь в 5 или даже хотя бы в 10 раз меньше размеров тела матери. Кроме того, по многочисленным окаменелым останкам достоверно установлено, что ближайшие родственники динозавров – ихтиозавры (рыбоящеры) были живородящими. Уже в 80-е гг. прошлого века некоторые ученые высказывали мысли о том, что отдельные виды динозавров могли быть не только теплокровными, но и живородящими. Так, американский зоолог Роберт Бейкер полагал, что одним из первых млекопитающих на Земле были апатозавры – гигантские зауроподовые ящеры, близкие «родственники» диплодоков. Бейкер подсчитал, что детеныш апатозавра при рождении должен был весить порядка 160 кг и не мог при такой массе быть рожденным из яйца.

Но камни Ики с такими изображениями появились раньше. Более того, в животном царстве известна целая группа так называемых однопроходных или яйцекладущих млекопитающих. Шесть видов – протоехидны (3 вида) ехидна (2 вида) и утконос – дожили до наших дней. Поэтому существование млекопитающих, откладывающих яйца, никого не удивляет. Считается, что это переходные виды, сохранившие одну из важнейших черт рептилий. Согласно палеонтологическим данным, первые однопроходные появились еще в середине мелового периода около 100 млн лет назад, т. е. в эпоху динозавров.

Мало кто знает, что помимо яйцекладущих млекопитающих сегодня существуют и живородящие рептилии. Число этих видов тоже не очень значительно. Кроме того, большинство живородящих рептилий, строго говоря, не являются по-настоящему живородящими. Развитие эмбриона происходит у них внутри вполне нормальных яиц, которые просто задерживаются в яйцеводах самки на весь срок своего развития. Такое живорождение – без образования плаценты – биологи называют яйцеживорождением. Яйцеживородящими являются многие ящерицы и змеи. Но лишь у нескольких видов рептилий встречается так называемое истинное живорождение, действительно похожее на живорождение млекопитающих. У этих видов даже образуется некое подобие плаценты – кожистая оболочка яйца рассасывается, и между кровеносными сосудами стенки яйцевода матери и сосудами ящерицы или змееныша устанавливается тесная связь. Один из самых банальных примеров такого существа – обыкновенная гадюка. Благодаря такому способу вынашивания детенышей она смогла распространиться далеко на север, в холодные районы, где рептилиям в целом приходится нелегко. Другой пример приспособления рептилий к более холодным условиям обитания – колючие, или заборные игуаны (род *Scellorogus*), обитающие в Южной Америке. Те виды, которые живут на равнине, откладывают яйца, а близкие им высокогорные виды – живородящие. Более того, есть виды этих игуан, у которых равнинные популяции яйцекладущие, а в горных популяциях – живородящие.

Учеными достаточно хорошо изучен один интересный вид – живородящая ящерица (лат. *Zootoca vivipara*). Он распространен очень широко: от Британских островов и Скандинавии, через всю Евразию и до Сахалина. Особенностью этого вида является живорождение, что нехарактерно для семейства настоящих ящериц. Но самое удивительное не это. На юго-западной границе ареала обитания (Испания, Кантабрийские горы) ящерицы этого вида откладывают яйца! Вот такая дивергенция в рамках даже одного вида пресмыкающихся. Так почему не допустить возможность такого явления для древних ящеров? И почему на фоне этих примеров должно казаться неприемлемым предположение о существовании отдельных видов живородящих и млекопитающих динозавров?

Взаимодействие представителей древней цивилизации, оставившей камни Ики, с динозаврами не было ограничено только охотой на последних. Целый ряд камней из собрания Кабреры наглядно демонстрирует, что человек использовал некоторые виды древних рептилий в качестве домашних животных. Чуть ранее было высказано предположение, что древние охотились на некоторые виды зауроподовых динозавров для того, чтобы получить их детенышей и использовать их в научных целях. Но также можно предположить и другое: детенышей забирали у матери, убивая ее, для того чтобы превратить рептилию в домашнее животное, дрессируя ее с раннего возраста. В собрании Кабреры есть несколько камней, рисунки на которых можно с уверенностью интерпретировать как сцены ухаживания за молодыми ящерами. Так, на одном из камней выгравирован человек и два небольших, явно молодых, ящера, каждый из которых держит в пасти лист растения (фото 16). Интересно, что изо рта человека выходит полоса (трубка?), соединенная с головой одного из детенышей. Смысл этого элемента понять сложно. В другой руке человек держит рыбу, которая явно предназначена в пищу ящерам. В пользу этого явно свидетельствует рисунок на другом камне, где человек кормит рыбой детеныша зауропода.

Фото 16. Человек с двумя молодыми динозаврами (фото автора).

Об использовании динозавров в качестве домашних животных можно судить по ряду камней, хранящихся в музее Кабреры. Их немного, но на всех изображены различные виды древних рептилий, которых люди эксплуатируют в качестве верховых животных. На одном из камней наездник сидит верхом на рогатом ящере неизвестного вида, на другом – три человека оседлали зауроподового ящера, шея которого имеет треугольные пластины (фото 17). Динозавр показан в лежачем состоянии с подогнутыми ногами. На подобных камнях на спинах ящеров обязательно изображены попоны. В коллекции доктора Кабреры подобных камней немного; тем не менее, они наглядно демонстрируют тот факт, что представители данного древнего общества использовали травоядных динозавров в качестве верховых животных.

Фото 17. Группа наездников на динозавре, тело которого покрыто попоной (фото автора)

Таким образом, в комплексе рисунков на камнях Ики изображена, по сути дела, настоящая «динотопия». Несколько тысяч камней в собрании доктора Кабреры, представляющие различные аспекты взаимодействия человека с «вымершими»

миллионы лет назад динозаврами, не позволяют отмахнуться от этой проблемы, списав все на фальсификацию или недостоверность данных.

Кроме того, существует целый ряд палеонтологических фактов, свидетельствующих, что в определенный период истории люди и динозавры жили бок о бок. В своей книге доктор Кабрера пишет, что в апреле 1971 г. колумбийский антрополог Омеро Энао Марин, профессор университета Киндио, проводил раскопки в местечке Эль-Бокерон (Колумбия, штат Толима) и обнаружил скелет игуанодона длиной 20 м (датируемый примерно 180–60 млн лет назад), а рядом – человеческий скелет. Череп человека длиной 25 см превратился уже в серый известняк. Такие факты не попадают в научные публикации, поскольку полностью противоречат существующей теории эволюции. Но от этого они не перестают быть фактами. Наоборот, они появляются с завидной постоянностью, правда, информация о них проходит через популярную, а не научную прессу и быстро предается забвению. Так, одна из российских газет, посвященных аномальным явлениям, опубликовала в 2001 г. маленькую заметку о сенсационной находке английских палеонтологов. В 2000 г. близ Девоншира (Англия) они обнаружили хорошо сохранившийся скелет тираннозавра. В том месте, где был расположен желудок ящера, находился небольшой скелет явно гуманоидного типа. Правда, его рост едва достигал 1 м. Три года спустя в штате Оклахома (США) были обнаружены останки гигантского зауропода, получившего за свой рост название зауропосейдон. В желудке древней рептилии также были найдены останки человекообразного существа ростом 1,2 м. Естественно, все эти находки не получили какого-либо резонанса в научных кругах.

Помимо динозавров, на камнях Ики встречаются изображения еще нескольких вымерших видов животных, которые, согласно современным представлениям, исчезли с лица Земли десятки или даже сотни миллионов лет назад. Одно из этих животных доктор Кабрера определил как агнату (фото 18) – древнюю бесчелюстную рыбу, существовавшую, по современным представлениям, в девонский период (410–360 млн лет назад), т. е. задолго до эры динозавров. Удивляет тот факт, что в собрании Кабреры имеется 205 камней, изображающих это

животное. Ни одно другое существо (кроме, конечно, человека) в музее не представлено таким количеством изображений!

Фото 18. Камень с изображением ракоскорпиона (фото автора).

Причем, разные камни изображают разные стадии развития данного животного, а в совокупности эта серия камней иллюстрирует последовательно, по стадиям, его репродуктивный цикл (фото 19). Правда, отождествление данного существа с древней бесчелюстной рыбой кажется нам весьма скоропалительным. Рисунки этого существа очень детализированы, в отличие от многих других изображений на камнях Ики. При ближайшем рассмотрении оказывается, что почти у всех взрослых особей очень четко прорисован рот, усеянный зубами. Кроме того, следует обратить внимание и на другую деталь строения, а именно – на пару членистых конечностей, исходящих из верхней части туловища и заканчивающихся клешнями. О какой рыбе здесь можно вести речь? Тем не менее, данное животное явно не относится к ныне живущим. И если пытаться найти аналогию этим изображениям среди известных ископаемых животных, то более всего данные изображения походят на представителей эвриптерид (их еще называют ракоскорпионами). Эти морские хищники, достигавшие, как например,

птериготус, 2 м в длину, существовали, согласно палеонтологическим данным, в палеозое 500–550 млн лет назад.

Фото 19. Серия камней с изображением ракоскорпиона в разных стадиях роста (фото автора).

Но не следует забывать, какое внимание уделено этому животному в комплексе изображений на камнях Ики. Более того, на паре камней это существо изображено вместе с человеком. На одном из них маленькое изображение человека помещено внутрь головы этого животного. На другом камне выгравирована сложная композиция (фото 20): взрослая особь этого животного хватая своей зубастой пастью ногу человека, который, в свою очередь, пытается поразить ножом голову динозавра. Причем, вид динозавра очень типичен – зауропод с покрытым треугольными пластинами туловищем. Он изображен в лежачем состоянии, а на спине выгравирован символ «голова динозавра». Очевидно, что данная сцена не является простой бытовой зарисовкой, а несет определенное символическое значение. И этот символизм связан, по-видимому, с описанным загадочным существом.

Фото 20. Изображение крупного ракоскорпиона вместе с человеком и зауроподовым динозавром (фото автора).

Другое животное, которое в коллекции Кабреры занимает значительное место, – гигантская хвостатая летучая мышь (фото 21), известная под названием мегахейроптера (Megacheiroptera).

Фото 21. Камень с изображением мегахейроптера – вымершей гигантской летучей мыши (фото автора).

Официально считается, что она жила в период раннего кайнозоя, примерно 60 млн лет назад. Схожие мыши сегодня обитают лишь в лесах Африки и Австралии. В Южной Америке такие виды сейчас не известны. В собрании Кабреры хранится 48 камней с изображением мегахейроптера, и в рамках этой серии камней, как и в предыдущем случае, показан процесс развития данного существа.

Как следует понимать повышенное внимание к этому виду животного? К вопросу о «фальсификаторах»: какой смысл предполагаемым мистификаторам вырезать на сотнях камней одно и то же малоизвестное существо, изображение которого можно найти далеко не во всякой специализированной книжке?

Но гравированные камни – это еще не все, что удалось собрать доктору Кабрере. Дело в том, что музей Ики, в котором выставлены гравированные камни, составляет лишь часть коллекции, часть самую большую и наиболее известную. Вторая же часть собрания, состоящая, прежде всего, из керамических изделий, а также деревянных предметов, расположена во внутренних комнатах особняка Кабреры. И эту часть удавалось увидеть очень немногим. По какой-то причине сам Кабрера хранил ее отдельно и, более того, практически скрывал ее существование.

Эрих фон Дэникен, швейцарский журналист и писатель, неоднократно посещавший доктора Кабреру, кратко описал эту часть коллекции в своей книге «Знаки, обращенные в вечность». Любопытно, что Кабрера показал ему свою «потайную кладовую» далеко не в первую встречу, а только после того, как между ними установились доверительные дружеские отношения. По словам фон Дэникена, эта часть собрания содержит около 2500 изделий из керамики и дерева. Общий набор сюжетов в целом повторяет изображенное на камнях Ики. Здесь имеются фигуры динозавров и вымерших млекопитающих, скульптурные композиции на медицинскую и астрономическую тематику и т. п. Самыми многочисленными являются изображения людей, среди которых много жанровых композиций.

Техника исполнения скульптур достаточно простая, фигурки сделаны из необожженной глины. Причем в коллекции керамики также можно достаточно уверенно отметить тот факт, что скульптуры сделаны разными художниками. Различаются как манера исполнения, так и уровень качества. Скульптуры,

как и камни, имеют различную величину: от небольших, в несколько сантиметров, фигурок до миниатюрных статуй высотой около 80 см. Техника изготовления скульптур также разная. Одни антропоморфные фигуры имеют вылепленные черты лица, другие же сделаны в иной манере: голова человека скульптурно не проработана, а черты лица и волосы (или головной убор) выполнены в технике гравировки по глине. Судя по портретным характеристикам человеческих фигурок, можно предположить, что в этой части собрания Кабреры изображены различные расовые типы человека.

Фото 22. Керамическая композиция, изображающая человека верхом на зауроподовом ящере (частная коллекция, Писко, фото автора).

Сюжеты аналогичны изображенным на камнях: человек либо охотится на динозавра, либо использует древнего ящера в качестве домашнего животного. Типичны статуэтки, изображающие человека верхом на динозавре семейства зауроподовых или на трицератопсе. Всадник, как правило, держит в руках какую-то палку, служащую для управления животным (фото 22). У всех фигурок динозавров по телу нанесена гравировка, изображающая рисунок на шкуре. Орнамент аналогичен

тому, который можно увидеть в изображениях древних рептилий на гравированных камнях. Примечательно, что среди керамических скульптур встречаются фигурки плезиозавров, изображения которых практически отсутствуют в каменной части коллекции Кабреры. Кроме того, имеется целый ряд скульптур, изображающих яйца динозавров, иногда с вылезавшими из них новорожденными маленькими ящерами.

Крайне интересен тот факт, что в коллекции имеется несколько фигурок сидящего человека, перед которым лежит камень (также выполненный из глины) с гравированными рисунками. Видно, что скульптуры выполнены в примитивной манере, но очень динамично. Человек водит пальцем по рисунку на камне, как бы изучая его. Сидящий рядом человек, держит в руках пару настоящих костей и плоский предмет с выгравированным рисунком. Интересно также, что головные уборы у этих фигурок повторяют дизайн уборов, выгравированных на камнях. Можно предположить, что эта керамическая часть собрания Кабреры была выполнена индейцами известных нам археологических культур, в погребениях которых и находят гравированные камни.

Это предположение подтверждается также наличием скульптурных изделий, вырезанных из древесины уаранго. В самом музее хранится прекрасно сохранившаяся фигура зауроподового динозавра, длиной около 50 см (фото 23). Все детали скульптуры – голова, повернутая назад, треугольные пластины на спине, орнамент, отражающий окрас шкуры – соответствуют канонам иконографического комплекса камней Ики. В одной из частных коллекций в городе Ика хранится несколько скульптурных столбов, вырезанных из того же дерева уаранго. Они имеют высоту от 150 до 180 см. Композиционно столбы состоят из двух или трех ярусов изображений. Центральную часть занимает фигура человека, держащего в руках маленького динозавра. Стиль изображений человека аналогичен тому, который присутствует на похожих резных столбах в самом музее камней Ики. Правда, в собрании Кабреры такие резные столбы имеют большее количество изобразительных ярусов. В верхней и нижней частях этих столбов вырезаны сцены охоты человека на динозавра. По сути дела, они являются точными копиями аналогичных сюжетов, выгравированных на камнях

Ики. И стиль этих изображений сильно отличается от стиля центральных человеческих фигур, вырезанных на данных столбах. По словам владельца коллекции, эти столбы были найдены в нескольких могильниках в окрестностях города Наска и, возможно, происходили из погребений одноименной археологической культуры.

Фото 23. Деревянная скульптура зауроподового динозавра со спинными пластинами (фото автора).

Приведенные здесь факты еще раз, и не лишний раз, заставляют задуматься, насколько неверными могут быть общепринятые и догматизированные представления о геологическом и историческом прошлом нашей планеты. Однако вердикт, вынесенный коллекции Кабреры, до сих пор имеет силу. Сегодня упоминание о музее гравированных камней легко найти во многих туристических справочниках по Перу. А ученые по-прежнему продолжают игнорировать этот древний феномен.

Почему современные ученые не только не признают собрание камней Ики, но даже не хотят подвергнуть их научным исследованиям? Ответ, наверное, прост: феномен гравированных

камней, будучи официально признанным, потребует кардинального пересмотра не только истории человечества, но и всей картины развития жизни на нашей планете.

Комплекс камней Ики, вероятно, является своеобразной «библиотекой» или древней «энциклопедией», оставленной для потомков. Можно также допустить, что сделана она была не представителями древней высокоразвитой цивилизации, а ее ближайшими наследниками, выжившими после глобального земного катаклизма.

В случае подобного катаклизма едва не погибшие человеческие сообщества оказываются отброшенными на гораздо более низкий уровень развития. Но в числе выживших представителей неизбежно должны были оказаться члены социальной и интеллектуальной элиты, сохранившие определенный объем практических знаний, который можно было использовать и в условиях после катастрофы. Судя по изображениям, выжившим ученым удалось также сохранить некоторые инструменты, которые они продолжали использовать. Открытым остается и вопрос о технике нанесения гравированных изображений на андезите.

Что касается динозавров и других вымерших животных, то, судя по детализации изображений, не возникает сомнений, что люди этого древнего общества не только видели своими глазами данные виды вымерших животных, но и тесно взаимодействовали с ними.

Но как эти камни попали в древние индейские могилы? Судя по всему, существовало одно или несколько больших хранилищ этих камней, где они были складированы с целью сохранения для потомков. Уже в исторические времена значительная часть камней по каким-то неизвестным причинам стала доступна для древних индейцев Перу. Они явно считали эти камни святыней предков, о чем говорит сам факт их захоронения в могилах как священных предметов. Не исключено, что индейцы делали копии многих камней. Этим объясняется различие как в технике гравировки, так и в художественном уровне рисунков.

Такой точки зрения придерживался и доктор Хавьер Кабрера. Более того, он писал, что ему известно местонахождение этого хранилища, скрытого в подземных пещерах полуострова Паракас. И хранится в нем не менее 500000 камней с рисунками. Но человечество, по его мнению, еще не готово к принятию этого наследия.

ДИНОЗАВРЫ ИЗ АКАМБАРО

Современная наука в качестве одного из основных критериев достоверности явления или феномена рассматривает его повторяемость. Если бы перуанская коллекция доктора Кабреры была единственной в своем роде, ее уникальность могла бы работать против нее. Но в том-то и дело, что подобные коллекции существуют в других местах и содержат сотни и тысячи уникальных артефактов, которым попросту нет места в современных теориях развития жизни на Земле. Разумеется, это не причина, чтобы отрицать сам факт существования подобных данных, хотя академическая наука упорно их игнорирует либо объявляет фальшивыми.

В 250 км к северо-западу от Мехико в штате Гуанахуато расположен небольшой городок Акамбаро, население которого ныне составляет менее 60 000 человек (2010). Акамбаро расположен в плодородной долине реки Лерма, неподалеку от крупного озера Солис. Здесь хранится уникальное собрание древних артефактов, известное как коллекция Джульсруда.

Вольдемар Джульсруд (1875–1964) родился в Бремене (Германия); в 22 года, получив наследство, он переехал в Мексику, решив заняться здесь бизнесом. Сначала Джульсруд жил в Мехико, позже перебрался в Мичиокан, где пережил мексиканскую революцию. В 1922 г. он переехал в Акамбаро и открыл здесь магазин бытовой техники. Следует отметить существенный для этой истории момент. К моменту приезда в Акамбаро Джульсруд уже имел высокую деловую репутацию и вскоре был избран президентом Торговой палаты города.

Еще в молодости Джульсруд увлекся древней историей Мексики, а в 1923 г. познакомился с падре Хосе Мартинесом, также увлеченным археологией своей страны. Вместе они начали заниматься полевыми исследованиями, проводя раскопки в окрестностях Акамбаро и соседних городков. В частности, вместе с падре Мартинесом Джульсруд копал памятник культуры чупикуаро в 10 км от Акамбаро. Позже культуру чупикуаро отнесли к так называемому формативному периоду и датировали временем примерно от 800/600 гг. до н. э. по 200 г. н. э. Таким образом, к тому моменту, когда было положено

начало его необычной коллекции, Джульсруд уже имел двадцатилетний опыт археологических изысканий и разобрался в древностях этого региона.

Летом 1943 г., совершая утреннюю конную прогулку по склонам холма Эль-Торо на окраине города, Джульсруд увидел несколько обтесанных камней и фрагментов керамики, выступающих из почвы. Джульсруд сразу понял, что находки на холме Эль-Торо не могут быть отнесены ни к одной известной к тому времени культуре, и начал собственные изыскания. Правда, не будучи профессиональным археологом, он поступил поначалу очень просто – нанял местного крестьянина по имени Одилон Тинахеро, пообещав ему платить по одному песо (тогда это равнялось примерно 21 американскому центу) за каждый целый артефакт. Поэтому Тинахеро был очень аккуратен при раскопках, а случайно разбитые предметы склеивал, прежде чем отнести их Джульсруду. Чуть позже к этому виду заработка присоединились другие местные крестьяне. Джульсруд стал платить за все находки от 1 до 3 песо в зависимости от размеров артефакта. Так начала формироваться коллекция Джульсруда, пополнение которой продолжили сначала сын Вольдемара Карлос Джульсруд, а потом и его внук Карлос II.

В конце концов, коллекция Джульсруда составила несколько десятков тысяч артефактов. Установить истинное их число сейчас уже не представляется возможным, т. к. Джульсруд не занимался паспортизацией или хотя бы простой описью своей коллекции. По одним данным, собрание составило около 32000 артефактов, по другим – достигало 37000! В данном случае их точное число не столь принципиально, собрание в тридцать тысяч древних артефактов составило бы честь любому, даже столичному музею.

Другой вопрос – ни один столичный музей не взял бы такую коллекцию для своей экспозиции. В собрание Вольдемара Джульсруда входило несколько основных категорий артефактов. Наиболее многочисленными были статуэтки из различных видов глины, выполненные в технике ручной лепки и обожженные методом открытого обжига. Т. е. статуэтки после их формирования и сушки обжигались не в печи, а на открытом огне костра. Вторая категория – многочисленная и разнообразная керамическая посуда. Третья – изделия из органиче-

ских материалов: дерева и кости. Самым примечательным фактом было то, что во всей коллекции не было практически ни одного повторяющегося экземпляра скульптуры! Размеры фигурок варьировались от 8–10 сантиметров до 1 м в высоту и 1,5 м в длину. Кроме того, даже без лабораторных анализов, при визуальном исследовании бросается в глаза чрезвычайное разнообразие артефактов из собрания Джульсруда. Совершенно разные сорта глины, варьирующиеся по цвету, плотности, примесям. Разные степени обжига предметов, различные художественные техники изготовления. В коллекции есть примитивные фигурки, как будто вылепленные детьми. И есть настоящие шедевры, не уступающие лучшим образцам керамики древних культур Мексики.

Кроме скульптурных изображений, в собрании присутствовали музыкальные инструменты, маски, курительные трубки, инструменты из обсидиана и даже нефрита. Вместе с артефактами при раскопках были обнаружены несколько человеческих черепов, кость мамонта и зубы лошади ледникового периода. При жизни Джульсруда вся коллекция в упакованном виде занимала 12 комнат его дома.

Город Акамбаро с восточной стороны примыкает к двум холмам – Серо-Эль-Торо и Серро-Эль-Чибо. Последний с незапамятных времен и до сегодняшнего дня почитается местным населением как священный. В дни равноденствий на вершину холма поднимаются люди, чтобы встретить рассвет и вознести молитвы Солнцу. Холм Эль-Торо крупнее, и его склоны круче. Именно на нем и были обнаружены практически все предметы, составившие коллекцию Джульсруда. Более того, найдены они были на одном – западном склоне холма, который, кстати, обращен в сторону холма Эль-Чибо. Все находки располагались в одной, наиболее пологой части склона холма, которая протянулась полосой длиной около километра и шириной около сотни метров. Поскольку это была нижняя пологая часть холма, ее с начала XX в. начали застраивать жилыми домами, а также использовать под сельскохозяйственные нужды.

Дело в том, что холм Эль-Торо не является ни могильником, ни поселением. Характер этого памятника достаточно уникален. Вся нижняя часть холма была буквально испещрена ямами, в которых были закопаны различные вещи. Обычно такие

ямы имели глубину от 80 см до 2 м, в каждой находилось от 10 до 40 различных предметов. Таким образом, крестьянин, занимавшийся добыванием предметов для Джульсруда, мог за один удачный день заработать 50–100 песо. Для того времени это были очень неплохие деньги, учитывая, что рытье ямы или траншеи является простейшим видом крестьянского труда, не требующего какой-либо квалификации. Вероятно, именно простота такого способа зарабатывания денег – путем вскапывания склона холма – и обусловила тот факт, что за каких-то пять лет Джульсруд сумел собрать столь огромную коллекцию. Тем не менее, уже через несколько лет это собрание было объявлено современной мистификацией, выполненной местными крестьянами для сумасшедшего коллекционера. Но подробнее об этом речь пойдет ниже.

Следует также отметить, что на холме Эль-Торо не было обнаружено наземных конструкций, обозначавших «захоронения» древних артефактов. Правда, на вершине холма обнаружены остатки жилых построек культуры тарасков, которая существовала в этом районе примерно в X–XVI вв., вплоть до завоевания тарасков испанцами. Однако основная территория государства тарасков находилась в современном штате Мичоакан, граничащим со штатом Гуанахуато с юго-запада. В Акамбаро, возможно, была небольшая колония тарасков, поэтому значительных построек они здесь не оставили.

Единственное предположение, которое приходит в голову, – холм Эль-Торо на протяжении многих лет в древности почитался священным местом; люди из разных мест приходили и оставляли здесь свои приношения в виде скульптурных изображений и предметов быта. Существует и другая версия, которой, в частности, придерживался сам Джульсруд. Согласно его гипотезе, все захоронения предметов на холме Эль Торо были сделаны практически одновременно в ранний период конкисты, чтобы эти предметы не достались испанцам, которые их наверняка бы просто уничтожили.

Как уже говорилось, большую часть собрания Джульсруда составляют многочисленные антропоморфные статуэтки. Причем, в первую очередь, бросается в глаза разнообразие антропологических типов, представленных в скульптурах. Большинство из них изображают американоидов. Но есть

статуэтки, в чьих чертах угадываются кавказоидные или негроидные черты. Что это? Свидетельство того, что древние индейские скульпторы были знакомы с представителями других человеческих рас? Но современная американистика отрицает возможности тесных контактов между древними культурами Старого и Нового Света. Аналогично, современные исследователи не хотят признавать, что на территории современных США и Мексики проживали представители других, кроме монголоидной, рас. Притом число находок костных останков представителей других рас на этих территориях исчисляется десятками. Но официальная наука упорно отворачивается от их изучения, поэтому сведения об этих фактах ограничены краткими упоминаниями самих находок, после чего, как правило, наступает гробовое молчание, лишь изредка нарушаемое голосами редких энтузиастов, которых не устраивает «прокрустово ложе» современной антропологии и которые пытаются продолжать исследования на свой страх и риск.

Следует также отметить факт наличия в коллекции Джульсруда немногочисленных скульптур, относящихся к известным культурам Древней Мексики – майя, тольтеков, сапотек. Но они единичны. А вот скульптур и образцов посуды местной культуры чупикуаро значительно больше – их несколько сотен, что, однако, не вызывает удивления. Правда, сегодня уже невозможно установить происхождение этих образцов: были ли они найдены на склонах холма Эль Торо, или же местные крестьяне несли Джульсруду все древности, которые находили в окрестностях.

Еще одной отличительной чертой коллекции Джульсруда является наличие скульптур, изображающих людей в движении. Такой стиль изображений совершенно не характерен для древней Мезоамерики. В подавляющем большинстве известных археологических культур антропоморфные скульптуры статичны, показ человека в движении древние мексиканцы не использовали. А в собрании Джульсруда есть даже целые скульптурные группы, изображающие конкретные жанровые сценки: перенос тяжестей, парный танец, сражение человека с фантастическими монстрами, сцены казни. Интересен и другой факт. В коллекции присутствуют достаточно многочисленные скульптуры, изображающие антропоморфных существ с хвостом и головой, увенчанной парой небольших рогов. Но подобные изображения

рогатых и хвостатых человекообразных существ известны во многих древних культурах как Старого, так и Нового Света.

В собрании Джульсруда находятся предметы гораздо более удивительные, что и послужило «камнем преткновения» в деле признания его коллекции подлинной. Дело в том, что примерно 3000–3500 статуэток представляют собой изображения динозавров. Причем разнообразие типов древних пресмыкающихся вызывает истинное изумление. Среди них есть легко узнаваемые и хорошо известные палеонтологической науке виды: брахиозавр, игуанодон, тираннозавр рекс, птеранодон, анкилозавр, плезиозавр и некоторые другие (фото 24). Наиболее многочисленны изображения зауроподовых динозавров. Т.е. здесь имеет место тот же вариант, что и в коллекции Кабреры (фото 25).

Фото 24. Скульптура водоплавающего ящера (фото автора).

Фото 25. Скульптура типичного зауроподового динозавра (фото автора).

В собрании имеется значительное число скульптурных изображений древних животных, которых современные пале-

онтологи идентифицировать просто не могут; например, крылатых драконов (фото 26). Более того, в коллекции гораздо больше изображений не идентифицированных древних ящеров, чем известных науке видов.

Фото 26. Скульптура крылатого ящера – дракона (фото автора).

И хотя среди данных изображений можно узнать отдельные виды, каждая скульптура совершенно индивидуальна и часто не соответствует современным реконструкциям известных видов динозавров. Кроме того, очевидно, что фигуры выполнены разными мастерами. И не отпускает ощущение, что изображения делались с натуры. Древние животные показаны в движении, на многих скульптурах тщательно проработаны детали. Например, у ящера, резко повернувшего голову в сторону, показаны сложенные «гармошкой» складки шкуры на шее.

Еще одна очень характерная черта, встречающаяся в собрании Джульсруда, – скульптуры зауроподовых ящеров со спинными треугольными пластинами или шипами (фото 27).

Фото 27. Скульптура ящера с небольшими спинными пластинами (фото автора).

Аналогичная ситуация наблюдается и в изображениях на камнях Ики. А ведь два этих собрания древностей разделены тысячами километров. Кроме того, скульптуры мексиканских динозавров демонстрируют большое разнообразие этой части тела. Кожистые образования имеют различные формы. Есть треугольные и ромбовидные спинные пластины, есть пластины, загнутые вперед, а не назад (фото 28).

Фото 28. Скульптура ящера неизвестного вида со спинными пластинами неправильной формы (фото автора).

У многих скульптур изображены не пластины, а конические спинные шипы. Этим шипов может быть один ряд, а может и три. Есть скульптуры со спинными «парусами», характерными для многих известных видов древних ящеров. Некоторые фигуры имеют кожаные пластины не только на задней, но и на передней части шеи (фото 29). У других на спине или на шее вместо пластин имеется длинная грива (фото 30). Естественно, что такие части тела, не имеющие костного скелета, как правило, не сохраняются в останках динозавров. И современные палеонтологи не знают об этих деталях строения древних ящеров. Однако в коллекции Джульсруда имеется достаточное

количество артефактов, имеющих подобные документальные свидетельства анатомии давно вымерших животных.

Фото 29. Скульптура ящера неизвестного вида с треугольными пластинами на спине и шее (фото автора).

Фото 30. Скульптура ящера неизвестного вида с гривой вместо пластин (фото автора).

В собрании есть целый ряд скульптур зауроподовых динозавров, стоящих на задних ногах (фото 31). Опять-таки, только в конце XX в. палеонтологи пришли к выводу, что эти древние гиганты без труда вставляли на задние, более мощные ноги, и объедали молодые побеги на верхушках деревьев. Неужели и такую возможность предвидели мексиканские «фальсификаторы», якобы фабриковавшие эти вещи в середине прошлого века?

Фото 31. Скульптура зауроподового динозавра, стоящего на задних лапах (фото автора).

Как уже указывалось, в собрании Джульсруда имеется множество скульптурных изображений древних животных, которых сегодня невозможно сопоставить с конкретными ископаемыми останками. И в отличие от коллекции Кабреры здесь есть немало скульптур, изображающих ближайших родственников динозавров – водных и летающих ящеров (плезиозавров и птерозавров). Их облик не всегда привычен для нашего взгляда. С одной стороны, в собрании присутствуют скульптуры типичных плезиозавров с длинными шеями, маленькой головой и с лапами вместо ног. Одна из таких фигурок (фото 32) соответствует современным реконструкциям морских ящеров из подотряда нотозавров. Есть изображения других рептилий, напоминающих крокодилов разных видов.

*Фото 32. Пара скульптур водоплавающих ящеров.
Нижняя, возможно, изображает нотозавра (фото автора).*

С другой стороны, есть и необычные артефакты. В экспозиции Музея Джульсруда выставлена уникальная статуэтка. Это крупная скульптура плезиозавра необычного вида. Но дело в том, что этот ящер изображен с шестью лапами (фото 33)!

*Фото 33. Уникальная статуэтка шестилапого водоплавающего
динозавра (фото автора).*

Может, древний художник действительно запечатлел существо-мутанта, или это следует отнести к полету его фантазии? В любом случае, данный артефакт уникален, других изображений шестиногих животных в коллекции нет. Наоборот, значительное количество древних ящеров изображены только с двумя лапами (передними или задними). Причем речь идет именно о сухопутных животных, чью видовую принадлежность даже можно попытаться определить по другим морфологическим признакам. И эти скульптуры устойчиво стоят на поверхности, имея третью точку опоры – хвост. Можно было бы предположить, что перед нами определенный художественный канон, который использовали древние художники (фото 34), хотя большинство фигур древних животных имеет анатомически выверенный облик и положенные природой две пары ног (фото 35). Но в 2011 г. международная команда биологов, работавшая в бассейне реки Меконг, обнаружила 21 новый вид рептилий (всего они нашли 41 новый вид животных и 82 вида растений в течение только одной экспедиции).

Фото 34. Скульптура двуногого ящера со спинными пластинами (фото автора).

Фото 35. Скульптура сухопутного динозавра с ромбовидным окончанием хвоста (фото автора).

Среди этих рептилий была двуногая ящерица, получившая имя *Jarujinia bipedalis* и отнесенная по классификации к так называемым сцинковым ящерицам. Если и сегодня в природе известен двуногий сцинк – вид пресмыкающихся, имеющий только одну переднюю пару лап, то закономерно предположить, что в древности подобных видов могло быть больше. В т. ч., могли существовать и двуногие динозавры. Конечно, логично было бы предположить, что древние мексиканцы изображали в своих скульптурах необычных двуногих ящерок. Но современные рептилии (ящерицы, крокодилы, черепахи) имеют конечности, расположенные перпендикулярно телу, тогда как конечности динозавров располагались по отношению к туловищу вертикально.

В биологии выделяют отдельную категорию живых существ – эндемиков. К ним относятся «виды, роды, семейства или другие таксоны животных и растений, представители которых обитают на относительно ограниченном ареале, представлены небольшой географической областью» (Википедия). В частности, к палеоэндемикам ученые относят уже упоминавшихся латимерию (целаканта) и ящерицу гаттерию.

Птерозавры (или крылатые монстры) в коллекции Джульсруда представлены в несколько необычном виде: они напоминают привычные для нас изображения драконов или горгулий. И наличие таких частей тела, как рога, не позволяет соотнести их с каким-либо из известных видов ископаемых ящеров (фото 36).

Фото 36. Скульптура крылатого и рогатого ящера (фото автора).

Но самое важное то, что собрание Джульсруда содержит значительное число изображений человека вместе с динозаврами разных видов. Иконография изображений наводит на единственную мысль, что люди и динозавры сосуществовали в теснейшем контакте. Причем это сосуществование включало весь спектр взаимоотношений – от борьбы двух столь, казалось бы, несовместимых видов живых существ до изображений явного процесса domestikации динозавров человеком (фото 37).

Фото 37. Скульптурная композиция «динозавр, оплакивающий свою хозяйку» (фото автора).

В сценах борьбы, как правило, трудно определить конкретный вид динозавров. Они скорее напоминают мифологических драконов, хотя и изображенных очень детально (фото 38). Люди, вступающие с ними в борьбу, часто показаны облаченными в шлемы и держащими в руках щиты или ножи. Кстати, в ряде композиций сцена сражения человека с ящером дополнена третьим персонажем, а именно, крупной змеей. В сценах охоты на динозавров на камнях Ики змея также является частым персонажем, сопровождающим такую схватку.

Фото 38. Крупная скульптура, изображающая двух воинов, оседлавших рогатого водоплавающего ящера (фото автора).

Десятки скульптурных групп в коллекции Джульсруда изображают мелких или средних по размеру ящеров, используемых в качестве домашних животных. Например, есть композиции, на которых женщина кормит из большой круглой миски сразу нескольких небольших динозавров. Ряд скульптур

демонстрирует заботливое, порой даже нежное отношение человека к домашним динозаврам. К сожалению, после смерти Джульсруда многие вещи из его собрания были утрачены; в основном, это наиболее интересные по сюжету и выразительные с художественной точки зрения произведения.

В меньшем количестве в коллекции Джульсруда были представлены ныне вымершие млекопитающие: американский верблюд и лошадь ледникового периода, лама, носорог, саблезубый тигр, гигантская обезьяна плейстоценового периода (плейстоцен – геологическая эпоха возрастом 2,6 млн – 11,7 тыс. лет назад) и другие ископаемые животные (фото 39).

Фото 39. Полая скульптура реликтового носорога (фото автора).

Имеется даже чрезвычайно реалистично выполненная скульптурка кенгуру. Сегодня считается, что первые сумчатые появились в Северной Америке еще в середине мелового периода (примерно 100 млн лет назад). А спустя еще пятьдесят миллионов лет они распространились по Южной Америке и достигли Австралии. Все эти млекопитающие, по представлениям палеозоологов, вымерли на территории Мексики за десятки тысяч, а некоторые и за десятки миллионов лет до появления здесь человека. Кстати, следует отметить, что изображений мамонта в коллекции нет. Хотя, как уже указывалось, в музее имеется зуб мамонта, найденный на этой территории. В штате Гуанахуато были обнаружены и целые ископаемые скелеты мамонтов.

Изображения этих вымерших животных в собрании Джульсруда единичны. Только реликтовая лошадь представлена в нескольких экземплярах (фото 40).

Фото 40. Скульптура лошади (фото автора).

Однако поражает не только детальная проработка этих скульптур, вплоть до фактуры шерстяного покрова, но и замечательная динамика, выраженная в художественной пластике этих произведений, что, как уже указывалось, совершенно не свойственно керамике древних мексиканских культур (фото 41). Эти изображения вымерших млекопитающих происходят с того же памятника, что и скульптуры динозавров, что в корне противоречит устоявшимся представлениям об эволюции живых видов на планете.

Фото 41. Скульптура саблезубого тигра (фото автора).

Именно эти составляющие коллекции и послужили поводом для длительного замалчивания и дискредитации находок Джульсруда. Это и понятно, поскольку факт сосуществования и тесного взаимодействия человека и динозавра не просто опровергает линейный эволюционизм теории происхождения видов на Земле, но вступает в непримиримое противоречие со всей современной мировоззренческой парадигмой. А в 50–70 гг. прошлого века для американской антропологии подобная мысль могла быть только опаснейшей ересью.

С самого начала своих исследований Джульсруд попытался привлечь внимание научной общественности к своим находкам, но уже в первые годы столкнулся с тем, что его попытки начисто игнорировались. Даже публикация им в 1947 г. на свои средства книги о коллекции не заставила академических ученых проявить к ней какой-либо интерес.

Но в 1950 г. в Акамбаро приехал американский журналист Лоуэл Хармер. Он лично присутствовал на раскопках на холме Эль-Торо и даже сфотографировал Джульсруда с только что выкопанными статуэтками динозавров (Джульсруд к этому времени уже лично занимался раскопками). Репортаж Хармера был опубликован в крупной газете «Los Angeles Times» в марте 1951 г. Вслед за Хармером лос-анджелесский журналист Уильям Рассел в журнале «Fate» опубликовал материал о раскопках Джульсруда с фотографиями процесса работ. В своей публикации Рассел указывал, что артефакты изымались с глубины 5–6 футов (1,5 м), и многие предметы были оплетены корнями растений, поэтому у Рассела не возникло никаких сомнений в подлинности находок. Эти публикации сыграли определенную роль в популяризации коллекции Джульсруда и пробили брешь в заговоре молчания академических ученых.

В 1952 г. коллекцией заинтересовался американский археолог Чарльз Дипесо. Предварительно ему были высланы образцы статуэток, и хотя лабораторные анализы не дали какой-либо вразумительной картины, Дипесо был изначально уверен в том, что это фальсификация. В июне 1952 г. он лично приехал в Акамбаро, чтобы ознакомиться с коллекцией. Характер его действий по изучению данной проблемы позже был неоднократно повторен другими исследователями. По словам Вольдемара Джульсруда, Дипесо после знакомства с его коллекцией

лично выразил свое восхищение открытием Джульсруда и проявил желание купить образцы для музея Фонда Американдов, в котором он работал (термин «американды» является малоупотребительным, это сокращение от словосочетания «американские индейцы»). Однако, вернувшись в Соединенные Штаты, Дипесо опубликовал в 1953 г. в ведущих антропологических изданиях – журналах «American Antiquity» и «Archaeology» – пару статей, в которых однозначно заявлял, что коллекция Джульсруда является фальсификацией.

На одной из них, опубликованной в «American Antiquity» (Vol. 18, No. 1953) мы остановимся более подробно, чтобы наглядно продемонстрировать, как было сформировано негативное научное мнение в отношении собрания Джульсруда. Тем более что и сегодня, например, в Википедии, есть ссылка на то, что именно Дипесо доказал современный характер фигурок из Акамбаро. Начнем с того, что назвать эту публикацию статьей нельзя. Это одна страница краткого отчета в разделе «Факты и комментарии» в конце журнала (в «Archaeology» текст занимал целых две страницы).

В связи с этим примечателен тот факт, что на изучение 32000 предметов (которые к приезду Дипесо уже были упакованы и складированы в доме Джульсруда) американский антрополог потратил четыре часа. Для сравнения – один из авторов этой книги в течение трех посещений музея Джульсруда потратил десять рабочих дней на знакомство с коллекцией. За это время удалось осмотреть и сфотографировать около 6000 экспонатов. И это при условии работы группы в составе как минимум трех человек. Поэтому заявление Дипесо, что он ознакомился со всеми 32000 предметов, абсолютно безосновательно, т. к. сделать это за несколько дней, что он проделал в Акамбаро, физически невозможно. Исходя из этого, все его так называемые «доказательства» предстают в совершенно другом свете.

В частности, Дипесо констатировал, что, ознакомившись с 32000 предметов коллекции, он пришел к выводу, что иконография артефактов, в особенности, изображения глаз и губ у статуэток, имеет современный характер. Заявление это было совершенно безосновательным. У многих антропоморфных скульптур в собрании Джульсруда глаза имеют вид так называемого «кофейного зерна». Так в американской антропологии

называют технику изображения человеческого глаза во многих мексиканских культурах архаического и раннего классического периодов.

В качестве одного из главных аргументов в пользу современного происхождения коллекции Дипесо привел тот факт, что на артефактах отсутствует меловая патинизация, которая образуется в результате воздействия грунтовых вод на поверхность предметов, находившихся определенное время в земле. Но это откровенная ложь, либо свидетельство того, что знакомство Дипесо с собранием было мимолетным. В коллекции Джульсруда присутствуют десятки, если не сотни артефактов, имеющих такую меловую патинизацию (фото 42). Она покрывает порой отдельные части статуэток, порой почти всю их поверхность; она же фиксируется и на многих фигурках динозавров.

Фото 42. Скульптура зауроподового ящера со следами меловой патинизации (фото автора).

Несколько статуэток из коллекции, привезенные в Москву, в 2009 г. были отправлены на экспертизу в Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана РАН (фото 42). Их анализ показал, что белые выцветы на поверхности керамических изделий представлены гипсом $\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$.

В качестве доказательств современного производства статуэток Дипесо привел в своих комментариях и другие аргументы. Он писал, что осмотренные им фигурки не имеют следов повреждений от лопаты или мотыги, что мелкие детали изображений (глаза, рты, уши) имеют тщательно выполненные грани, т. е. отсутствуют признаки естественного разрушения керамических изделий, долго пролежавших в земле. Но это

тоже откровенная ложь. Огромное количество фигурок имеют многочисленные следы от неосторожных ударов местных копателей – сколы различного характера, царапины и т. п. Ложны и другие заявления Дипесо – отсутствие частиц земли в складках скульптур или отсутствие отдельных фрагментов статуэток. По его утверждению, местные крестьяне после изготовления этих предметов ломали их, а потом склеивали, чтобы создать иллюзию древности. Да, многие фигурки, особенно крупного размера, являются склеенными. Но дело в том, что Джульсруд за целую статуэтку платил в 2 раза больше (не 1, а 2–3 песо), чем за разбитую. Более того, сегодня в музее хранится около 80 ящичков с битыми скульптурами и их фрагментами. Это порядка 5–6 тысяч артефактов. В отличие от артефактов, выставленных в витринах музея, фрагменты не подвергались чистке. С них сыпется земля, в трещинах и кавернах можно обнаружить остатки засохших травинок или корешков растений. Так что и здесь Дипесо привел ложную информацию.

Третью своей заметки в «Американ Антиквити» он посвятил контрольным раскопкам, которые для него сделали два местных крестьянина (имена и фамилии не приводятся). В течение двух дней они под присмотром Дипесо копали в углу остатков небольшого дома эпохи присутствия здесь культуры тарасков. В конце концов «археологи» наткнулись на небольшой тайник с бытовыми предметами тарасков и несколькими скульптурками. Дипесо писал, что он ознакомился с результатами раскопок на месте и обнаружил, что слои различных видов почвы в этом месте были перемешаны, т. е. нарушены; также он обнаружил вмятины от пальцев в почве, из чего и сделал вывод, что местные крестьяне создали имитацию древнего тайника, дабы ввести его в заблуждение. Еще одно «доказательство» мистификации. С другой стороны, подобные раскопки, с точки зрения археологической методологии, должны документироваться. Необходимо было вести полевой дневник, сделать планы раскопа, описать находки и т. д. В противном случае, такая информация, с научной точки зрения ничего не стоит. Однако Дипесо приводит этот случай как основной аргумент. И смело публикует эти данные в солидном научном журнале.

Здесь необходимо подчеркнуть еще один принципиальный момент. Ч. Дипесо (1920–1982) считается значительной фигурой в североамериканской археологии. С 1954 г. и до своей смерти он являлся директором Фонда Американдов. Но всю свою жизнь он специализировался на изучении древних культур Юго-Запада США и их связей с населением Северной Мексики. Словом, он не являлся специалистом по археологии Центральной Мексики. Поэтому остается непонятным, почему выбор пал именно на него, а не на другого археолога, который бы специализировался по данному региону.

Кроме того, Дипесо, сославшись на информацию от некоего нелегального торговца мексиканскими древностями, утверждал, что вся коллекция была выполнена одной мексиканской семьей, жившей в Акамбаро, которая занималась производством подделок в зимние месяцы, когда не была вовлечена в сельскохозяйственные работы. А информацию о динозаврах фальсификаторы якобы почерпнули из фильмов, комиксов и книг из местной библиотеки. Все это просто противоречит здравому смыслу. Получается, что заезшему «гринго» местный нелегальный (!) торговец древностями легко выдал подобные сведения. А Вольдемар Джульсруд, который был уважаемым членом городской общины Акамбаро, ничего подобного за десять лет не слышал. Никто не озаботился уведомить, что его годами «водят за нос» местные хитрецы.

Кстати, главный тезис Дипесо – что подделки изготавливались местными крестьянами – был официально опровергнут мексиканскими властями еще в том же 1952 г. Франсиско Санчас, суперинтендант национального департамента ирригации и почв, заявил, что после четырех лет изучения вопросов археологической активности в районе Акамбаро и характера занятий местного населения он может однозначно констатировать отсутствие подобного керамического производства на этой территории. 23 июля 1952 г. мэр города Акамбаро Хуан Карранса опубликовал официальное заявление, в котором говорилось, что по результатам специального исследования (!), проведенного в районе, выяснилось, что в Акамбаро нет ни одного человека, который бы занимался производством такого рода керамических изделий.

Все доводы Дипесо в пользу того, что коллекция Джульсруда является изощренной фальсификацией, легко опровергаются с точки зрения обычного здравого смысла. Во-первых, ни один скульптор не в состоянии за обозримый период времени выполнить работу по изготовлению более чем тридцати тысяч скульптур (отнюдь не мелких). Простой арифметический подсчет показывает, что за тридцать месяцев (зимний сезон здесь длится не более трех месяцев в году) данная семья должна была изготавливать минимум 1000 оригинальных скульптур ежемесячно! Не говоря уже о том, что эти скульптуры еще надо было закопать на приличную глубину. Во-вторых, даже если коллекция выполнена силами не одного человека, а некоей мастерской, то в таком случае должны будут четко проследиваться черты единого стиля в исполнении артефактов. Но коллекция практически не содержит ни единого дубликата, керамические скульптуры выполнены из разных пород глины, в различных стилях и с различной степенью мастерства. В-третьих, было однозначно установлено, что керамика в коллекции Джульсруда обработана методом открытого обжига. Для ее производства потребовалось бы огромное количество древесины, которая в засушливом и отнюдь не лесистом районе Акамбаро всегда была дорогой. По официальной статистике, лесопосадки в штате Гуанахуато занимают всего 150000 га. Это 1500 км², при общей площади территории штата в 30589 км². Т. е. это лишь 5% территории, и древесина в Гуанахуато всегда стоила дорого. Обжечь скульптуру высотой, к примеру, в 50 см и получить за это пару песо?.. На дерево для обжига надо выложить гораздо более крупную сумму. Кроме того, подобное масштабное производство с открытым обжигом керамики не могло бы остаться незамеченным.

Профессор факультета истории Высшей школы в Акамбаро Рамон Ривера потратил месяц на полевые исследования в данном районе для выяснения вопроса о возможности местного производства коллекции Джульсруда. После многочисленных опросов населения Акамбаро и прилегающих к нему районов (Ривера особенно тщательно опрашивал стариков) профессор констатировал, что на протяжении последних ста лет в этой местности не было ничего похожего на масштабное керамическое производство в технике открытого обжига.

И, наконец, следует помнить, что Одилон Тинахеро, на протяжении нескольких лет пополнявший коллекцию Джульсруда, имел неполные четыре класса образования и с трудом мог читать и писать. Поэтому нет смысла рассуждать о возможности его глубоких познаний в области палеозоологии, равно как и бессмысленно говорить о том, что в 40-е гг. прошлого века в небольшой мексиканской библиотеке можно было бы найти достаточно книг по данной тематике, да еще и на испанском языке.

К 1954 г. критика коллекции Джульсруда, с подачи Дипесо, достигла максимума; это привело к тому, что к коллекции были вынуждены проявить интерес официальные научные круги Мексики. В Акамбаро отправилась делегация ученых во главе с директором департамента доиспанских памятников Национального института антропологии и истории доктором Эдуардо Норкверой. Помимо него в состав группы входили еще три антрополога и историка. Эта официальная делегация сама выбрала конкретное место на склонах холма Эль-Торо для проведения контрольных раскопок. Они состоялись в присутствии множества свидетелей из местных авторитетных граждан. После нескольких часов раскопок было найдено большое количество статуэток, аналогичных образцам из коллекции Джульсруда. По заявлению столичных археологов, осмотр найденных артефактов однозначно продемонстрировал их древность. Все члены группы поздравили Джульсруда с выдающимся открытием, и двое из них пообещали опубликовать результаты своей поездки в научных журналах.

Однако через три недели после возвращения в Мехико доктор Норквера представил отчет о поездке, в котором утверждалось, что коллекция Джульсруда является фальсификацией, поскольку содержит статуэтки, изображающие динозавров. Т. е. был использован все тот же универсальный довод: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда».

В 1955 г. коллекцией заинтересовался тогда еще молодой американский ученый Чарльз Хэпгуд, бывший в то время профессором истории и антропологии Нью-Хэмпширского университета. Он приехал в Акамбаро и провел там несколько месяцев, занимаясь самостоятельными раскопками на памятнике. Хэпгуд договорился с местным шефом полиции майором

Алтимарино, чей дом стоял на территории памятника. Было известно, что дом построили в 1930 г. Получив разрешение хозяина, Хэпгуд вскрыл пол в одной из жилых комнат дома и на глубине около 2 м обнаружил 43 статуэтки (правда, во фрагментах), аналогичных по стилистике коллекции Джульсруда. Сам майор Алтимарино предпринял трехмесячное исследование в окрестностях Акамбаро и опросил множество местных жителей на предмет возможности современного изготовления таких же изделий, как находившиеся в коллекции Джульсруда. В результате он убедился, что никто в окрестностях понятия не имеет ни о чем подобном.

В 1968 г. (уже после длительной работы и публикации своей известной книги «Карты морских царей») Ч. Хэпгуд вернулся к проблеме Акамбаро. Он приехал туда в компании с известным детективным писателем Эрлом Стенли Гарднером, который обладал не только глубокими познаниями в криминалистике, но также серьезно занимался археологическими проблемами. Гарднер констатировал, что с точки зрения криминалистики коллекция Джульсруда не может являться ни результатом деятельности одного лица, ни даже результатом фальсификации, выполненной группой лиц. Основная причина – полное отсутствие черт сходства, характерных для массового изготовления однотипных керамических изделий. По результатам своих исследований в Акамбаро Чарльз Хэпгуд на собственные средства издал в 1972 г. небольшую брошюру «Тайна Акамбаро».

В 2009 г. мы отдали на лабораторную экспертизу четыре статуэтки из музея Джульсруда, привезенные из Акамбаро. Образцы были отправлены в Санкт-Петербург в изотопный центр при кафедре геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. В первую очередь были проведены микроморфологические исследования четырех скульптур. Анализ этих образцов позволил сделать следующие выводы:

1. Керамические статуэтки были выполнены методом открытого обжига, т. е. обжигались на костре, а не в печи.

2. Каолинитовые глины, из которых были выполнены представленные образцы, имеют схожий состав, но, вероятнее всего, происходят из разных мест. Для окончательного вывода

требуется спектральный анализ глин, взятых в различных местах Мексики. На текущий момент это для нас представляется несколько затруднительным.

3. Технология изготовления статуэток отличается в деталях (состав теста, применение отошителя, покрытие некоторых статуэток специальным составом для придания им черного цвета).

Главный вывод следующий: изученные статуэтки изготавливались разными мастерами из разных мест. Таким образом, опровергается довод скептиков, предполагающих, что это современные поделки местных мистификаторов. В принципе, это было и так известно. Но одно дело, когда подобные выводы делают энтузиасты или даже специалисты после визуального осмотра, и совсем другое – когда мы получаем официальное экспертное заключение на основе результатов лабораторных исследований в академическом научном учреждении.

Естественно и то, что неоднократно предпринимались попытки датировать артефакты этой коллекции точными методами исследования. В 1968 г. метод радиоуглеродного датирования (по изотопам C14) был уже широко признан в мире, и Чарльз Хэпгуд послал несколько образцов на анализ в Нью-Джерси в лабораторию изотопных исследований. Анализ образцов дал следующие результаты:

I-3842: 3590 +- 100 (1640 +- 100 до н. э.)

I-4015: 6480 +- 170 (4530 +- 170 до н. э.)

I-4031: 3060 +- 120 (1100 +-120 до н. э.)

При такой небольшой серии образцов разброс дат неизбежен, однако все они оказались в диапазоне от трех до шести с половиной тысяч лет назад. В 1972 г. другой американский исследователь, Артур Янг, передал две статуэтки в музей Пенсильванского университета на термолюминесцентный анализ. В результате статуэтки были отнесены примерно к 2700 г. до н. э. Доктор Рэйни, проводивший исследования, написал А. Янгу: «После нескольких лет исследований здесь и в лаборатории Оксфорда у нас нет сомнений в надежности термолюминесцентного метода. Возможная погрешность составляет 5–10% относительно абсолютной датировки, но нам не стоит обра-

щать внимание на подобные мелочи. Я должен также подчеркнуть, что мы были столь озабочены неожиданной древностью объектов, что Марк Ганн из нашей лаборатории проделал по 18 проб с каждой из фигурок. Соответственно, полученный результат весьма надежен. Как бы то ни было, наша лаборатория полагает, что именно указанная датировка наиболее соответствует материалу Джульсруда, даже если она и расходится с данными, полученными в Мехико».

Однако когда через некоторое время доктор Рэйни узнал, что в состав коллекции входят статуэтки динозавров, он заявил, что полученные им результаты являются ошибочными вследствие искажения световых сигналов при анализе, и возраст образцов не превышает 30 лет. Как говорится, комментарии излишни.

Другой американский исследователь коллекции Джульсруда, Джон Тьерни, передал два фрагмента керамики доктору Виктору Дж. Бортолету, директору Лаборатории ядерных археометрических исследований в Дейбрике. Предоставленные для анализа фрагменты были обнаружены в ходе раскопок, проведенных в 1956 г. на холме Эль-Торо в присутствии самого Джульсруда. Экспертное заключение В. Бортолета гласило, что возраст образцов составлял приблизительно 2000 лет. Тьерни, однако, не остановился на достигнутом и передал несколько образцов керамики, выполненных из различных сортов глины, экспертной группе из университета штата Огайо. В ее состав входили глава отдела керамического производства доктор Дж. О. Эверхарт, один из известнейших в то время мировых специалистов по археологической химии, доктор Эрл Р. Кали и минеролог доктор Эрнест Дж. Элерс. Согласно их заключению, объекты не могли быть изготовлены в настоящее время, всякая возможность какого-либо мошенничества или подделки совершенно исключалась! И вновь, когда члены группы были поставлены в известность о том, что имели дело с образцами из коллекции Джульсруда, заключение было отозвано.

Последние известные лабораторные исследования статуэток были проведены в 2006 г. Директор Музея Джульсруда Мигель Уэрта отправил четыре скульптуры динозавров на термомюлюминесцентный анализ в Лабораторию термомюлюминесценции Института геофизики при Национальном автономном

университете Мексики. Там были проведены исследования образцов и выданы соответствующие заключения. Выводы, сделанные специалистами, вызывают лишь недоумение. Здесь следует сделать небольшое пояснение. Когда артефакт отсылают в лабораторию для анализа одним из точных методов датирования, археолог в сопроводительном документе дает предполагаемую оценку возраста образца. В случае с четырьмя статуэтками динозавров возраст был указан как «предположительно до-испанский». Здесь мы приводим выводы из официального экспертного документа.

Интерпретация: На полученных термолюминесцентных кривых отметка ТЛ расположена чуть ниже 400°C. На данную позицию могло повлиять распространение рентгеновских лучей, поэтому следует заключить, что предмет был сделан и обожжен недавно (см. приложение для получения более подробного объяснения).

Вывод: фальшивка.

Примечание: вследствие небольшого количества материала и недостатка других (химических) элементов, анализы на аутентичность, по определению, не позволяют проведение датирования методом термолюминесценции (ТЛ).

И так для всех четырех образцов. Опять-таки, без комментариев... Разве что вспомнить унтер-офицерскую вдову, которая сама себя высекла.

Но здесь необходимо отметить один принципиальный момент. Термолюминесцентный анализ, равно как и радиоуглеродный по С14, уже довольно давно и широко применяется для датирования керамики и, по признаниям специалистов, достаточно надежен. Но! При отборе и перевозке образцов необходимо избегать воздействия солнечного света, чистки образцов, различного вида излучений. Все это влияет на точность анализа, и результат может быть ошибочен. А четыре скульптуры, отправленные на анализ в лабораторию ТЛ, были взяты из экспозиции музея (из витрин), в которых до этого простояли три года. То же самое можно сказать и о более ранних примерах датирования статуэток из Акамбаро. Более того, в случае, если образцы перевозились на самолете без упаковки в специальные экранирующие излучение материалы, про точность

результатов таких анализов можно вообще не говорить, поскольку с увеличением высоты полета в разы возрастает сила воздействия солнечной радиации. Таким образом, придавать особое значение подобным датировкам не имеет смысла.

Все эти исследования в различных лабораториях проходили без участия самого Вольдемара Джульсруда. Дело в том, что еще в 1958 г. его магазин был ограблен, а сам Джульсруд получил серьезную черепно-мозговую травму. Родственники перевезли его в крупнейший город штата – Леон. Здесь Джульсруд и скончался в 1964 г. Таким образом, после 1958 г. его коллекция оставалась в старом доме в Акамбаро практически без присмотра. Наследники Вольдемара не продолжили его деятельность. Скорее наоборот. К середине 80-х гг. из коллекции пропали сотни, если не тысячи вещей. Прежде всего, это были наиболее искусно выполненные скульптурные композиции и наиболее крупные скульптуры. Предполагается, что большинство вещей наследники Джульсруда либо подарили, либо продали зажиточным мексиканцам для украшения интерьеров. На сегодняшний день в музее Джульсруда сохранилась лишь одна крупная скульптура, изображающая динозавра и имеющая в длину 150 см (фото 43).

Фото 43. Самая крупная из сохранившихся скульптур динозавров (первый директор музея Джульсруда Мигель Уэрта, фото автора).

Примерно в 1986 г. один из внуков Вольдемара продал всю коллекцию деда американским представителям креационизма. Американцы погрузили ящики с коллекцией в фуру и отправили ее в Штаты. Однако на границе мексиканские таможенники фуру с коллекцией задержали, подвергли аресту и после недолгих разбирательств конфисковали. Таким образом, коллекция перестала быть частной собственностью семьи Джульсруда и перешла в собственность муниципальных властей г. Акамбаро. Следующие десять лет она бесхозно пролежала в здании местного муниципалитета.

В целом в 70–80-е гг. общественный интерес к коллекции Джульсруда постепенно утих, научная общественность продолжала игнорировать факт существования коллекции. Отдельные публикации в популярных изданиях (в т. ч. и на русском языке – в журнале «Техника – молодежи», № 10, 1971) воспроизводили версию о фальшивом характере коллекции, основываясь на тезисе, что человек не мог сосуществовать с динозаврами.

В конце 90-х гг. ситуация изменилась. В 1997 г. на телеканале NBC был показан цикл программ под названием «Таинственное происхождение человечества», в котором одна серия была посвящена коллекции Джульсруда. Авторы программы также придерживались версии о недавнем происхождении коллекции и даже отправили пару образцов на независимую экспертизу по методу С14. Антропоморфная статуэтка была датирована 4000 г. до н. э., а статуэтка динозавра – 1500 г. до н. э. Однако авторы программы попросту заявили, что вторая дата является ошибочной.

В том же 1997 г. японская корпорация «Нисси» спонсировала поездку съемочной группы в Акамбаро. Входящий в состав группы ученый доктор Херрехон заявил, что статуэтки, изображающие бронтозавров, не соответствуют облику реально известных представителей этого класса, поскольку имеют ряд спинных пластин. Однако, как уже упоминалось выше, открытия палеонтолога Стивена Черкаса подтвердили наличие такой черты у представителей зауроподовых динозавров, и произошло это за несколько лет до создания данного фильма. А консультант фильма мог просто не знать о данном открытии.

В 1998 г. муниципальные власти Акамбаро приняли решение о создании музея Вольдемара Джульсруда. Под его коллекцию был выделен достаточно большой двухэтажный дом на окраине города. За два года – с 1998 по 2000 – была проведена инвентаризация коллекции. Целые артефакты были пронумерованы, упакованы и складированы в ящики. После такого подсчета оказалось, что в коллекции сохранилось 20 100 (!) целых скульптур и других предметов, которые занимают сегодня 222 пластиковых ящика. И это, не считая оставшихся 5–6 тысяч фрагментов и обломанных скульптур без всякой нумерации (их никто не считал), которые просто навалили скопом, набив ими еще 80 ящиков.

Первая экспозиция для публики открылась в 2000 г. Первоначально она была не очень большой. Но в течение следующих девяти лет в здании музея был закончен ремонт, и для экспозиции были выделены новые залы. Сейчас в открытом доступе находится 2860 предметов. Еще примерно 3000 экспонатов упакованы и лежат на полках музейного подвала. Остальная часть коллекции продолжает храниться в опечатанных ящиках.

С проблемой коллекции Акамбаро связано еще несколько принципиально важных моментов. Американские исследователи загадок древнейшей истории Деннис Свифт и Дон Паттон узнали от офицера федеральной полиции Эрнесто Маринеса историю о том, как в 1978 г. он конфисковал партию археологических находок, выкопанную двумя охотниками за древностями на соседнем с Эль-Торо холме Эль-Чибо. Эта партия содержала 3300 статуэток, аналогичных по стилю коллекции Джульсруда, среди них было девять фигурок динозавров. Все находки были переданы доктору Луису Моро, тогдашнему мэру Акамбаро, и помещены в ратушу. Оба «черных археолога» были осуждены на длительный срок и отправлены в федеральную тюрьму Мехико. Таким образом, мексиканское правосудие, по сути дела, признало подлинное происхождение артефактов из Акамбаро.

Деннис Свифт общался также с доктором Антонию Хеннехоном, который лично проводил раскопки на холмах Эль-Торо и Эль-Чибо в 1950–55 гг. и также находил статуэтки динозавров. Доктор Хеннехон утверждал, что в 40–50 гг. XX в. о динозаврах в Мексике практически никто ничего не знал.

Более того, еще в 1945 г. Карлос Переа, директор по археологии зоны Акамбаро при Национальном музее антропологии и истории в Мехико, заявил, что подлинность предметов коллекции Джульсруда не вызывает сомнений. Указывая на незаконный характер раскопок, произведенных Джульсрудом и местными крестьянами, он не мог при этом не признать подлинности сделанных находок. Карлос Переа отмечал, что он лично исследовал многие артефакты, включая статуэтки динозавров, обнаруженные в различных участках его зоны ответственности. Он также подтвердил факт своего непосредственного присутствия на официальных раскопках, проводившихся Национальным институтом антропологии и истории в 1954 г., во время которых было обнаружено большое количество образцов, включая статуэтки динозавров.

Доктор Деннис Свифт предоставил свидетельство доктора Антонио Виллиа Эрреджона, имевшего в городах Гвадалахара и Акамбаро медицинскую практику, который лично проводил раскопки на холмах Эль-Торо и Эль-Чиво в 1950–1955 гг. и, по его словам, также находил статуэтки динозавров. Доктор Эрреджон рассказал Свифту, что Джульсруд с помощниками в 40-х гг. предпринял колоссальную работу по очистке собранных предметов коллекции от грязи и налета. Это обстоятельство впоследствии послужило еще одним поводом для того, чтобы объявить коллекцию современной подделкой. Хотя наш личный опыт знакомства с собранием Джульсруда показывает, что далеко не все скульптуры были тщательно очищены от грунта. Это справедливо для тех вещей, которые сегодня выставлены в открытой экспозиции музея. Но среди фигурок, которые хранятся в ящиках в запаснике музея, очень много экземпляров, покрытых тонким остаточным слоем грунта, из которого они были извлечены. Т. е. их очистка была проведена поверхностно. Как уже отмечалось ранее, сотни скульптур имеют гипсовую патину, которая возникает под воздействием грунтовых вод на предметы, расположенные в земле. Данные факты лишней раз подтверждают подлинную древность коллекции Акамбаро.

Здесь необходимо отметить принципиальную деталь. Коллекция Джульсруда по-прежнему считается современной мистификацией, и представители академической науки не

занимаются ее изучением. Но при этом муниципальный музей Джульсруда находится под патронажем Национального института антропологии и истории (INAH). Это головное учреждение Мексики, курирующее все изыскания в области этих наук, в т. ч. и археологии. Надо отметить, что по западной классификации археология является антропологической наукой, в отличие от отечественной классификации, где она относится к историческим дисциплинам. Более того, с 2010 г. при муниципалитете города Акамбаро утверждена должность куратора от INAH, без визы которого не предпринимаются никакие действия в музее Джульсруда.

И еще один любопытный момент. Во время своих изысканий в 1968 г. Чарльз Хэпгуд исследовал и заново вскрыл один из старых раскопов, где обнаружил ряд плит, напоминающих уходящую внутрь склона лестницу. Один из местных жителей сказал ему, что на этом раскопе был ранее обнаружен тоннель, заполненный землей и ведущий в недра холма. Кроме того, существует информация, что еще один местный житель обнаружил в склоне Эль-Торо пещеру, заполненную статуэтками и другими древними предметами. Эти данные послужили основанием для предположения о существовании в недрах холма Эль-Торо целого «подземного города». Американец Джон Тьерни, почти сорок лет изучавший материалы Акамбаро, уверен, что найденная Джульсрудом коллекция – лишь часть огромной «библиотеки», сопровождавшей древнее сакральное место.

Конечно, к подобной информации следует относиться очень осторожно, т. к. мифы копателей о таинственных пещерных собраниях и кладах чрезвычайно распространены по всему миру. Однако не вызывает сомнений тот факт, что эти холмы в Акамбаро на протяжении многих столетий в древности почитались как сакральное место, и не стоит ожидать, что они легко и быстро раскроют свои тайны.

ДИНОЗАВРЫ В КУЛЬТУРАХ НОВОГО СВЕТА

Описанные выше коллекции Хавьера Кабреры и Вольдемара Джульсруда являются наиболее представительными массивами фактов, свидетельствующих о существовании динозавров в недалеком историческом прошлом. Однако существует много других частных коллекций, содержащих отдельные древние артефакты с изображениями динозавров. К сожалению, оказываясь в частных коллекциях, подобные предметы выпадают из научного оборота. Например, в интернете на одном из американских антикварных сайтов можно встретить объявление о продаже каменных скульптур динозавров, происхождение которых точно неизвестно, но которые приписываются древним мезоамериканским культурам. И хотя подобной информации сегодня в сети достаточно, представители академической науки не собираются заниматься ее изучением.

Наряду с тем, подобные предметы в единичных экземплярах можно увидеть и в музеях. Вопрос заключается, прежде всего, в интерпретации таких изображений. И здесь необходимо сделать пару принципиальных замечаний. Прежде всего, следует вспомнить о драконах, чей образ является неотъемлемым атрибутом мифов, легенд и, соответственно, искусства многих народов мира. Собственно, дракон как мифологическое существо присутствует у древних народов практически всех континентов. В последние три десятилетия в массовой культуре наблюдается настоящий всплеск дракономании. Появилось даже отдельное направление исследований – «драконоведение». Поэтому в данной работе мы не будем подробно останавливаться на столь обширной теме. Но необходимо подчеркнуть важный момент. В мифологии большинства народов дракон представлен как гибридное существо. Вариации совмещения частей тела дракона от разных животных достаточно многочисленны. Туловище его может быть змеиным или львиным, лапы как у хищной птицы, голова – особая часть тела, демонстрирующая наибольшее разнообразие вариантов. Для нас наиболее привычен образ крылатого дракона, который практически всегда изображался с перепончатыми крыльями, подобными крыльям летучей мыши. Хотя в восточных странах более распространен бескрылый дракон. Эти характерные

признаки дракона подчеркнуты специально, чтобы при дальнейшем изложении был набор четких критериев для различия образов драконов и реликтовых ящеров. Таким образом, в этой главе мы не рассматриваем в качестве динозавров изображения, которые имеют характерные драконьи черты, а именно, перепончатые крылья, раздвоенный змеиный язык, огнедышащую пасть. Данное разделение, как это будет показано ниже, позволяет по-другому взглянуть на различные произведения искусства, порой не столь уж и древние.

И второй существенный момент. Известные артефакты с динозаврами можно разделить на две основные категории: натуралистичные и стилизованные. К первым, как это понятно, относятся те изображения, которые без особых сомнений можно интерпретировать как изображения реликтовых ящеров. Стилизованные изображения отличаются наличием характерных черт иконографического канона, свойственного конкретной культуре (или культурной области), к которой относятся данные артефакты. Такие изображения не столь реалистичны, но с учетом вышесказанного их можно без труда дифференцировать от изображений драконов или похожих на них мифологических существ.

Действительно реалистичных артефактов, изображающих конкретных динозавров, известно не так уж и много. Большинство из них также происходит с территории Нового Света. В США существует коллекция древностей Рассела Барроуза, который собрал ее в 80–90-е гг. прошлого века. Это собрание достаточно хорошо известно на Западе, вокруг него до сих пор не утихают жаркие споры: является ли оно подлинным, или это масштабная мистификация. Дело в том, что значительное число предметов, а их в собрании по разным подсчетам было от трех до семи тысяч, свидетельствуют о существовании тесных контактов между цивилизациями древнего Средиземноморья и индейскими племенами бассейна реки Миссисипи за тысячу и более лет до плаваний Христофора Колумба. В коллекции представлена целая галерея портретов людей, явно относившихся к древним средиземноморским культурам – карфагенской, греческой, финикийской, египетской. Есть также многочисленные изображения и статуэтки африканских животных: слона, жирафа, кобры. Естественно, что подобные артефакты не соответствуют официальным взглядам на характер доколумбовых

контактов между Старым и Новым Светом. Соответственно и отношение академических ученых к этому собранию однозначное: современная фальшивка.

Американские исследователи допускают весьма значительный временной разброс для таких доколумбовых контактов: от VII в. до н. э. вплоть до X в. н. э., однако этот промежуток времени слишком велик для существования постоянных колоний выходцев из древнего Средиземноморья в Америке. Анализ комплекса артефактов из собрания Барроуза позволяет уверенно говорить, что они относятся к эпохе эллинизма (IV–I вв. до н. э.) и/или чуть к более позднему времени, включая I в. н. э.

Большинство артефактов этой коллекции отличаются высокой степенью реализма изображений. Портреты людей имеют характерные индивидуальные черты, образы животных легко узнаваемы. Поэтому и несколько предметов, изображающих динозавров, чрезвычайно реалистичны. В коллекции есть два камня (галечного типа) с гравированными рисунками древних ящеров. На одном из них присутствует плезиозавр, изображенный в динамике. Сам рисунок достаточно противоречив. С одной стороны, на шее ящера специально прорисована грива. Нужно отметить, что грива часто фигурирует в исторических и современных свидетельствах, описывающих встречи с водными реликтовыми животными, которым посвящены заключительные главы нашей книги. В коллекции Акамбаро также имеются статуэтки как сухопутных, так и водных ящеров с гривой (фото 30). С другой стороны, несмотря на реалистичность этого изображения, плезиозавр показан только с двумя передними лапами. А как хорошо известно палеонтологам, этот отряд ископаемых пресмыкающихся (официально живших около 199,6–65,5 млн лет назад) имел четыре конечности. Но и многие мексиканские скульптуры динозавров из собрания Джульсруда также были исполнены в виде двулапых существ.

На территории Америки были обнаружены и другие единичные артефакты, изображавшие динозавров. Но, в отличие от коллекции Джульсруда, в большинстве своем это были не отдельные скульптуры, а фигурные сосуды. Так, в Колумбии был обнаружен кувшин в виде фигуры динозавра, который исследователи отнесли к местной доколумбовой культуре колима (датируется VII в. до н. э. – XV в. н. э.). Проработка

поверхности сосуда очень детальная, поэтому в нем легко можно узнать анкилозавра. Согласно палеонтологическим данным эти ящеры являлись довольно поздними представителями динозавров, населявшими запад североамериканского континента в позднемеловом периоде (66,5–66 млн лет назад). Еще в начале XX в. в Венесуэле был обнаружен керамический сосуд в виде фигуры зауроподового ящера, больше всего напоминающего апатозавра.

Очень примечателен экземпляр сосуда, найденного в Боливии, который сейчас находится в частной коллекции (фото 44).

Фото 44. Керамический сосуд керо с рельефными изображениями зауроподовых динозавров (культура тиауанако-уари, Боливия, фото автора).

Это типичная для цивилизации тиауанако (расцвет ее приходится на период V–IX вв.) форма бокала под название «керо». Подобные керо археологи во множестве находили не только на памятниках тиауанако, но и на территории других древних культур Анд, таких как уари, наска, инки. Керо, очевидно, относились к ритуальной посуде, поэтому их находят в погребениях, как правило, в целом

виде. Большинство таких бокалов имеет полихромную роспись, гравированные изображения или скульптурные украшения. На данном сосуде в технике низкого рельефа были выполнены изображения двух зауроподовых ящеров с традиционными треугольными пластинами на спине и шее. Древний художник даже изобразил условно окрас шкуры древних рептилий. И данная находка не уникальна. Но большинство подобных артефактов разбросаны по частным коллекциям и, как правило, не доступны для исследований.

Реалистичные изображения древних рептилий встречаются и на отдельных сосудах в других частях света. Например, на вазе культуры майя позднего доклассического периода (III в. до н. э. – III в. н. э.), которая хранится сегодня в одном из больших мексиканских музеев.

Отдельные находки сосудов с реалистичными изображениями динозавров происходят с территории США. В бассейне реки Миссисипи был найден фигурный полихромный сосуд в виде зауроподового ящера с оскаленной пастью. Из этого же региона происходит еще один сосуд с ручкой, выполненной в виде зауроподового динозавра. Реалистичность изображений не позволяет усомниться в том, что это именно изображения якобы вымерших древних ящеров, а не современных пресмыкающихся. Оба сосуда относят к культуре миссисипи (X–XV вв.).

Отдельно следует остановиться на еще одном артефакте, найденном на территории США. В 1924 г. около города Тусон (штат Аризона) при прокладке железнодорожной насыпи через отвесный берег реки Санта-Крус был обнаружен клад, состоявший из более чем 30 предметов. В основном это были мечи, кинжалы и наконечники копий римского типа. Среди них оказались два кованых креста романского типа. Один из них содержал несколько надписей на латинском и еврейском языках, другой – несколько еврейских букв и надпись неизвестным видом письма. Находки были сделаны Чарльзом Маньером, который через некоторое время передал большую часть артефактов в Историческое Общество Аризоны. Что удивительно, на лезвие одного из мечей – типично римского меча (гладиуса) – было выгравировано изображение зауроподового динозавра, имеющего совершенно привычный для нас облик. Мало того, что находка подобного клада древнеримских пред-

метов на юго-западе США являлась выдающимся событием, – на одном из предметов присутствовало однозначное изображение вымершего ящера! Однако, как и все другие подобные находки, клад из Туксона был полностью проигнорирован американской научной общественностью.

На материалах древних американских культур можно проследить развитие традиции стилизованных изображений динозавров, о которой упоминалось выше. Наглядные примеры этого есть на территории Мексики и Перу. В Акамбаро в собрании Вольдемара Джульсруда имеются артефакты, относящиеся к культуре чупикуаро. Эту местную доколумбовую культуру датируют длительным промежутком времени от VIII в. до н. э. по II в. н. э., хотя некоторые исследователи доводят ее границу до VI в. н. э. Культура отличается прекрасной полихромной керамикой и скульптурой. В Акамбаро даже существует небольшой музей культуры чупикуаро, и среди артефактов этой культуры также есть изображения динозавров. От остального комплекса собрания Джульсруда предметы чупикуаро отличаются, прежде всего, тем, что представляют собой изделия из расписной керамики. Тогда как подавляющее большинство сосудов и скульптур в коллекции не имеют росписи. Также изделия чупикуаро отличает и характерный иконографический стиль. Один из сосудов изображает сидящего динозавра с пластинами на спине и хвосте (фото 45). Однако идентифицировать вид ящера не представляется возможным. На другом сосуде представлена стилизованная голова рогатого драконовидного ящера. Точно такая же голова ящера-дракона (но уже фрагмент крупной скульптуры, а не часть сосуда) демонстрируется в основной экспозиции музея Джульсруда (фото 46). Таким образом, можно сделать предположение, что мастера культуры чупикуаро уже не жили одновременно с представителями реликтовых ящеров, а делали свои изображения по имевшимся в их распоряжении более древним образцам скульптуры. Еще один артефакт чупикуаро (из частной коллекции в Акамбаро) представляет собой сосуд в виде хорошо узнаваемого зауроподового ящера со стилизованными пластинами на задней и передней сторонах шеи.

*Фото 45. Полихромная статуэтка динозавра
(культура чупикуаро, частная коллекция, фото автора).*

*Фото 46. Скульптурная голова ящера с рогом на носу из коллекции
Джувльсруда (фото автора).*

Но это именно стилизация, использованная для формы фигурного сосуда, где ноги животного служат собственно его подставками (фото 47). И, судя по росписи, данный сосуд можно отнести к ранним этапам культуры чупикуаро. В коллекции Джульсруда нерасписные сосуды в форме динозавров отсутствуют: либо скульптуры самих ящеров, либо, в редких случаях их гравированные изображения на сосудах без росписи. Таким образом, можно косвенно предположить время исчезновения живых представителей древних рептилий в этом регионе: примерно 1-я половина – середина I тыс. до н. э. Выше уже приводились результаты радиоуглеродного анализа фигурок из Акамбаро: самые поздние цифры относились к концу II тыс. до н. э.

Фото 47. Керамический сосуд культуры чупикуаро в форме зауроподового динозавра (частная коллекция, Акамбаро, фото автора).

Схожая ситуация имеет место и в Перу. Здесь на северном побережье Тихого океана в период с I по VIII вв. существовала культура моче (или мочика), центр которой располагался в районе нынешнего города Трухильо. А к югу на побережье Перу примерно в тот же период жили носители культуры наска. Народы наска и моче жили в долинах рек, спускавшихся с Западной Кордильеры к тихоокеанскому побережью. В основе их экономики лежало развитое ирригационное земледелие (маис,

тыква, картофель, хлопок и прочее), специализированное скотоводство и многочисленные ремесла. Как археологи, так и западные коллекционеры считают полихромную керамику моче самой изысканной среди культур Южной Америки.

Сюжеты на керамике моче отражают повседневную жизнь этого древнеперуанского общества. Здесь присутствуют сцены охоты, батальные сцены, изображения религиозных церемоний и сюжетов из мифов. Археологами в погребениях культуры мочика было обнаружено значительное количество сосудов с рисунками драконовидных существ. Собственно, археологи так их и интерпретируют: как мифологических животных, имеющих облик дракона или ящера. Однако, несмотря на сильную стилизацию таких изображений, в них легко можно узнать образ зауроподового динозавра с пластинами на спине и хвосте. Конечно, эти рисунки не обладают той реалистичностью, которая присуща комплексу камней Ики. Но и изображения других животных и людей на керамике моче также стилизованы в соответствии с иконографическим каноном этой культуры.

Фото 48. Сосуды культуры моче со стилизованными изображениями динозавров (музей Ларко, Лима, фото автора).

А образ хищного динозавра подвергся еще большей стилизации (фото 48). Кроме сосудов, на которых плотоядные динозавры больше похоже на мифологических животных (например, хвост оформлен в виде головы змеи), есть фигурные сосуды с типичной сценой – схваткой человека и ящера (фото 49). Изображения на таких сосудах очень реалистичны: воин в доспехах убивает ножом ящера, стоящего на задних ногах. Образ прямоходящего ящера с антропоморфными чертами также типичен для расписных сосудов мочы, на которых такой «рептилоид» часто изображается в схватке с человеком.

Фото 49. Фигурный сосуд культуры мочы изображающий схватку «рептилоида» и человека (музей Ларко, Лима, фото автора).

Искусство культуры наска значительно отличается от мочика, прежде всего, большей стилизованностью. В рисунках на керамике наска, также изобилующей изображениями животных, птиц и рыб, далеко не всегда можно узнать конкретный вид существа. Соответственно и рисунки динозавров очень далеки от реальности. Тем не менее, здесь присутствует своего рода канонический элемент иконографии, изображающий динозавра со спинными пластинами. И этот стилизованный

образ древнего ящера практически в неизменном виде присутствует не только на керамике, но и среди изображений на тканях (фото 50) и на резной деревянной посуде. Согласно современным гипотезам, культура наска произошла от более ранней местной культуры – паракас (VIII – I вв. до н. э.), в которой также присутствуют артефакты с аналогичным стилизованным изображением динозавра.

Фото 50. Стилизованное изображение стегозавра на ткани (культура наска, Перу, частная коллекция, фото автора).

Стилизованные изображения древних ящеров можно встретить в самых разных древних культурах как Нового, так и Старого Света. Но в большинстве случаев такие изображения не поддаются однозначной идентификации. Впрочем, представители академической науки чаще всего просто не обращают внимания на такие «неудобные» факты. А в случаях, когда они все же попадают в научный оборот, приверженцы традиционной эволюционной парадигмы считают, что в подобных артефактах воплощены образы «мифологических» существ или выдуманных монстров. Т. е. все сводится к фантазии древних людей, и никоим образом не допускается, что эти фантастиче-

ские существа могли иметь реально существовавшие живые прототипы.

А ведь даже сегодня окружающий нас мир далеко не так хорошо изучен, как это часто мы себе представляем. Так, в период с 1997 по 2011 гг. международная экспедиция биологов, работавшая в бассейне реки Меконг, открыла и описала 1710 ранее не известных видов животных и растений! И это за 10 лет исследований только в одном географическом регионе. В качестве наглядного примера можно привести открытие одного из самых древних растений на Земле, воллемии благородной (лат. *Wollemia nobilis*), считавшейся благополучно вымершей миллионы лет назад. Около сотни этих реликтовых растений из рода хвойных деревьев были случайно обнаружены сотрудником австралийского национального парка Уоллеми (штат Новый Южный Уэльс) в 1994 г. Ученые сопоставляют это неожиданное открытие с находкой «маленького живого динозавра».

РЕЛИКТОВЫЕ ЯЩЕРЫ В ПЕРМСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

В противоположность Колумбу, дрейфуя в нашем исследовании от Нового Света к Свету Старому, отметим, что наиболее ярким примером, успешно опровергающим академический стереотип о «вымышленных монстрах», служит уникальное изображение стегозавра в храме Та Прохм (Та Прум), являющегося частью всемирно известного храмового комплекса Ангкор-Ват в Камбодже. Согласно письменным источникам, Та Прохм строился во 2-й половине XII в. и был торжественно освящен королем Джайяварманом VII в 1186 г. В одном из углов его внутреннего двора находится изображение стегозавра, которое сегодня может увидеть любой турист (фото 51).

Фото 51. Резное изображение стегозавра на стене храма Та Прохм (Камбоджа, фото автора).

Изображение вписано в круглую виньетку диаметром 20 см. О том, что это именно стегозавр, свидетельствует как характерный ряд ромбовидных пластин на спине, так и рога на голове.

Других подобных рельефов во всем комплексе Ангкор обнаружено не было. Барельеф стегозавра расположен в общем орнаментальном ряду, в виньетку над ним включено изображение водяного буйвола, ниже изображено какое-то трудно определяемое животное. Для строительства храмов комплекса Ангкор сюда свозились мастера со всей Юго-восточной Азии. Поэтому можно предположить, что один из таких художников вырезал странное животное, виденное им где-то в джунглях, вписав его в общий изобразительный ряд.

Развивая тему возможного сосуществования человека и динозавров, следует обратить внимание на архаический культ реликтового ящера, различные изводы которого отчетливо прослеживаются на всем протяжении евразийского и африканского континентов.

Известный русский географ, антрополог, этнограф и археолог Д. Н. Анучин (1843–1923) писал: «Среди приуральской чуди было широко распространено представление о каком-то мифическом звере с некоторыми признаками гада с удлиненной головой, вооруженной рогом и напоминающей отчасти крокодилью или носорожью, с вытянутым туловищем, покрытым чешуями вдоль спины и оканчивающимся более или менее коротким хвостом. Зверь этот представлялся живущим на земле».

Ящер, которого описывает Анучин, является настоящей визитной карточкой пермского звериного стиля – уникального культового литья, датируемого VII в. до н. э. – XII в. н. э. Этот стиль – один из самых необычных памятников древнего искусства, совершенно выпадающий из общего ряда прочих урало-сибирских звериных стилей. Он представлен культовыми ажурными или сплошными односторонними литыми бронзово-медными сюжетными пластинами-плакетками, которые, по всей видимости, входили в определенные наборы, отражавшие космогонические и генеалогические представления своих создателей. Предположительно такие наборы были обязательной принадлежностью каждого родового святилища, что объясняет их распространенность и устойчивость сюжетов. Помимо культовых плакеток к пермскому звериному стилю относят ряд фигурок-бляшек или медальонов, изображающих птиц, головы медведей, антропоморфные личины или фигуры.

Эти образцы также выполнены плоским литьем и имеют, в ряде случаев, ажурно-прорезное исполнение. Пермский звериный стиль обладает всеми признаками системности: повторяемостью сюжетов, общими технологическими приемами, длительностью существования, композиционной структурой.

Впервые металлические изображения («идолы») из Приуралья и Сибири были упомянуты в книге голландского политика и картографа Николааса Витсена «Norden Oost Tartarie» (1692). В начале XVIII в. ганноверский резидент при русском дворе Фридрих Христиан Вебер, рассказывая о находках древностей из Приуралья, упоминает о фигурках животных и людей из бронзы и золота, доставленных в Кабинет Петра I.

Формирование первых коллекций пермского звериного стиля, представленных сегодня в крупнейших музеях России, связано с особым интересом, питаемым к «чуждым древностям» графом С. Г. Строгановым (1794–1882). Активная деятельность по сбору пермских древностей была начата им в 1846 г.. Вступив во владение Пермским майоратом, Строганов написал письмо управляющему имением Василию Волегову (1806 или 1807–1864) с просьбой собирать не только серебряные, но и медные предметы, особенно с изображениями «чуждых богов». К тому времени Волегов уже не только собирал и описывал условия находок, но и составлял альбом обнаруженных образцов пермского звериного стиля.

До конца жизни Строганов всячески содействовал раскопкам в Северном Причерноморье и занимался профессиональной археологической деятельностью в собственных пермских владениях. В 1859 г. по его представлению была основана Императорская археологическая комиссия, благодаря которой в 1893 г. началось планомерное научное изучение археологических памятников Пермского края.

Одним из первых исследователей и систематизаторов пермского звериного стиля считается бывший лесничий в имении графов Строгановых, натуралист и лесовод Ф. А. Теплоухов (1845–1905). Коллекция Теплоухова была опубликована в 1906 г. сотрудником Императорской археологической комиссии, профессором А. А. Спицыным (1858–1931).

В настоящее время коллекции пермского звериного стиля находятся не только в музеях Перми и Пермской области, но в

Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее, а также в Национальном музее Финляндии.

Ящер, в изобилии представленный на предметах пермского культового литья, изображается в виде зооморфного существа с коротким плотным туловищем, короткими, обычно трехпальными ногами, тупой или подтреугольной головой. Он, как правило, служит подножием человекообразных фигур (сульде), с которыми составляет подчас сложную композицию. В ряде случаев ящеру отводится в ней главное место.

Теплоухов писал: «Животное это представляет собой нечто среднее между зверем и рыбой, в общем же напоминает собою отчасти большую ящерицу или крокодила. Тело этого чудовища, как и форма его головы, делает его похожим на рыбу, но глаза и ноздри похожи скорее на звериные. Кроме того, нижняя челюсть длиннее верхней, и ей придана форма загнутого вверх рога. Другой такой рог помещен на затылке. Ноги короткие, в виде человеческих рук, а хвост подобен рыбьему, поставлен вертикально».

Авторство пермского звериного стиля приписывается загадочному народу чудь, предания о котором охватывают территории Европейского севера от Скандинавии до Урала. Современная историография отождествляет чудь с финно-угорским населением северо-востока Русской равнины. Считается, что под этим именем выступали предки современных эстонцев, вепсов, карелов, коми и коми-пермяков.

Невзирая на такое предположение, финское население Предуралья еще в XIX в. отрицало принадлежность предметов пермского звериного стиля к наследию своих предков: в частности, зыряне утверждали, что «идолы» эти не зырянские, а вогулические, и даже не их божества, а жертвы.

Хорошо изученный этнографами и искусствоведами звериный стиль, свойственный искусству народов коми, не является ни реликтом пермского звериного стиля в металлопластике, ни его продолжением, а отражает проявление космогонического и иного фольклора финнов и их орнаментальных традиций. Часть этих сюжетов заимствовано у русского населения, часть можно наблюдать в орнаментации костяных изделий древних удмуртов (чепецкая культура) и

древних коми (вымская культура). Лишь после многочисленных публикаций о пермском зверином стиле, как о культурном наследии коми (зырян и пермяков) у представителей интеллигенции этих этносов сложилось представление о нем как о собственном культурном наследии.

Показательно отношение местного населения и, в частности, самих коми к предметам пермского звериного стиля. Вот как его характеризует заведующая отделением культурологии Пермского педагогического университета, кандидат исторических наук О. В. Игнатьева: «С одной стороны, эти вещи вызывали страх, особенно если это были антропоморфные изображения, получившие в народе название «черти», от таких предметов стремились избавиться. С другой стороны, культовое литье, как и другие бронзовые и серебряные изделия, сбывалось с целью переплавки».

В 20-х гг. прошлого века российский этнограф П. М. Богаевский (1866–1929) писал по этому поводу: «Всех, кому приходилось проезжать по Чердынскому и Соликамскому уездам, прямо поражают рассказы крестьян о многочисленных находках этих памятников и легкость приобретения их. Например, в 1915 г. в селе Верх-Боровском Чердынского уезда крестьяне предлагали нам массу чудских находок по цене 5 руб. за ковш». Если драгоценные серебряные находки из отыскиваемых в изобилии кладов использовались местным населением в качестве даров, денег или попросту отправлялись в переплавку, то бронзовые бляшки не пользовались подобным спросом и в большом количестве попадали в руки ученых, коллекционеров и просто любителей старины.

Не правда ли, весьма странное отношение к собственному культурному, а главное, религиозному наследию! Не менее странным в истории пермского звериного стиля с точки зрения официальной концепции представляется внезапное исчезновение практики его воспроизведения и использования у местного населения.

Самим местным населением находки предметов пермского культового литья связывались с чуждью и именовались чаще всего «чудскими богами». Подавляющее большинство предметов были найдены на местах разработок древних копий, во время строительства дорог, вырубки леса, работы на огородах и пашне.

Предания о чуди действительно связаны с ареалом проживания финно-угорских народов, но сами эти народы, в частности, коми-пермяки, полагали чудь другим народом. В преданиях коми чудь представлена как персонаж мифического времени или древний («прежний», «иной», «старый») народ, чье исчезновение (уход) связывается с появлением на этой территории исторических племен.

Наряду с местным населением эту точку зрения разделяли первые исследователи и коллекционеры пермского звериного стиля. Теплоухов относил предметы пермского культового литья к легендарной чуди, называя их «чудскими идолами», и считал их принадлежностью религиозных культов древнейшего населения Прикамья. Анучин именовал предметы пермского звериного стиля «чудскими образками», считая их характерной чертой северного Приуралья или, точнее, Пермско-Тобольского края с прилегающими к нему районами.

Археолог и востоковед А. В. Шмидт (1894–1935), в 20-е гг. прошлого века впервые использовавший термин «пермский звериный стиль» в своих работах, критиковал позицию исследователей культового литья, объединявших пермские и сибирские материалы, что, с его точки зрения, являлось недопустимым, т. к. «пермские и западносибирские культуры являются самостоятельными». Отстаивая идею своеобразия культового литья Прикамья, Шмидт писал: «Выполнены они в особенном, очень странном стиле. Кажется, будто эти фигуры созданы больным воображением исступленного волшебника – шамана, старавшегося воплотить кошмарные образы своих духов-помощников. Нигде, кроме Приуральского края, нет подобных изображений, в которых мешается в одно целое человеческое лицо, птичьи крылья, лосиная голова. Очевидно, в Приуралье сложились какие-то особенные условия, вызвавшие рождение этого стиля».

Еще одна серьезная проблема связана с невозможностью точной датировки образцов пермского звериного стиля. Игнатьева следующим образом комментирует это обстоятельство: «Большинство предметов пермского звериного стиля сложно датировать, потому что это единичные находки или клады. Обычно клад датируется по предметам или памятникам, которые точно можно связать с той или иной эпохой. Например, в

кладе наряду с культовыми вещами находят монеты или предметы бытовой культуры, или клад находится недалеко от городища, селища или святилища. Крупные клады пермского звериного стиля были найдены абсолютно обособленно, поэтому мы не можем датировать их точно».

Зато в 1949 г. близ деревни Ежово Очерского района Пермской области было обнаружено уникальное местонахождение окаменелых останков вполне реальных ископаемых ящеров, отнесенных палеонтологами к пермскому геологическому периоду (298–252 млн лет назад). Впоследствии это захоронение получило название «Ежовское», а обнаруженные там впервые виды наземных позвоночных животных стали именоваться «очерской фауной». В их числе фигурируют: амфибии-лабиринтодонты; растительоядные аномодонты; имеющие определенное сходство с млекопитающими териодонты; диноцефалы; похожие на крокодилов лабиринтодонты архегозавриды и диноцефалы титанофонеусы. Последние считаются крупнейшими хищниками пермского периода: длина их черепа составляла около 60 см, а всего тела – до 6 м. В настоящий момент в Пермской области известно еще два местонахождения «очерской фауны» – у деревни Лужково Очерской области и в 0,5 км вверх по течению реки Камы от пристани Ерзовка Чагинского района. К сожалению, оба эти местонахождения до сих пор не раскопаны и не изучены.

Фундаментальное открытие захоронений пермских ящеров на территории России связано с именем видного русского геолога и палеонтолога, профессора Варшавского университета В. П. Амалицкого (1860–1917). В конце XIX в. он выдвинул смелое предположение, что в позднепермское время флора и фауна столь удаленных ныне друг от друга областей суши, как Южная Африка и Европа, были одинаковыми. Поскольку в Африке уже были известны целые скелеты древних рептилий, то и на территории России должны существовать скелеты таких же ящеров. Не смущаясь отсутствием поддержки в научных кругах, Амалицкий на свои средства организовал первые экспедиции на северные русские реки. В 1898 г. во время исследования пермских отложений по рекам Сухона и Северная Двина, в песчаных линзах пермских отложений было открыто богатейшее собрание звероподобных ящеров

удивительной полноты и сохранности. Из земных недр были извлечены кости диковинных доисторических наземных позвоночных животных, не только известных, но также и неизвестных науке того времени. Результаты раскопок превзошли самые смелые ожидания и произвели настоящую сенсацию в научном мире, находки были названы «национальным сокровищем», а имя Амалицкого получило мировую известность. В конечном итоге из разрозненных находок, достоверных фактов и смелых гипотез сложился образ грандиозной ископаемой страны, простиравшейся от Каспийского моря на юге, до шельфа Баренцева моря на севере и от Урала на востоке, почти до границ Московской области на западе. На этой обширной территории существовали соленые озера, по своим размерам сопоставимые с Аральским морем, а на бесчисленных островах посреди проток паслись зверообразные рептилии.

В Приуралье первые находки ископаемых ящеров были сделаны еще в XIX в., при проходке горных выработок в медистых песчаниках. Было высказано предположение, что чудские умельцы, слывшие отменными рудознатоками и горняками, в процессе добычи медной руды могли сталкиваться с аналогичными захоронениями. Ископаемые останки якобы произвели на чудских горняков столь неизгладимое впечатление, что пермские ящеры стали для них неотъемлемым символом подземного мира, который они впоследствии регулярно воспроизводили на своих ритуальных предметах.

Чудь действительно издавна славилась своими горнодобывающими и металлургическими умениями. Известный русский прозаик и драматург Д. Мамин-Сибиряк (1852–1912) писал: «Чудь существовала задолго до русской истории, и можно только удивляться высокой металлической культуре составлявших ее племен. Достаточно сказать одно то, что все наши уральские горные заводы выстроены на местах бывшей чудской работы – руду искали именно по этим чудским местам». В археолого-этнографическом этюде «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецах незнаемых в восточной стране»» (1890) о том же самом пишет и Анучин: «Известно, что как в Алтае, так и в Урале, русские открывали рудники, большей частью, по следам какого-то древнего народа, который был знаком с

металлургией и открыл в этих горах почти все более замечательные в них медные месторождения».

Однако столь же верно и то, что в подавляющем большинстве случаев на образцах пермского культового литья ящеры представлены в качестве живых существ: они изображаются в движении, у них открыта пасть, они дышат, они живут, глаза у всех открытые, зрячие. Свыше сотни таких изображений были опубликованы в 1900 г. в атласе профессора Спицына «Шаманские изображения».

Наиболее ярким примером служит бронзовая ажурная бляха, найденная в 1898 г. близ деревни Ныргында Сарапульского района (Удмуртия), датированная предположительно VIII–IX вв. На ней изображен «огромный, весьма типичный ящер, длинный, изогнутый, с коротким пушистым хвостом и короткими лапами; на сильно вывернутой нижней челюсти и на шее волоса, верхняя челюсть иззубрена». На ящере сидит человек с раскинутыми руками-крыльями, голова и руки его переходят в лосиные головы, а те, в свою очередь, в птиц. Важная деталь этого изображения – семь больших рыб, находящихся в чреве ящера. Тем самым автор композиции совершенно недвусмысленно подчеркивает, что он изобразил живое существо (фото 52).

Фото 52. Ящер с рыбами в чреве и сидящий на нем человеколось в окружении лосиных голов и птиц. Ажурная бляха. Бронза, литье.

VI–VIII вв. д. Ныргында Сарапульского р-на, Удмуртия.

Сборы А. А. Спицына 1898 (Эрмитаж, фото автора).

Анучин выделяет еще более удивительную и важную «идеологическую деталь», помогающую, по его мнению, понять подлинную суть ритуального изображения ящера: «Зверь этот изображался или в виде отдельных фигур, или в подножии антропоморфных и зверовидных фигур – «образков», как бы заменяя собою Землю. Тем не менее, ящер представлялся способным к передвижению на себе других, более или менее антропоморфных существ».

Сюжет с антропоморфными фигурами, передвигающимися верхом на ящере, действительно характерен для пермского культового литья. В экспозиции Чердынского краеведческого музея представлена весьма типичная бронзовая подвеска в виде всадника, сидящего на спине ящера, датированная VIII–IX вв. Наряду с упомянутой выше ажурной бронзовой бляхой из Нырғынды наиболее впечатляющий образчик подобного сюжета представлен в экспозиции Государственного исторического музея. Здесь можно увидеть полую бронзовую подвеску, найденную на реке Ухте и датированную VIII–X вв., на которой изображены объемные фигуры двух людей, сидящих верхом на ящере (фото 53).

Фото 53. Полая подвеска с объемными фигурами двух людей, сидящих на ящере. Бронза, литье. VIII–IX вв. р. Ухта (Государственный исторический музей, фото автора).

Аналогичная композиция изображена на бронзовой пластине шириной 9 см и высотой 4,5 см, датированной IV–V вв., из Подчеремского клада «чудских» вещей, обнаруженного в 1929 г. на правом берегу реки Подчеремы в процессе геологических исследований. Советский археолог В. А. Городцов (1860–1945) в статье «Подчеремский клад» (1937) следующим образом описывает ее содержание: «На пластинке изображены две человеческие фигуры, сидящие на спине ящера. В человеческих фигурах легко узнаются сульде-отец и сульде-мать. Впереди сидит отец, представленный без костюма, с лицом вправо. Над головой его изображена голова лося; в правой руке жезл; непомерно крупный глаз представлен выпуклой точкой среди углубленной треугольной выемки; на руках и ноге по три пальца. Сзади сидит сульде-мать, пол которой подчеркнут стеатопигией¹. Над головой ее та же голова лося, которая изображена и над головой сульде-отца. Голова животного изображена с большим глазом и длинным спущенным назад ухом; от головы спускается вниз его кожа, под покровом которой ютятся оба сульде. Глаз матери трактован так же, как и глаз отца, в виде выпуклой точки среди треугольной выемки. Правая рука простерта вперед, к спине отца; левая рука откинута назад, как бы для придерживания шкуры лося. На руках и правой, видной в изображении, ноге по три пальца; от правого уха спускаются вниз две черточки, изображающие, по видимому, украшения. Ящер представлен в стремительном ходе вперед. Его голова напоминает голову рыбы (щуки); на затылке виден рог, поднятый вверх и немного загнутый вперед; глаз представлен выпуклой точкой среди овального углубления; под нижней челюстью обозначена борода или космы; спина щетинистая, лапы короткие и сильные с тремя пальцами каждая; мускулы плеча и бедра обозначены правильными выпуклыми кружками; хвост короткий и широкий, обозначен тремя космами» (фото 54).

¹ Стеатопигия – преимущественное отложение жира на ягодицах, встречающееся, как правило, у женщин.

Фото 54. Пластина с фигурами мужчины и женщины, сидящих на ящере (с прорисовкой). Бронза. IV–V вв. Подчеремский клад, правый берег р. Подчеремы 1929 (Эрмитаж, фото автора).

Пермский историк и археолог, доктор исторических наук А. М. Белавин пишет: «Ящер – существо, заглатывающее людей и обитающее под землей, – хорошо известный сюжет угорских урало-обских сказок. У угро-самодийских народов Сибири ящер известен и как зверь-мамонт, чаще всего обитающий под землей. Судя по находкам на селище Володин Камень I, в пермском стиле образ ящера также связывался с подземным миром (хозяин) и может рассматриваться, в т. ч., как олицетворение духа-покровителя металлургов».

Различным группам хантов зверь-мамонт известен как «вес» («вэс»). В некоторых случаях имя веса подвергалось табуированию, и тогда он фигурировал как «вой» («зверь»).

Описывают это существо следующим образом: «белый, живет в воде, в ямах», «как кит, говорят, всплывает», «из воды выползает, под вид тюленя», «крокодил, землю роет по берегу, в воде живет».

С именем «веса» связан целый ряд топонимов, например озеро Весынг-лор («Озеро веса»), располагающееся на левом берегу реки Казым, к юго-востоку от деревни Юильск (Северная Тюмень). Примечательно, что неподалеку располагается бор со святым местом хантов.

По правому берегу Казыма, рядом с устьем реки Сорум, слева от устья, находится проточное озеро-старица Весынг-вэри («Старица веса»). Со слов сорумского ханты Данилы Петровича Захарова, «в этой старице крокодилы живут, звери – большие, как акулы».

Неподалеку от озера Весынг-вэри располагается яр Весимисангхум («Яр женщины-веса»). Там также находилось священное место, которому поклонялись ханты. Обращает внимание, что в этом топониме упомянут «вес» женского пола.

У шурышкарских хантов известно озеро Вес-тор («Озеро мамонта»), Вес-тор-курт («Деревня озера мамонта»), у среднеобских – Вес-емтор-сан («Ручей озера мамонта»), у ваховских – Весынг-эмтор («Озеро мамонта»), у хантов реки Сыни – Весынг-курт («Деревня мамонта»).

Этнографическими исследованиями установлено, что народы Сибири (ханты, манси, селькупы, эвенки) считали мамонта подводным или подземным животным с рогами и не сомневались в его реальном существовании. При этом мамонт наделялся одновременно признаками сухопутного (лось, олень) и водного животного, приобретая образ полузверя-полурыбы.

Представления о мамонте как о подземном существе отражены в самом его наименовании, таком как «земляной бык» или «земли олень самец», которое обнаруживается у ненцев («янг-хора»), хантов («мув-хор», «мув-хар», «мы-хор») и манси («ма-хар»). У якутов мамонт именовался «у-огуса» («водяной бык») и считался духом-хозяином воды. А ханты реки Сыни называли мамонта «йинк-вой» («водяной зверь»), при этом считая, что он живет в земле и имеет большие зубы или рога.

Характерно, что вера в реальное существование зверя-мамонта у народов Сибири (главным образом северной ее части) имела ярко выраженную религиозную окраску. Мамонта считали священным животным. Так, по свидетель-

ству мозямского ханты Семена Ивановича Юхлымова, знатока и исполнителя фольклорных произведений своего народа, «все те, которые под землей», подчиняются двум главным подземным богам, называемым «курснгэн-веснгэн» («боги-весы»). Неудивительно, что места, связанные с обитанием мамонта-«веса», считаются у хантов святыми.

Посол императора Священной Римской империи в России, писатель и историк Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) в «Записках о Московии» («*Regum Moscoviticarum Commentarii*», букв. «Записки о московских делах», 1549) пишет, что в Сибири «имеется великое множество птиц и различных животных, каковы, например, соболи, куницы, бобры, горностаи, белки и в океане животное морж... Кроме того, Вес, точно так же белые медведи, волки, зайцы». Обратите внимание – таинственный «Вес» помещается здесь в один ряд с вполне реальными животными.

Герберштейн посещал Россию дважды: в 1517 и 1526 гг. В основу книги был положен дипломатический отчет о России, составленный по итогам его второго посольства, продолжавшегося в течение 9 месяцев. Написанное на латинском языке сочинение Герберштейна пользовалось большой популярностью в Европе и еще при его жизни выдержало пять изданий, а также было переведено на итальянский и немецкий языки. «Записки о Московии» долгое время служили основным источником знаний европейцев о России.

В «Ежегоднике Тобольского губернского музея» за 1908 г. можно найти публикацию известного собирателя сибирского фольклора и разнообразных этнографических материалов П. А. Городцова (1865–1919) «Мамонт. Западносибирское сказание», в которой приводится западносибирский цикл сказаний о мамонтах у обских угров, сибирских татар и русских. Городцов пишет: «Мамонт существует на земле и до сих пор, только в небольшом количестве: это животное теперь очень редко. Ранее же – в прежние времена – мамонтов водилось на земле, несомненно, гораздо больше. Мамонт своим внешним видом и строением тела напоминает быка или лося, но размерами своими он значительно превышает этих животных: мамонт в пять-шесть раз больше самого большого лося. На голове у мамонта имеются два громадных рога: рога его гладкие,

розовые и чистые, слегка изогнутые, как у быка, но не ветвистые, как у лося. Копыта у него раздвоенные. Как и чем питается мамонт – неизвестно; говорят, что он питается каким-то составом, имеющим вид камня. <...> Мамонт живет исключительно в земле и притом на значительной глубине (неподалеку от берегов большой реки мамонт роет себе в земле логовище-пещеру и оттуда ходит на водопой). <...> Мамонт не любит солнечного света... Во все летние месяцы мамонт укрывается в земле. В зимнее же время, когда речная вода укрыта от солнечного света толстым льдом и снегом, мамонт любит проводить время в самой реке, в воде подо льдом. <...> Мамонт по своему нраву животное кроткое и миролюбивое, а к людям ласковое, при встрече с человеком мамонт не только не нападает на него, но даже льнет и ластится к человеку».

Кротость мамонта подтверждается в Сибири рассказами, напоминающими популярное во многих областях России повествование о случайно провалившемся под землю и зазимовавшем там человеке. Попавший под землю зимует вместе со змеями, а в сибирской версии сюжета – с мамонтом. Мамонт (как и змеи) не трогает пришельца; даже «ластится» к нему. Он указывает ему камень, лизнув который, можно насытиться, а весной выводит на берег реки. Аналогичный мотив встречается в болгарских, польских, украинских и белорусских сказках: человек попадает к царю змей, который дает ему лизнуть камень, после чего человек чувствует себя сытым целую неделю. Гуцулы рассказывают, что всю зиму человек ничего не ел, а лишь лизал «змеиный камень», и ему казалось, что он ест ржаной хлеб с кислым молоком.

Вполне определенные совпадения между преданиями о благорасположенных к человеку змеях, иконографией «чудских» ящеров и описаниями мамонта-«веса» касаются как общей (подземно-подводной) сферы их обитания, так и некоторых особенностей внешнего облика. В частности, нижняя челюсть ящеров имеет ярко выраженную форму загнутого кверху клыка или бивня, каковой присутствует и в описаниях мамонта-«веса». Весьма показательны, что в ряде случаев мамонт описывается как ящероподобное существо («крокодил»).

Особый интерес вызывает предание, записанное в 1900 г., в котором рассказывается, как однажды старый могуществен-

венный шаман вызвал «холбут аібі» («тень мамонта»); взобравшись на ее спину, он заставил «тень» плыть по озеру. По всей видимости, мы имеем дело с отголосками древнейших практик симбиотического взаимодействия человека и вполне реальных ящероподобных существ, прочно закрепившихся в соответствующих сюжетах пермской металлопластики (фото 53, 54). О том, что в таких, на первый взгляд, необычных взаимоотношениях человека и чудовищных рептилий нет ничего принципиально невозможного, свидетельствует хорошо известный историкам древнеегипетский культ бога Себека.

Будучи богом воды и разлива Нила, Себек изображался в виде крокодила или человека с головой крокодила. Центр его культа находился в городе Шедит¹, расположенном на берегах Меридова озера в Файюмском оазисе. Также Себек почитался в Ком-Омбо (Омбосе) и некоторых других районах Египта, большей частью близких к воде. Расцвет этого культа относится к периоду правления XII династии (XIX–XVIII вв. до н.э.). Религиозное почитание Себека весьма благоприятно сказывалось на его священном животном – крокодиле, который использовался в качестве храмового животного.

Аристотель (384–322 до н.э.) в «Истории животных» сообщает, что в Египте «в некоторых местах крокодилы приручаются жрецами благодаря заботе об их пище» (Anim. Hist. IX, 9). Ассириолог, гебраист и египтолог, приват-доцент Петербургского университета И. М. Волков (1882–1919) в работе «Древнеегипетский бог Себек» (1917) описывает некоторые подробности жизни священных крокодилов: «Местом его обитания служили храмовые озера и пруды, у берегов которых иногда устраивались особые крытые загородки, куда крокодил мог заползать, как это мы видим в одном рельефе абусирского храма Ниусерре. Для ухода за животным к нему были приставлены особые жрецы – крокодеилово́скок. Крокодилу была предлагаема самая разнообразная пища – хлеб, мясо (например, в виде голов жертвенных животных), вино, медвяный напиток и т. п., и, по-видимому, – в таком изобилии, что он, по выражению Аристотеля, был всегда сыт и даже пересыт. Уши животного украшали серьгами, а на лапы

¹ Греческое название древнеегипетского города Шедит – Крокоδείλων πόλις (букв. «город Гадов»).

надевали браслеты. Обильное питание и вообще хороший уход за избранным крокодилом с течением времени до такой степени приручали его к жрецам, что, по свидетельству классических авторов, он не только послушно шел на их зов, но даже позволял им гладить себя, прочищать себе зубы и даже спать рядом с собою. В позднейшие эпохи египетской истории благочестивое внимание к священному животному Себека, прежде ограничивавшееся лишь избранным крокодилым экземпляром, стало простирается и на все семейство крокодилов, и вместо того, чтобы всячески истреблять этих чудовищ, почитатели Себека относятся к ним с большою терпимостью, видя в них сородичей самого бога»¹.

Вспомним, что близкие по содержанию сюжеты, отображающие симбиотические взаимоотношения человека и реликтовых ящеров, встречаются на гравированных камнях Ики и скульптурных группах из Акамбаро. Особый интерес представляют те из них, на которых изображаются различные виды давным-давно вымерших (по уверениям современных палеонтологов) рептилий, которых люди «эксплуатируют» в качестве верховых животных (фото 17, 22, 38). Еще более интригующие параллели присутствуют в дальневосточной традиции, где встречаются упоминания о существовавших некогда древних родах «Драконьих Пастухов» и «Правящих Драконами».

¹ Более подробные сведения о культе Себека и почитании крокодилов в Древнем Египте можно найти в статье Эдварда Броварски (Lexicon der Agyptologie. Hrsg. v. W. Heick und W. Wsstendorf. Bd. V Wiesbaden: Harrasowitz, 1984. Sp. 995–1031 (s. v. «Sobek»)).

ДРАКОНЫ ПASTУХИ

Китайские и японские легенды о существовании драконов отнюдь не являются фантазиями или баснями, несмотря на то, что ученые европейские натуралисты, вкуче с нашими, отрицают существование этих чудищ. Так, в конце концов, все можно отрицать, просто из-за того, что это не вмещает наше понимание.

*Преподобный Варсонофий Оптинский (Плиханков)
(1845–1913)*

Убедительным доказательством существования представлений об использовании драконов в качестве ездовых животных в доимперском Китае может служить название должности (а впоследствии клановое имя) Лю Лэя, ответственного за разведение драконов при правителе Кун Цзя из династии Ся (правление 1706–1675 до н. э.), – Юй-лун («Правящий драконами»).

Нидерландский японовед Мариус Виллем де Фиссер (1875–1930) в работе «Дракон в Китае и Японии» (1913) пишет, что Лю Лэй научился своему искусству от «семейства драконьих пастухов», и приводит следующий отрывок из Цзо чжуань¹: «Осенью (29-го г. Чжао-гун, т. е. Чжао, правителя Лу, правившего в 541–509 гг. до н. э.) дракон появился в окрестностях Цзян. Вэй Сянь-цзы спросил Цай Ми, говоря: «Я слышал, что ни одно из животных не сравнится с драконом в знании, и по этой причине дракона невозможно поймать живым. Правильно ли приписывать это (что его не поймаешь живым) его знаниям?» Ми отвечал: «Люди действительно не знают; дело не в том, что в действительности знают драконы. Древние держали драконов; поэтому в государстве было семейство Драконьих Пастухов (Хуаньлун ши) и семейство

¹ Цзо чжуань («Комментарий Цзо») – памятник исторической прозы Древнего Китая, представляющий собой подробные комментарии к хронике «Чунь цю» – канонизированной летописи государства Лу, составление которой приписывается Конфуцию. Комментарии охватывают период с 722 по 468 гг. до н. э. Дошедшая до нас редакция Цзо чжуань восходит, предположительно, к I в. до н. э.

Правящих Драконами (Юй-лун ши)». Сяньцзы сказал: «Я тоже слышал об этих двух семьях, но не знаю их происхождения; каково оно?» Ответ был таков: «В старые времена был Шу Ань и Лю, у которого был дальний потомок по имени Дун Фу, очень любивший драконов, способный узнавать их вкусы и приверженности, с тем, чтобы снабжать их питьем и едой. Многие драконы искали у него прибежища, и он управлялся с ними в соответствии с их природой, дабы служить императору Шунь, который дал ему имя Дун и семейное имя Хуань-лун (Драконий Пастух). Ему было [также] даровано [княжество] Цзун-чуань, а семья Цзун И – его потомки. Таким образом, во времена императора Шунь и на протяжении последующих поколений драконы приручались. [Далее] мы приходим к Кун Цзя династии Ся, столь послушному и приемлемому для императора Небес, что последний даровал ему ездовых драконов: двоих, мужчину и женщину, из Хуан-хо, и двух из реки Хань. Кун Цзя не мог их кормить, не найдя [членов] семейства Хуань-лун. Семейство Тао Тан (Яо) почти вымерло, его потомком был Лю Лэй, учившийся искусству обращения с драконами у семейства «Драконьих Пастухов». С этим он взялся служить Кун Цзя и смог кормить и поить драконов. Император хвалил его и дал фамильное имя Драконьего Пастуха (Юй-лун)».

В приложении к словарю Эръя (III–II вв. до н. э.) мы также встречаем упоминание об этих династиях: «У древних были семейства погонщиков драконов (Хуань-лун) и управляющих драконами (Юй-лун), обращавшихся с ними, зная то, что они любят и чего не любят».

Аспирант Института восточных рукописей РАН, член Европейской ассоциации китаистических исследований (EACS) А. Э. Терехов в статье «Три аспекта ханьских представлений о драконах (лун)» (2011) показывает, что появление у китайского дракона функции ездового животного относится еще к неолитическому периоду. В 1987 г. в захоронении Сишуйпо (городской округ Пуян, провинция Хэнань), датированном V–IV тыс. до н. э., были обнаружены мозаичные изображения животных, инкрустированные белыми двустворчатыми раковинами, среди которых присутствует изображение человека, восседающего верхом на драконе. Весьма реалистичное изоб-

ражение дракона представлено на другой мозаике из того же самого захоронения в непосредственной близости от человеческого скелета. Китайские исследователи Ян Цзинжун и Лю Чжисюн справедливо замечают: «Было бы несколько нелогично полагать, что в древности люди с одной стороны от усопшего выложили ракушками тигра, причем в очень реалистичной манере, а с другой – выдуманного дракона. Мы полагаем, что изображение дракона было тоже выполнено в реалистичной манере и явилось изображением реально существующего животного».

Мотив антропоморфного существа, сидящего верхом на драконе, представлен на нефритовых кубках-цун, датированных III тыс. до н. э., принадлежащих к неолитической культуре Лянчжу. Первые известные письменные упоминания о божествах, едущих на драконах, появляются гораздо позже, а именно в текстах, связанных с южнокитайской традицией периода Сражающихся царств (Чжаньго, V–III вв. до н. э.).

Главный герой поэмы Ли Сао, входящей в свод древнекитайских поэтических текстов Чу цы (IV в. до н. э. – II в. н. э.), именуется «правлящим летящими драконами». Божества, передвигающиеся на драконах, упоминаются и в других сочинениях этого периода: в классическом даосском тексте Чжуан-цзы сообщается о некоем «божественном человеке» (шэнь жэнь), который «правит летящим драконом». О божествах, «правлящих парой драконов», неоднократно сообщается в Шань хай цзин (Каталог гор и морей, конец III – начало II в. до н. э.).

В одном из четырех китайских классических романов «Путешествие на Запад» (XVI в.), авторство которого приписывается писателю и поэту У Чэнъэню (1500–1582), упоминается о драконе Хоу как о ездовом животном богини Гуаньинь, почитаемой представителями практически всех конфессий в Китае, а также в соседних странах, таких как Корея, Япония и Вьетнам.

Философ-энциклопедист Ван Чун (Ван Чжун-жэнь, ок. 27–107) в сочинении Лунь хэн пишет, что в Каталоге гор и морей упоминаются не божества, а «люди, которые ездят на драконах и змеях». Также он утверждал, что еще «в древности драконами правили, восседая на колесницах». Из этого следует, что уже во времена Ван Чуна драконы воспринимались как ездовые

животные не только божеств, но и правителей прошлых эпох, рассматриваемых в качестве реальных людей.

Де Фиссер приводит высказывание поэта IV в. Сунь Чоцзы: «Гао Цзы (император династии Хань, правивший 206–159 до н. э.) ездил в повозке, запряженной драконами».

Антропоморфные персонажи, восседающие на запряженных драконами колесницах, встречаются на погребальных рельефах эпохи Хань (206 до н. э. – 220 н. э.). На одном из таких каменных рельефов из провинции Сычуань изображена летящая по воздуху колесница, запряженная двумя драконами. В колеснице сидят две антропоморфные фигуры, одна из них выдвинута вперед и находится в позе кучера (тело наклонено вперед, руки вытянуты горизонтально), другая восседает в характерной позе пассажира.

Вряд ли является простым совпадением, что аналогичный сюжет обнаруживается в цикле элевсинских и аттических мифов о древнегреческой покровительнице земледелия и богине плодородия Деметре, уходящих своими корнями в доиндоевропейскую древность. В мифах богиня передает своему любимцу Триптолему колесницу, запряженную крылатыми змеями или драконами, чтобы он смог объехать землю и научить людей выращивать зерна пшеницы. С именем Триптолема, считавшегося изобретателем плуга, связывается введение в Аттике земледелия и распространение оседлой культуры. Деятельность Триптолема в качестве первого учителя хлебопашества не ограничивалась Аттикой: на своей волшебной колеснице, запряженной крылатыми змеями, он объехал многие земли, распространяя открытое ему знание и культуру, связанную с развитием земледелия. Культуртрегерская деятельность Триптолема получила широкое отражение в вазовой живописи, где он в основном представлен восседающим или стоящим на крылатой колеснице, влекомой парой драконов. Чаще всего изображался момент его отправления в далекий путь, в присутствии Деметры и Персефоны, которые вручают ему орудия земледелия и хлебные зерна (краснофигурные вазы), или момент полета по воздуху, когда Триптолем рассыпает дары Деметры перед изумленными людьми.

В глиптике Междуречья изображения бога или богини на спине дракона (аккад. *mušḫuššu*, «ужасный змей, дракон»)

появляются, начиная с раннединастического периода (ок. XXVIII–XXIV вв. до н. э.). В аккадский период (XXIV–XXII вв. до н. э.) особенно популярным становится сюжет, изображающий божество, стоящее между крыльями дракона или сидящее на престоле, установленном его на спине. Иногда божество находится в колеснице, запряженной драконом, сочетающим львиные и змеиные черты, часто имеющим крылья и задние ноги хищной птицы. Такого рода изображения встречаются на каменных рельефах и аккадских цилиндрических печатях¹.

Возвращаясь к древнекитайским представлениям о возможности приручения драконов, процитируем фрагмент из трактата Хань Фэй-цзы, написанного одним из ведущих идеологов древнекитайского легизма философом Хань Фэем (приблизительно 325–250 до н. э. или 280–233 до н. э.): «Ах, дракон, как животное, столь мягок, что к нему можно приблизиться (подружиться с ним, т. е. приручить его) и ездить на нем. Однако под горлом у него есть чешуйки, лежащие в противоположном направлении, одного чи² в диаметре. Если человек дотронется до них, то дракон непременно его убьет».

Терехов считает, что представление о драконах как о ездовых животных берет свое начало в южнокитайской традиции: «Обилие связанных с традицией этого региона сообщений об использовании дракона в качестве средства передвижения позволяет сделать предварительный вывод о крайней важности этой его функции». В упомянутых выше текстах драконы представлены, главным образом, запряженными в колесницы, а в древнем изобразительном искусстве показаны верховыми животными. В последнем случае особенности внешнего облика наездников (крылья и особой формы головные уборы) выдают в них «сяней» – китайских святых отшельников, живущих в глухих местах в горах и среди озер. В даосской традиции достижение состояния «сянь» ставится возможным благодаря принятию снадобий растительного происхождения (из хризантемы, стоголовника и др.), минералов (нефрита, золота, киновари), некоторых древесных грибов, использованию особого типа физических и дыхательных

¹ См.: *Van Buren E. D. The Dragon in Ancient Mesopotamia. // Orientalia. Roma, 1946, vol. 15; Ward W. H. The Seal Cylinders of Western Asia. Washington, 1910.*

² Чи – традиционная китайская мера длины, составляющая около 30 см.

упражнений, а также ряда пищевых запретов и различных способов удержания спермы.

Из сообщений, фигурирующих в Каталоге гор и морей, не совсем ясно, восседают ли упомянутые там персонажи на запряженных драконами колесницах или же передвигаются на этих существах верхом. Постоянно упоминаемое в тексте число ездовых драконов (пара) будто бы говорит в пользу первой версии. Тем не менее, на одной из поздних иллюстраций к этому памятнику божество, передвигающееся, согласно тексту, на двух драконах, изображено стоящим на них.

В китайском изобразительном искусстве периода Сражающихся царств известны и другие случаи, когда персонажи изображаются стоящими на драконах. В качестве примера можно привести известную картину на шелке, обнаруженную в чуском захоронении на территории современной провинции Хунань. К тому же историческому периоду относится керамическая статуэтка, изображающая человека, стоящего на спине четырехлапого бескрылого дракона, двумя руками держащегося за его длинную, вертикально вытянутую шею. Напомним, что аналогичный иконографический сюжет, изображающий антропоморфных существ, стоящих на спине ящера, является характерной чертой пермского звериного стиля.

Любопытное упоминание о драконе с наездником встречается в тексте одного из древнейших японских письменных памятников Нихонги («Анналы Японии», 720): «В первый день пятого месяца первого года правления императрицы Саймэй (655) на небе появился человек, сидящий на драконе. По виду он напоминал китайца, на нем была синяя (широкополая бамбуковая) шляпа, (покрытая) промасленным шелком. Промчавшись от вершины Кацураги, он исчез в горах Икома; в полдень он промчался от Пика Сосновой Вершины Суми-но э (Сумиеси) в западном направлении». То же самое событие описывается и в японской хронике Фусо рьякки (1094).

Отдельный раздел своей книги де Фиссер посвящает буддийским монахам, «овладевающим драконами». В Японии и Китае это искусство тесно связывалось с управлением погодной стихией. Мастером вызывания и управления драконами считался буддийский монах Дзекан. В сборнике легенд Удзи

сюю моногатару (японские рассказы, собранные в Удзи) рассказывается, что в эру Энги (901–922) он спас страну от страшной засухи, побудив драконов двигаться среди грома и дождя. Тот же монах победил ядовитого дракона на Хиэйдзан.

В романе Гэмпэй-сэйсуйки («Записи о возвышении и падении Минамото и Тайра», 1235) рассказывается, что в 1174 г. стояла такая сильная засуха, что реки пересохли, а поля невозможно было возделывать. Тогда монах с Хиэйдзан по имени Текэн, дабы помочь крестьянам, написал письмо богам-драконам и прочел его вслух, глядя в небо. В этом письме он упрекал драконов, убеждая послать дождь. Небожители и божества-драконы, писал он, не должны стыдиться, исправляя свои упущения, и поэтому им, драконам, следует послать «сладкий дождь», дабы положить конец этой страшной засухе. Драконы прислушались к этим словам и послали продолжительный дождь, так что и император, и народ исполнились глубоким уважением к силе Текэна, а также почтением к буддийскому учению.

Свидетельством распространенности представления об использовании драконов в качестве ездовых животных за пределами Китая служит сюжет так называемой Каргалинской диадемы, обнаруженной в 1939 г. в Каргалинском ущелье Алматинской области. Диадема состоит из двух фрагментов золотой прямоугольной пластины, общей длиной 35 см и шириной 4,7 см, инкрустированных драгоценными камнями. Внутреннее пространство пластины заполнено изображением зверей, птиц и женоподобных антропоморфных фигур в окружении сложного растительного орнамента. Все женщины, изображенные на диадеме, облачены в одинаковые короткие подпоясанные туники, имеют одинаковую шлемовидную прическу (волосы загнуты назад кверху наподобие затылочного рога), за их плечами – птичьи крылья или стилизованные под них накидки. Процессия животных и антропоморфных существ на первом (левом) фрагменте пластины движется слева направо, тогда как существа, представленные на правом фрагменте, развернуты в противоположном направлении (за исключением одной птицы) (фото 55).

Фото 55. Каргалинская диадема.

Прорисовка (по изданию: Бернштам А. Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 5. М.-Л., 1940. С. 23–31).

На первом фрагменте диадемы изображены: марал с головой, повернутой назад, и копытное животное без рогов (предположительно самка марала), между ними парит птица, далее следует ступающий по растениям крылатый тигр с сидящей на нем женщиной. Фигура женщины развернута в талии назад, двумя руками она держится за ветвь дерева. Замыкает цепочку крылатая лошадь, стоящая на растении в форме гриба-постаменты.

Наибольший интерес представляет фигура, расположенная в самом начале второго (правого) фрагмента диадемы. Здесь мы видим детально выписанного дракона и оседлавшую его женщину. Правой рукой всадница держится за затылочный рог дракона, а левой опирается о его шею. Пасть дракона полуоткрыта, видны четко прорисованные зубы. Ухо дракона прижато назад, длинная шея фигурно выгнута, туловище имеет оттянутые назад крылья, круп приподнят кверху, передние лапы выброшены вперед, задние вытянуты назад, длинный хвост загнут на конце. Дракон, по всей видимости, изображен в момент прыжка или полета. Над всадницей изображена птица, которая как бы преследует ее. За всадницей на драконе следует уже знакомая нам по первому фрагменту

фигура крылатого коня на постаменте в виде гриба. Последняя группа изображений состоит из летящей птицы, бегущего козерога с всадницей на спине, держащейся правой рукой за ветку, медведя и парящей над ним птицы, развернутой в сторону, противоположную общему направлению. Замыкает сюжет всадница, сидящая верхом на горном баране-архаре, идущем медленной поступью – правая передняя нога архара сильно согнута в колене и поднята вперед и вверх. Левая рука всадницы отведена назад, в правой руке она держит цветок, плотно прижимая окончание его стебля ко рту, голова всадницы откинута назад.

Глаза животных выполнены из цветного сердолика и альмандина, туловища инкрустированы бирюзой, укрепленной на известковой массе. Первый исследователь Каргалинской диадемы профессор Ленинградского университета, археолог и историк-востоковед А. Н. Бернштам (1910–1956) писал: «Несмотря на фантастический характер ряда изображений, животные переданы реалистично, с глубоким знанием характерных черт и повадок зверя. Особенно выразительны фигуры марала, медведя, мягкая кошачья поступь тигра, стремительный бег козерога».

Эксперты придерживаются версии, согласно которой диадема представляет собой оклад головного убора, нашиваемый на его поверхность. Также они убеждены, что существовала еще и третья (центральная) часть украшения, которая бесследно исчезла.

Датируя находку I в. до н. э. – II в. н. э., Бернштам полагал, что украшение принадлежало шаманке, а композиция диадемы испытала на себе культурное влияние китайского искусства. Последнее утверждение относится, в первую очередь, к семантике образов, представленных на диадеме и имеющих «ближайшие аналогии» с бронзовым блюдом Ханьской эпохи из известной коллекции антиквара Чинг Цай Лу (1880–1957). Бернштам пишет: «Блюдо имеет центральный медальон, вокруг которого расположены фризы с изображениями животных, частью фантастических, и птице-людей. Все это дано в характерной вязи растительного орнамента. Сравнивая эти фризы с изображениями на диадеме, нетрудно убедиться в том, что они одинаковы в сюжетном и стилистическом

отношениях. Абсолютно сходна, во-первых, общая композиция процессии животных в растительной вязи, во-вторых, удивительно похожи такие изображения, как дракон, крылатые тигры, идентичные даже в трактовке шкуры, в виде полос, сделанных отдельными черточками, птице-люди. <...> Аналогии прослеживаются и в такой детали, как изображение какого-то растения с плоской горизонтальной поверхностью. На диадеме на таких подставках стоят лошади. Возможно, что это изображение китайского гриба – символа долголетия».

Мысль о китайском влиянии на создателя Каргалинской диадемы наиболее очевидно проявляется в фигуре дракона – его иконографический образ на диадеме совершенно совпадает с образом одного из драконов, представленных на блюде, с тем лишь отличием, что на последнем отсутствует всадник.

По мнению специалиста по античному Причерноморью профессора М. И. Ростовцева (1870–1952) блюдо из коллекции Лу содержит в себе орнаментальные мотивы, созданные китайским мастером, воспринявшим культурные влияния эллинизма и сарматского искусства, которые присутствуют и на Каргалинской диадеме. Расцвет такого искусства приходится в Китае на Ханьскую эпоху, во время которой происходит неожиданный ренессанс восходящего к неолиту представления о драконах как ездовых животных. Звериный стиль этого периода не является результатом спонтанного развития предшествующего Джоусского искусства, он получил распространение в результате непосредственной связи Китая, особенно Северного, с гуннами: «Если гунны-кочевники влияли на Китай, то и, наоборот, китайское искусство наложило свой отпечаток на искусство кочевников».

Основатель казахстанской школы археологии Кемаль Акишев (1924–2003) полагал, что сюжет диадемы тесно связан с даосскими верованиями. Начиная с II века до н. э. нынешнюю территорию Семиречья, где был обнаружен Каргалинский клад, населяли усуньские племена, которые находились в тесном контакте с китайцами именно в эпоху правления династии Хань.

Архитектор и историк материальной культуры Алмас Ордабаев обнаружил в раннесредневековой китайской литературе точное описание сюжета, изображенного на диадеме. Речь

идет о стихотворении поэта Цао Чжи (Цао Цзы-цзянь, 192–232) «Бессмертие» из сборника «Семь печалей»:

«Открыты мне Небесные врата,
Из перьев птиц я надеваю платье;
Взнуздав дракона, мчусь я неспроста
Туда, где ждут меня мои собратья.
Я лин-чжи рву в восточной стороне,
В краю бессмертных у границ Пэнляя
Ты снадобье прими, сказали мне,
И будешь вечно жить, не умирая».

В стихотворении упоминается гриб лин-чжи, известный в Китае как «трава бессмертия» и с большой долей вероятности изображенный на Каргалинской диадеме в качестве подставок, на которых стоят крылатые лошади. В древнекитайской традиции лин-чжи считался волшебным лекарством, дарующим долголетие или даже вовсе избавляющим от смерти. В современной китайской медицине это уникальное растение рассматривается как эффективное средство для лечения многих заболеваний, о чем свидетельствуют проведенные в наши дни клинические исследования.

Ордабаев полагает, что стихотворение Цао Чжи посвящено шаманам, к которым обращались за секретом долголетия: «Его стих отсылает к каргалинскому украшению. Там упоминается лин-чжи – это волшебная трава, продлевающая жизнь, и сказочная страна духов Пэнлай. Даосизм оперирует этими понятиями до сих пор».

Известно, что китайские даосы собирали и систематизировали знания и шаманские техники протоисторического Китая и на протяжении нескольких тысяч лет подвергали полученные сведения обработке и самой тщательной интерпретации. Под оболочкой различных «суеверий» они ощущали подлинные фрагменты древней мудрости и прилагали систематические усилия к их сбору и освоению. Известный румынский религиовед, историк и этнограф Мирча Элиаде (1907–1986) пишет: «Именно в этой зоне, границы которой столь трудно определить, уцелели традиции неопровержимо древние – т.к. их источником были четко обозначенные духовные ситуации: экстазы и премудрости, связанные с

охотничьей магией, с открытием гончарного ремесла, с земледелием, с металлургией и т. д. – в этой зоне, где еще удерживались архаические интуиция и поведение, устоявшие перед превратностями культурной истории, именно там даосы с увлечением собирали рецепты, секреты, предписания. Поэтому можно сказать, что даосские алхимики, при неизбежных инновациях, подхватывали и продолжали протоисторическую традицию».

Связь даосизма с сюжетом «ездящих на драконах» представляется нам особенно важной, т. к. аккумулируемые в этой среде архаические знания и умения теснейшим образом связаны с шаманской традицией, в которой, по всей видимости, сохранялись и воспроизводились элементы практик, связанных с симбиотическим взаимодействием человека и некоторых разновидностей реликтовых чудовищ. Предположение о том, что такие практики могли сохраниться вплоть до самого недавнего времени, подтверждается упомянутым выше сибирским преданием о шамане, вызвавшем «тень мамонта» и свободно передвигавшемся на ее спине по поверхности озера.

Распространенность этого сюжета подтверждается погрешкой шамана индейцев тлинкитов, обитающих на юго-востоке Аляски и в прилегающих районах Канады. Погрешка представляет собой объемное изображение чудовища, напоминающего своим внешним обликом плезиозавра, и сидящего на его спине шамана, связывающего «злого духа», представленного в виде антропоморфной фигуры. Этот уникальный артефакт хранится в настоящий момент в Британском музее.

Тот же самый мотив весьма характерен для традиционных скульптурных произведений из бронзы, не знакомого с письменностью земледельческого народа догонов, обитающего на юго-востоке Мали. На сегодняшний момент известны два основных типа таких изображений: человек или люди, передвигающиеся верхом на крокодиле (фото 56), и человек, передвигающийся на спине чудовища, близкого по своим внешним характеристикам к динозаврам из рода грипозавров семейства гадрозавридов. Следует подчеркнуть удивительное композиционное сходство догонских скульптур, изображающих людей, сидящих на спине крокодила, с сюжетами, представленными на некоторых образцах пермского культового

литья (фото 53, 54), гравированных камнях Ики (фото 17) и скульптурных композициях из Акамбаро (фото 38).

*Фото 56. Мужчины, сидящие верхом на крокодиле.
Бронза. Культура догонов. (Мали).*

Возвращаясь к китайскому сюжету «ездящих на драконах», нужно отметить, что упоминание в этой связи Ордабаевым сказочной страны духов Пэнлай на первый взгляд придает теме отчетливый фантастический оттенок. Но не будем спешить с выводами. Согласно древнекитайской традиции, Пэнлай – один из трех священных островов-гор, помещаемых в Восточно-Китайском море. Это место наряду с расположенной на дальнем Западе горой Куньлунь считалось обителью Бессмертных (сяней), воспринимавшихся в Китае (и не только в нем) как вполне реальные святые отшельники. Элиаде указывает, что понятия о «траве бессмертия», животных или растительных субстанциях, обладающих особой «жизненной силой», а также носителях эликсира молодости и недоступных местах, населенных Бессмертными, составляют часть архаической идеологии, далеко выходящей за пределы Поднебесной.

У сяней обучался основатель даосизма и первый император Поднебесной Желтый государь Хуан-ди, правивший предположительно с 2698 по 2598 г. до н. э., известный, помимо прочего, своим вознесением верхом на драконе. Хуан-ди приписывается изобретение топора, ступки, лука и стрел, платья и туфель; считается, что он научил людей строить дома, отливать колокола, рыть колодцы, мастерить телеги и лодки, изготавливать некоторые музыкальные инструменты и врачевать больных, а также создал полную систему астрономии (буквально Солнца, Луны, звезд и созвездий).

Одна из главных заслуг Хуан-ди состоит в том, что он сделал даосизм метафизической основой легизма, вслед за ним его изучали и использовали в управлении правящие классы Поднебесной и приближенные к ним круги. Основная идея философской школы легизма, последователи которой славились крайне жесткими законами и наказаниями, заключалась в равенстве всех перед Законом и Сыном Неба, следствием чего являлась идея раздачи титулов не по рождению, а по реальным заслугам, согласно которой любой простолудин имел право дослужиться до первого министра.

В Исторических записках китайского писателя, астронома и историографа династии Хань Сыма Цяня (145–87 до н. э.) в разделе «Книга о благодарениях (приношениях) Небу (Фэн) и Земле (Шань)» говорится: «Хуан-ди часто ездил в пять знаменитых гор встречаться с божествами (Шэнь-небесными духами). Хуан-ди и воевал и учился у бессмертных-сяней (учился бессмертию). Опасаясь, что народ отвергнет его путь-Дао, он казнил и обезглавливал всех тех, кто не признавал земных духов (Гуй) и небесных божеств (Шэнь). И более чем через 100 лет он обрел способность связи с божествами (Шэнь). Хуан-ди собрал медь с горы Шоушань и отлил треножник под горой Цзиншань. Когда треножник был завершен, появился дракон, свесивший усы, чтобы подобрать Хуан-ди. Хуан-ди взобрался и сел на него верхом, после чего влезли и (его) чиновники и женщины из заднего дворца, всего более 70 человек. Тогда дракон стал подниматься. Оставшиеся мелкие чиновники не смогли залезть и схватились за драконьи усы. Драконьи усы оторвались, и мелкие чиновники свалились, а (вместе с ними) выпал и лук Хуан-ди. Народ, видя как Хуан-ди

поднимается в Небо, поднял его лук и усы дракона и начал громко рыдать».

Характерные переключки с китайским сюжетом «ездящих на драконах» имеются в славянской мифологии. В Словакии летающий змей упоминается в связи с «чернокнижником» (*černoknažník, chmurník, planetník, veterník*) – ученым монахом, выступающим в качестве повелителя туч, грома и молнии, летающем на драконе, именуемом «*šarkan*». Это слово заимствовано из венгерского языка (венг. *sárkány* – дракон, змей).

Научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, кандидат филологических наук М. М. Валенцова в статье «Поверья о змеях и змееподобных демонах в словацкой традиции» (2014) приводит быличку, согласно которой на Белианском поле в Дубраве (между городами Попрад и Прешов) появляется «змея-шаркан», после чего «пришел за ним чернокнижник и отвел его прочь».

Чаще всего «чернокнижник» летает на драконе, живущем в пещере и выглядящем как змей: «Старики рассказывают, что чернокнижник вызывает змея-шаркана по своей книге, а когда змей выйдет из пещеры, накидывает на него узду и правит в воздух, в жаркие страны, где люди кладут мясо шаркана по кусочку под язык, чтобы охладиться. По рассказам из Оравы, люди видели чернокнижника, несущегося на драконе, и сразу начался град, и вода начала прибывать. <...> Чернокнижник повелевает бурей и молнией, там, где он ударит своим бичом, бьет гром, и на этом месте потом уже ничего не растет. Он летает на змее (*šarkaň*) с широким мощным хвостом, которым он сбивает верхушки елок. Пролетая над деревней, чернокнижник говорит шаркану, что это не колокола звонят, а собаки брешут, иначе бы змей все село уничтожил. Согласно одной быличке, однажды чернокнижник предупредил крестьян о надвигающейся буре; спрятавшиеся люди видели, как он щелкал своим бичом, и туда, где упал удар, бил гром. До сих пор на этом месте ничего не растет».

Славист Н. Н. Велецкая пишет: «В аспекте слияния древнейших языческих мотивов с христианскими воззрениями особый интерес представляют локальные варианты образа змея, где он причисляется к категории «чистых сил», близких богам и святым. Отсюда тянутся нити к драконам с солярными

знаками в средневековых славянских древностях и традиционном народном шитье, с одной стороны, и к изображениям драконов на атрибутах христианской церкви – с другой. Появление хоросов¹ с драконами обусловлено огненной природой мифического дракона, связью его со сберегательными функциями. Архиерейские посохи с изображениями парных змей, символизовавших «мудрость, с которой духовный пастырь должен был пасти свое стадо», вызывают ассоциации со сложными резными изображениями змей на набалдашниках посохов саракачанских² пастухов».

В южнославянской традиции на летающего змея частично переносятся функции его изначального небесного противника – громовержца, а в роли его антагониста выступают другие змеиные персонажи – чужой змей или «хала». «Халы» («алы») или «лами» – огромные змееподобные чудовища женского рода, повелевающие ненастями, их главная задача вызывать бури, насылать грозовые облака с градом на поля и сады для уничтожения или отнятия урожая. В юго-западной Болгарии имеет широкое распространение сюжет о том, как летающий змей, покровитель местных полей, получает ранение в схватке с чужим змеем, и люди отхаживают его молоком, после выздоровления змея с местных полей собирается богатый урожай. Летающим змеям-«юнакам», считающимся охранителями полей от града, осенью посвящаются особые женские ритуальные трапезы.

Образы словацких шарканов, южнославянских юнаков и хал объединяет с китайскими драконами приписываемое им управление воздушными и водными стихиями, а также возможность симбиотических отношений с человеком, отразившаяся в многочисленных фольклорно-мифологических сюжетах и ритуалах.

Ссылаясь на рукописный, составленный предположительно в последней трети XVIII в. словарь А. Лацного, в котором при-

¹ Хорос (др. греч. χόρος – хор, хоровод) – одноярусное или многоярусное паникадило (светильник в центре храма с множеством свечей или лампад), каждый ярус которого сделан в форме обода колеса. Хорос символизирует звезды на тверди небесной и является наиболее древней формой паникадила.

² Каракачаны (каракацаны, саракацаны, влахи) – этническая группа в горных областях Греции (Фессалия, Эпир, Пелопоннес), юго-западной Болгарии и Македонии.

водятся имена змея и связанные с ним словосочетания, Валенцова обращает внимание на следующие понятия: «Hriwaty Šarkan» («шаркан с гребнем»), «Šarkanowa Zelina» («шарканова трава») и «Šarkanowy kamen» («шарканов камень»). Далее она пишет: ««Шаркан с гребнем» заставляет вспомнить поверья о короле змей; «шарканова трава» – об особой «живой траве», которую король змей держит в пасти и с помощью которой можно оживить убитого, а «шарканов камень» – о «змеином камне», который «выдувают» змеи и который обладает лечебными и питательными свойствами».

Словацкие представления о свойствах шаркановой травы и шарканова камня соответствуют китайским понятиям о траве бессмертия и совпадают с западносибирскими преданиями о питательном составе, имеющем вид камня, с помощью которого восполняет свои силы подземный «зверь-мамонт». Столь многозначительные переключки заставляют говорить об общем происхождении данной системы образов или предполагать широкую распространенность стоящего за ними явления.

Образ ученого монаха, вступающего в нетривиальные взаимоотношения с чудовищными рептилиями, не является специфической особенностью словацкого народного фольклора или буддийской традиции, но занимает устойчивое положение и в традиции христианской.

Ко второй половине IV в. относится следующий эпизод, зафиксированный в православном житии преподобного Еллия Египетского (Фиваидского). Однажды, когда Еллию надо было переправиться через реку, а лодки не было, он вызвал из воды крокодила и, став на его спину (согласно другому варианту – «восседая на нем верхом»), благополучно переправился на противоположный берег Нила.

Аналогичный эпизод с крокодилом приписывается основателю монашеского общежития (киновии) и столпу пустынножительства, преподобному Пахомию Великому (Египетскому) (ок. 292–346 или 348). Согласно одному из вариантов этого предания, он мог переходить Нил, аки посуху, по спинам крокодилов. Преподобный Пахомий был весьма неординарным христианином – он основал первый общежительный монастырь и составил для него первый монастырский устав, который, согласно церковному преданию, был вручен

ему Ангелом Божиим в образ схимника. Известно, что до своего крещения Пахомий являлся жрецом бога Сераписа. Культ Сераписа как верховного бога Египта, покровителя новой царской династии и новой столицы страны (Александрии), был введен во время правления Птолемеев (IV–I вв. до н. э.). Серапис отождествлялся со многими египетскими и греческими богами, такими как Осирис, Дионис, Зевс и др. Большинство ученых считает, что появление этого синкретического божества было призвано объединить египетскую и греческую религиозные традиции. Существует точка зрения, согласно которой последователи культа Сераписа оказали серьезное влияние на формирование первоначальной христианской традиции. В этом свете трудно переоценить значение фигуры Пахомия, адаптировавшего для христиан схимническую практику ухода от мира в пустыню, издавна принятую у жрецов культа Сераписа.

Следующий эпизод относится к житию преподобной Феодоры Александрийской (Младшей). Будучи по происхождению «знатной женщиной», из-за боязни быть узнанной, она подвизалась в мужском образе и в мужском монастыре при византийском императоре Флавии Зиноне (474–491). Близ монастыря было озеро, где жил крокодил, частенько пожиривший проходящих мимо людей и скот. Желая «узнать благодать Божию, обитающую в Феодоре», игумен приказал принести ему воды из этого озера. Далее в житие говорится: «Когда она пришла на берег озера, вышел крокодил и понес ее на своей спине на середину озера. Когда же она почерпнула воды, зверь снова принес ее на берег. Она заклала зверя, дабы с того времени он никому не делал вреда, – и тотчас зверь оказался мертвым».

Еще одно предание из того же ряда связано с житием священномученика Ипатия, епископа Гангрского (ум. 325 или 326). К дворцу императора Констанция неизвестно откуда приполз огромный змей. Окружив царскую сокровищницу, он положил голову при входе и никому не давал войти в помещение. Констанций послал сказать святителю Ипатию, чтобы он пришел в Царьград, ибо имя святого было славно благодаря сотворенным им чудесам. Царь просил святого своей молитвой прогнать от царской сокровищницы змея, которого не могла

изгнать никакая человеческая сила: многие духовные лица, вооружившись молитвой, безуспешно пытались изгнать чудовище, при этом некоторые из них серьезно пострадали.

Придя в Царьград к злосчастному дворцу, Ипатий пал на землю и долго молился. Поднявшись, он просил царя поставить среди конского ристалища печь и накалил ее как можно сильнее. Когда печь была готова, Ипатий, взяв святительский жезл, подошел к царскому дворцу, открыл ворота сокровищницы и долго бил жезлом змея. Народ и царь, объятые страхом и трепетом, наблюдали за этим процессом с почтительного расстояния. Видя, что змей не уползает, а день уже клонится к вечеру, все подумали, что чудовище умертвило святого, как это случилось ранее с несколькими иереями. Ипатий же, подняв очи к небу и призвав на помощь Господа, вложил в пасть змею жезл со словами:

– Во имя Господа моего Иисуса Христа следуй за мною.

Змей взялся зубами за жезл и послушно последовал за святым. Ипатий вместе со змеем, длина которого равнялась шестидесяти локтям¹, на глазах у всего народа обошли конское ристалище и торговую площадь. Приблизившись к огненной печи, святой повелел змею:

– Во Имя Христа, Которого я, недостойный, проповедую, повелеваю тебе войти в середину того огня!

Повинуясь воле Ипатия, страшный змей, перегнувшись, бросился стремительно в огненную печь и сгорел там.

Весьма примечательна история святой Марты или Марфы и укрощенного ею дракона Тараска (Tarasque) от имени которого происходит название французского города Тараскон на реке Роне. Вот как излагается эта легенда в одной из наиболее популярных после Библии книг Средневековья «Золотой легенде» (ок. 1260) доминиканского монаха Иакова Ворагинского (ок. 1228–1230 – 1298): «На реке Рона, в лесной чаще, расположенной между городами Арлем и Авиньоном, обитал некий дракон – наполовину зверь, наполовину рыба, толщиной превосходивший быка, длиной – лошадь. Его зубы походили на

¹ Локоть – мера длины, соответствующая 10–12 старорусским вершкам. Размер вершка в переводе на современные единицы составлял 4,5 см. Следовательно, размеры змея составляли около 30 м.

лезвие меча, заточенного с двух сторон, и были острыми, словно рога. С каждого бока он был вооружен двойными круглыми щитами. Он прятался в реке и убивал всех, следующих мимо, а корабли топил. Прибыл он из моря Галатского в Азии и был порождением Левиафана, свирепого водяного змея, и животного под названием онагр, что водится в галатской земле и преследователей поражает на расстоянии югера своим жалом или пометом, а все, до чего оно дотрагивается, выжигается, словно от огня. Марфа по просьбам людей отправилась к нему и обнаружила дракона, который поедал человека, в лесной чаще. Она окропила его святой водой, осенила крестным знаменем и показала ему распятие. Побезженный, он сделался кротким, словно овца, а святая Марфа связала его своим поясом, после чего люди забили его копьями и камнями. Жители называли дракона Тараскон, отсюда и место это стало прозываться Тараскона, а прежде оно называлось Нерлук, т. е. Черное Озеро, потому что чаща там была темная и тенистая».

Согласно более натуралистичной версии легенды, выяснив, что если Тараск поглощает за один раз восьмерых человек, то в течение последующего полугодия он становится относительно безопасным, местные жители решили ввести этот процесс в организованное русло и установили очередность на выплату кровавого оброка. Ситуация изменилась с прибытием в Нерлук святой Марты, известной своими проповедями слова Божьего и добрыми делами в соседнем Арле. Вняв просьбам жителей, Марта отправилась на встречу с чудовищем и смирила его крестом из веточек и святой водой. Затем она отрезала свои длинные косы одним из клыков чудовища, сделала из них поводок, который накинула на шею зверю, и на поводу привела его в Нерлук. Вопреки просьбам святой Марты пощадить Тараска охваченные страхом, злобой и чувством мести местные жители расправились с ним. С тех пор Нерлук носит имя Тараскон, и в нем до сих пор (!) проводится ежегодное праздничное шествие и карнавал в честь Тараска.

В 1849 г. в городе Нов (Прованс) была найдена статуя покрытого чешуей монстра, пожирающего человека, получившая официальное название «Tarasque de Noves». Сейчас она выставлена в Музее Кальве в Авиньоне. По мнению исследователей, статуя датируется I в. до н.э. и создана каварами,

относящимся к кельто-лигурийским племенам. Как две капли воды похожие монстры представлены на миниатюре из «Книги истинной истории доброго царя Александра» (1420), хранящейся в Британской национальной библиотеке и повествующей об истории знаменитых походов македонского царя на Восток в IV в. до н. э.

К III в. относится история обитавшего в реке Мозель дракона Граулли и св. Климента Мецкого – первого епископа города Меца, расположенного в северо-восточной Франции. Согласно легенде, покинув реку, дракон Граулли поселился в руинах римского амфитеатра в городе Мец и наводил ужас на местное население. Прибывший в город для проповеди Евангелия св. Климент воспользовался ситуацией и для начала обратил жителей города в христианство. После этого он отправился в амфитеатр и приручил Граулли, обернув его шею своей столой¹, после чего вывел дракона на привязи за пределы города. Затем святой вместе с Граулли направились к реке Сейль, на одном из островов которой чудовище «провалилось сквозь землю». Образовавшееся отверстие св. Климент завалил обломком скалы. Согласно другой версии легенды, св. Климент подвел Граулли и других змеев, находившихся вместе с ним в амфитеатре Меца, к берегу реки Сейль и повелел исчезнуть «в то место, где не живут люди и звери».

Вплоть до 1769 г. в Меце ежегодно проводился праздник дракона Граулли, приходящийся на день св. Георгия (23 августа). По улицам города торжественно проносили чучело дракона, а каждый пекарь либо хлеботорговец, мимо заведения которого «проходил» Граулли, накалывал ему на язык булочку или хлебец – своего рода ритуальную, бескровную жертву дракону. Память о Граулли сохранилась в Меце и в настоящее время. К примеру, его изображение фигурирует на гербе футбольного клуба Мец.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают всего материала, имеющегося по данному вопросу. Покорителями

¹ Стола – элемент литургического облачения католического и лютеранского священника. Представляет собой шелковую ленту 5–10 см в ширину и около 2 м в длину с нашитыми на концах и в середине крестами. Епископы и священники надевают столу на шею таким образом, чтобы ее концы спускались до колен на одном уровне.

драконов почитались: первый епископ Форли (Италия) св. Меркуриалий (ум. ок. 406); первый епископ Ле-Мана (Франция) св. Иулиан (III или IV в.); св. Лифар игумен из Орлеана (ум. ок. 550 или 565); св. Веран епископ Кавайонский (ум. 590); св. Бьеноре или Беата (III век) из Вандома (Франция); апостол Швейцарии св. Беата из Лунгерна, известный также как Беат из Беатенберга, или Беат из Туна (ум. II в.); покровитель города Урбино (Италия) св. Кресцентин (ум. 303), чья победа над драконом привела к успешной евангелизации Умбрии; великомученица Марина (Маргарита) Антиохийская (ок. 289–304); епископ Кавайона (Франция) св. Веран (ум. 590). Длинный перечень святых, чьим иконографическим символом выступал усмиренный, а не поверженный дракон, приводится в книге Мориса и Уилфреда Дрейков «Святые и их эмблемы»¹.

Мысль о том, что представленные эпизоды из житий различных христианских святых являются не случайными «флуктуациями», а видимыми проявлениями определенной традиции, наглядно иллюстрирует славянский иконографический сюжет, отражающий весьма необычную трактовку известного змеборческого подвига святого Георгия Победоносца.

¹ *Drake M., Drake W. Saints and their emblems. London, 1916. P. 172–173.*

«ЗНАЮЩИЕ СЛОВО» И ТАЙНЫ СВЯТОГО ЗМЕЕБОРЦА

Есть, владыка, нить золотая,
Что связует тебя и нас...

Николай Гумилев
«Поэма начала: Дракон» (1921)

Единственная известная фреска, на которой святой Георгий изображается совершенно безоружным, а главное – не поражает чудовище, находится в храме святого Георгия в Старой Ладоге («Чудо Георгия о змие», XII в.). На этой фреске святой змееборец всего лишь сопровождает женщину с княжеским венцом на голове, которая мирно ведет на поводу ящероподобного «змия», покорно ползущего за ней, вытянувшись во всю длину своего тела. У «змия» имеется характерный для «чудского» ящера затылочный рог и две передние лапы.

Советский филолог-фольклорист Владимир (Герман Вольдемар) Яковлевич Пропп (1895–1970) в статье «Змееборство Георгия в свете фольклора» указывает, что содержание этого необычного сюжета раскрывает довольно редкий духовный стих о Егории Храбром и Елизавете Прекрасной, изрядно подзабытый уже к XIX в. Его содержание в разных вариантах сводится к тому, что в некотором фантастическом городе или царстве живут царь и царица. Они язычники, иногда – отступники от христианской веры. Без всякого внешнего повода Бог насылает на город страшное бедствие – появляется «поедучая змея», которая требует на пожирание каждый день по человеку. Жители обращаются к своему царю, и он предлагает, чтобы жертва ежедневно определялась по жребию. Жители принимают такое предложение. Когда жребий выпадает на царя, он советуется с женой, как ему спастись, и та предлагает ему вместо себя отправить на жертву их дочь Елизавету. В большинстве вариантов Елизавета не той веры, что ее родители, она христианка: «Не нашему богу она молится, Она молится Господу распятому».

Обманывая свою дочь, они снаряжают ее будто бы под венец, но Елизавета все понимает. Ее ведут к морю или озеру, в

котором обитает змей, и оставляют ее там. В дальнейшем песня повествует, что мимо того места на белом коне проезжает Георгий – воин, который после ратных подвигов возвращается домой. Он выспрашивает девушку и остается около нее, чтобы спасти ее от змея. Девушка ищет у него в голове, и он засыпает. Когда появляется змей, Елизавета не может добудиться героя и плачет. Горячая слеза падает ему на щеку, и он просыпается.

Пропп пишет: «Стоило бы ожидать, что герой схватится со змеем, убьет его и освободит царевну. Но в песне никакого боя нет. Георгий не убивает змея, а укрощает его: он произносит над ним заклинание или ударяет его своим «скипетром», и змей полностью смиряется. Он побежден как бы внутренней силой героя».

Далее Георгий предлагает Елизавете снять свой пояс, который он обматывает вокруг шеи змея, а конец его дает ей в руку, после чего они возвращаются к дому родителей Елизаветы. Именно этот момент изображен на иконе.

В песне сообщается, что Георгий предлагает родителям Елизаветы принять христианство. Если они согласятся, он убьет змея, если же нет, «я спущу змею лютую на твой град». Родители Елизаветы, конечно, сразу же соглашаются принять истинную веру, но Георгий требует еще, чтобы они поставили три церкви, и они соглашаются. На этом песня чаще всего кончается. Певцы совершенно забывают о змее. Формальный конец их мало интересует, но в отдельных вариантах сообщается, что Георгий справляется со змеем и исчезает.

Аналогичный сюжет представлен на новгородской иконе XIV в. «Чудо Георгия о змие, с житием в 14 клеймах», хранящейся в Русском музее Санкт-Петербурга. Важно, что эта икона – древнейшая из всех русских икон, на которых изображен змееборческий подвиг святого Георгия. Первое, что бросается в глаза – поразительное композиционное сходство с фреской из Старой Ладogi. Пропп предполагает, что это совпадение свидетельствует не о влиянии фрески на икону, а о том, что данный тип иконы был традиционен для определенного исторического периода.

На новгородской иконе Георгий сидит на белоснежном коне. Сидит совершенно прямо, без всякого изгиба или накло-

на корпуса. Он не управляет конем, поводья ослаблены и провисают. Вопреки драматичности сюжета фигура Георгия абсолютно спокойна. Хотя он и держит в руках копьё, но это не столько оружие, сколько знамя: на копьё развеивается вымпел. Весь его внешний облик соответствует сюжету, согласно которому Георгий не вступал со змеем в буквальную схватку, а победил его «заклинанием».

Пропп подчеркивает, что по своей фактуре икона весьма архаична, и фигура Елизаветы – наиболее архаическая ее часть: «Скованность и неподвижность фигуры – знак ранних, примитивных форм иконописания. Фигура Елизаветы вытянута вверх без всяких изгибов, так же как совершенно прямо на коне сидит Георгий и совершенно прямо, не извиваясь, по земле вытянулся змей».

В отличие от фрески из Старой Ладogi пояс на новгородской иконе обмотан не вокруг шеи, а вокруг затылочного рога чудовища. Заметим, что ровно тот же самый пояс фигурирует в истории св. Марты-Марфы, св. Лифара из Орлеана и в несколько видоизмененной форме столы в предании о св. Клименте и драконе Граулли. Ключ к пониманию скрытого символизма этого наиважнейшего образа содержится в славянской традиционной культуре. Главная функция пояса в рамках интересующего нас иконографического сюжета состоит в установлении связи между «своим» и «чужим» пространством, в частности, «старым» и «новым» домом. У белорусов известна традиция, в согласии с которой при переходе в новый дом хозяин притягивает всех членов семьи внутрь избы за нитку или пояс, а молодая жена, входя в дом мужа после венчания, бросает свой пояс на печь. В России считалось, что с помощью пояса можно «привязать» скотину ко двору. При первом выгоне скота в поле у восточных славян было принято расстилать в воротах пояс (чаще всего красный), его также привязывали к рогам коровы, клали пастухам в сумки и т. д. При покупке скота его вводили в новый дом через опояску, посланную у ворот. Во Владимирской губернии в этот момент приговаривали: «Забывай старого хозяина, привыкай к новому!»

Отсюда можно заключить, что рассматриваемый нами иконографический сюжет содержит мотив установления ритуальной взаимосвязи с чудовищем, тождественной его доместики (одомашниванию). В этом свете отдельные концовки

духовного стиха о Егории Храбром, сообщающие о финальной расправе Георгия со змеем, совершенно противоречат его основному содержанию и представляются результатом позднейшей творческой «доработки».

Невзирая на чрезвычайную редкость этого иконографического сюжета, именно он, по мнению Проппа, отражает наиболее архаические представления о содержании подвига святого Георгия: «На иконах данного типа нет непосредственной борьбы, есть покорение врага не силой, а внутренним совершенством героя».

Показательно совпадение данного, на первый взгляд, легендарного сюжета с мифологическими представлениями современных карачаевцев о том, что досаждающих змей следует не убивать, а заговаривать. В том же ряду находятся русские восточносибирские бывальщины о людях, обладающих особой властью над змеями («знающих слово»). Материалы по этой теме, собранные в 1966–1980 гг. на территории Забайкалья и Иркутской области советским фольклористом, кандидатом филологических наук В. П. Зиновьевым (1942–1983), относятся к 1920-м гг. «Знающие слово» не имеют ничего общего с вульгарными «заклинателями змей», которые «успокаивают» пресмыкающихся на потеху непритязательной публике. Равно как и словацкие «чернокнижники», сибирские «знающие слово», как правило, – пожилые мужчины, выступающие в качестве функционального посредника между человеком и змеями. Это положение наглядно иллюстрирует следующая бывальщина из собрания Зиновьева:

«335. Это был один старичок, значит. Я вот так знаю, что дедушка Паша, а фамилию-то его не знаю. Тот был такой... тоже, видно, знал че-то. И вот если в случае где появились змеи, то, значит, его просят... Он даже сам носил змею через плечо, и на шее она обвивалась. Никогда его не трогала.

И вот если появились змеи, если кто хорошо принял его, значит, он этих змеев угонит. Сперва забивает какой-то колушек, потом прутиком несколько раз махнет и че-то пошепчет – уходят! Уйдут!

А кто уж если огорчит, то не рад будет. И покосу попустится. Ни грести, ни косить нельзя: змеев будет – хоть отбавляй!

И вот был случай в Золотой пади. Там прииски были, золото мыли. И мужики его попросили! Он шел мимо, оне его попросили. Он сказал:

– Давайте, я изделаю!

Но и действительно, изделал, поставил колушек, прутик взял в руку. Помахал – сама больша пришла, начала крутиться вокруг колушка, и за ней все пришли, в комок свились, шипели-шипели...

Он махнул прutom – она пошла вперед, и те за ей. Увела. Ушли и не стало»¹.

Колышек (осоиновая палочка, или палка) и прутик являются непременнои орудиями-атрибутами «знающих слово», встречающимися практически во всех бывальщинах. В народных верованиях похожая палка (посох, трость) фигурирует в качестве магического атрибута «знающих», которыми в традиционном русском обществе считались люди, обладавшие комплексом тайных знаний. К категории «знающих» принадлежат ведьмы, колдуны, знахари и некоторые другие ритуальные специалисты. Деление на колдунов и ведьм, которые делают «на зло», и знахарей, которые делают «на добро», сложилось в народном сознании под влиянием христианства. «Знающие» различаются по степени обладания магической силы и тайного знания: самые сильные ритуальные специалисты – ведьмы, обладающие наибольшим объемом магической силы, за ними следуют колдуны, магическая сила которых заключена в зоморфных помощниках, и далее – знахари, чья магическая сила заключена в заговорах.

Использование сибирскими «знающими слово» в своей ритуальной практике колышка, палочки или палки позволяет понять, почему св. Марта-Марфа приготовила крест, смиривший Тараска, из каких-то «веточек», а не воспользовалась готовым (пускай даже самым простым) распятием, которое у нее непременно должно было иметься «по долгу службы». То же самое обстоятельство проливает свет на природу скипетра св. Георгия и жезла св. Ипатия, с помощью которых они смиряют своих чудовищ. Впоследствии скипетр св. Георгия превращается в копьe, ставшее его неотъемлемым атрибутом, которое, по всей видимости, продолжает сохранять первоначальные функции, скрывая свою настоящую природу под видом простого колющего оружия. Столь же чудесное превращение происходит и

¹ Цитата по изданию: Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Сост. В. П. Зинovieв. Новосибирск: Наука, 1987. С. 229–230.

с «веточками» св. Марты. В нюрнбергской церкви св. Лоренца (св. Лаврентия) в алтаре св. Марты имеется любопытное изображение, на котором святая представлена вместе со смиренным ею Тараском, а в ее левой руке находится трость, увенчанная вполне традиционным распятием.

Не менее примечательная история связана с тростью преподобного Авраамия Ростовского (ок. XI–XII вв.), якобы врученной ему самим апостолом Иоанном Богословом, дабы преподобный сокрушил им каменный идол Велеса, который еще в XI в. стоял на «Чудском конце» Ростова. Покровитель сказителей и обрядовой поэзии, общеславянский «скотий бог» Велес считался хозяином подземного и морского миров и ассоциировался со змеем и водной средой, а также выступал в качестве антагониста Перуна, являвшегося преимущественно богом княжеской дружины. Неудивительно, что, невзирая на древность и широкую распространенность культа Велеса в народной среде, он отсутствовал в числе богов киевского княжеского пантеона.

В житии Авраамия Ростовского рассказывается, что преподобный, следуя совету старца, должен был отправиться в Царьград, чтобы там помолиться Иоанну Богослову и попросить его о помощи в борьбе против язычников, поклонявшихся Велесу. Неподалеку от Ростова на реке Ишне произошла загадочная встреча Авраамия с неким «страшным человеком», которого он интерпретировал как Иоанна Богослова: «И яко отыде от града Ростова три поприща, и преиде Ишню реку, и стрете человека страшна и благоговейна образом, взлыса, плешива, браду же круглу велию име, зело прекрасну и благолепну. В руце же своей имеюща трость, на ней же животворящий крест, Распятие Господа нашего Иисуса Христа. Преподобный же Авраамий узре его и устрашися вельми, и виде, яко апостола Божия, паде пред ногама его, поклонися ему. И глагола ему той страшный муж: Старче, востани, повеждь ми, камо грядеши, скорбя зело? Блаженный же Авраамий воста и поведя ему вся бывшая, коея ради вины и камо грядет, и что ради на взыскание дому Иоанна Богослова. Глагола ему той страшный муж: Возвратися, старче, и возьми мою трость, и иди, отнеле же грядеши, и приступи ко идолу Велесу без возбранения, и избоди его сею тростию во имя

Иоанна Богослова, и будет ти в прах окаянный. Преподобный же Авраамий прием трость у благообразна мужа. Той же муж невидим бысть. Преподобный же, страхом и радостью одержим, возвратися вспять, и прииде ко идолу Велесу без возбранения. И во имя Иоанна Богослова избоде его тростью. И бысть в прах окаянный, исчезе в пропасть, яко в бездну, и с каменем».

На иконе первой трети XVIII в. «Явление апостола Иоанна Богослова преподобному Авраамию с житием» одно из житийных клейм изображает интересующий нас эпизод с сокрушением Авраамием идола Велеса. Увенчанная шестиконечным распятием трость оканчивается здесь символическим изображением наконечника копья. После кончины преподобного Авраамия таинственная трость хранилась в Ростовском Богоявленском Авраамиевом монастыре. Ее исчезновение монастырские записи связывают с именем Ивана IV Грозного (1530–1584), который «быв при освящении храма... молебная совершив, от гроба Преподобнаго трость Богословлю взя на победу и одоление Казанского царства, в лето от сотворения мира 7061, а от Рождества Христова 1553 октября 2 дня¹».

Поступок царя, по всей вероятности, был продиктован тем обстоятельством, что символом Казани считался крылатый змей Зилант, обитавший некогда в пещере на горе Джилантау (Змеиная гора), расположенной в двух с лишним километрах ниже Казанского кремля по старому руслу реки Казанки. В соответствии с легендой на месте будущей Казани водилось множество толстых как бревно змеев (джилан). Татарский колдун с помощью заклинаний сумел извести чудовищных гадюк. Однако их предводитель, крылатый змей Зилант (Аждаха), успел перебраться на гору Джилантау, с которой еще долгое время наводил ужас на город, покуда не был умерщвлен «волшебником» Хакимом. После взятия Казани на этом месте по указанию Ивана Грозного был возведен Зилантов Свято-Успенский монастырь.

¹ Имеется в виду взятие Казани Иваном Грозным, состоявшееся 2 октября 1552 г. В монастырской записи фигурирует 1553 г., поскольку начиная с 1492 по 1700 г. официальное летоисчисление в России велось с 1 сентября, как это было принято в Византии.

Другой крылатый змей вплоть до XVI в. обитал в Елабужском языческом капище («Чортовом городище») и согласно местным легендам внезапно покинул его перед самым походом Ивана Грозного на Казань. Существует легенда, что Иван Грозный некоторое время пребывал в непосредственной близости от развалин «Чортова городища»: «Царь Иван IV Васильевич после покорения Казани отправился по реке Каме в Соликамск, но на пути сделался болен и принужден был остановиться при устье Тоймы, на том месте, где теперь стоит город Елабуга». Во время своего пребывания здесь царь якобы повелел построить на месте бывшего капища мужской монастырь Живоначальной Троицы и заложить церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы с двумя приделами (в память пророка Ильи и Трех Святителей).

Потративший много усилий на собирание документальных свидетельств, относящихся к истории этих мест, отец известного художника И. В. Шишкин (1792–1872), приводя в своей книге «История города Елабуги» (1871) это сообщение, замечает: «Не знаю сколько справедливо». Далее он пишет: «По взятии Казани Царем Иваном Васильевичем Грозным для распространения своих владений и христианства в завоеванном царстве Казанском, в особенности по реке Каме, на которой было столь славное и, конечно, известное православному Царю идольское капище, он повелел воздвигнуть мужской монастырь во имя Троичного Божества на том месте Чертова городища, где прежде волхвы обманывали суеверный народ».

Как бы то ни было, после завоевания Казанского царства трость преподобного Авраамия пропадает из поля зрения историков. В настоящее время о ней можно судить по завершению в виде шестиконечного распятия, хранящемуся в музее Ростовского кремля. Датировка креста такого типа представляется современным искусствоведом «загадочной». По мнению историков, распятие из медного сплава с рельефами Божией Матери, Архангелов и святых представляет собой копию-отливку, датируемую предположительно XIV в. «Заплывший рельеф» распятия несет на себе следы позднейших доработок резцом, что свидетельствует о воспроизведении более раннего образца. На рукояти распятия имеется текст следующего

содержания: «Сей крест в граде Ростове во Авраамиеве монастыре св. Иоанном Богословом дан преподобному Авраамию победити идола Велеса, при князе Владимире». Срез круглой формы в нижней части креста говорит в пользу предположения о завершении крестом той самой таинственной трости, которая некогда хранилась в Богоявленском монастыре как реликвия.

К числу известных нам христианских отшельников, владевших столь же необычными посохами или жезлами, относятся св. Бьеноре из Вандома (ок. III в.), поразивший дракона всего лишь одним ударом своего посоха, и апостол Швейцарии, отшельник из Лунгерна св. Беат. Последний изображен на гербе коммуны Беатенберг замахнувшимся короткой палкой или жезлом на двуногого крылатого дракона, которого святой поразил в пещерах, расположенных неподалеку от села Беатенберг.

Стоит ли удивляться, что тот же самый жезл обнаруживается в руке сульде-отца, передвигающегося на спине ящера с «чудской» пластины из Подчеремского клада (фото 54). Он же фигурирует практически на всех скульптурных композициях догонов в руках у человека, управляющего крокодилом (фото 56), а также на некоторых композициях из Акамбаро (фото 38). Примечательно, что в тех случаях, когда догонские скульптуры изображают человека, передвигающегося верхом на реликтовом чудовище (предположительно динозавре из рода грипозавров), в руках у всадников такие жезлы отсутствуют.

Отдельного упоминания заслуживает зафиксированная в некоторых сюжетах способность «знающих слово» оставлять змей караулить свой дом и домочадцев: «Так рассказывали: у его ребятишки были, два пацана (где он их взял, я не знаю). И вот, к нему пацаны – раз! – прибегут и убегают оттуда: они там со змеями играют. Они маленьки, пацаны, а он их, этих змей-то, на охрану оставит, но, они там не запустят никого – кто зайдет-то, правильно? Змеи тут, увидит – напугатся. А они их там за хвост тянут (она не кусат, ниче), бьют их, пинают».

Наиболее отдаленные во времени следы этой традиции обнаруживаются в Древнем Египте. В тексте мифа об истреблении человечества, высеченном в гробницах фараонов Сети I

(приблизительно 1313–1292 до н.э.) и Рамсеса III (приблизительно 1198–1167 до н.э.), встречается упоминание о неких «заклинающих», владеющих «словами власти» («хекау»), с помощью которых сам бог Ра оберегался от нападения змей.

Собираясь покинуть Землю и взойти на небо, правивший Египтом бог Солнца, царь Ра призывает к себе бога Земли Геба и обращается к нему со следующими словами: «Да поразят змей твоих, находящихся в тебе! Вот они будут страшиться меня, пока я существую. Ты ведь знаешь все волхование их. Пойди же к месту, где находится отец мой Нун, и скажи ему: «Остерегайтесь змей и в земле и в воде!». И да опишешь ты гнезда змей твоих, находящихся в тебе, говоря: «берегись, да не повредите вы кому-нибудь». И да знают они, что хотя и удаляюсь я, все же я сияю над ними. Если же желают они отца, вот будешь ты отцом в земле этой вечно».

Далее Ра говорит Гебу: «Остерегайся заклинающих, знающих слова свои: вот заклятие мое собственное там, и вот никто не разделит его со мною в величии, бывшем до меня. Я подчиню их сыну моему Осирису, и детей их будут стеречь, и покорны будут сердца князей и из-за чар тех, которые творят по желанию своему по всей земле силою заклятий своих, которые в них».

Тот же самый фрагмент в другом варианте перевода выглядит следующим образом: «Кроме того, следует особо обратить внимание на тех людей, что владеют моими словами власти, и тех, чьим устам ведомы такие вещи; воистину это мои собственные слова власти, воистину недопустимо, дабы кто-либо разделял со мной мою защиту ввиду величия, что возникло до меня. Я передам их твоему сыну, Осирису, и их дети будут оберегаться, сердца их правителей должны быть покорными (или готовыми) благодаря магическим силам тех, кто поступает сообразно своему желанию на всей земле через слова власти, что заключены в их телах».

Характерно, что уже в те легендарные времена «заклинающие» описываются как люди, наделенные особыми внутренними качествами («слова власти заключены в их телах») и обладающие большой степенью независимости («поступают сообразно своему желанию по всей земле»).

Далеко не случайным совпадением представляется египетское происхождение известной христианской иконографии

святого всадника-змееборца, поражающего копьём ящероподобного змея. Первенствующий египетский иконографический сюжет относится к Римскому периоду (30 до н. э. – 395 н. э.). В парижском Лувре хранится известняковый барельеф IV века, на котором изображен сидящий на коне древнеегипетский бог Гор с головой сокола, поражающий своим копьём Сета, представленного в виде крокодила. Иконография этого барельефа совершенно совпадает с распространенной впоследствии иконографией святого Георгия Победоносца.

В самом начале своего исторического пути образ всадника-змееборца, пусть и на краткое время, получил ярко выраженное антихристианское значение. Этот эпизод относится к царствованию императора Диоклетиана (284–305), по приказу которого принял мученичество исторический святой Георгий (ум. 303 или 304). Будучи приверженцем культа олимпийских богов, Диоклетиан стремился вдохнуть новую жизнь в старую римскую религию. Во время его правления была предпринята попытка возвращения к традиционным римским религиозным ценностям. Религиозная реформа сопровождалась массовым преследованием христиан. В процессе «зачистки» был разрушен город Коптос, который являлся, по сведениям Плиния, центром почитания Сета-крокодила. В 302 г. жители Александрии воздвигли колонну с надписью, выражающую благодарность императору Диоклетиану. Новый Юпитер вводится в национальную мифологию в виде нового Гора, поражающего Сета-крокодила, который символизировал, в т. ч., и христиан. Следует помнить, что один из первоначальных символов христианской традиции – рыба – тесно связан с символизмом змея (дракона).

Несмотря на масштабные репрессии, старая римская религия была уже не в состоянии консолидировать римское общество, изрядную часть которого к тому времени составляли христиане. Окончательное понимание этого наступило в царствование императора Константина Великого (323–337). Не являясь формальным христианином (крестился он только перед смертью), Константин предоставил христианству особый статус и активно участвовал в делах Церкви, добываясь ее единства как неперемennого условия единения Римской империи.

Современник императора римский историк Евсевий Кесарийский (около 263–340) упоминает, что Константин велел

изобразить себя в виде конного воина, пронзающего дракона, и поместить изображение над входом в переднюю палату императорского дворца. Этот символический акт послужил отправной точкой христианизации образа героя-змееборца и связанных с ним культов, уходящих своими корнями в глубочайшую праисторическую древность.

Очевидно, за описанными процессами стоял не только Константин, но и часть «старой» военно-политической и религиозной элиты Римской империи, сделавшая надлежащие выводы из неудачных реформ Диоклетиана. Фигура святого становится важным идеологическим мостом между древними воинскими культами и христианством. Георгий, сочетавший в себе римского воина и мученика-христианина, как нельзя лучше подходил для этой роли. Оставалось только совместить его с образом змееборца. Что и было сделано, предположительно без участия самого Константина. В пользу этой версии свидетельствует, что именно в его правление появился один из первых храмов, посвященных святому Георгию. Отнюдь не случайно центром нового культа становится место захоронения святого – Лидда. Та самая область, в которой еще недавно гонители христиан, римские императоры-язычники, изображались в виде драконоборцев.

Первые церкви, посвященные святому Георгию, появляются на востоке Римской империи уже в IV веке. Он необычайно популярен среди европейской знати и рыцарей. Святой Георгий избирается святым покровителем ряда городов и государств (Генуи, Арагона, Португалии, Бургундии, Аквитании и др.).

Наибольшего расцвета культ святого достигает в эпоху крестовых походов – Георгий становится небесным патроном воинов-крестоносцев. Особую роль сыграл генуэзский культ святого Георгия – именно из Генуи крестоносцы со всей Европы отправлялись в Святую Землю. Не меньшую роль в распространении культа святого сыграли купеческие республики и ремесленные гильдии Западной Европы.

Известны многочисленные орденские структуры, посвященные святому Георгию: орден св. Георгия в Альфаме, (1201); французский орден св. Георгия (1390); орден св. Георгия Австрии, или Каринтии (основан в 1273 г., распался и был осно-

ван заново в 1468 г.), орден рыцарей св. Георгия для защиты церкви от врагов (1498) и многие другие.

Как и на Западе, решающую роль в распространении культа святого Георгия на Руси играют дружинно-княжеские круги, эстафету которых впоследствии принимает царский двор. Наиболее древние следы культа обнаруживаются в Новгороде и Киеве. Именно князь новгородский, а впоследствии великий князь киевский Ярослав Мудрый (в крещении Георгий, около 978–1054) всемерно способствовал продвижению культа этого святого.

Имя Георгий (Юрий) – одно из самых известных княжеских имен древней Руси. С именем князя Юрия Долгорукого (1090-е – 1157) связано укоренение культа Георгия во Владимиро-Суздальской земле. Долгорукий считается основателем Москвы, откуда берет свое начало особая связь города с культом кападокийского святого.

Потомки Московского князя Ивана Калиты (около 1283–1341) умело пользовались православием как инструментом государственного строительства. Царь Иван III Васильевич (1440–1505) проявляет особый интерес к святому Георгию-змееборцу. В 1464 г. он воздвигает статую святого над парадным входом в московский Кремль (Флоровские ворота, с 1658 г. называются Спасскими). Это крайне необычное событие, ибо Русская православная церковь не одобряла скульптурные изображения, считая их «идолами». Женившись на Софье, племяннице последнего византийского императора Константина XI Палеолога (1405–1453), Иван III полагает себя преемником византийских императоров и в 1497 г. перенимает герб Византийской империи – двуглавого орла, поместив на его груди свою московскую печать с изображением конного Георгия, поражающего копьём змея. С тех пор это герб русского государства, а позднее и Российской империи.

Однако далеко не всякое изображение всадника с копьём, повергающего чудовище, было связано с фигурой святого Георгия. В русской геральдике эта трактовка закрепились с момента кодификации российского имперского герба, осуществленной по проекту генерала-фельдмаршала графа Бурхарда Кристофа фон Мюнниха (известного в России как Христофор Антонович Миних, 1683–1767) и утверждённой

Военной коллегией в 1729 г. Еще в московскую эпоху по этому поводу наблюдается странная неопределенность. К примеру, в указе от 11 марта 1726 г. (№ 4850) всадник на коне в символике императора всероссийского именуется «ездцом». Дело в том, что в московской истории XV–XVII вв. князья предпочитали изображать себя в виде всадника, вооруженного мечом или копьем, нередко побеждающего дракона или какое-либо дикое животное. Так что принимать все изображения этого ряда за святого Георгия следует далеко не всегда.

В отличие от царского двора митрополичий двор как минимум с подозрением относился к сюжету борьбы святого со змеем. Иконы Георгия-змееборца верхом на коне имелись во множестве провинциальных церквей, но отсутствовали в храмах государственного значения. На иконах Московского Кремля и Троице-Сергиевой лавры Георгий изображался исключительно стоя. Пропп следующим образом комментирует это обстоятельство: «Культ Георгия-змееборца не признавался официальным православным богословием. Георгий-змееборец вошел в культ вопреки церковному руководству. Мы имеем прямые данные о запрещении культа Георгия церковными властями. Но никакие запрещения не могли препятствовать его широкому распространению».

Аналогичная картина наблюдается и на Западе. Невзирая на крайнюю популярность святого, официальные круги католической церкви время от времени демонстрировали избирательный скептицизм по его поводу. В конце V века борец с ересями и пережитками язычества папа Геласий I в Декрете «*Decretum Gelasianum*» резко осуждал как «еретическую фальсификацию» и запрещал к чтению в Римской церкви текст «Мученичество Георгия». Конечно, он оговаривал, что этот святой достоин почитания, «но дела его известны одному Господу и его «страсти» чтению в святой Римской церкви не подлежат». В IX в. этот запрет подтверждается Константинопольским патриархом Никифором (758–828). Следующий удар по репутации Георгия нанес в XVI в. папа Климент VII (1478–1534) – по его указанию из требников и церковных книг была удалена часть молитв, связанных с житием святого.

Настоящим камнем преткновения, смущавшем умы церковного священноначалия на Западе и на Востоке, служил

змееборческий сюжет и стоящие за ним древнейшие «языческие» традиции, оказавшиеся на удивление востребованными в христианский период. Описание битвы святого с драконом содержится в запрещенном Геласием I «Мученичестве Георгия» и упоминается в той части молитв, которая была изъята из церковных книг во время реформы Климента VII. Оно же содержится в апокрифическом житии Георгия, осужденном в славянских индексах запрещенных книг, и фигурирует на соответствующих иконографических сюжетах, бойкотируемых православной церковью. Напомним, что подобное настороженное отношение прослеживается уже в древнеегипетской традиции, в которой сам бог Ра рекомендует богу Земли Гебу остерегаться «заклинающих», владеющих «словами власти».

За сложными религиозно-политическими перипетиями, издревле клубящимися вокруг образа святого змееборца, не следует забывать о прикладном значении его противостояния с чудовищами, перекликающемся с регулирующими функциями словацких «чернокнижников», буддийских и христианских «ученых монахов», сибирских «знающих слово» и древнеегипетских «заклинающих». В пользу этого свидетельствует самый факт сохранения культа героя-змееборца на протяжении всего исторического времени и его особенная актуальность в христианский период. Традиционное сознание в этом смысле весьма категорично – сохраняется лишь то, что актуально и пребывает в функциональной связи с действительностью. Недаром некоторые видные исследователи считали, что змееборческий мотив основан на борьбе с реальными чудовищами.

Историк литературы, член-корреспондент Академии наук, филолог А. И. Кирпичников (1845–1903) связывал змееборчество с действительным существованием на земной поверхности чудовищных змеев: «Это верование основывается на факте, на воспоминании о вымерших видах животных, останки которых пока встречались в окаменелостях. <...> Существование в некоторых странах сильных и опасных для людей земноводных вроде крокодилов способствовало живучести этого воспоминания».

В приведенной цитате привлекает внимание осторожное, но, тем не менее, многозначительное наречие «пока». Судя по

всему, в качестве объяснения распространенности змеборческого сюжета Кирпичников допускал существование реальных реликтовых ящеров, сохранявшихся вплоть до недавнего исторического времени.

Специалист по славянской и греческой средневековой литературе, филолог и литературовед А. В. Рыстенко (1880–1915) писал в 1909 г.: «Как бы ни фантастичны казались нам рассказы о змеборстве, все же в основе лежит какой-то реальный факт».

РЕЛИКТОВЫЕ ЧУДОВИЩА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Документальные свидетельства в пользу существования реликтовых чудовищ в Европе XVI в. находят научное обоснование в трудах основателя болонского ботанического сада, автора многочисленных трудов по естественной истории, итальянского врача, натуралиста, зоолога, ботаника и энтомолога, профессора естественных наук Улисса Альдрованди (1522–1605). Почтенный профессор совершенно не сомневался в том, что драконы существовали и существуют, и классифицировал их в ряду прочих животных.

Альдрованди приводит случай, происшедший с итальянским крестьянином, который убил палкой странного крокодилообразного дракона – маленького и, в общем, безобидного. Впервые это существо было замечено 13 мая 1572 г. и шипело, как змея. Оно пряталось на территории небольшого имения мастера Петрония. В 05:00 вечера дракон был пойман на проезжей части пастухом по имени Баптиста возле живой изгороди одного из владений, в полутора километрах от околицы крайних домов города Болоньи. Баптиста ехал на телеге домой, и вдруг волы, запряженные в телегу, остановились. Он пинал их и кричал на них, но они отказались двигаться дальше и опустились на колени. В этот момент пастух уловил шипящий звук и был поражен, увидев это странное небольшое животное. Дрожа от страха, он ударил его по голове посохом и убил¹. Этот дракон вошел в состав знаменитой коллекции Альдрованди и был, по словам современников, самым интересным экспонатом из 712 «бальзаматов», хранившихся в его кабинете². Судя по недостаточно развитым когтям и зубам дракона, Альдрованди предположил, что существо представляло собой молодую особь. Труп имел только две конечности, так что, по всей видимости, животное передвигалось, скользя на манер змеи.

¹ См.: *Aldrovandus Monstrorum historia cum paralipomenis historiae omnium animalium* Bartholomaeus Ambrosinus. Bologne, N. Tebaldin, 1642; *Aldrovandus, Ulysses, The Natural History of Serpents and Dragons*, 1640, p. 402.

² *Findlen P. Possessing nature: Museums, collecting and scientific culture in early modern Italy*. California, 1996. P. 28.

Альдраванди утверждал, что в 1551 г. им был получен двуногий «истинный засушенный эфиопский дракон», с которого впоследствии был сделан акварельный рисунок. В настоящий момент науке известны только три вида маленьких ящериц-амбисфен из семейства двуногов (*Bipedidae*), обладающих двумя передними конечностями, обитающих на юго-западе Мексики и юге Калифорнийского полуострова.

К существам сравнительно небольшого размера относился так называемый «Родосский дракон», который, тем не менее, успешно терроризировал население одноименного острова в Эгейском море во время господства там крестоносцев (1340-е гг.). Согласно легенде, это опасное чудовище, погубившее множество людей, обитало в долине Судурли у подножия горы Мон-Сен-Этьен. По непонятной причине Великий магистр военно-религиозного Ордена святого Иоанна, известного также как орден госпитальеров или иоаннитов, Элион де Вильнев (1319–1346) запретил подчиненным ему рыцарям сражаться с чудовищем. Однако в 1342 или 1345 г. его приказа послушался рыцарь Дьедонне де Гозон, убивший дракона и выставивший его голову на крепостной стене.

Некоторые ученые, изучавшие эту легенду, полагают, что в ее основе может лежать действительное убийство какого-то реального существа. Изображение «Родосского дракона» представлено в книге немецкого ученого-энциклопедиста, изобретателя и натуралиста Афанасия Кирхера (1602–1680) «Подземный мир» («*Mundus subterraneus*», 1664). Дракон Кирхера весьма напоминает известный современной науке вид древесных насекомоядных ящериц из рода летучих драконов (лат. *Draco*) подсемейства афроаравийских агам (лат. *Agaminae*) семейства агамовых (лат. *Agamidae*), обитающих в Юго-Восточной Азии. Вот только размеры их не превышают 41 см. Удивительной особенностью этого рода ящериц являются ребра, пять или шесть из которых имеют очень большую длину и способны на специальных «шарнирах» раздвигаться в стороны, формируя с помощью растянутой на боках кожи что-то вроде крыльев. Используя такое подспорье, дракончики способны преодолевать в планирующем полете расстояние до 60 м.

Один из отцов церкви преподобный Иоанн Дамаскин (VII–VIII вв.) оценивал драконов как реальных животных – репти-

лий, или «гадов». Он цитирует слова историка и летописца Римской империи II в. Диона: «Когда римский консул Регул во-евал против Карфагена, внезапно приползший дракон рас-положился за валом римского войска; римляне по приказу Регула убили его и, содрав кожу, послали ее в римский сенат. Когда же шкура, как говорит Дион, была измерена по приказу сената, то она оказалась ста двадцати футов в длину¹; подобающей длине была и толщина». Маловероятно, чтобы Дион Римлянин или благочестивый Иоанн Дамаскин поддерживали откровенную мистификацию, причем с участием римского консула и сената.

Известный собиратель сообщений о загадочных животных Чарльз Гулд приводит сообщение швейцарского ученого-энциклопедиста Конрада Геснера (1516–1565): «В 1543 г. некий дракон появился возле Штирии, в пределах Германии, у которого были ноги, как у ящерицы, и крылья на манер лету-чей мыши, наносящий неизлечимые укусы».

Римский писатель и эрудит Плиний Старший (Гай Плиний Секунд, ок. 23–79) в VIII книге своей «Естественной истории» (ок. 78), посвященной сухопутным животным, пишет об индий-ских драконах, «которые находятся в постоянной вражде со слонами», а также приводит любопытные сведения о некоем Тоанте из Аркадии², спасенном драконом: «Будучи ребенком, тот кормил его и очень любил, а его родитель, боясь нрава и величины дракона, отнес его в пустыню. Там дракон, узнав го-лос похищенного разбойниками мальчика, пришел к нему на помощь».

Особенное внимание вызывает обилие свидетельств из ев-ропейских источников, содержащих описания двуногих драко-нов с крыльями – так называемых виверн или вивернов, обитавших согласно средневековым бестиариям в Скандина-вии, Греции и Эфиопии. Основатель современной сравнитель-ной анатомии, французский натуралист и ботаник, профессор Сорбонны Пьер Белон (1517–1564) утверждал, что видел це-лые скелеты крылатых драконов, относимых им «к тому же виду, которые летят из Аравии в Египет; у них было толстое

¹ Около 36,5 м.

² Аркадия – центральная область в Пелопоннесе, Южная Греция.

брюхо, две ноги и два крыла, все как у летучей мыши, и со змеиным хвостом»¹.

В свое время сам «отец истории» Геродот (ок. 484 – 425 до н. э.) предпринял поездку в Аравию, чтобы убедиться в существовании диковинных летающих гадюк: «Есть в Аравии местность, расположенная примерно около города Буто. Туда я ездил, чтобы разузнать о крылатых змеях. Прибыв на место, я увидел кости и хребты в несметном количестве. Целые кучи (змеиных) хребтов лежали там – большие, поменьше и совсем маленькие; их было очень много. Местность, где лежат кучи костей, имеет вот какой вид: это узкий проход, ведущий из горных теснин в обширную равнину. Равнина же эта примыкает к египетской равнине. Существует сказание, что с наступлением весны крылатые змеи летят из Аравии в Египет. Ибисы же летят им навстречу до этой теснины и, не пропуская змей, умерщвляют их. <...> А крылатые змеи видом похожи на водяных змей... Крылья же у них перепончатые, а не из перьев, скорее всего похожие на крылья летучих мышей» («История», II, 75–76). Чрезвычайная похотливость летающих змей при соитии описывается Геродотом следующим образом: «Точно так же, как если бы гадюки и крылатые аравийские змеи рождались на свет так, как это было заложено в их змеиной природе, то жить на свете людям было бы невозможно. Однако когда гадюки спариваются, и самец уже готов испустить семя, самка вцепляется ему в шею и, ухватившись, не отпускает, пока не перегрызет. Так-то самец погибает, а самка должна за это заплатить, т. к. детеныш еще в утробе матери мстит за отца: они перегрызают ей чрево, и таким образом прокладывают себе выход на свободу. Другие же змеи, не опасные для людей, несут яйца и высиживают множество детенышей. Гадюки водятся на земле повсюду, тогда как крылатые змеи во множестве встречаются только в Аравии и больше нигде, отчего и думают, что их очень много» («История», III, 109).

Вслед за Геродотом и Страбон (ок. 64/63 до н. э. – 23/24 н. э.) упоминает о летающих змеях с кожистыми крыльями: «В других местах водятся змеи длиной в 2 локтя с перепончатыми крыльями, как у летучих мышей; они летают по

¹ *Gould Charles*, *Mythical Monsters*, W.H. Allen & Co., London, 1886, pp. 136–138.

ночам, испуская капли мочи или даже пота, что вызывает нагноение кожи у всякого, кто не уберется от этого» («География», 703).

Итальянский врач и ботаник Просперо Альпини (1553–1617) в работе, посвященной естественной истории Египта, описывает имеющийся у летающих змей характерный гребень (небольшой кусок кожи на голове) и «хвост в палец толщиной и похожий на лист»¹.

Как нам уже известно из работы Валенцовой, подобный гребень является атрибутом короля змей в славянской фольклорной традиции и словацкого «змея-шаркана», на котором иногда летает «чернокнижник». В отличие от «шаркана» король змей (*krul' goduv*) в восточнословацких народных представлениях обладает куда более скромными габаритами, соответствующими размерам обыкновенной змеи, и живет в скалах или под пнями. Во время опасности он издает резкий, пронзительный свист, которым призывает на помощь всех змей в округе. Известны свидетельства очевидцев, сообщавших о наблюдении и даже нападении подобных ядовитых змей в болотах северо-западной России, поступавшие начиная с 1980-х гг. из районов Вепсской возвышенности и Новгородской области. По сообщению очевидцев, голова некоторых особей имеет нарост, похожий на петушиный гребень. На теле чуть ниже головы расположены две четырехпалые лапы с перепонками. Туловище черного цвета, длиной 30–40 см, диаметром около 2 см. Передвигаются не извиваясь, как прочие змеи, а «словно по струнке», при этом издают характерный пронзительный свист, за что получили у местного населения прозвище «свистуны». Также они способны совершать полупрыжки-полуполеты: с земли на несколько метров, а с деревьев, по которым «свистуны» довольно уверенно передвигаются – на десятки метров.

Невзирая на определенное сходство с европейскими вивернами (головной гребень, двуноготь, способность к подобию полета), «свистуны» отличаются от них принципиально более скромными размерами и не менее принципиальным отсутствием крыльев. Летучие драконы из Юго-Восточной Азии хотя и обладают неким подобием крыльев, но также отличаются

¹ *Alpin P. Histoire Naturelle de l'Egypte, tr. by R. de Fenoyl, 1979, pp. 407–409.*

весьма скромными размерами. Зато недостающие характеристики, присущие европейским вивернам, в полном объеме обнаруживаются у птерозавров (др. греч. πτερόν – «крыло» и σαύρος – «ящер»), и в особенности у подотряда птеродактилей. Некоторые виды птеродактилей, например, птеранодоны, имели на черепе характерный костяной гребень, точное назначение которого остается неизвестным. Палеонтологи полагают, что последние представители летающих ящеров вымерли вместе с динозаврами около 66 млн лет назад.

Тем не менее, достаточно реалистичное изображение птерозавра представлено на гравюре немецкого врача, ботаника и анатома Иоганна Фабера (1579–1629) из книги Франсиско Эрнандеса де Толедо «Nova plantarum, animalium et mineralium Mexicanorum historia», Rome, 1651. Врач и ботаник Франсиско Эрнандес (1514–1587) был одним из первых европейских ученых, посетивших Америку. В течение трех лет он путешествовал по Мексике, описывая и зарисовывая тысячи видов растений и животных, ранее не известных в Европе. После его смерти остался огромный набор тщательно проиллюстрированных заметок, расшифровкой коих занималась группа ученых-энтузиастов, в которую входил Иоганн Фабер, отвечавший за изображения описанных в материалах Эрнандеса животных.

Американский птерозавр Фабера-Эрнандеса имеет много общего с еще одним не менее любопытным изображением четырехлапого крылатого дракона из книги Кирхера «Подземный мир». На иллюстрации представлен бой рыцаря Штрута фон Винкельрида с драконом, терроризировавшим около 1250 г. жителей местности возле современного городка Штанс в Швейцарии. Кирхер пишет, что злодеяния чудовища привели к полному опустошению деревушки Вилен, превратившейся в Эдвилен («вымерший Вилен»), а любые попытки избавиться от дракона заканчивались ничем, т. к. дракон, издали завидев драконоборцев, прятался в пещере Драхенлох возле вершины горы Муетершвандерберг, также известной как Драхенфлю. Одолеть чудовище удалось лишь ценой своей жизни рыцарю Винкельриду, выманившему монстра из укрытия, притворившись беспомощным одиноким путником. По свидетельству Кирхера, место боя с тех пор известно как Дракенфельдт. Рисунок из книги Кирхера является настолько убедительным, что

один из крупнейших специалистов по птерозаврам немецкий палеонтолог Питер Велнхофер предположил, что он мог быть создан на основе ископаемых находок.

Здесь следует сказать несколько слов о самом авторе «Подземного мира». Будучи одним из ученейших людей своего времени, Кирхер известен монументальными трудами по математике, медицине, геологии, географии, геодезии, археологии, астрономии, теологии, алхимии и политике. Он создал теорию вулканизма и циркуляции воды внутри планеты, а также был известен своими трудами по египтологии, в которых предпринималась попытка дешифровки египетских иероглифов. До открытия Шампольона египтологические труды Кирхера считались основополагающими в западной науке. Трактат «Подземный мир», написанный на латинском языке, был впервые опубликован в 1664–1665 гг. Полное его название: «Подземный мир в двенадцати книгах, в котором представляется творение Божье под земной корой, удивительное расположение там мастерских природы, многообразное царство, (определяемое) при помощи пантаформического¹ слова, и, наконец, натуральное качество, великолепие и всяческое богатство, представленное в величайшем разнообразии видов. Показываются последствия, вызванные некими тайными причинами и выявленные путем настойчивого исследования; (при этом) применялось установление определенных взаимосвязей (как) с естествознанием, (которое обладает) необходимым опытом для человеческой жизни, обогащённое проведением разнообразных экспериментов, в т. ч., несомненно, и новейшими способами, (так и) с научной системой».

Эта работа представляет собой один из первых академических трудов, посвященных геологии и строению Земли. Кирхер считал, что Земля вовсе не цельная по своему строению, а скорее пористая, как швейцарский сыр, или изъеденное червями яблоко, испещренное многочисленными подземными ходами, пустотами и неоднородностями. Соединение в этих пустотах стихий огня, воздуха и воды он полагал главной причиной и движущей силой происходящих на Земле геологических процессов. Часть подземных пустот занимает вода, образуя так

¹ Т. е. способного приобрести любую возможную форму.

называемый «подземный океан», соединяющий между собой большинство известных наземных водоемов. Именно естественные подземные пустоты являются обиталищем драконов и других чудовищных рептилий, которые в качестве заблудившихся изгнанников иногда появляются на поверхности Земли. Останки одного из таких драконов, обнаруженного крестьянами в окрестностях Рима и доставленного в музей кардинала Барберини, в 1660 г. довелось исследовать самому Кирхеру.

Характерные детали внешнего облика птерозавров содержат изображения двух драконов-виверн на потолке флорентийской базилики св. Миния на Горе. Клювообразная пасть, четыре когтя на лапе, гребень, спиралевидный хвост и крылья как у летучей мыши сближают их с рамфоринхами из рода птерозавров. Примечательно, что эти существа представлены в одном ряду с собаками, орлами, львами, голубями и другими вполне обычными животными.

Начиная со Средневековья и вплоть до XVIII в. птерозавроподобные виверны фигурируют в качестве популярных персонажей гербов, эмблем, многочисленных апокалипсисов и бестиариев, элементов архитектурного декора и предметов интерьера, к примеру, таких, как подсвечники. Они же являются неизменными участниками характерных для средневекового изобразительного искусства драконоборческих сюжетов, связанных с фигурами святого Георгия и святого Архангела Михаила.

На картине флорентийского живописца и скульптора эпохи Возрождения Антонио дель Поллайоло (1433–1498) дракон, повергаемый Архангелом Михаилом, демонстрирует целый букет особенностей, присущих птерозавру: перепончатые четырехпалые лапы; крылья, как у летучей мыши; длинную змеиную шею.

Заслуживают внимания фреска с изображением Архангела Михаила, поражающего копьём дракона, из собора св. Марка в Венеции, и весьма натуралистичная миниатюра из «Книги Цветов» (1120) средневекового хрониста Ламберта из Сент-Омера, на которой небесное воинство под предводительством святого Архистратига атакует крупную рептилию с огромными перепончатыми крыльями (фото 57).

Фото 57. Небесное воинство под предводительством св. архистратига Михаила поражает дракона. Миниатюра из «Книги Цветов» монаха Ламберта из Сент-Омера, 1120 г. (Франция).

Не меньший интерес вызывают многочисленные изобразительные сюжеты, иллюстрирующие драконоборческий подвиг св. Георгия Победоносца. На полотне нидерландского живописца Рогира ван дер Вейдена (ок. 1400–1464) «Св. Георгий и змей» мы встречаем уже знакомый набор внешних признаков птерозавра: крылья; четырехпалые перепончатые лапы с когтями; покрытое чешуей тело; полная острых зубов клювообразная пасть. Неестественно укороченные крылья чудовища могут объясняться тем, что описания, которые предположительно использовались во время работы над картиной, поступили от очевидца, который наблюдал птерозавра со сложенными крыльями.

Определенное сходство с диморфодоном из рода нептеродактилоидных птерозавров, первые ископаемые останки которого были обнаружены в западной части графства Дорсет (Великобритания) в 1828 г. палеонтологом-любителем Мэри Эннинг (1799–1847), демонстрирует виверн, представленный на фреске XV в. из церкви в городе Хейбю (Дания, область Зеландия).

Наиболее замечательное внешнее сходство с птерозавром имеет дракон, изображенный вместе со св. Георгием на правой доске алтарного полиптиха¹, написанного итальянским художником Карло Кривелли (ок. 1430–1495) для приходской церкви в Порто-Сан-Джорджо (Италия).

На втором этаже дворца правительства Каталонии в Барселоне находится часовня святого Георгия, построенная в 1431–1434 гг. архитектором Марком Сафонтом. В 1451 г. в часовне была повешена алтарная занавеса с вышивкой, отображающей жизнь святого Георгия, созданная Антони Садурни и считающаяся настоящим шедевром каталонского вышивального искусства того времени. Сейчас она хранится в стеклянном ящике в часовне справа от входа, а на алтаре стоит ее серебряная копия, сделанная в 1956 г. кузнецом Расоном Суньером. Внешний облик дракона, изображенного на вышивке, и, в частности, особенности строения его челюсти и зубов совпадают с анатомическими чертами морского ящера нотозавра

¹ Полиптих – многостворчатый живописный или рельефный складень, наиболее распространенная форма церковных алтарей в странах средневековой Центральной Европы.

(лат. *Nothosaurus*, от др.-греч. νόθος σαύρος «ложный ящер»), описанного впервые в 1834 г.

Предметы интерьера и декоративные элементы королевского замка в Блуа, замков Шамбор и Азе-ле-Ридо, расположенных во Франции в долине реки Луары, содержат многочисленные изображения драконов и саламандр, демонстрирующих заметное сходство с текодонтозавром (лат. *Thecodontosaurus*, «ящер с собранными зубами») и платеозавром (лат. *Plateosaurus*, «плоский ящер») из подотряда завроподоморфов, бариониксом (лат. *Baronux*, от др.-греч. βαρύς – «тяжелый» и ὄνυξ – «коготь»), а также дракорексом из семейства пахицефалозавров (фото 58). Следует отметить, что строение черепа дракорекса, обнаруженного практически в целом виде палеонтологами-любителями на плоскогорье Хелл-Крик в Южной Дакоте, соответствует классическому средневековому представлению о том, как должна выглядеть голова типичного рогатого дракона.

*Фото 58. Ящер, поглощающий зелень. Ваза, XVI в.
(Королевский замок в Блуа, Франция, фото автора).*

Наибольший интерес вызывает гобелен из экспозиции королевского замка в Блуа: здесь запечатлена поражающая своей

реалистичностью сцена, на которой изображен дракон вместе с детенышем. Главное заслуживающее упоминания отличие этого дракона от дракорекса заключается в наличии у него крыльев с многочисленными хорошо прорисованными когтями (фото 59).

*Фото 59. Дракон с детенышем. Гобелен.
(Королевский замок в Блуа, Франция, фото автора).*

Заслуживает упоминания картина одного из ведущих художников южнонидерландской (фламандской) школы живописи и графики конца XVI в. Мартина де Воса (1532–1603) «Искушение святого Антония», находящаяся в настоящий момент в Королевском музее изящных искусств в Антверпене. В правом нижнем углу полотна представлено весьма правдоподобное изображение теропода (лат. Theropoda, от др.-греч. θήρ «зверь» и ποῦς «нога», буквально – «звероногие») – представителя одного из подотрядов хищных ящеротазовых динозавров. Напомним, что эта картина была написана задолго до первых практических реконструкций внешнего облика динозавров на основе их окаменелых останков.

К тому же XVI в. относится картина другого нидерландского живописца и графика Питера Брейгеля Старшего (1525–1569) «Самоубийство Саула» (1562), хранящаяся в венском Музее истории искусств. На заднем плане художник изобразил процес-

сию людей или караван, в составе которого передвигаются всадники, оседлавшие трех вполне узнаваемых диплодоков (фото 60). Первый окаменевший скелет этой разновидности ящеротазовых динозавров из группы зауроподов был обнаружен в Скалистых горах (Колорадо) в 1877 г.

Фото 60. «Самоубийство Саула». Питер Брейгель Старший, 1562.
Фрагмент. (Музей истории искусств, Вена).

Скептики утверждают, что Брейгель всего лишь пытался воспроизвести на полотне внешний облик верблюдов, с которым европейцы того времени якобы были не знакомы. Между тем одногорбый верблюд дромадер (лат. *Camelus dromedarius*) был известен в Европе, начиная еще с античных времен, а точнее, с восточных походов Александра Македонского. Дромадер и двугорбый верблюд бактриан (лат. *Camelus bactrianus*) описаны в уже упоминавшейся выше «Истории животных» Аристотеля. Римские легионеры активно использовали верблюдов в восточных провинциях Египта, Аравии, Иудеи, Сирии, Каппадокии, и Месопотамии. Статуэтки элегантных дромადеров были известны на всей территории Римской империи, в т. ч. и в ее западных провинциях, таких как Нижняя Германия. В городском музее Вормса хранится масляная лампа с изображением

верблюда. Сохранились свидетельства, что римские императоры Нерон (37–68) и Гелиогабал (204–222) запрягали двугорбых бактрианов в свои колесницы.

В пользу того, что Брейгель изобразил на своем полотне не верблюдов, а именно диплодоков, свидетельствует не только их внешний вид, но и необычайное обилие динозавроподобных чудовищ, представленных в европейском искусстве задолго до создания «Самоубийства Саула».

В поместье Лидней (Глостершир, Англия) во время раскопок остатков римского храма IV в. были обнаружены относительно хорошо сохранившиеся фрагменты древнеримской мозаики с сюжетами на морскую тематику. На одном из них вместе с рыбами изображены два морских ящера с лапами и длинными переплетенными шеями (фото 61). По мнению исследователя Пола Тейлора, на римской мозаике представлена пара танистрофеев из рода ископаемых пресмыкающихся подкласса диапсидов, отличающихся чрезвычайно длинной шеей. Согласно официальной датировке, танистрофеи существовали примерно 247–208 млн лет назад.

Фото 61. Римская мозаика с изображениями плезиозавров (Глостершир, Англия).

Похожее существо фигурирует на мозаичных сценах, иллюстрирующих историю жертвоприношения библейского пророка Ионы морскому чудовищу, называемому в библейском повествовании «китом», из Патриаршей базилики епископа Федора IV в., расположенной в городе Аквилея (Северная Италия) (фото 62). Оно же представлено на росписях с аналогичным сюжетом из римских катакомб св. Каллиста и катакомб Присциллы. То же самое существо, но с заметно укороченной шеей и более крупной головой, иллюстрирует историю Ионы на росписи из римских катакомб св. Петра и Марцеллина.

Фото 62. Жертвоприношение Ионы. Фрагмент мозаики пола, IV в. (Патриаршая базилика епископа Федора, Аквилея, Северная Италия).

Как две капли воды похожее животное, но уже без пророка Ионы, а в окружении дельфинов, фигурирует на мозаике, обнаруженной в ходе раскопок неподалеку от итальянского города Монастераче (Калабрия). Эта находка датируется эллинистическим периодом (323–146 до н. э.).

На мозаике II в., обнаруженной в Палестине (район к югу от Рима), авторство которой приписывается работавшему в Риме александрийскому художнику Деметрию Топографу, представлена сцена, на которой эфиопы преследуют некое животное, напоминающее динозавра. Греческая надпись над животным KROKODILOPARDALIS дословно переводится как «Крокодил-Леопард». Высокая реалистичность изображений прочих легко узнаваемых животных долины Нила (бегемот, крокодил), представленных на этой мозаике, не позволяет считать «крокодилопардуса» сугубо «мифическим зверем».

Во второй половине XX в. в Турции (историческая область Кария) была найдена чернофигурная ваза, датированная концом VI в. до н. э., на которой представлена сцена схватки человека (возможно, одного из эпических героев) с морским чудовищем. Вокруг главных персонажей изображены различные морские животные – осьминог, дельфины, средиземноморский тюлень-монах (с характерным белым окрасом брюха). Рисунки всех существ чрезвычайно реалистичны и детализированы, а в самом чудовище легко угадывается древнее морское пресмыкающееся из семейства мозазавров, существование которых относят к меловому периоду (145–66 млн лет назад). Палеонтологам известны останки мозазавров с головным гребнем (или плавником), который также изображен на античной вазе. Останки мозазавров обнаружены на всех континентах, в т. ч. и в Антарктиде. Размеры этих морских ящеров значительно варьировались – от 3 до 25 м в длину; на вазе, судя по пропорциям остальных животных и человека, изображен не самый крупный представитель мозазавров.

Наиболее очевидное совпадение с диплодоками Брейгеля демонстрируют зауроподы, выгравированные в ряду прочих самых обыкновенных животных (собаки, лисы, угри, птицы) на надгробии епископа Карлайлского Ричарда Белла, похороненного в 1496 г. в Карлайлском кафедральном соборе (графство Камберленд, Англия). Здесь же можно припомнить и зауропо-

дового динозавра, изображенного на лезвии одного из римских мечей, обнаруженных в окрестностях города Тусон (Аризона), о которых уже упоминалось в связи с американскими артефактами.

К тому же ряду относится бронзовый светильник, датируемый III в. и напоминающий своей формой зауропода, принадлежащий, правда, не к европейской, а к донгшонской археологической культуре бронзового века, существовавшей на территории Индокитая. А вот китайские сосуды аналогичной формы датируются гораздо более ранним периодом. Так, бронзовый сосуд для вина в виде зауроподоподобного дракона, находящийся в Музее провинции Хэнань в городе Чжэнчжоу, относится к временам династии Западного Чжоу (1046–771 до н. э.), а сосуд типа Хэ похожей формы датируется периодом Весен и Осеней (770–476 до н. э.). Невозможно обойти вниманием живописную скульптурную композицию из бронзы, инкрустированную малахитовыми вставками, обнаруженную во время раскопок 1990 г. в провинции Хэнань (Китай). На ней представлен рогатый дракон с высунутым языком, в пасти которого находится цветок, по всей вероятности, символизирующий его растительную природу, а на спине резвятся маленькие драконы-детеныши. Происхождение скульптуры относится к царству Чу, династии Восточная Чжоу, периода Весен и Осеней (Чуньцю, 722–481 до н. э.). В настоящий момент скульптура находится в Институте культурных реликвий и археологических исследований провинции Хэнань.

Возвращаясь в Европу, хотелось бы упомянуть примечательную историю, случившуюся несколько десятилетий назад в Италии. В 1971 г. после продолжительного штормового ливня в небольшой деревушке Джирифалько (провинция Калабрия на юге страны) случился сильнейший паводок. В результате весь центр поселка оказался размыт, и обнажились более глубокие слои древнего культурного слоя. В комиссию, призванную оценить ущерб от паводка, вошел адвокат Марио Аззарити. Он увлекался древней историей и археологией Средиземноморья. Поэтому его сразу заинтересовала первая случайная находка. Это оказалась скульптурная голова мужчины в шлеме, на который были нанесены надписи неизвестного ранее типа. Заинтригованный Аззарити занялся исследованиями

и раскопками в ближайших от находки местах. В результате ему удалось собрать коллекцию из нескольких сотен древних артефактов. И все они отличались от известных ему древностей Апеннинского полуострова. Набор предметов оказался чрезвычайно разнообразен: от каменных инструментов до разнообразных скульптур людей и животных, как керамических, так и сделанных из камня. Многие артефакты имели надписи, сделанные неизвестным алфавитом. Аззарити датировал этот комплекс примерно IV тыс. до н. э. По сути дела, он открыл памятник доселе неизвестной средиземноморской цивилизации. Но представители официальной науки не заинтересовались этими находками. И хотя никто не объявил их современной фальсификацией, сам факт данного открытия был попросту проигнорирован. В собрании Аззарити оказались два предмета, изображавшие динозавров. Первым была керамическая статуэтка (18 см длиной) ящера со спинными пластинами, по своему облику больше всего походившего на стегозавра. А второй предмет представлял собой фрагмент мраморной доски, на которой было также вырезано изображение стегозавра.

Наряду с перечисленными выше артефактами и свидетельствами, не менее важным доказательством существования реликтовых чудовищ в историческое время является культ подземно-подводного ящера, следы которого обнаруживаются не только в Западной Сибири и Приуралье, но и на севере европейской части России, в Европе и на Дальнем Востоке.

КУЛЬТ ПОДЗЕМНО-ПОДВОДНОГО ЯЩЕРА НА РУСИ, В ЕВРОПЕ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Уже упоминавшийся нами посол императора Священной Римской империи в России, писатель и историк Сигизмунд фон Герберштейн в «Записках о Московии» пишет о неких «giwoites» – «змеях на четырех (коротких) лапках, напоминающих ящериц, с черным жирным телом», которых в Жемайтии (северо-западный район современной Литвы) кормили в своих домах и которым «со страхом поклонялись»: «Эта область изобилует рощами и лесами, в которых иногда можно видеть привидений. Там и поныне очень много идолопоклонников, которые кормят в своих домах (вроде пенатов) неких змей на четырех (коротких) лапках, напоминающих ящериц, с черным жирным телом, не более трех пядей в длину; называются они giwoites. В установленные дни они производят в домах очищающие обряды, и когда змеи выползают к поставленной пище, всем семейством со страхом поклоняются им до тех пор, пока те, насытившись, не вернуться на свое место. Если с ними случается какое-либо несчастье, они приписывают это тому, что плохо кормили и принимали домашнее божество (змею)». Свидетельство это, по всей вероятности, относится ко времени второго (девятимесячного) посещения Герберштейном России в 1526 г.

Автор книги «О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов» (2006), российский фольклорист, семиотик и историк культуры, доктор филологических наук К. А. Богданов признает, что Герберштейну, как показывает изучение его исторических и этнографических сообщений, в целом можно верить: «Сведения о «гивоитах» им, вероятно, тоже не выдуманы. О ритуальном поклонении змеям, считавшимся покровителями семейного очага, в языческой Литве известно из разных источников, в частности из упоминаний позднейших польских хронистов – Яна Ласицкого и Матвея Стрыйковского (сообщавшего о подземелье под главным алтарем в Виленской кафедральной церкви, где якобы некогда держали священных змей)»¹.

¹ См.: *Mierzynski A. Mythologiae lithuanicae monumenta // Zrodla do mytologii litewskiej od Tacyta do konca XIII wieku. T I. Warszawa, 1896; Bruckner A. Starozytna Litwa: ludy i bogi; szkice historyczne i mitologiczne. Warszawa, 1904.*

К этому можно добавить, что исследователь литовской мифологии историк и публицист Теодор Нарбут (1784–1864) относил «giwoites» к божествам, а языческое святилище в Вильне, в котором содержали и поклонялись «giwoites», было описано польским автором Юзефом Крашевским (1812–1887) в работе «Искусство у славян» (1858).

Во второй половине XIX в. в описи утвари одной из белорусских церквей, отправленной в Святейший правительствующий синод, встречается формуляр следующего содержания: «Как вскрыли мы погребок церковный, так увидели шкилеты, древние очень, потому что уже не желтые были, а белые-белые. Один шкилет как будто мужчины, только росту огромного, другой – некий звериный, яко крокодилец. Лежали рядышком, а меж ними много кралей¹ рассыпано».

Похожие «домовые культы», связанные с обыкновенными змеями, известны во многих традициях. Велецкая указывает, что корни восприятия змеи как покровителя очага, хранителя семьи, дома и каждого человека лежат в древних эгейских культах (III–I тыс. до н. э.). В знаменитой «Абевега русских суеверий» (1786), собранной историком и издателем М. Д. Чулковым (1743–1792), мы находим: «Змеи почитались у некоторых славян домашними богами, им приносили в жертву молоко, сыр, яицы и все то, на стол поставлялося. Запрещено было всем делать сим животным вред и в противном случае жестоко наказывали, а иногда и жизни лишали преступников сего закона». На Русском Севере змею почитали домашним покровителем. В Архангельской губернии змею, которая встречается на улице селения или на дворе дома, величали «дворовым» или «хозяином», как нередко называют домового. Поверье, что змея – дворовый или домовый дух и ее нельзя убивать, чтобы не навлечь несчастий, было широко распространено не только в северных, но и в центральных районах России (Новгородской и Тверской губерниях). В житомирском Полесье запрещали убивать ужа в доме, живущего под печкой, в подполье или во дворе. Хозяева говорили про него: «То наш хозяин, приношчик, он таку силу мае, як жыве в доме, шо все прибывае». В некоторых случаях прослеживается отчетливая

¹ Крали – белорус. бусы, бисер.

связь змеи как домашнего покровителя с культом предков. Согласно южнославянским поверьям домовая змея обитает в тех же самых местах, где в соответствии с древним обычаем было принято хоронить умерших членов семьи, т. е. под порогом или очагом. Из этого можно заключить, что в славянской традиции имелись крайне благоприятные условия для возникновения и развития культа подземно-подводного ящера.

Возвращаясь к относительно недавнему историческому свидетельству Герберштейна, следует отметить его соответствие сюжетам, представленным на некоторых скульптурных композициях из непризнанной коллекции Джульсруда, на которых человек кормит небольших динозавров. Упомянутые Герберштейном «giwoites» не превышали в длину трех пядей, или ладоней (*trium palmaram logitudinem non excedentes*) – словом, их длина составляла около 60 см. Именно к таким небольшим ящерам с непропорционально большой относительно тела головой (длина черепа до 17 см) относится диссорофид зигозавр (*Zygosaurus lucius*), череп которого был обнаружен майором фон Кваленом в 1847 г. в Ключевском руднике (Оренбургская область). Это одна из первых известных находок ископаемых ящеров в медистых песчаниках Приуралья.

По мнению историка и археолога Б. А. Рыбакова (1908–2001), реконструировавшего культ подземно-подводного ящера на Севере Европы, такие реальные пресмыкающиеся, как «giwoites», являвшиеся объектом домашнего культа, могли послужить исходным материалом для образа более значительно бога озера, реки или всего подземно-подводного мира.

К тому же времени (1582) относится сообщение Псковской летописи, зафиксированное в тридцатом томе Полного собрания русских летописей: «Того же лета изыдоша коркодилы лютии из реки и путь затвориша, людей много поядаша, и ужосашося люди и молиша Бога по всей земле. И паки спряташася, а иных избиша. Того же году представися царевич Иван Иванович, в Слободе, декабря в 14 день».

Рыбаков подчеркивает, что здесь речь идет уже не о прикормленных к дому обожествленных «giwoites», а о реальном нашествии речных ящеров. Заметим, что последние с не меньшим основанием могут претендовать на роль исходного материала для культа подземно-подводного ящера. Изображение

похожего крокодилообразного чудовища фигурирует в «Записках о Московии» Герберштейна, опубликованных в 1549 г., за три с лишним десятилетия до нашествия 1582 г. Ящер, поражаемый нагим всадником (по всей видимости, не святым Георгием, а «ездцом»), помещен на гербовом щите, расположенном в правом нижнем углу портрета Василия III.

Следующее по времени упоминание о загадочных «крокодилах» относится к 1589 г. и принадлежит направлявшемуся в Россию агенту Английской торговой компании, дипломату Джерому Горсею (сэр Джером Хорси, около 1550–1626): «Я выехал из Варшавы вечером, переехал через реку, где на берегу лежал ядовитый мертвый крокодил, которому мои люди разорвали брюхо копьями. При этом распространилось такое злое, что я был им отравлен и пролежал больной в ближайшей деревне, где встретил такое сочувствие и христианскую помощь, что чудесно поправился».

Наиболее ранние свидетельства существования культа ящера на территории Древней Руси Рыбаков связывает с возникшими в скифское время и просуществовавшими вплоть до Киевской Руси болотными городищами, распространенными в лесной зоне: «Болотные городища зоны милоградской (Полесье, VII–I вв. до н. э.) и зарубинецкой (Верхнее и Среднее Поднепровье, III век до н. э. – II в. н. э.) культуры, а для более позднего времени и шире, являются частью ритуальных мест древних славян (наряду с почитаемыми горами), посвященной архаичному культу подземно-подводного божества Ящера, жертвы которому топили в воде окружавшего святилище болота».

Как правило, болотные городища представляют собой небольшие идеально круглые площадки, расположенные посреди болота и окруженные двумя-тремя концентрическими валами высотой в 1,5–2 м, а также рвом шириной в 4–6 м. По своему размеру городища делятся на две категории. Наибольшее распространение получили небольшие городища: диаметр площадки внутри валов 25–30 м, площадь 450–700 кв. м. Куда более скромный процент от общего количества составляют городища диаметром в 130–180 м, внутренней площадью в 13 000–20 000 кв. м. На внутренней площадке малых городищ могло уместиться во время обряда две-три сотни человек, а в

больших городищах с площадью до 20 000 кв. м количество участников могло достигать до нескольких тысяч. Малые болотные городища располагались в некоторых районах очень близко друг к другу, большие же городища отстоят друг от друга на 30–60 км.

Болотные городища не являлись поселениями – на их территории не обнаружено следов постоянной жизни. Очевидно, они создавались как святилища, но только для таких молений, которые не сопровождались ни жертвоприношениями, ни поеданием жертвенной пищи или приготовлением священного пива, от чего должны были бы остаться вещественные следы (глиняная посуда, ножи, кости жертвенных животных и т. п.). Единственное, что было найдено – следы костров, деревянных конструкций, иногда каменные вымостки, куски руды.

Практически полное отсутствие вещевого материала не позволяет точно датировать каждое отдельное городище. Наличие на белорусских болотных городищах керамики милоградского и раннезарубинецкого времени позволяет отнести приблизительную дату их появления к середине I тыс. до н. э.

Отсутствие на городищах следов потребления жертв участниками обряда может свидетельствовать об особой форме жертвоприношения, отличной от обычного возложения жертвенного мяса на огонь и последующего его поедания.

В одном из главных поучений против язычества («Слово святого Григория (Богословца) изобретено в толцех о том, како първое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали; то и ныне творят», предположительно XII в.) мы находим: «О убогая курята, яже на жертву идолом режются, инии в водах потапляеми суть. А инии к кладезем приносяще молятся и в воду мечють, Велеару жертву приносяще».

В этом сравнительно позднем поучении автор упрекает своих современников в идоложертвенном приношении кур божествам водной стихии. Аналогичные жертвоприношения могли совершаться и в болотных городищах. При этом жертвенное животное или даже человеческая жертва (по предположению Рыбакова) могли не просто топиться, но буквально поглощаться действительным объектом поклонения этого культа – реликтовым ящером.

Известно, что жертвоприношения на болотах проводились в эпоху неолита и бронзы по всей Европе. Однако наиболее

характерны они для германских племен, которые помещали в болотах как простые жертвенные места, так и особого устройства площадки. Археолог-славист, доктор исторических наук И. П. Русанова (1929–1998) в работе «Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.» (2002) указывает, что на территории Дании, Голландии, северной Германии и Швеции зафиксировано около 500 жертвенных мест в болотах и торфяниках: «Наиболее выразительны большие жертвенные места, использовавшиеся на протяжении нескольких веков и отражающие основные особенности остальных культовых мест. Самое известное из них расположено в Обердорле (Средняя Германия, около Мюльхаузена) на низком торфянистом берегу Святого озера. Уровень воды в озере неоднократно менялся, и вода то затопляла жертвенную площадку, то отступала, и в результате образовалось не менее девяти слоев торфа, на которых оставляли жертвоприношения со II по VIII вв. Наиболее интенсивно площадка использовалась во II–IV вв. Она имела прямоугольную форму с закругленными углами и с трех сторон была ограждена плетнем и вертикально стоявшими бревнами, открытой оставалась лишь сторона, обращенная к воде. Приблизительные размеры ограждения 15×14 м. По всей площадке были разбросаны кости животных, в основном черепа и кости ног лошадей и рогатого скота. В отдельных скоплениях лежали кости более чем 40 человек, но, в основном, черепа, кости рук и ног, тогда как ребра и позвонки отсутствовали».

В Обердорле в течение нескольких столетий периодически приносили в жертву богам мясные части туш домашнего скота, головы и кости ног лошадей и коров как символ целого животного, сосуды с едой, продукты сельского хозяйства (лен, зерно), здесь же оставались собаки, расчлененные части тел людей и их черепа. Русанова подчеркивает, что такие площадки, вымощенные деревом и камнями или покрытые кучами камней, между которыми лежат жертвенные дары – сосуды, кости человека и животных, типичны для позднелатинского и раннеримского времени (II в. до н. э. – I в. н. э.) у континентальных германцев и в Дании.

Указание на человеческие жертвоприношения, адресованные подземно-подводному ящеру, Рыбаков усматривает в хо-

роводной игре «Ящер» («Яша», «Ящур»), широко известной вплоть до конца XIX века в России, Белоруссии и на Украине. По его мнению, многие детские игры являются смягченной трансформацией древних языческих обрядов, а в данной игре представлен древнейший обряд умилоствления Ящера через жертвы, олицетворяемые незамужними девушками. Такое предположение хорошо согласуется с распространенным во всем мире змееборческим сюжетом, частью которого является мотив жертвоприношения девушки чудовищному змею или дракону, от которого она избавляется благодаря вмешательству героя. В волшебной сказке этот обряд представлен сюжетом похищения женского персонажа (царевны или невесты героя) Змеем Горынычем.

К циклу обрядов жертвенного умилоствления воды или подводно-подземных сил Рыбаков относит многочисленные и распространенные обряды «похорон» Костромы, Морены, или Купалы, во время которых куклу, одетую в девичью одежду, топят в воде.

Он полагает, что все вышеуказанные фрагменты и отголоски славянских архаических обрядов «сводятся в единый комплекс», связанный с ритуальным умилоствлением божеств подземного мира, влияющего на плодородие, путем принесения жертв, бросаемых в воду. В этот комплекс Рыбаков включает аналогичные обрядовые практики, существовавшие и у античных греков: «Обряды, связанные с «метанием в воду» жертв божеству подводно-подземного мира, непосредственно связанного с плодородием почвы, а, следовательно, и с урожаем, проводились в середине лета на Семик¹, на Купалу, когда хлеба начинали колоситься, и окончательный хозяйственный результат сезона еще не был ясен. У древних греков в середине лета топили в море со скалы две жертвы – мужчину и женщину. <...> Во временных трансформациях обряда кукла Костромы или Купалы заменила собою не божество Кострому или Купалу (правы исследователи, отрицающие существование представлений о таких богинях), а жертву, человеческую жертву,

¹ Семик (Русалчин Велик день, Троица умерших) – восточнославянский праздник весенне-летнего календарного периода, отмечающийся на седьмой четверг после Пасхи, за три дня до Троицы.

приносимую в благодарение этим природным силам и их символам. А жертва приносилась не самим этим силам сезонного действия, а постоянно существующему повелителю всех подземно-подводных сил, содействующих плодородию, т. е. Ящеру, Аиду, Посейдону. Проводился этот обряд у греков в месяц таргелион среди лета, а у славян на Купалу (23 июня) или на Петров день (29 июня). Сквозь смягченную форму позднейшей театрализации и игровой условности можно разглядеть жестокую первичную форму первобытного обряда».

Один из первых крупных российских лингвистов, языковед и литературовед А. А. Потебня (1835–1891) в своем исследовании о купальском празднестве приводит полный трагизма плач матери по утонувшей (в древности – утопленной) девушке: «Люди, не берите воду, не ловите рыбу, не косите травы на излучинах реки – это красота моей дочери, это ее тело, ее коса...» Пелась эта песня тогда, когда проводился обряд утопления Купалы.

Более поздние следы славянского культа ящера отчетливо прослеживаются в новгородской земле. С этими местами связана легенда о сыне Словена Волхе (Волхе), превращавшемся в крокодила («коркодела»), известная по летописным записям XVII в. Предание о Волхе-крокодиле содержится в «Повести о Словене и Русе», вошедшей в «Новгородский летописец» – начальную часть патриаршего летописного свода («Сказании о начале Руския земли и создании Новаграда и откуда влечашася род словенских князей») со второй половины XVII в.

В «Мазуринском летописце» Иосифа Сназина («Книга, глаголемая летописец великия земли Росискя, великого языка словенского, от коле и в кои лета начаша княжити», 31 том Полного собрания русских летописей) это предание изложено следующим образом: «Великий князь Словен поставил град Словенск, ныне называемый Великий Новгород. С того времени новопришельцы скифы начали называться словенами, и реку, в озеро Ильмень впадающую, назвали по имени жены Словена Шелони. Именем же его младшего сына Волховца назвали Обратную протоку, которая истекает из Волхова и ниже впадает в него вновь. Большой же сын Словена был бесоудник и чародей и своими бесовскими ухищрениями превращался в лютого зверя крокодила, залегал в реке Волхов

путь водный и непокоряющихся ему которых пожирал, которых опрокидывал и топил».

Помимо «Мазуринского летописца» «Сказание», содержащее рассказ о Волх(ов)е, читается в рукописном «Цветнике» 1665 г., «Хронографе» 1679 г., поздних дополнениях к спискам Холмогорской и Никаноровской летописей, а также в ряде более поздних летописных памятников конца XVII – начала XVIII в., в т. ч., в виде фрагментов и отдельных мотивов, например, в «Летописи о построении града Суздаля» или в «Историческом древнем описании славенороссийского народа» иеродиакона Тимофея Каменевич-Рвовского (1684–1699). В ряде эпизодов «Сказание» обнаруживает свою зависимость от изданного в 1674 г. и переизданного с дополнениями в 1680 г. Киево-Печерским архимандритом Иннокентием Гизелем «Синописиса, или Краткого описания о начале славянского народа», источниками которого послужили польские хроники, главным образом – «Хроника» историка и дипломата Матвея Стрыйковского. «Сказание» наряду с «Синописисом» послужило источником для изложения ранней истории в «Подробной летописи Российского государства» – обширной компиляции начала XVIII века.

Вот фрагмент «Сказания» из «Цветника» 1665 г., повествующий о дальнейшей судьбе князя Волхова: «Сего же ради люди, тогда невегласи, сущим богом окаянного того нарицаху... И баснословят о сем Волхве невегласи, глаголюще: «В боги сел». <...> Наше же христианское истинное слово... О сем окаянном чародеи и волхве – яко зло разбиен бысть и удавлен от бесов в реце Волхове и мечтании бесовскими окаянное тело несено бысть вверх по оной реце Волхову и извержено на брег против волховного оногo городка, иже ныне зовется Перыня. И со многим плачем от невеглас ту погребен бысть окаянный с великою тризною поганскою. И могилу ссыпаша над ним вельми высоко, яко есть поганым. И по трех убо днех окаянного того тризница просядеса земля и пожре мерзкое тело коркоделово. И могила его просыпаса над ним купно во дно адово, иже и доныне, якоже поведают, знак ямы тоя стоит не наполняйся».

Архаичный сюжет о речном божестве-ящере («коркоделе») известен также по русской вставке в перевод «Беседы Григория Богослова об испытании града» по списку XI века: «Ов

(некто, некоторый) требу створи на студеньци (у родника) дъжда иски от него, забыв, яко бог с небесе дъждь даеть. Ов не сущим богом жьрет и бога створышаго небо и землю раздражаеть. Ов реку богыню нарицаеть и зверь, живуць в ней, яко бога нарицая, требу творить». Примечательно, что автор вставки признает существование в воде некоего «зверя», не соглашаясь только с приписываемым ему божественным статусом.

Заложенный около IX в. киевскими князьями как северный окраинный форпост новой державы, Новгород являлся важным центром этой окраины и важным звеном во всей системе русской государственности. Вплоть до подчинения Новгородской республики Московскому царству в 1478 г., Новгород был вторым по значимости после Киева центром Древнерусского государства. Рыбаков предполагает, что Новый город у Ильмень-озера возник на месте очень древнего центра окрестных племен, который продолжал играть свою роль и после заселения этих мест «словенами».

Главным религиозным центром Новгорода было возникшее в IX в. на рубеже Ильменя и Волхова святилище на Перыни. Здесь во время языческой реформы 980 г. дядя будущего Крестителя Руси Владимира Святославовича воевода Добрыня утвердил культ нового общерусского государственного божества – Перуна. Согласно средневековым источникам, ранее на этом месте располагалось «святилище трех идолов» (или «трех богов»), два из которых относились к женским божествам – рожаницам, а третий центральный идол Jasse, Jess (латинская передача славянского «яще») олицетворял, по всей видимости, культ подводного божества, тождественного подземно-подводному ящеру.

Практическое подтверждение этих сведений было получено во время новгородской археологической экспедиции 1951–1952 гг. Во время раскопок на Перыни советским археологом-славистом В. В. Седовым (1924–2004) были обнаружены следы трех круглых капищ, окруженных кольцевыми валами и поставленных в непосредственной близости друг от друга, сходных с уже известными нам поднепровскими и полесскими болотными городищами. Построенные в одной системе «святилища трех богов» предшествовали капищу Перуна 980–988 гг. Время сооружения юго-западного святилища Седов от-

носил, «по крайней мере, к IX столетию». Отсюда следует, что Добрыня не просто прибавил нового бога (Перуна) к уже существовавшему местному пантеону, а сменил на старом священном месте триаду «старых» богов.

Впоследствии в народном представлении эти культы смешались, о чем свидетельствует следующее предание, записанное в середине XIX в. российским писателем-этнографом П. И. Якушкиным во время его путешествия мимо Юрьевского скита, известного в народе как Перюньского: «Был Зверь-змияка, этот Зверь-змияка жил на этом самом месте, вот где теперь этот самый скит святой стоит Перюньской. Кажинную ночь этот Зверь-змияка ходил спать в Ильмень-Озеро с волховскою коровницею. Перешел змияка жить в самый Новгород; а на ту пору и народился Володимер – князь в Киеве; тот самый Володимер-князь, что привел Руссею в веру крещеную. Сказал Володимер князь: «Всей земле Русской – креститься». Ну и Новгороду – тожь. Новгород окрестился. Черту с Богом не жить. Новый город схватил змияку Перюна, да и бросил в Волхов. Черт силен: поплыл он не вниз по реке, а в гору, к Ильмень-озеру; подплыл к старому своему жилью – да и на берег! Володимер князь велел на том месте церковь рубить, а дьявола опять в воду. Срубили церковь: Перюну и ходу нет! Оттого эта церковь называется Перюньской, да и скит тоже Перюньский».

Однако согласиться с такого рода объединением было бы крайне опрометчиво. Российский историк литературы, фольклорист и прозаик Е. В. Аничков (1866–1937) утверждал, что в отличие от народного культа Волоса культ Перуна – дружинно-княжеский культ киевских Игоревичей, т. е. культ сугубо воинский. Позицию Аничкова разделял и Рыбаков, подчеркивавший, что этот первенствующий культ был далек и от славян, и от финно-угорских племен северо-востока: «Здесь были свои традиции, уходящие в более глубокий исторический пласт представлений, чем славянское земледельческое язычество».

Немецкий путешественник, географ, ориенталист и историк Адам Олеарий (1599–1671), побывавший в Новгороде в 1654 г., следующим образом описывает идол Перуна, поставленный Добрыней: «Божество это имело вид человека с кремнем в руке, похожим на громовую стрелу (молнию) или луч. В знак поклонения этому божеству содержали неугасимый ни

днем, ни ночью огонь, раскладываемый из дубового леса. И если служитель при этом огне по нерадению допускал огню потухнуть, то наказывался смертью».

Таким образом, речь идет о божестве-громовнике, с которым связывается происхождение первичного (догероического) змеборческого сюжета, повествующего о покорении земли через нейтрализацию наиболее деструктивных хтонических чудовищ, олицетворяющих ее первозданную необузданную мощь (греч. χθών – земля, почва). Как и в случае с наиболее архаическими представлениями о подвиге героя-змеборца, такое космостроительное действие далеко не всегда подразумевало буквальное уничтожение чудовища-антагониста. К примеру, в древнегреческой мифологии нейтрализованные в ходе космогонического процесса «старые» боги, такие как Кронос, наряду с побежденными титанами и циклопами заключаются в Тартаре, о котором говорится как о «начале всех вещей» и «бездне великой». Он вечно сохраняет в себе «остаточный» хаос и потому выступает в качестве неиссякаемого источника энергии, питающего все уровни мироздания.

Нужды государственного строительства неумолимо требовали достижения внутреннего религиозно-идеологического единства древнерусского государства. Этот процесс сопровождался борьбой с региональными народно-аристократическими культурами как потенциальными проводниками децентрализованных тенденций и попыткой их замещения общегосударственным пантеоном во главе с Перуном. Как и в случае с римским императором Диоклетианом, усилия Владимира Святославовича по реформации языческой религии не принесли должных результатов. Новый языческий пантеон не смог органично интегрировать все племенные культы и верования в единую государственную религиозную систему. Великому князю хватило политического чутья, чтобы, осознав бесперспективность этого пути, вовремя изменить курс и последовать примеру Константина Великого. Остатки местных культов частью были вытеснены на религиозно-культурную периферию, а наиболее жизнеспособные и значимые из них постепенно интегрировались в православную традицию. К числу последних относился и культ подземно-подводного ящера.

Ящер – хозяин вод, рыбы и водных путей, был, очевидно, важен для новгородцев, которые свои земледельческие моле-

ния адресовали преимущественно рожаницам, а моления о рыбных богатствах и водных путях, игравших важную роль в их жизни, обращали к богу Jassa, царю вод. Последний выступал в двух ипостасях: как бог Ильменя и Волхова (чародей Волхов – «коркодел») и бог «синего моря соленого» – морской царь.

С ящером, воплотившимся в образе морского царя, тесно связан новгородский цикл былин о Садке. Наиболее архаический слой преданий, повествующий об игре мудрого гусяра («Он из хитрых же Садко да был хитер-мудер, Ен ходил-то все играл да все ко озеру») ради хорошего улова рыбы, по всей видимости, представляет собой часть древнего обряда, производившегося у священного места, названного после 980 г. Перынюю, а в более раннее время посвященного богу реки, «бе-соугодному чародею» Волхову (Волху), «залегаящему водный путь» и «преобразующемуся во образ лютого зверя коркодела».

Орнамент новгородских гуслей XI–XIV вв. прямо указывает на связь этого культового инструмента со стихией воды и ее повелителем, царем подводного царства Ящером. С большой долей вероятности к тому же разряду инструментов относятся и украинские бандуры – этнографам хорошо известны многочисленные примеры изображения на них ящеров и волн. Следует понимать, что гусяры были тесно связаны с языческой религиозной культурой, а рисунки на новгородских гусях представляют собой символический аналог рун, которые в символической форме повествуют о некоторых важных сюжетах.

На тесную связь гусяров с хозяином поземно-подводного мира Ящером и преданием о Волхе указывает сюжет некоторых фигурок из клада, обнаруженного неподалеку от населенного пункта Влестино (Фессалия, Греция, предположительно VI–VII вв.). По мнению специалистов, фигурки из Влестино наглядно иллюстрируют ключевые сюжеты славянской мифологии. Одна из них изображает сидящую обнаженную женщину, которая в левой руке держит гусли с изображением птицы, опирающиеся на ее левую ногу, а правой рукой придерживает ящероподобного младенца, сидящего на ее правой ноге. Голова младенца имеет отчетливые зооморфные черты: неестественно крупные по отношению к маленькому черепу круглые глаза, характерные для ящеров с антских пальчатых фибул, суженный подбородок и острый гребень, проходящий по середине

черепа. Рукой с длинными пальцами или когтями младенец тянется к левой груди женщины. Его нога изогнута четыре раза, поскольку автор развернул ее к зрителю пяткой, которая прикрывает лоно женщины. Пальцев-когтей на конечностях младенца четыре или три. Такая четырехпалость характерна для фигурок из Велестино.

Исследователи предполагают, что женскую фигурку с младенцем-ящером следует рассматривать в комплексе с другой фигуркой из Велестино, изображающей покровителя гусярков Велеса, представленного в виде льва, играющего на гусярках. Согласно преданию, Волх родился от плотского союза женщины и змея, т. е. совмещал в себе двойственную природу: зверя и человека. На фигурке из Велестино такой двойной природой обладает младенец-ящер. Фигурка рассказывает о рождении младенца, т. к. его изображение помещено между лоном и грудью женщины, которая, судя по всему, приходится ему матерью. Женщина на фигурке не только вскармливает младенца, но и обучает его «премудрости» гусярков. Волх, как и Велес, – оборотень и гусярков. Следуя логике реконструкторов мифов о Волхе, фигура из Велестино с младенцем-ящером изображает сына Велеса-змея, которого мать обучает умениям отца, передавшего сыну свои звериные черты. Таким образом, автор фигурок из Велестино, имевший, по всей видимости, отношение к гусяркам, рассказывает о передаче традиций языческого музыкального искусства от Велеса Волху, а через него – волхам и гусяркам.

В пользу такого предположения свидетельствует топонимика местности, где был обнаружен клад с фигурками: в VII в. эту часть Греции заселяло славянское племя велегезитов, чье именование созвучно имени Велеса, а в непосредственной близости от Велестино находятся два города с названием Велес (Македония) и Волос (Греция). Такая концентрация названий, связанных с Велесом-Волосом, может говорить о том, что главным божеством у велегезитов, как и у Ильменских словен, являлся Велес, а сами они могли считать себя непосредственными потомками этого божества, «велесовыми внукам».

Несмотря на убедительность предложенного толкования сюжета из Велестино, не представляется возможным с точностью установить, изображен ли на фигурке в виде младенца-

ящера тот самый Волх, или же один из его прототипов. С достаточной уверенностью можно лишь констатировать, что в славянской среде имелись предметные представления о возможности и конкретных последствиях плотского союза между человеческими существами и некоторыми представителями подземно-подводной сферы, олицетворяемой ящером или Велесом-змеем.

Более распространенный способ взаимодействия человека с хтонической сферой представлен на новгородских гусях, датируемых первой половиной XII в., на которых обнаруживается полное композиционное господство ящера, благодаря своей трехмерной скульптурности объединяющего обе плоскости инструмента. В нижней части лицевой стороны гуслей изображена лошадь с низко опущенной мордой и подогнутыми передними ногами. Морда коня касается сетей, он как бы опускается в воду. Здесь, очевидно, мы встречаем отголосок древнейших обрядов, предполагавших человеческую жертву водному божеству, впоследствии замененную жертвоприношением коня. Это подтверждается многочисленными фольклорными сведениями, свидетельствующими о том, что «водяным» приносят в жертву живую лошадь или конский череп.

Известный собиратель русского фольклора, историк и литературовед А. Н. Афанасьев (1826–1871) в фундаментальном исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1869) подробно описывает жертвоприношение коня «водному хозяину»: «Крестьяне покупают миром лошадь, три дня откармливают ее хлебом, потом надевают два жернова, голову обмазывают медом, в гриву вплетают красные ленты и в полночь опускают в прорубь или топят среди реки». Почетный академик Санкт-Петербургской Академии наук, этнограф С. В. Максимов (1831–1901) в знаменитой работе «Нечистая, неведомая и крестная сила» (1903) указывает, что «известны случаи, когда в недалекую старину сталкивали в омут какого-нибудь запоздалого путника». В процессе археологических раскопок 1951–1952 гг. на Перыни были обнаружены лежащие под срубам новгородских построек конские черепа, которые были убедительно интерпретированы Седовым как остатки аналогичных жертвоприношений.

Примечательные аналоги этих славянских обрядов обнаруживаются в Японии и Китае, где по указанию де Фиссера

самым древним способом вызывания дождя было принесение в жертву белых, черных, или красных лошадей речным богам в облике драконов. С большой степенью вероятности выбор лошади в качестве жертвенного животного был обусловлен ее отождествлением с драконом в качестве ездового животного.

Терехов отмечает, что в Ханьскую эпоху во внешности дракона-луна начинают проявляться лошадиные черты. О них сообщает Ван Чун в знаменитом пассаже из Лунь хэн, являющемся, судя по всему, древнейшим из письменных описаний облика этого существа: «[Когда] обыватели рисуют дракона, [то изображают его] с головой лошади и хвостом змеи. Исходя из этого [можно] сказать, что [дракон – существо того же] рода, что лошади и змеи». В другой главе своего труда Ван Чун сообщает о появлении драконов и подчеркивает, что они со своими лошадиными чертами в облике вполне соответствовали популярным в то время изображениям: «Там, где река Сян уходит от города Цюаньлин на семь ли, [посредине] реки возвышается нагромождение скал, носящее имя Яньшицю. Реку [на этом участке] с обеих сторон обступают горы, а внизу, [между ними], высокий обрыв, и река так глубока, что не измерить. [Здесь] появились два желтых дракона, [каждый из которых] был более шестнадцати чжанов в длину и величиной туловища превосходил лошадь, подняли головы и стали осматриваться кругом; внешностью [они] были подобны драконам, как их рисуют на картинках. Все простолюдины, [жившие неподалёку от] Яньшицю, видели их. Приблизительно в нескольких десятках шагов от [этих двух] драконов появились и [другие], внешне похожие на жеребят, [какие] поменьше, [какие] побольше, всего – шесть [драконов]. Они вылезли из воды и стали резвиться на холме, это, должно быть, были детеныши двух драконов. Вместе с [этими] двумя драконами [их] было восемь. Лишь спустя час [с момента их] появления, [они] вошли [обратно в реку]».

Появление образа лошади-дракона в Ханьскую эпоху не вызывает особенного удивления, если припомнить, что к тому же самому периоду относится расцвет неолитических представлений о драконе как ездовом животном.

Де Фиссер приводит следующее описание лошади-дракона из Шуй ин ту, написанной до времени династии Чань (557–

589): «Это – доброжелательная лошадь, жизненный дух речной воды. Ее высота – восемь чи, пять цунь; ее шея длинная, а тело покрыто чешуей. У ее ног – крылья, по бокам свисает шерсть. Ее крик состоит из девяти тонов, она ходит по воде и не тонет. Она появляется во времена знаменитых правителей». Похожее описание в комментарии к одному из наиболее почитаемых древнекитайских письменных памятников Шу цзину (кит. Книга преданий) приводит ученый конфуцианец времен ханьского императора У (140–85 до н. э.) Кун Аньго: «Лошадь-дракон – жизненный дух Неба и Земли. В качестве существа, его форма состоит из лошадиного тела, однако у него драконья чешуя. Поэтому зовется «лошадью-драконом». Его высота – восемь чи, пять цунь. У настоящей лошади-дракона по бокам крылья, и она ходит по воде и не тонет». В работе Юань цзянь лэй хань, написанной в 1710 г. Чжан Ином, та же лошадь описывается следующим образом: «Лошадь с драконьей чешуей, хвостом огромного змея, кудрявой шерстью, круглыми глазами и мясистой холкой». В Тай-пин юй-лань описывается появление лошади-дракона в 622 г. Она имела чешуйчатое драконье тело с пятицветными пятнами и лошадиную голову с двумя белыми рогами, во рту держала предмет длиной в три-четыре чи. Эту лошадь видели на реке; она прошла около ста шагов по поверхности воды, оглядываясь по сторонам, а затем исчезла.

Напомним, что в американских коллекциях Вольдемара Джульсруда и Рассела Барроуза встречаются изображения как сухопутных, так и водных ящеров с гривой (фото 30). Грива часто упоминается и в многочисленных современных описаниях встреч с водными реликтовыми животными, о которых мы еще будем говорить на страницах нашей книги.

Де Фиссер делает важное указание на то, что в древности в Японии производились также и человеческие жертвоприношения, адресованные божествам рек в облике драконов. В частности, ими умиротворялись «Водные отцы» (яп. «мидзутти», записывается иероглифом цю и означает рогатого дракона), подобно китайским драконам мешавшие людям, строившим набережные укрепления. В Китае такая проблема решалась куда более гуманно – драконов попросту прогоняли с помощью предметов из железа, которое они категорически не

переносили: «многих могучих змеев убивали, или прогоняли с помощью единой иголки». Не исключено, что именно отсюда происходит известный мотив русской волшебной сказки о железной игле, в которой заключается смерть Кощея Бессмертного.

Очевидные корреляции славянской и дальневосточных традиций заставляют подозревать наличие между ними вполне определенных связей или, что более вероятно, существование объективного явления одного и того же порядка, одинаковым образом повлиявшего на их формирование. В качестве такого явления могли выступать совершенно конкретные реликтовые чудовища, с которыми приходилось иметь дело населению столь отдаленных друг от друга районов евразийского континента.

Ящер на новгородских гусях позволяет надежно связать воедино ритуальную игру на берегу Ильмень-озера и задержку корабля Садка морским царем за многолетнюю неуплату дани. Ящер, «залегаящий путь», требует человеческой жертвы («Не пошлины Поддонный царь требует, А требует он голову человеческу»), и Садку по жребью приходится опуститься на дно морское.

Заметим, что мотив «залегания дороги» чудовищем (Волкодир, Соловей-разбойник, Змей) и последующей ее расчистки героем – распространенный сюжет русских былин и волшебных сказок. Важно, что залегание дороги в этой ситуации воспринимается как некое глобальное событие, затрагивающее мироосновы. Само понятие «залегания» наталкивает на мысль о том, что социуму преграждается какой-то важнейший «канал связи»: в одной из русских былин залегание дороги лишает людей хлебных запасов. В сказке никакой активной угрозы от чудовища, залегшего на дороге, нет, но, тем не менее, сама ситуация оказывается опасной, и герой отправляется этот «канал связи» чистить.

Рыбаков предполагает, что в XIII–XIV вв. различные фольклорные материалы, связанные с языческими представлениями о подводных силах, были сведены в стройную поэму, в которой языческие силы помогают герою-гусляру и делают его богатым купцом, требуя взамен услуг и жертв. Возврат героя из подводного царства к его обычной жизни в городе происходит при помощи святого Николы, которому Садко строит церковь-

однодневку за свое избавление со дна морского. Вмешательство святого Николая и последующее построение посвященной ему церкви упорно повторяется во всех вариантах былины.

Реальным прототипом былинной церкви-однодневки послужила церковь, поставленная в X–XI вв. на месте уничтоженного в 989 г. «святилища трех богов» на Перыни. Согласно анализу следов, обнаруженных Седовым во время новгородской археологической экспедиции 1952 г., она представляла собой «легкую постройку», соответствующую церкви-обыденке, упоминаемой в былинах о Садке: «Построил он церковь обыденную». Такие церкви-однодневки строились в одни сутки «всем миром» в случае мора, падежа скота или по обещанию в благодарность за спасение. Ориентация церкви по азимуту соответствует 6 декабря (праздник «Никола зимнего») и позволяет сделать вывод, что она была посвящена не Илье-пророку, традиционно замещавшему языческого Перуна-громовержца, а святому Николаю, столь настойчиво фигурирующему в былинах о Садке.

Ключом ко всему перечисленному комплексу былинных мотивов и археологических фактов служит малоизвестная этнографическая запись, извлеченная филологом, семиотиком и историком языка Б. А. Успенским. В ней содержится описание обряда «умилостивления Онежского озера», имитирующего принесение человеческой жертвы, но уже не языческому «Водянику», а христианскому Николе (он же «Никола Зимний», «Никола Мокрый», «Никола Морской»), почитаемому на Руси превыше других святых: «Каждый год накануне зимнего Никола пред всенощной из каждой рыбацкой семьи к известному месту собираются старики. На берегу ими делается человеческое чучело и в дырявой лодке отправляется в озеро, где, конечно, и тонет. Два-три старика поют песню, где просят Онего (озеро) взять чучело соломенное... И для большей вразумительности призывают имя Николы Морского».

Отсюда следует решающий вывод, что «Никола зимний», требующий человеческих жертв для озера, – прямой наследник архаичного «водяника», «Поддонного князя» или ящера, который «требует живой головы во сине-море».

Церковь святого Николая на Перыни и поставленная здесь же в 1221 г. каменная церковь Рождества Богородицы, содержащая прозрачный намек на скрытое преемство культа

рожаниц, со всей очевидностью подтверждают, что архаические культы, связанные с наиболее важными персонажами языческого пантеона, продолжили видоизмененное существование в рамках христианской традиции.

Помимо былин о Садке, мотив жертвоприношения водному божеству отчетливо прослеживается в известном эпизоде принесения Стенькой Разиным в дар Волге плененной персидской княжны. Более завуалировано тот же самый мотив представлен в эпизоде с Ильей Муромцем, когда, отправляясь на богатырские подвиги, он опускает на прощание корочку хлеба в Оку: «за то, что кормила и поила его».

Вплоть до XX в. рыбаки, проплывающие мимо небольшого всхолмления между Ильменем и Волховом, бросали в воду деньги, как бы воскрешая древние жертвы «Поддонному царю». Отсюда, кстати, берет свое начало современный обычай бросать монеты в водоемы (реки, фонтаны и т. п.). Ярким примером сохранения такого обычая в современной Европе служит «Обряд обручения с морем» (итал. *Sposalizio del Mare*), который, согласно официальной версии, символизировал морское господство Венецианской республики.

ВЕНЕЦИЯ: ОБРУЧЕННАЯ С ЧУДОВИЩЕМ

По дошедшим до нас сведениям церемония «Обряда обручения с морем» была установлена после 1000 г., якобы в ознаменование завоевания Далмации дожем Пьетро II Орсеоло (961–1009), и привязывалась к Празднику Вознесения – дню, когда дож отправился в экспедицию.

Первоначально обряд состоял из обращения к морю. В молитве содержалась просьба, чтобы море было благосклонно к венецианцам. При этом дож и свита окроплялись святой водой, а оставшаяся вода выливалась в море. В XII веке произошло существенное видоизменение ритуала – вместо умиротворяющего и искупительного он становится свадебным. Опять-таки, по официальной версии, в 1177 г. папа Александр III (1105–1181) за услуги, предоставленные Венецией в борьбе против императора Фридриха Барбароссы, впервые обручил дожа и море. В процессе совершения обряда папа якобы снял кольцо с пальца дожа и предложил кинуть его в море. После этого каждый год дож бросал освященный золотой перстень в море, и словами «Desponsamus te, mare» («Мы женимся на Вас, Море») объявлял, что Венеция и море являются нераздельным целым.

Церемония начиналась на площади св. Марка, после чего дож на официальной церемониальной галере Бучинторо (венец. *buzino d'oro* – золотая барка) в составе торжественной процессии лодок двигался к форту Сан-Андреа вблизи острова Лидо, где бросал перстень в море. На обратном пути дож оставался на церковную службу в церкви святого Николая Чудотворца, расположенной на острове Лидо (*Chiesa di San Nicolò del Lido*), известного в Средневековье как остров св. Николая. В этой форме церемониал соблюдался вплоть до упразднения Венецианской республики (а вместе с ней и титула дожа) в 1797 г., связанного с вторжением армии Наполеона Бонапарта.

С некоторыми изменениями «Обряд обручения с морем» исправно воспроизводится и в наши дни, а функцию отсутствующего дожа успешно замещает мэр Венеции. Проплывая от площади св. Марка до причала св. Николая, он кидает в воду золотое кольцо, после чего посещает мессу в церкви святого Николая на острове Лидо.

Французский археолог Саломон Рейнак (1858–1932) полагал, что корни этого некогда важнейшего ритуала Венецианской республики восходят к глубокой древности, и пытался обнаружить его аналоги в древнегреческой традиции. В действительности символизм этого древнейшего церемониала связан с мотивом жертвоприношения морскому чудовищу, соответствующему славянскому «Поддоному царю». Об этом красноречиво свидетельствует знаменитая гранитная колонна святого Теодора (св. Феодора Тирона), установленная в Венеции неподалеку от площади св. Марка. Ее капитель венчает мраморная скульптура, изображающая святого, стоящего на крокодилообразном ящере. На самом деле это только копия оригинальной статуи, которая хранится во Дворце дождей. Оригинал составлен из торса скульптуры неизвестного римского полководца II в. и головы статуи Понтийского царя Митридата, привезенной венецианцами из Константинополя. Правой рукой святой Теодор опирается на щит, нижняя заостренная часть которого упирается в тело чудовища, а левой рукой – на копье, направленное под небольшим углом острием вверх. Композиция этого сюжета совершенно не соответствует традиционному змееборческому канону, равно как и описанию драконоборческого (в классическом смысле) подвига святого Тирона, демонстрируя куда большее сходство с сюжетами пермского культового литья, на которых живой ящер изображается в подножии стоящих на нем антропоморфных фигур. Согласно местной легенде, ящер на колонне святого Теодора символизирует «морское могущество Венеции». Ровно то же самое официальное значение имеет и «Обряд обручения с морем».

Не менее показательным использованием в «Обряде обручения с морем» образа святого Николая, считающегося покровителем моряков и купцов, который, как мы уже имели возможность убедиться, в некоторых случаях может олицетворять архаического «водяника» или, другими словами, подземно-подводного ящера. Кстати, в церкви Святого Николая на острове Лидо, построенной в 1044 г., хранится часть мощей святого, доставленная в Венецию в 1100 г. из Первого крестового похода (1096–1099). Святой Николай считался покровителем венецианского флота и одним из небесных покровителей самой Венеции,

наряду с евангелистом Марком и святым великомучеником Феодором Тираном (ум. 306), которого часто путают со святым Феодором Стратилатом (ум. 319) в силу территориально-временной и содержательной близости их житий.

Характерно, что «Обряд обручения с морем» отправляется не только в Венеции, но и в других городах Италии, например, в Червии – небольшом курорте на берегу Адриатического моря. Легенда гласит, что более 500 лет назад посольство, возвращавшееся из Венеции, было застигнуто страшной бурей, грозившей посланникам Червии неминуемой гибелью. Присутствовавший в их числе епископ Червии, помолившись, кинул в море золотое кольцо, после чего море сразу же успокоилось и тучи разошлись. В благодарность водной стихии, оказавшейся столь благосклонной к людям, было решено устроить праздник, который справляется один раз в год через сорок дней после Пасхи и является одним из самых главных в Червии. Говорят, что, начиная с XV в. не было ни одного случая, когда торжество по каким-то причинам не отмечалось.

После богослужения, которое епископ Червии проводит в кафедральном соборе города, под музыку оркестра начинается костюмированное шествие. По главной улице города проходят гости из прошлого, моряки и военные, а также огромное количество зрителей. Эта процессия, во главе с епископом, следует вплоть до самого побережья, где все пересаживаются в лодки. В водах Адриатики глава церкви произносит молитву, благословляющую море, дары, которыми оно всегда делилось с людьми, а также всех тех, кто посвятил свою жизнь голубой бездне. После этого епископ кидает в воду золотое кольцо, которое якобы символизирует перстень, брошенный в воды Адриатики несколько сотен лет назад. Молодые и сильные мужчины побережья под крики болельщиков начинают борьбу за кольцо: его нужно не только выловить, но и удержать. Затем победитель поднимается на судно к епископу, где и получает официальное поздравление. Раньше в этом состязании соревновались только моряки, сегодня же в турнире может принять участие любой мужчина, который хочет продемонстрировать свои способности.

Мистериальная подоплека этого праздника, являющегося по своей сути откровенной магической операцией, подкрепляется местным поверьем, что если кольцо вдруг не отыщется, то

в течение года не будет удачного улова, поэтому для рыбаков, полностью зависящих от морской стихии, этот праздник имеет особое, далеко не шуточное значение. И не только для них одних – «Обряд обручения с морем» представляет очевидную важность для населения всей Ривьеры¹ и притягивает в Червию огромное количество людей из соседних провинций.

Напомним, что согласно официальной версии отправляемый в Червии «Обряд обручения с морем» представляет собой дань благодарности морской стихии и одновременно ее «задарение» впрок. Отсюда следует закономерный вывод, что молитва попавшего в бурю епископа со товарищи была адресована вовсе не христианскому Богу, а непосредственно морской стихии или же конкретным чудовищным существам, ее олицетворяющим, как это имеет место в венецианском варианте обряда, хотя бы и в скрытой от внимания большинства форме.

Здесь приходит на память уже упоминавшаяся выше мозаичная сцена, иллюстрирующая историю библейского пророка Ионы, из базилики в Аквилеи (фото 62). Согласно Писанию, желая вразумить Иону, замыслившего в противоречии с Божьей волей бежать в Фарсис, Господь воздвиг сильный ветер, и на море поднялась великая буря. Корабельщики в ужасе перед неминуемой гибелью бросили жребий, чтобы узнать, за чьи грехи они навлекли на себя гнев Божий. Жребий пал на Иону, который сознался в своем грехе неповиновения Богу и попросил мореплавателей бросить его в море. Как только они сделали это, волнение сразу же улеглось. При этом Иону по повелению Божию глотает «большая морская рыба», называемая «китом», после чего пророк вынужден был провести в чреве чудовища три дня и три ночи (Ион. 1:1–2:1). Мозаичный фрагмент из Аквилеи изображает сцену, во время которой один из корабельщиков буквально заталкивает непослушного пророка в пасть морского чудовища, напоминающего своим внешним обликом плезиозавра.

Примечательно, что Венеция была основана в первой половине V в. на пустынных островах болотистого побережья Адри-

¹ Ривьера (итал. Riviera) – французско-итальянское побережье Лигурийского моря от Канн на западе до Специи на востоке.

атического моря именно беженцами из Аквилеи, спасавшимися от набегов вестготов под предводительством Алариха и гуннов Аттилы. В свою очередь, Аквилея была основана римлянами во II в. до н. э. в качестве оплота против варварских племен, угрожавших восточным границам Римской империи. Тогда как во времена римских цезарей многие города империи последовательно клонились к упадку, Аквилея, напротив, все более наращивала свое благосостояние, прочно утвердившись в качестве стратегического военного и торгового центра. О значении Аквилеи красноречиво свидетельствует тот факт, что император Диоклетиан возвел здесь один из своих дворцов. На момент разрушения города Аттилой в V в. население города насчитывало около ста тысяч жителей. Не исключено, что к моменту вынужденного обживания беженцами из Аквилеи островов Венецианской лагуны у них уже имелся опыт специфического взаимодействия с реликтовыми чудовищами, о чем наглядно свидетельствует мозаика, весьма реалистично изображающая жертвоприношение Ионы.

Любопытный взгляд на происхождение и настоящее содержание «Обряда обручения с морем» предлагает в книге «Культ вампира сегодня» (1978) французский журналист и писатель Жан-Поль Бурр: «Давным-давно люди, поселившиеся на островах Лагуны, где впоследствии была основана Венеция, приносили человеческие жертвы какому-то чудовищу, обитавшему в ее водах. Как говорят предания, это был огромный ящер, чем-то похожий на крокодила, только ни один крокодил не мог быть таким чудовищно огромным. Сведущие в палеонтологии люди вполне могли бы сравнить это существо с одним из видов древних ящеров, большую часть жизни обитавших в воде, но также передвигавшихся и по суше. Скульптуру этой ужасающей твари и сегодня можно видеть восседающей на вершине одной из двух колонн у Дворца дождей. Людей, приносимых в жертву чудовищу, бросали в темные воды Лагуны. <...> Все рыбаки верили, что Лагуна проклята. Ни один из них не осмелился бы подплыть на лодке к острову Сан-Микеле из опасения стать добычей Водяного Змия. Однако острова, лежащие ближе всего к Сан-Микеле, не были необитаемы. В легендах говорится, что на одном из них, Мурано, тогда жили загадочные существа, полулюди-полубоги, приверженные самым

страшным обрядам. Очень скоро стало известно, что эти властелины Лагуны завоевали остров Змия и заключили с чудовищем договор. С тех пор эти почитатели Змия стали для всех Черными властелинами, охраняющими подступы к проклятому острову. <...> На протяжении всей своей многовековой истории Венеция сохраняла от посторонних глаз непосвященных эту свою страшную тайну. И только тот, кто был допущен в святая святых местных архивов, либо кому эти сведения сообщались в устной форме, мог узнать, что кровавая дань не прекращалась никогда. Когда вы узнаете о гибели людей в этих водах, вам обязательно расскажут о Канале Сирот. В старину воды именно этого канала считались носителями душ людей, пожранных «крокодиллом». Проходили столетия, а вода эта оставалась красной: там продолжали топить людей и в Средние века, а, по некоторым сведениям, даже в наши дни. В Средние века священная жертва превратилась в жертву судебную, но местные рыбаки с полным на то правом продолжают рассматривать подобные приговоры как дань морскому чудовищу. Документально засвидетельствовано, что с 1551 по 1604 г. было произведено 203 казни, похожие на ритуальное жертвоприношение».

Любопытная деталь – на острове Мурано, о котором упоминает Бурр, находится построенная в XII в. базилика святых Марии и Доната, в которой хранятся кости дракона, поверженного епископом из Ареццо св. Донатом (ум. ок. 362). Часть мощей святого, погребенного в Ареццо, вместе с частью останков дракона были перенесены в базилику в 1125 г. Известную путаницу вызывает то, что в том же самом году с греческого острова Кефалония в базилику Святых Марии и Доната были доставлены мощи другого св. Доната (ум. 387), епископа Эвреи (Эпир, Греция), также считавшегося победителем дракона. Как бы то ни было, в настоящий момент на стене за алтарем базилики развешаны ребра дракона, каждое из которых достигает в длину более метра. Ученые считают, что кости принадлежат некоему крупному вымершему млекопитающему эпохи плейстоцена.

В своем журналистском расследовании Бурр утверждает, что Венеция, основанная потомками римских патрициев, с момента своего возникновения являлась одним из главных ми-

стерильных центров Европы, практиковавших человеческие жертвоприношения. Также он считает, что среди некоторых аристократических семейств Римской империи существовали особые культы, связанные с так называемой «красной магией», восходящей «к тем временам, когда не существовало ни добра, ни зла, но лишь сила и слабость». Речь идет о закрытых элитарных сообществах, члены которых верили в то, что кровь представителей некоторых древних родов сохраняет в латентной форме набор неких сверхъестественных качеств, которые могут быть актуализированы с помощью специальных ритуалов. Считалось, что частным случаем их успешной реализации могло стать даже физическое бессмертие индивида. Номинально христианизированная венецианская аристократия являлась прямой преемницей этой элитарной идеологии, берущей первоначальный пространственно-временной исток далеко за пределами исторической Римской империи. Важной составляющей внутренней идеологии таких сообществ являлся культ морского чудовища, которому в языческие времена приносились многочисленные человеческие жертвы. По мнению Бурра, после формального утверждения христианской традиции в Европе эта практика отнюдь не вышла из употребления, а была всего лишь тщательно закамуфлирована и, возможно, продолжает существовать и в наши дни.

Невзирая на некоторые художественные преувеличения, которые позволяет себе Бурр, сама представленная им позиция не содержит ничего принципиально невероятного. Еще в 1928 г. в работе «Языческий империализм» итальянский консервативный философ и знаток западного эзотеризма барон Юлиус Эвола (1898–1974) писал: «Во всех великих традиционных цивилизациях: от Китая до Греции, от Рима до нордических праплемен и далее до ацтеков и инков, везде аристократ характеризовался не тем простым обстоятельством, что у него были предки, а тем, что предки аристократа были божественными предками. Аристократы вели свой род от полубогов, т. е. от существ, реально причастных к трансцендентным формам жизни и основавших то, что в высшем смысле этого слова можно назвать Традицией; от существ, передавших своим потомкам обожествленную кровь и вместе с ней ритуалы, т. е. определенные операции, тайну которых хранили все аристократические семьи и которые служили для открытия перед

потомками пути к духовному завоеванию, впервые совершенному этими предками, и для постепенной актуализации скрытых потенций».

Похожая коллизия изложена в работах английского египтолога и антрополога Маргарет Элис Мюррей. В 1915 г., вернувшись из Египта на лечение в родные пенаты, успешный египтолог Мюррей увлеклась историей колдовства и ведьмовских процессов. Итогом ее изысканий стали книги, которые произвели настоящий шок в академической среде и вызвали оживленную полемику: «Культ Ведьмы в Западной Европе» (1921), «Бог Ведьм» (1933), «Божественный король Англии» (1954). Мюррей утверждала, что «ведьмовство» в Средние века и эпоху Возрождения представляло собой остатки языческой религии, связанной с плодородием и уходящей своими корнями в период палеолита. Религия эта являлась намного более распространенной и организованной, нежели было принято считать среди историков, и продолжала успешно функционировать после номинального принятия христианства. Христианство было только официальной маской, принятой исходя из «политических соображений». Даже при желании официальные власти не имели реальной возможности подавить «колдовской культ», поскольку его обряды считались необходимыми для «благополучия общества». По этой причине вплоть до Реформации существование древнего культа и его ритуалы тайно поощрялись самыми высокопоставленными лицами. Культ имел развитую организацию, которая охватывала все слои общества, включая королей, министров и даже христианских прелатов. Его адепты поклонялись «двуликому рогатому богу», которого можно отождествить с Янусом, или Дианусом, а также кельтским Цернунном. Впоследствии инквизиторы «в своем невежестве и фанатизме» смешивали это божество с Сатаной. Невзирая на то, что согласно реконструкции самой Мюррей этот культ сопровождался человеческими жертвоприношениями, она положительно воспринимала его характер, поскольку видела в нем «пример равноправия и освобождения женщины, раскрепощенную сексуальность и протест против угнетения официальной церковью».

Отдельного упоминания заслуживает совпадение некоторых построений Мюррей с утверждением Бурра о скрытом

продолжении практики ритуальных человеческих жертвоприношений под видом официальной казни преступников. По мнению Мюррей, вплоть до XVIII в. представление о божественной власти монарха и его статусе живого олицетворения Бога на земле воспринималось в самом буквальном смысле. Это подразумевало, что в соответствии с практикой, существовавшей на протяжении многих столетий, король как воплощение божества должен быть принесен в жертву богу плодородия для блага своих подданных. Со временем этот обычай трансформировался, и функцию буквальной искупительной жертвы стал выполнять не сам правящий монарх, а избранный представитель из числа близких ему лиц: по крови, семейным связям, высокому положению в государстве. Такие жертвы, по мнению Мюррей, практиковались не только в Англии, но и в других странах Западной Европы. В Англии подобные искупительные жертвы осуществлялись в царствование каждого из монархов, по крайней мере, со времени Вильгельма Завоевателя, т. е. со второй половины XI и до начала XVII в., а может быть, и позднее. Первоначально жертва («заместитель») выбиралась по приказу короля. Впоследствии ритуальное жертвоприношение изображалось как результат законного разбирательства и вынесенного приговора: «Такие юридические убийства историкам было трудно объяснить, поскольку эти убийства являлись отрицанием всех принципов человеческого правосудия и христианской религии, которую, как предполагается, исповедовали и король, и судьи». Христианская церковь на протяжении долгого времени вынуждена была мириться и даже идти на компромисс с этим языческим обычаем, канонизируя некоторых лиц, ставших искупительными жертвами. Вместе с тем духовенство, обладая монополией на ведение летописей, старалось скрывать существование этого языческого культа.

Нет ничего принципиально невероятного в самой возможности сохранения элементов «старой» языческой идеологии, популярной в среде военно-политической и религиозной элиты Римской империи, не воспринявшей христианской реформы Константина Великого. Равно как и в том, что фрагменты этой элитной идеологии вместе с беженцами из Аквилеи могли быть перенесены на венецианскую почву, где получили определенное развитие, смешавшись с местными языческими культами, связанными с почитанием морского чудовища.

Довольно прозрачный намек на апологию таких, в т. ч., современных культов мы находим в работе «Великая мать» (1955), принадлежащей перу Эриха Нойманна (1905–1960) – одного из крупнейших последователей психологической школы Карла Густава Юнга: «Лоно земли требует удобрения, а кровавые жертвоприношения и трупы – пища, которая ей больше всего по вкусу. Это – ужасный аспект, смертельная сторона сущности земли. В самых ранних культах плодородия окровавленные куски умерщвленной жертвы раздавались как драгоценные дары и подносились земле, чтобы сделать ее плодородной. Такие человеческие жертвоприношения ради плодородия существуют по всему миру абсолютно независимо друг от друга: в ритуалах Америки и Восточного Средиземноморья, в Азии и в северной Европе. Повсюду в ритуалах плодородия и человеческих жертвоприношений ведущую роль играет кровь. Великий земной закон – что не может быть жизни без смерти, был рано понят и еще раньше представлен в ритуале. Это означало, что укрепление жизни можно было купить только ценой жертвенной смерти. Но слово «куплено», на самом деле, – более позднее и является фиктивным логическим обоснованием. Резня и жертвоприношение, расчленение и кровавые дары предоставляют магические гарантии земного плодородия. Мы неправильно понимаем эти обряды, если считаем их жестокими. Для ранних культур и даже для самих жертв эта последовательность событий была необходимой и самоочевидной».

По всей вероятности, венецианский «Обряд обручения с морем» представляет собой видимую часть дожившего до наших дней архаического культа реликтового морского чудовища, совпадающего по своему основному содержанию с культами «хозяина рыбных богатств и водных путей» подземно-подводного ящера и южнославянских «повелевающих ненастями хранителей урожая». Еще раз отметим, что в основании перечисленных культов лежит представление о возможности симбиотических взаимоотношений между человеком и реликтовыми чудовищами. Принципиальная осуществимость и, что немаловажно, осязаемая результативность такой коммуникации подтверждается существованием этих и

родственных им культов на протяжении длительного исторического времени. Тем не менее, форма организации подобной коммуникации, основанная на регулярных человеческих жертвоприношениях, имеет куда более гуманные и конструктивные исторические альтернативы, представленные в самых разных религиозных традициях. В этом мы уже имели возможность убедиться на примере древнеегипетских владеющих «словами власти», сибирских «знающих слово», словацких «чернокнижников», китайских «сяней», буддийских монахов и христианских подвижников.

РОЖДЕННЫЕ ЗМЕЕДЕВОЙ: ХТОНИЧЕСКИЕ ТОТЕМЫ СЛАВЯН И СКИФОВ

Рыбаков высказывает сожаление, что славянские письменные источники, кроме вышеприведенного, не сообщают ничего о культе ящера. Отсюда он делает вывод, что культ владыки подводно-подземного мира был мало связан с земледельческим мировоззрением славянских племен лесостепного юга и в большей степени отвечал архаическим воззрениям лесных племен, у которых рыболовство и охота играли большую роль.

На это можно возразить, что сведения такого характера могли представлять собой часть устной культовой традиции, содержание которой охранялось от непосвященных. Анализируя архаические обряды, производившиеся во время процедуры посвящения, Пропп сетует на следующее затруднение: «Изучение самого обряда не дает нам никакого ключа к его пониманию. Этот ключ дают нам сопровождающие его мифы. Беда только в том, что там, где обряд жил как живой, мифы рассказывались во время посвящения и представляли собой строжайшую тайну. Их знали только посвященные. Они не рассказывались открыто и не сообщались европейцам. Записаны они уже тогда, когда рассказы открепилась от обряда, записаны европейцами поздно, у народов, уже потерявших живую связь с обрядом».

В качестве веского аргумента, подтверждающего нашу версию, можно сослаться на замечание историка П. Н. Крекшина (1684–1763), введшего в 1735 г. «Новгородский летописец» в научный обиход. В обращении к Академии наук он отмечал, что предание о Волхе-крокодиле не упоминается «в печатных исторических книгах прошлых лет», но жители Новгорода «истари друг другу об оном сказывают и истории имеют у себя». В том же контексте можно вспомнить словацкую и болгарскую ритуальную обрядность, связанную с «шарканами» и «юнаками», характерную именно для южных сельскохозяйственных регионов.

Как бы то ни было, у населения киевского Поднепровья в VI–VII вв. культ ящера как хозяина «нижнего мира» засвидетельствован достаточно внятно. В новгородской земле этот

культ был, очевидно, в полном расцвете и много позже, в XXIII вв. Об этом свидетельствует обилие изображений ящера в прикладном искусстве.

В составе новгородских древностей X–XI вв. присутствуют ручки деревянных ковшей, представляющие собой тщательно обработанное скульптурное изображение ящера. В начале XII в. ковши с фигурными резными ручками исчезают, и на смену им приходят более простые и строгие ковши с прямыми ручками. В XIII в. ковши-ящеры встречаются уже в единичных экземплярах.

У ящеров, изображаемых на ковшах, крупная морда с огромной пастью и четко выделенными зубами; на шее в той или иной форме обозначена идеограмма воды: круговая зигзагообразная линия, каплеобразные ряды или сложная орнаментальная плетенка.

Заострим внимание на возможной связи между идеограммой воды, изображаемой на шее славянских ящеров, и спинными пластинами, являющимися характерной деталью внешнего облика некоторых разновидностей динозавров, в частности, стегозавров и зауроподов. Припомним обилие изображений динозавров со спинными треугольными пластинами на камнях Ики и скульптурах из Акамбаро. Среди них представлены как известные виды динозавров, не принадлежащие к подотряду зауроподов, так и виды, совершенно не известные современной науке. Для скептически настроенного читателя еще раз напомним, что аналогичные ящеры с характерными треугольными спинными пластинами присутствуют и на изделиях, принадлежащих вполне признанным перуанским археологическим культурам наска (II в. до н. э. – VI в. н. э.) и моче (I–VIII вв. н. э.) (фото 48, 50).

Рыбаков подчеркивает, что изображение ящера на славянских ковшах отнюдь не случайно, т. к. ковш-черпало был неотъемлемой частью обрядового пира, многократно упоминаемой в поучениях против язычества: «Ставяще трапезу... и черпала наполняюще вина добровольного»; «Вы же (обращается Бог к язычникам) оставльшей мя и забывающе гору святую мою и готовающе трапезу Роду и рожаницам, наполняюще чръпания бесом – аз предам вы на оружие и вси заколением падете».

Отсюда можно заключить, что языческий Род, упоминаемый в одном ряду с рожаницами, отождествлялся у славян (как

минимум в новгородских землях) с ящером, занимавшим центральное положение в первоначальном тройственном святилище на Перыни. Рыбаков полагает, что в новгородских землях, где значительную часть благосостояния составляла рыба и водные пути, главное божество (Род) понималось как царь водной стихии – ящер.

Помимо ритуальных ковшей, морды ящера украшали кровли домов, что в очередной раз связывает это существо с темой воды, в данном случае дождевой, т. е. небесной. Российский фольклорист, доктор филологических наук Н. А. Криничная указывает, что на Севере концам балок-куриц придавали фантастические формы змеи с разинутой пастью или некоего чудовища с рогами. Здесь нам следует вспомнить, что на камнях Ики и скульптурах из Акамбаро некоторые динозавры изображаются с рогами, которые также являются характерной чертой «чудских» ящеров и дальневосточных драконов. Все эти существенные детали еще раз указывают на то, что в основании культа подземно-подводного ящера лежат представления о реальном реликтовом существе или нескольких его разновидностях, ставших объектом религиозного поклонения в целом ряде культур евразийского континента.

В русских кладах женских вещей XI–XII вв. встречаются длинные серебряные цепи сложного плетения, которые носились на шее и спускались ниже пояса, образуя самый нижний ряд украшений. Цепи замыкались двумя головками ящеров, застегнутыми небольшим кольцом. По месту нахождения ящеров в общем ансамбле костюма они соответствовали представлениям о владыке «нижнего мира». Ящеры с женских украшений заставляют вспомнить о «чудском» двуглавом ящере, одной головой заглатывающем вечернее Солнце, а головой, расположенной на противоположном конце туловища, извергающем Солнце восходящее. Аналогичный сюжет присутствует на вщижских алтарных арках, которые Рыбаков считал самым важным и убедительным доказательством того, что люди русского средневековья считали ящеров неотъемлемой частью общей космологической системы.

Вщижские бронзовые арки были обнаружены одним из основателей Государственного исторического музея и Московского археологического общества, археологом А. С. Уваровым

(1825–1885) в алтаре церкви середины XII в. в удельном городе Вщиже. Арки представляют собой каркас конструкции напостольной сени, воздвигаемой при торжественном богослужении над алтарем. Центром системы здесь являются полуподземные ящеры или один ящер, зрительно расчлененный на два изображения, для того чтобы оказаться одновременно и у заходящего, и у восходящего Солнца. Мастер внес в свою композицию целый ряд чисто архаических деталей, раскрывающих не столько понимание картины мира христианскими космографами, сколько древнейшее, идущее из глубин веков, представление о мире, в котором центральной фигурой был архаичный ящер, распоряжающийся ходом самого Солнца. Эти арки показывают, что и много позднее рассматриваемого времени в церковном искусстве Руси ящер был неотъемлемым элементом представлений о макрокосме. Подробное описание и анализ сложной космологической композиции вщижских арок представлено в работе Рыбакова «Язычество древней Руси» (1987).

Сюжет, изображенный на вщижских арках, не только переключается с «чудским» двуглавым ящером, но и демонстрирует очевидное композиционное сходство с сибирским изображением схемы мироздания на куске ткани по версии эвенков. В центре этой композиции находится мир людей, представленный изображенными на плоскости фигурами прародительниц. Сверху мир людей ограничивает изогнутая полоса-радуга. К радуге примыкают изображения существ, являющихся почти точными копиями «чудских» ящеров – крокодилообразные с гребнями и рогом. В непосредственной близости от них изображение Солнца и Луны. Под ящерами изображены летящие птицы.

Специалист по традиционной культуре Русского Севера, этнограф, этнолог и фольклорист, доктор исторических наук, профессор Т. А. Бернштам (1935–2008) выдвинула версию, согласно которой змей, тождественный подземно-подводному ящеру, воспринимался славянами в качестве тотемного предка-покровителя и принимал участие в мужских посвященных ритуалах (инициациях). Это весьма реалистичное предположение подкрепляется отождествлением Рода с владыкой водной стихии – ящером. Доктор филологических наук,

профессор М. М. Маковский в «Сравнительном словаре мифологической символики» указывает, что в корневой основе существительного «прашур» содержится древнее слово «щур», обозначающее змею или червя. Дополнительное подтверждение этой гипотезы обнаруживается в словаре Даля и у Афанасьева, где «род» толкуется как «домовой». Такая интерпретация отсылает нас к славянскому «домовому культу» змеи, воспринимаемой в ряде случаев в качестве домового духа и одновременно духа умершего предка.

Предположение о змее как о славянском родовом тотеме имеет очевидные переключки с генеалогической легендой о происхождении скифов, одновременно иллюстрирующей особые отношения, в которые иногда вступают герои-змееборцы со своими чудовищными антагонистами. Это автохтонное предание, бытовавшее среди племен, составивших впоследствии Русь, и зафиксированное древнегреческим историком Геродотом (ок. 484–425 до н. э.), рассказывает, что три главных сословия скифского племени (земледельцы, воины и цари-маги) берут свое начало от брачного союза Геракла и дочери Борисфена (Днепра) Змееды-ехидны Оры.

Легенда гласит, что Геракл в повозке, запряженной конями, гнал быков Гериона и достиг земли скифов. Здесь его кони исчезли, и он долго не мог их найти, пока не добрался до Гилеи (Олесья в устье Днепра). Тут жила владелица этой земли полудева-полузмея Ора, которая и похитила коней. Она согласилась отдать их при условии, что Геракл вступит с ней в плотскую связь. После рождения троих сыновей Змеедева вернула коней и спросила напоследок героя, как ей поступить с сыновьями, когда они вырастут. Покидая ее, Геракл оставил свой тугой лук и пояс с прикрепленной к нему чашей, сопроводив их передачу следующим наказом: тот из сыновей, который сможет натянуть отцовский лук, должен остаться и получить в наследство землю своей матери, а не сумевших натянуть лук следует отправить на чужбину. Когда сыновья возмужали, мать предложила им испытание, заповеданное Гераклом. Только младший из братьев – Скиф справился с заданием. От него и произошли все скифские цари. Агафирс и Гелон были изгнаны из материнской земли (Геродот. История, IV 8–10).

Историков смущает вопрос, почему Геракл, являясь грозным космогоническим орудием против «страшных деяний

чудовищ» (Еврипид, Геракл 700), сошелся со Змеедовой, оставил ее в живых, более того – отдал свой пояс и установил завет, как распределить власть между потомством. Напомним, что в древнегреческой мифологии веку обычных людей предшествовала эпоха, на протяжении которой действовало целое поколение героев («героический век»), созданных олимпийскими богами для борьбы с доолимпийским миром чудовищных порождений матери-земли Геи. Герои наделяются непомерной силой и сверхчеловеческими возможностями, обусловленными их полубожественным происхождением. Все эти качества необходимы для выполнения их главной функции – уничтожение древних чудовищ, детей титанов и прочих хтонических существ.

Недоумение историков по поводу странного союза Геракла и Змеедры может быть развеяно, если мы обратимся за помощью к традиционным сюжетам русских волшебных сказок, сохраняющим в своем ядре древнейшие мифологические представления. Как и в легенде о происхождении скифов, их общим местом является не вполне человеческое происхождение главного женского персонажа (Марья Моревна, Царевна-Лягушка, Василиса Премудрая), его склонность к оборотничеству (превращение в змею, белую лебедь, кукушку), а главное – особая связь с подземно-подводной сферой, именуемой в сказках «иным царством». Главным обитателем и хозяином «инога царства» является Змей. Нейтрализация чудовища и последующий брачный союз героя с существом той же хтонической природы символизирует не сугубое упразднение, а подчинение хтонических энергий и введение их в конструктивный миростроительный оборот, которое обеспечивает новый виток космогенеза, как мы могли наблюдать на примере Геракла и Змеедры. Отсюда следует заключить, что в некоторых случаях и при соблюдении определенных условий связь с хтонической сферой есть связь, необходимая для полноценного функционирования системы мироздания. Являясь по существу связью питающей, она обеспечивает доступ в организованный мир определенного рода энергий, за счет которых происходит необходимое обновление космоса. Согласно такой логике всевозможные хтонические чудовища являются отнюдь не «рабочими

отходами», возникшими в процессе творения мироздания, а своеобразными аккумуляторами первичных бытийных энергий, сохраняющими в себе сокровенную пульсацию Бытия.

Практически во всех религиозно-мифологических традициях водная среда наряду с подземной сферой выступает в качестве царства тщательно оберегаемых тайн и причин, стоящих за «земными господствами». Подобно подземному миру современных мегаполисов, нижний мир представляется скрытой от глаз важной частью общей инфраструктуры космоса, необходимой для его существования и должного функционирования. Эта сфера, связанная с циркуляцией колоссальных энергий, приводящих в движение механизмы Вселенной, является средой обитания чудовищных хтонических существ и выступает в качестве неистощимого источника энергии, питающей все уровни мироздания.

В одном из семи древнеиндийских подземных миров, называемых «подземными небесами» (санскр. била-сварга), находится Страна соков (Расатала). Вот как символическим языком повествуется о значении этой подземной области в древнеиндийском эпосе «Махабхарата» (Горец. Эпизоды из книг III, V):

«Вот Расатала по имени, из стран земли седьмая,
Где находится мать коров Сурабхи, возникшая из амриты;
(Здесь) земля постоянно дает молоко, возникшее из соков,
Шестью соками образуется этот непревзойденный напиток;
Некогда из уст Предка, насыщенного амритой,
Отрыгнувшего сок, безупречное, оно возникло;
Того молока поток, упав на земную поверхность,
Озеро образовал, называемое Молочным Морем,
оно – очиститель вселенной».

Де Фиссер пишет, что входы в Расаталу (иногда ассоциировавшуюся с Паталой, населяемой нагами) описываются как горные пещеры, «проходы в воде» или чудесные флагштоки, поднимавшиеся из моря с прикрепленными к ним знаменами, которые указывали дальнейший путь: «Иногда царям людей позволялось посетить эту чудесную страну. Например, Чандрапрабха, сделав приношение Шиве и Рудре, затем, вместе со своей царевной, министрами и Сиддхартхой во главе вошли

в проход в воде, указанный Майя, и, пройдя долгий путь, прибыли туда. А царь Чандасинха вместе с Саттвашила бросились в море и, следуя за тонущим флагштоком, достигли прекрасного города».

У всякой медали, как известно, имеется оборотная сторона: свободное, ничем не ограниченное поступление в упорядоченный мир должным образом не переработанных хтонических энергий имеет самые разрушительные последствия. По этой причине хтоническая сфера – оставаясь, тем не менее, наиважнейшей «двигательной» частью Бытия – от него ограждается. Мысль о такого рода опасностях наглядно иллюстрирует распространённый фольклорно-мифологический сюжет о разбушевавшемся чудовище. В тесной связи с ним находится сюжет о змее, «залегавшем» водные источники и тем самым препятствующем осуществлению нормальной циркуляции вод. Подобно тому, как обнажившийся зубной нерв настойчиво сигнализирует о расстройстве, требующем незамедлительного вмешательства, вышедшее за установленные ему пределы чудовище, представляющее вполне конкретную и ощутимую угрозу, сообщает о нарушении баланса сил в космосистеме. Единственной альтернативой наиболее радикальным формам устранения этой проблемы, предполагающим «анестезирующее» умиротворение чудовища регулярными человеческими жертвоприношениями, нисколько не решающими кризисную ситуацию в корне, становится потребность в корректирующем вмешательстве героя-змееборца. В этом случае герой, выступающий чаще всего в качестве воина или монаха, выполняет функцию завроктона (лат. Sauroctonus, от др.-греч. σαυροκτόνος – «убивающий ящерицу»), физически устраняющего чудовище и тем самым препятствующего бесконтрольному проникновению элементов хаоса в структурированный мир.

В ряде случаев герой не ограничивается физическим устранением чудовища, но производит его сущностное развенчание, нейтрализуя тем самым глубинное деструктивное воздействие чудовища на человеческое сознание. Когда Геракл стал просить бога подземного царства мертвых Плутона отдать ему чудовищного трехголового пса Кербера, охранявшего выход из Аида, тот разрешил ему взять собаку, если он одолеет ее без помощи оружия. Геракл, будучи защищен со всех сторон

панцирем и покрыт львиной шкурой, обхватил голову собаки и не отпускал, хотя его и кусал дракон, заменявший Керберу хвост. Герой душил чудовище до тех пор, пока не укротил его, и вывел на поверхность земли. Показав Кербера своему двоюродному дяде и по совместительству царю Арголиды Еврисфею, он вернул собаку в Аид. Смысл появления Кербера в «верхнем мире» лаконично резюмирует древнегреческий историк и мифограф Диодор Сицилийский (ок. 90–30 до н. э.): «Он показал его людям». Филолог и переводчик Михаил Евзлин в работе «Космогония и ритуал» (1993) комментирует этот сюжет следующим образом: «Пугает то, что не имеет образа. В тот момент, когда это «нечто» пугающее приобретает образ, даже самый ужасный и отвратительный, оно в значительной степени нейтрализуется в своем деструктивном действии. В этом, как кажется, состоит парадокс архетипического образа: он устрашает, но, будучи фиксирован как образ, поддается анализу, т. е. не является более неуправляемым, и хаотическая стихия, из которой «лепится» этот образ, теряет свое всевластие над человеческой душой».

Совершенная изоляция хтонической сферы чревата не менее опасными последствиями. Евзлин отмечает, что в закрытом (структурированном) мире, отделенном от своего энергетического источника (Тартара, иного царства, царства левиафанов, Страны соков и прочего) неизбежно происходит истощение питающих его энергий. Поэтому для поддержания его полноценного существования возникает необходимость в герое-посреднике, выполняющем симбиотическую функцию. Через особый образом организованное взаимодействие с чудовищем, аккумулирующим хтонические энергии, посредник преобразует их в миростроительную энергию более высокого порядка и вводит эти трансформированные «субстанции» в практический оборот, восполняя тем самым «истощенные» силы всего мироздания. Как мы могли видеть на примере христианских подвижников и буддийских монахов, такой посредник может органично сочетать свою деятельность с выполнением задач героя-змееборца, осуществляя одновременно симбиотическую и регулирующую функцию по отношению к вполне вещественным реликтовым чудовищам.

Наиболее ярким примером такого универсального героя служит Геракл, запятнавший себя в глазах историков непонят-

ной для них брачной связью с хтонической Змеедевой Орой. Главное, что эта связь была вполне понятна для Зевса, трижды вступавшего в брак со смертными женщинами (Ио, Данаей и Алкменой), чтобы только через тридцать поколений родился Геракл, среди предков которого были уже Данай, Персей и другие сыновья и потомки Зевса. Для окончательного зачатия Геракла Зевсу даже пришлось останавливать Солнце с тем, чтобы ночь зачатия длилась трое суток. Вряд ли после такого подчеркнута трудоемкого процесса по созданию великого героя все его последующие действия были оставлены без надлежащего присмотра верховного Олимпийца. Легитимность связи Геракла и Змеедевы подкрепляется еще одной версией легенды о происхождении скифов, изложенной Диодором Сицилийским, в соответствии с которой первый царь сколотов Скиф родился от брачного союза Змеедевы с самим Зевсом.

Историк, культуролог и религиовед Р. Багдасаров в работе «Неуместные боги: культ «эллинских философов» в русском православии» обращает внимание на то, что скифская генеалогическая легенда возникла задолго до ее фиксации Геродотом: «Уже в трипольское время образ родовой матери символизировался посредством женщины с раздвоенным рептильным хвостом. <...> Многое свидетельствует: символ змееной/рыбохвостой женщины носил тотемный характер для прарусских племен. В комплекс древнейших вышитых изображений России входят антропоморфные существа со змеинными придатками и руками-крыльями».

Важная деталь – Змеедева, которую скифы, а позднее и русские принимали за свою праматерь, почиталась более праотца-героя. Ее иконография была широко распространена по Северному Причерноморью и Поднепровью с V в. до н. э. по I в. н. э. Она характерна для синдо-меотского и боспорского искусства, археологические памятники со Змеедевой находят по всему Крыму. Фигура Змеедевы помещалась на геммах, нашивных золотых бляшках одежды и надгробных покрывал, гипсовых налечах деревянных саркофагах, украшениях конской сбруи, плитах каменных зданий.

В европейской генеалогической традиции образу Змеедевы-прародительницы соответствует Мелюзина, изображаемая как женщина-змея или женщина-рыба. Происхождение этого

образа связано с фамилией средневекового феодального рода Лузиньянов. Впервые историю о Мелюзине, в которой еще не фигурировало ее имя, записал в XIII в. путешественник по Арлю и Провансу Гервасий Тильберийский. Наибольшую популярность предание получило благодаря рыцарскому роману Жана д'Арра, написанному по велению короля Карла V и герцога Барри в 1389 г. Впоследствии роман был переведен на немецкий, чешский, польский и другие языки. Багдасаров подчеркивает, что образ выходящей из вод змееногой богини (за честь называться потомками коей боролись многие князья и рыцари) восходит к европейскому династическому трансмифу. Ундина, Лорелея и прочие полуженщины-полурусалки не только занимали в сфрагистике Европы место аллегории, но служили знаком-памятью о пращурах.

Наибольшую известность образ Мелюзины из классического гербовника получил благодаря его использованию в эмблеме американского кофейного концерна «Старбакс». С 1971 по 1992 гг. на логотипе компании присутствовало полноформатное изображение Мелюзины в «образе двуххвостой русалки Сирены». Начиная с 1992 г. и по настоящее время на обновленном логотипе «Старбакс» изображаются только ее голова, торс и руки, придерживающие кончики хвостов.

В современной экспозиции Метрополитен-музея (Нью-Йорк) находится бронзовая статуя сирены, соответствующая каноническому образу Мелюзины: обнаженная женщина с двумя чешуйчатыми рыбьими хвостами вместо ног, изогнутые концы которых она держит в руках. Из аннотации следует, что статуя была создана в Риме, во второй половине XVI в. Ян Вардропер в книге «Европейская скульптура, 1400–1900, в Метрополитен-музее» пишет, что корона, венчающая голову сирены, является характерным признаком династической символики. Обладание такой эмблемой приписывается могущественному римскому роду Колонна и в особенности его княжеской ветви Палиано. К этой существующей по сию пору фамилии принадлежат многие видные политические и церковные деятели, оказавшие существенное влияние на политику Римско-католической церкви в Средние века и в период Возрождения. Примечательно, что род Колонна ведет свое происхождение от героя Троянской войны Энея, потомкам которого приписывается основание Рима. Следует отметить, что

образ Энея, запечатленный в эпической поэме Вергилия «Энеида» (29–19 до н. э.), играет ключевую роль в формировании современной западной идентичности.

На гербе Стефано Колонна коронованная Мелюзина с вздымающимися хвостами восседает на морских водах между двумя колоннами. Гербовый девиз гласит: «Она бросает вызов штормам» («Contemnit tuta procellas»). Некоторые исследователи указывают на связь этой эмблемы с «Колюмнами» или «Столпами Гедимины» (геральдический знак Великого княжества Литовского и родовой герб династии Гедиминовичей, имеющий, согласно преданию, древнеримское происхождение), а также двузубыми и трезубыми геральдическими эмблемами Рюриковичей.

Именно Киевская, а затем и Московская Русь стала ближайшим по расположению во времени и пространстве к Боспорскому царству государственным образованием, аристократия которого самым серьезным образом восприняла родовую легенду о Геракле и Змеедеве. В соответствии с первоначальной скифской традицией, интригующая связь Геракла и Змееды отразилась на геральдических эмблемах Рюриковичей в несколько усеченном виде – без герояродоначальника.

На деньгах Можайского и Белозерского князя Ивана Андреевича (1432– после 1462) чеканилась женщина-полузмея с завитым хвостом, длинными волосами и маленькими крыльями, которыми Змеедева наделялась еще в скифской иконографии. После присоединения Можайска к Московскому великому княжеству Василий Темный (1415–1462) продолжал некоторое время выпускать ту же монету. Как и его отец, Иван III помещает на московских пулах фигурку Змееды, увенчанную короной. В русской эмблематике хтоническая половина туловища постепенно отпадает, а вперед выступает верхняя половина с крыльями. Крылья московской Оры значительно больше, чем у можайской, рептильная же часть туловища исчезла.

Из русской сфрагистики¹ Змееды наибольший интерес представляет печать княгини Авдотьи Ивановны, приложенная

¹ Сфрагистика (греч. σφραγίς – печать), или сигиллография – историческая дисциплина, изучающая печати (матрицы) и их оттиски на различных материалах.

к духовной грамоте (около 1499) князя Ивана Юрьевича Патрикеева (1419–1499). На печати легко узнается скифская Змеедева с туловищем, переходящим в раздваивающееся охвостье, оканчивающееся головками ехидн. На ее голове изображен типичный головной убор скифских женщин – калаф. Правая рука согнута в локте и приподнята, в левой руке Змеедева держит струнный инструмент, похожий на лиру. К тому же типу относится печать боярина и воеводы князя Петра Ивановича Шуйского (ум. 1564) под жалованной грамотой царя Иоанна Васильевича Казанскому и Свяжскому архиепископу Гурию (1556).

Классический тип Оры разительно меняется после прекращения в начале XVII века царской династии Рюриковичей, наиболее явственно поддерживавшей связь аристократической эмблематики с ее хтоническим праистоками. Так, на печати 1640 г. воеводы Бориса Петровича Шереметьева она изображается с одним хвостом и с зеркальцем в руке по образцу западной сирены.

РЕЛИКТОВЫЕ ЧУДОВИЩА В ХРИСТИАНСКОЙ АСКЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Уверю вас, единственный
способ избавиться от драконов –
это иметь своего собственного.

Евгений Шварц «Дракон» (1944)

Образ скифской Змееды-праматери является характерной иконографической деталью византийских и древнерусских медальонов-змеевиков. На одной стороне змеевика обычно изображался тот или иной христианский сюжет: Богородица, Архистратиг Михаил, Феодор Стратилат, Феодор Тирон, крещение, распятие. Наибольший интерес представляет другая сторона медальона, где господствуют два основных сюжета: змееногая прародительница скифов в окружении змей – и отрубленная голова горгоны Медузы с вырастающими из нее змеями. Голова Медузы как охранный амулет (филактерия) заимствована из древнего мифа о подвигах Персея, отрубившего голову этого чудовища и устранившего ею своих врагов. В этом качестве изображение головы Медузы активно использовалось в скифском традиционном искусстве. Магический характер изображения головы Медузы выразительно представлен на заклинательной чаше IV в. до н. э. из скифского царского кургана Куль-Оба (Керчь).

Принято полагать, что исходная форма змеевика пришла на Русь из Византии, поскольку все его ранние формы содержат одну и ту же (с небольшими вариациями) надпись на греческом языке: «Истера (Ἰστέρα), черная, почерневшая, как змей ты вьешься, и как дракон свищешь, и как лев рычишь, и как ягненок спишь».

Старший научный сотрудник отдела восточных славян и народов европейской части России МАЭ РАН («Кунсткамера»), кандидат исторических наук Ю. Ю. Шевченко (1954–2015) полагает, что эта надпись содержит обращение к охранительной силе («histera»), передаваемой образом горгоны: «Обычно термин «hystera» (Ἰστέρα), встречаемый на змеевиках, переводят, как «матка». Однако в другом переводе «histera» – «нутро», «внутренность», «утроба» (как активная зона), несравненно

шире, чем «матка», в т. ч. чисто анатомически». Шевченко справедливо замечает, что в случае принадлежности золотых медальонов-змеевиков мужчинам (как это имеет место с «Черниговской гривной» Владимира Мономаха, «Белгородской гривной» и «Смоленским змеевиком») буквальная интерпретация термина Ὑστέρᾱ как женского репродуктивного органа совершенно неприемлема.

Гораздо более вероятное истолкование этого термина можно обнаружить в известном произведении одного из первых отцов церкви, ведущего богослова II века священномученика Иринея Лионского (130–202) «Против ересей». В нем представлена актуальная полемика с различными гностическими течениями, среди которых упоминается секта «каинитов», учивших, что мир представляет собой творение Мировой Матки (Hysterā) и должен быть разрушен как юдоль несовершенства и зла. Это якобы понял Иуда и осуществил «тайнство» предательства, которое ведет к разрушению всего «земного» и «плотского».

Таким образом, больше всего термину Ὑστέρᾱ соответствует христианское представление о Софии как воплощенной «Премудрости Божией», получившее особое развитие в Византии и на Руси. В ветхозаветной традиции Премудрость предстает как «художница всего» (Книга Премудрости Соломона 7:21), «святой дух» (Прем. 7:22) и «излияние славы Вседержителя» (Прем. 7:25). Она принимает деятельное участие в создании человека (Прем. 9:2) и сближается с представлением о материнском лоне (др.-евр. אִשָּׁר [рэшйт] – «начало»). В архаическом сознании этот образ органически переплетался с мифом о змееподобной (буквально – змееногой) богине-прародительнице, будь то скифская Змеедева-Ора или древнекитайская (даосская) богиня Нюйва, починившая разрушенные после потопа небеса и вылепившая из глины людей, также изображавшаяся в виде полуженщины-полузмеи. В наиболее древних слоях мифа Нюйва является не только победительницей водного хаоса (олицетворяемого виновником потопа драконом Гунгуном), но и его непосредственным порождением.

Теолог И. Г. Переседов отмечает, что древнейшие из змеевиков представлены круглыми металлическими амулетами, содержащими на одной стороне изображение человеческой

головы с исходящими из нее змеями (числом 5, 6, 7), а на другой – Ὑστέρα-надпись, рассматриваемую иногда в качестве охранительного заклятья. Христианские мотивы на таких образцах отсутствуют: «Изображение человеческой головы со змеями появляется в пространстве византийской культуры около X в. в готовом виде, не неся на себе следов продолжающегося становления. Постоянное присутствие Ὑστέρα-формулы заставляет признать наличие связи между изображением и содержанием этого заклятья. Обычай передачи заклинания начальными словами, очевидно, предполагал, что этот текст был известен в среде, для которой предназначались такие змеевики».

Рыбаков, в свою очередь, указывает на несомненную связь славянских змеевиков с княжеско-боярскими кругами, т. к. изготавливались змеевики не только из меди, но из серебра и золота (Чернигов, Белгород, Смоленск): «Появляясь в XI–XII вв., змеевики продолжают бытовать вплоть до XV–XVI вв. Нередко в позднее время они копировали механически более ранние образцы, что свидетельствует о том, что этот вид амулетов высоко ценился». Также он замечает: «Подобные композиции (голова со змеями и дева-змея) на территории Руси встречаются чаще, чем в греческих землях».

К этому следует добавить, что находка трех змеевиков с Архангелом Михаилом на Неревском раскопе Великого Новгорода, отлитых в одной форме, может свидетельствовать о распространении и производстве подобных украшений на Руси не позднее конца XI в.

У специалистов не вызывает сомнений общая принадлежность змеевиков не только Древней Руси, но и всей Восточнохристианской церкви. Тем не менее, отношение Православной церкви к змеевикам остается не вполне понятным. Известно, что в XIX в. оценка змеевиков изучавшими их представителями церкви была крайне негативной. Невзирая на это позднейшее обстоятельство, в Древней Руси змеевики обладали определенной легитимностью. Многие из них были найдены в ризницах соборов, а один яшмовый образец был отдан в ризницу Троице-Сергиевой лавры Иваном Грозным. Там же хранилась икона Богородичных праздников с врезанным в центр змеевиком, который был наиболее почитаемой частью всего образа.

Известно, что некоторые змеевики пользовались особой симпатией церковных иерархов – один из них использовался как панагия епископами города Полоцка. Змеевик из красной, перемежающейся темно-серыми и светлыми слоями яшмы надевали высшие иерархи Церкви. В качестве владычной панагии во время службы в Троице-Сергиевой Лавре на Великой все-нощной использовали аналогичный змеевик из зеленой яшмы, но трапециевидной формы.

Настаивая на том, что образы горгоны Медузы и Змееды Ехидны-Оры должны были иметь вполне конкретные функциональные связи с христианским мировоззрением и вероучением, Шевченко указывает на практику «умной молитвы», используемую монахами в пещерных монастырях и являющуюся неотъемлемой частью православного мистического аскетизма («молчаливого делания» или «исихазма»). Помимо прочего, практика «умной молитвы» предполагала концентрацию внимания на области пупка, над крестцовыми позвонками, куда должны направляться все силы души при непрерывном совершении внутренней Иисусовой молитвы. Со времен преподобного Симеона Нового Богослова (949–1022) непременным условием «правильной» или «умной молитвы» становится особая техника дыхания, в христианской практике называемая пневмокатарсисом. Указанная зона концентрации молитвенного внимания совпадает с локализацией таинственной «Υστέρα» («истерра» = «утроба» = «живот – жизнь») в молитвенной формуле на змеевиках, которую символизирует изображение Горгоны Медузы или сходного с ней образа пещерницы-титаниды – Змееды Ехидны.

Шевченко обращает внимание, что правило «умной молитвы» было изложено Симеоном Новым Богословом на рубеже X–XI вв. К тому же времени относится появление амулетов-змеевиков с образами горгоны Медузы и Змееды Ехидны в пространстве византийской культуры в готовом виде: «Симеон Новый Богослов творил и проповедовал в Греции во времена, когда на Греческом Афоне пребывает преподобный Антоний Печерский – основатель всего русского монашества. С жизнью и деятельностью упомянутых – греческого и восточнославянского – святых синхронизируется не только окончательное принятие Русью христианства в качестве государственной

религии, но и распространение на Руси амулетов, названных змеевиками, параллельное распространению пещерных монастырей. Связь амулетов-змеевиков с христианскими пещерными святынями представляется более чем значимой. Семантика символа «histera», персонифицированная серпентаридами (змееволосыми или змееногими существами – обитателями пещер) – то горгоной, то Ехидной-Орой, – как обозначение центра концентрации внимания при внутренней Иисусовой молитве, практикуемой в полной тишине и тьме пещерных келий, – связует филактерии-змеевики с христианскими пещерными святынями на уровне духовной истины в рамках христианской доктрины на исходе раннего Средневековья.

В посмертном собрании писем немецкого мистика-визионера, практиковавшего внутреннюю молитву, Иоганна Георга Гихтеля (1638–1710), изданном в виде трактата «Theosophica practica» (1722), имеются любопытные гравюры, на которых отмечены различные центры «внутреннего человека». Области, расположенной в районе таза, соответствует подпись: «Первоначальная матка (матрица): корень души, три первых вида». В той же самой области (на виде сзади) изображены клубящиеся в области пупа змеи, а согласно одному из преданий, именно пуп земли охраняли сестры-горгоны, сильнейшей из которых была горгона Медуза. К сожалению, Гихтель не приводит детального описания своих фигур, так что подписи представляют собой лишь лаконичный ключ к их пониманию и интерпретации.

Опираясь на святоотеческие источники, можно заключить, что в активной зоне «утробы»-*Утэра*, символизируемой амулетами-змеевиками, локализуется несколько внутренних «душевных сил», предметная работа с которыми является важной частью аскетических практик.

В этой связи невозможно обойти вниманием примечательный эпизод с индийским мыслителем Нагарджуной (предположительно II–III вв.), основавшим одно из двух главных направлений буддизма – Махаяну. Де Фиссер пишет, что согласно преданиям северного буддизма Нагарджуна был наставляем в море неким нагом, который показал ему неизвестные книги, а также передал самую важную работу – сутру Праджняпарамиту (санскр. «запредельная мудрость»), которая

охранялась нагами до тех пор, пока люди не созрели до ее понимания. По этой причине исходное имя мыслителя Арджуна было изменено на Нагарджуна, а на картинах и скульптурах он изображается с семьей нагами над головой.

Напомним, что в индуистской и буддийской традициях наги изображаются в виде змей с человеческим торсом и головой. Они благосклонно относятся к буддизму и часто выступают в качестве его покровителей. Наги считаются мудрецами и магами, способными оживлять мертвых и менять свой внешний вид. В человеческом облике они часто живут среди людей, причем их женщины – нагини, славящиеся своей красотой, – нередко становятся женами смертных царей и героев. Обратные способности и пристрастие к брачным союзам с представителями элиты сослужили нагам дурную службу, сделав их первоосновой для карикатурно-конспирологического мифа о «рептилоидах». Невольным заложником этой истории стал американский писатель Роберт Ирвин Говард (1906–1936). Некоторые сюжеты его оригинальных фантастических произведений, в особенности повесть «Королевство теней» (1929), в которой рассказывалось о людях-змеях, способных устанавливать контроль над человеческим сознанием, оказали существенное влияние на возникновение мифа о «рептилоидах» в современной массовой культуре. Нужно ли объяснять, что такого разлива конспирологические теории карнавализируют (в терминологии теоретика смеховой культуры Бахтина) чрезвычайно важную и деликатную тему целенаправленных разумных влияний нечеловеческого порядка на формирование и развитие человеческого социума, в конечном итоге выводя ее за пределы сколько-нибудь компетентного рассмотрения.

Возвращаясь к теме змеевиков, нам не кажется простым совпадением, что, согласно индуистской традиции, в зоне, предположительно, символизируемой змеевиками, располагается источник энергии *кундалини*, помещаемый в области крестца или основании позвоночника и изображаемый в виде свернувшейся спирали змеи. У большинства людей эта энергия находится в спящем состоянии, но с помощью различных практик она может быть активизирована, вследствие чего, человек получает различные сверхъестественные способности. Нужно отметить, что в йогических практиках таким сверхспо-

собностям (*сиддхам*) придается второстепенное значение, главная их роль заключается в самореализации, которая находится за пределами всяких *сиддх*. Аналогичный подход мы встречаем и в православной мистической аскетике.

Специалист по христианским аскетическим практикам А. Преображенский указывает, что в поздней русской исихастской традиции XVIII в. присутствует запрет концентрировать внимание «на пупе»: «С одной стороны, ясно, что в области пупа локализуется желательная сила, на которой паразитируют бесы, поэтому подобная концентрация считалась опасной, чтобы не впасть в прелесть. С другой стороны, не очистив желательную силу, нельзя достигнуть и адамического состояния. А это означает, что предельная цель инициации не достигнута. Т. е. очень многие русские исихасты XIX–XX вв., вероятно, не достигли даже адамического состояния. По крайней мере, о некоторых оптинцах в таком контексте пишет свт. Игнатий (Брянчанинов)».

В этом смысле показательна история святого мученика Конона Исаврийского (I–II вв.), который до такой степени «обуздал» ополчившихся на него «бесов», что использовал их труд в домашнем хозяйстве: «Святой, запретив им делать вред людям, послал их на различные работы: одним велел копать в огородах землю и вырывать худые травы, терновники, крапиву, другим вспахивать нивы и сеять на них, иным стеречь плоды, кому пасти стада и охранять их от зверей, кому колоть дрова и носить воду, и исполнять всякую домашнюю работу. Бесы, как рабы и пленники, служили блаженному Конону до тех пор, пока ему было угодно, исполняя с усердием всякое указанное им дело, ибо связанные непобедимую силою Божией, они были порабощены Божию угоднику».

Если воспринимать указанный эпизод из жития святого Конона как результат «умного делания», можно сделать вывод, что замечание Преображенского свидетельствует об очевидной стагнации исихастских аскетических практик, маркируемой прекращением в XVI в. широкого хождения на Руси амулетов-змеевиков.

Развивая «пещерную» тему, Шевченко подчеркивает, что особая связь христианских аскетов со змеями выходит за рамки мистического символизма молитвенных практик:

«Сведения о змеборчестве Феодора Тирона, Феодора Стратилата и Георгия Каппадокийца (Победоносца) дополняются не менее многочисленными известиями о мирном сосуществовании христианских святых со змеями: Иоанна Зедазнийского, Шио Мгвимского или Давида Гареджийского, уговорившего соседа по пещере – гигантского змея не похищать молоко у важенок, чтобы не гибли маленькие оленята. А для Макария Римлянина змей выступает в качестве соратника и помощника: по распоряжению Архангела змей строит для святого келью-пещеру. Во всех случаях и «змеборчества», и «змеосоуществования» – все житийные эпизоды самых разных святых неминусемо связаны с пещерами».

Примечательно, что в описании змея в житии преподобного Давида Гареджийского Чудотворца (VI–VII вв.) мы встречаем характерный рог, свойственный иконографии «чудского» ящера, а также «щетинистые волосы», сопоставимые с «гривами» ящеров из коллекций Джульсруда и Барроуза: «Внизу той пещеры, в которой жили святые отцы, была другая пещера, в которой находился великий и страшный дракон – змей, имеющий глаза большие и светлые, на голове рог, а на шее щетинистые волосы».

Вопрос о том, кем на самом деле являлся Макарий Римлянин (память 19 января по старому стилю), по сию пору остается загадкой. Багдасаров пишет, что в русские святцы он попадает из Византии вместе с церковным календарем, а самые ранние его изображения датируются XIII веком: «Его отождествляли то с Макарием Великим или Египетским (ум. 390–391), то с Макарием Александрийским (ум. 394–395). С другой стороны, «Римлянином» называли игумена Макария (XVI–XVII в.), настоятеля одноименного монастыря в 110 верстах от Новгорода на реке Лезне (Грезне), чья память также отмечалась 19 января».

О преподобном Макарии Римлянине Новгородском известно, что родился он в Риме в конце XV или в начале XVI в. Покинув Рим, Макарий достиг Великого Новгорода, где поступил в Свирский монастырь и принял монашество. По благословию старца он поселился «для безмолвия» на островке реки Лезны. Отсюда можно предположить принадлежность Макария к анхоретам-молчальникам, практикующим «умное делание». Под-

тверждением того, что эпизод со змеем относится именно к Макарию Новгородскому, служат карстовые пещеры, расположенные по берегам реки Лезны, а также связь преподобного с Новгородом, который являлся одним из центров культа подземно-подводного ящера.

Наибольший интерес для нашего исследования представляют сведения о продолжительном сосуществовании реликтовых чудовищ и крупнейшего в мире православного монашеского сообщества на полуострове Афон в Восточной Греции. Рельеф полуострова постепенно повышается к юго-востоку и переходит в скалистую горную цепь, заканчивающуюся мраморной пирамидой святой горы Афон, высота которой составляет 2033 м.

Афонский старец Калистрат (ум. 2012) в видеоинтервью от 7 октября 2009 г. говорит: «Афонская гора – это вулкан. Вот там, под островом – скрыты драконы. Если уйдет Богородица с Афона – так гласит предание – эти драконы вырвутся наружу и будут преследовать монахов. И на суше и на море. Огромные драконы, ужасные. Здесь их держит и кормит Бог, там внизу, под островом, под вулканом. Перед монастырем св. Дионисия развернется земля, на пути к монастырю св. Павла. И еще там, где был канал¹. Оттуда они выйдут».

Православный писатель-публицист Ю. Воробьевский в книге «Царь-змееборец» (2016) пишет, что карстовые пустоты под Афоном действительно существуют. Их обнаружил известный исследователь Жак-Ив Кусто (1910–1997), изучавший глубины у берегов Афона в поисках флота персидского полководца Мардония, затонувшего у Афонского мыса в 492 г. Следует отметить, что в нескольких километрах к северо-востоку от Афона находится самая большая пропасть Эгейского моря, с резким перепадом глубин от 80 до 1070 м.

В своей книге Воробьевский приводит свидетельства афонских монахов, наблюдавших в далеком прошлом загадочных динозавроподобных существ. Один из его собеседников, отец

¹ Имеется в виду канал Ксеркса («Ксерксов канал») на Афонском перешейке. В 480 г. до н.э. во время греко-персидской войны персидский царь Ксеркс приказал прорыть Афонский канал, который позволил усилить сухопутные войска флотом и овладеть Афоном. Вскоре после сооружения канал пришел в негодность, т. к. практически не использовался.

Никон из Молдавии, рассказывает, что на Афоне «есть очень большие змеи с крыльями, но Божья Матерь их прячет»: «Вылетает, крылатый такой, из ущелья, делает круг над морем и возвращается обратно».

Другой монах поведал следующую историю: «Когда несколько лет назад строили келью преподобного Модеста, такой случай был. Один отец поднимался по бетонной лестнице с мешком цемента. Услышав топот, поднял голову и – ужас! – в нескольких шагах от него в кусты входит какое-то чудовище. Видна была только задняя часть ящера. Хвост как палка. Мощные лапы. Монах ломанулся прочь, позабыв про мешок на спине. А это ведь не какое-нибудь глухое урочище, это совсем рядом с афонским портом Дафни¹».

О существовании на Афоне морских ящеров свидетельствует история, рассказанная иеромонахом Кириллом из Зографа²: «Да вот еще пару лет назад с одним нашим братом что произошло. Он любил подводную охоту, хотя на Святой Горе такие вещи не благословляются. Однажды плыл с ружьем на довольно большой глубине. Яркий солнечный день, все дно прекрасно освещено. И вдруг на него ложится огромная тень. Ничего себе, мелькает мысль у монаха, паром надо мной идет. Поднимает голову и... Когда он увидел, что над ним плывет на самом деле, чуть не утонул со страху. С тех пор не то, чтобы подводной охотой баловаться, – в море даже по колению не войдет».

Еще один насельник Святой Горы поделился не менее замечательной историей, иллюстрирующей связь крылатого змея с подземно-подводной сферой. Она произошла не так давно на Провато, неподалеку от кельи «Св. Иоанна Богослова» Кукувино: «Однажды отцы-святогорцы заспорили – как понимать

¹ Дафни – небольшое поселение на горе Афон, расположенное на южном побережье святогорского полуострова между монастырями Ксиропотам и Симонопетра. Используется в основном как главный морской порт Афона и главная отправная точка для монашеского государства Святой горы – в Дафни ежедневно приходят и уходят паромы из города Уранополис, Халкидики. Греческая национальная перепись населения 2001 г. зарегистрировала в Дафни 38 человек.

² Монастырь Зограф (Зографский монастырь, также «монастырь Великомученика Георгия Победоносца») – православный болгарский монастырь на Святой Горе Афон, посвященный св. Георгию Победоносцу. Расположен в 3 км от моря, в западной части полуострова.

изображение змея на иконе св. Георгия Победоносца – как некую аллгорию зла, диваола, или как вполне конкретный зоологический объект. Большинство склонялось к первой точке зрения, но, расходясь, братья сказали старцу кельи: помолись, отец, может быть, Господь и откроет тебе ответ. На другой день этому святогорцу приходит помысел: возьми удочку и иди половить рыбки... Да я и не рыбак вовсе, – думает в ответ агироит. Но помысел настойчив. Не оставляет его целых три дня. Наконец монах берет снасти и идет на берег моря. Подходит к воде и опять недоумеваает: зачем я сюда пришел? Ну, решает он, прогуляюсь до крайнего конца арсаны (пристани) и пойду обратно. В этот самый момент среди полного штиля накатывает волна, и из нее появляется чудовище! Расправляет перепончатые крылья, хлопает ими. Пока окаменевший монах стоит весь мокрый от брызг, монстр снова складывает крылья и уходит под воду. В этих местах огромная глубина начинается уже у самого берега. В состоянии шока святогорец бредет вдоль моря и встречается рыбаков. Рассказывает им о только что увиденном страшилище. Те выслушивают и невозмутимо отвечают: «А, этот... Он нам постоянно сети рвет»».

В первом и главном монастыре Афона, Великой Лавре, хранится в качестве святыни вполне материальное свидетельство существования реликтовых чудовищ. Это окаменевший язык «аспида» длиной в несколько сантиметров, вставленный в металлическую голову чудовища. Язык был подарен основателю Лавры святому Афанасию Афонскому (ок. 925 или 930 – ок. 1000) византийским императором Никифором II Фокой (ок. 912–969). Ежегодно в день Преображения Господня его извлекают из золотой пасти чудовища и с особой молитвой бросают в Великий Фиал с водой, которая при этом начинает бурлить. После этого Великий Фиал выставляют во двор лавры, так что любой желающий может набрать из него воды, называемой «аспида неро», которая помогает от укусов смертельно ядовитых змей и различных болезней.

В настоящий момент не представляется возможным установить, сохранился ли у афонских монахов практический опыт конструктивного взаимодействия с такого рода существами, каковым, несомненно, обладали некоторые их предшественники. Как мы помним, прецеденты особого взаимодействия

святых отшельников со змеями или драконами отчетливо прослеживаются не только в православной, но и в католической традиции. Из приведенных ранее примеров можно выделить историю основателя монастыря Мен-сюр-Луар игумена из Орлеана св. Лифара, которого изображают усердно молящимся рядом с драконом. К нему же обращаются с молитвами против змей.

Не только христианские подвижники, но и сами герои-змееборцы часто находились со змеями в весьма нестандартных взаимоотношениях. К примеру, святого Егория (или трех его сестер) приставляют «ко стаду змеиному и ко звериному», с тем, чтобы они его пасли и всячески окормляли. Добавим к этому, что, по словам Плутарха, «древние верили, будто змея была связана с героями теснее, чем любое другое животное» (Плутарх, Клеомен 39). К пониманию этих мотивов можно приблизиться, если взглянуть на фигуру змея сквозь призму тотемического восприятия, связывающего его с миром божественных предков. Также не следует забывать, что в мифологии древние змееборцы ведут свое происхождение непосредственно от змеев и сами наполовину являются змеями, как древнегреческий человек-змея Кихрей.

Ведущий сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН, кандидат исторических наук Т. М. Фадеева в исследовании «Крым в сакральном пространстве» (2000) объясняет тесную связь змееборческого мифа и монашеских аскетических практик общей идеей подчинения земной энергии, аккумулируемой чудовищем, и ее последующего преобразования в энергию более высокого порядка: «Древняя мудрость символически ассоциировала «дракона» или «змея» с потоком земной энергии; согласно такому пониманию, «убить» его или, скажем точнее, «пригвоздить» его голову к земле копьем, как это мы видим на многочисленных изображениях драконоборцев, означало фиксировать энергию, не дать ей «растечься», т. е. аккумулировать ее и подчинить своей воле (направить на повышение плодородия, исцеление и т. д.)».

Как мы могли убедиться, XVI век на Руси был богат знаковыми событиями, так или иначе связанными с культом подземно-подводного ящера. К наиболее значимым из них и, вероятно, взаимосвязанным относились: прекращение прак-

тики широкого хождения амулетов-змеевиков, постепенная утрата Рюриковичами лидирующего положения в системе государственной власти, нашествие ящеров-«коркоделов» 1582 г. Напомним, что Рюриковичи, как минимум, на символическом уровне, поддерживали родовую связь с хтоническим праистокками. Все это наводит на мысль о тесных связях славянского «низового» культа ящера и тотемического культа Змеедевы-праматери, воспринятого в среде правящей русской аристократии. С известной долей осторожности можно предположить, что стагнация царской династии Рюриковичей во второй половине XVI в. была связана с угасанием культа ящера на местах, за которым последовала закономерная реакция в форме нашествия «речных» ящеров. Последнее событие, вызванное, по всей видимости, систематической неуплатой или совершенным прекращением жертвенной дани, которая до сего момента, очевидно, исправно производилась, еще раз свидетельствует, что главным объектом славянского культа подземно-подводного ящера являлось реальное реликтовое существо, способное нанести ущерб населению, сохраняющему непосредственную зависимость от «водных путей».

ЕЛАБУЖСКИЙ ОРАКУЛ

Важную роль в изучении симбиотического взаимодействия человека и некоторых разновидностей реликтовых чудовищ играют сведения о существовании древних языческих капищ, связанных с культом ящера и выполнявших функции оракульских центров. Велецкая отмечает, что согласно древним эгейским представлениям предсказание будущего – важнейшая функция змея как «священного животного, познавшего тайны жизни и смерти». Одно из таких оракульских капищ опять-таки вплоть до середины XVI в. существовало на месте развалин Елабужского Чертова городища при слиянии реки Тоймы с Камой, о котором мы уже упоминали в связи с историей загадочной трости преподобного Авраамия Ростовского. Место это ведет свое название от змея-оракула («черта»), который будто бы жил в находившемся на этой горе языческом храме.

Одно из первых описаний Чертова городища принадлежит Н. П. Рычкову (1746–1784), исследовавшему по заданию правительства в 1769 г. камские окрестности на предмет промышленной перспективы. Оставив в 1767 г. военную службу в чине капитана, Рычков в том же году поступил в снаряженную Императорской Академией Наук экспедицию профессора Палласа «для физического описания южных Российских провинций». В составе экспедиции в 1769 и 1770 гг. он объездил Уфимскую, Пермскую, Вятскую, Оренбургскую и Казанскую губернии. По итогам этой поездки был написан двухтомный труд, изданный Императорской Академией наук и впоследствии переведенный на немецкий язык: «Журнал, или дневные записки путешествия Капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг.». В XIX в. академик Петербургской Академии наук и действительный статский советник П. П. Пекарский (1827–1872) следующим образом отзывался о работе Рычкова: «Его описания и донныне могут служить с пользою, в особенности по значительному количеству довольно точных для своего времени чертежей и известий о древних городищах и об устных преданиях, с ними связанных, а также о нравах, обычаях и занятиях разнородных обитателей проеханных им стран».

Вот что пишет Рычков о Чертовом городище: «По известиям, которые мне сообщил недалеко от Елабуги живущий заводчик Красильников, в сем месте бывал храм древних язычников, обитавших в сей стране. Он славен был вещуном или оракулом, который будто бы в нем находился, и ответы, от него подаваемые, были столько почитаемы, что со всех сторон народ стекался к нему для вопрошения. Повествуют еще, что внутри храма сего обитал ужасной величины змей, котораго безчеловечные жрецы обыкновенно умилоствляли приношением ему в жертву людей иноплеменных и сим его питали. Пред тем, как (быть?) разрушенну царству Болгарскому, сие чудовище неведомо куда пропало. Вотще царь того народа, хотя и со слезами, умилоствлял бога храма сего, дабы спасти отечество свое от народа, с севера идущаго, которых называл он Татарами, и которые уже, находясь в его землях, разоряли некоторыя части его государства. Он не получил никакого ответа о судьбе своего народа и принужден был возвратиться в свой город, в котором обще со всеми своими подданными был жертвою своих неприятелей. Все сие он сказывал мне по преданиям своих предков и по некоторым запискам, которыя имел покойный отец его, будучи человек любопытный: но все оное у него или погорело во время пожару, или утрачено от нерачения домашних».

В конце описания Рычков упоминает о сохранившихся обрядах жертвоприношения, связанных с этим местом: «Остатки сего древняго обыкновения сохранены еще и до ныне между Черемисами, Чувашиами и другими народами, пребывающими во глубине невежества и неверия. Они приносят обыкновенно в жертву посреди отращеннаго лесу».

В 1911 г. писатель и этнограф Г. Е. Верещагин (1851–1930) в историческом очерке «Елабужское Чортово городище» резюмировал предания, связанные с этим местом: «Оракулу-змею приносились в жертву иноплеменники, а плывшие по Каме судовщики, во избежание опасности, непременно должны были приносить ему дары, а те, которые не хотели приносить, подвергались опасности. Обращавшимся к нему он отвечал невидимо через своих мудрецов. Одним предсказывал долгую жизнь и здоровье, другим – болезни, бедствия, гибель и покорение земель их. Оракул был настолько известен, что даже

казанская царица Цумбека (или Сяхнибека) послала туда своего вельможу узнать от оракула о будущей судьбе Казанского царства. Вельможа, прибыв туда, молился там по-своему девять дней и в десятый услышал из капища голос, который говорил, что Казанское царство разрушится и водворится тут христианская вера. После такого предсказания змей будто бы в черном облаке поднялся из капища и в виду всех полетел на запад, где и скрылся навсегда. Почти то же сообщает и казанский историк Рычков».

Здесь Верещагин, очевидно, ошибается, поскольку в предании, записанном Рычковым, говорится о «царстве Болгарском», под которым подразумевается Волжская Булгария (X–XIII вв.), разоренная монгольской армией в 1236 г.: «Той же осени придоша с восточних стран в Болгарьскую землю безбожнии Татари и взяша славнии Великий город Болгарьский и избиша оружием и старца и до юнаго и до сущаго младенца и взяша товара множество а город их пожгоша огнем и всю землю их плениша» (Полное собрание русских летописей, том I, С. 460). В XV веке булагрское государство было восстановлено в форме Казанского ханства со столицей в Казани.

Верещагин пишет: «Об оракуле-змее на камских берегах упоминается и в третьей песне известной эпической поэмы «Россиада», где говорится, что некто Сеит, начальник и учитель магометанского закона Казанцев, представ перед вельможами, между прочим, говорит:

Ходил недавно я спокоеить дух смущенный
На камские брега, во град опустошенный
Определение проникнути небес.
Там агнца черного на жертву я принес
И спросил духов, во граде сем живущих,
В сомнительных делах ответы подающих.
Зарос в пещеру путь к ним тернием, травой.
Ответа долго ждал и вдруг услышал вой,
Отчаянье и стон во граде, нами чтимом...
И вдруг покрылась вся поверхность черным дымом.
Увидел я из ней летящую змею,
В громах вещающую погибель мне свою:
«Напрасно чтут меня и славят человеки
И вы погибнете, и я погиб навеки».
Змей пламенной стрелой ко западу упал.
Внимающий ему, окаменен я стал.

Упоминаемый в названной поэме Сеит, несомненно, тот вельможа царицы Цумбеки, который был командирован к оракулу узнать, возьмет ли Иоанн Грозный Казань? Хотя стихотворцы и беллетристы и допускают в своих произведениях вымышленные имена и факты, но творец «Россиады» уверяет, что творение свое он основал «на исторической истине», что он пользовался печатными и письменными известиями и анекдотами. Можно думать, что и историк Рычков свое сказание основал на подобных же аргументах.

Творец «Россиады» говорит, что духи жили в пещере. Не думаю, что пещера эта существовала только в фантазии творца поэмы. Она могла быть в действительности; о ней, несомненно, читал поэт в печатных и письменных статьях, о ней, вероятно, слышал и устные предания. Хотя от елабужцев о «пещере духов» предания мне и не приводилось слышать, но это не служит доказательством вымысла творца поэмы. О возможном существовании в берегах остатков пещеры говорит и сложение в симметрическом порядке огромных камней, так что едва ли можно приписать происхождение его естественным причинам. Не лишним считаю заметить и о том, что по камням тем текла струями когда-то, в глубокую старину, расплавленная масса. Масса эта в настоящее время твердостью ничем не отличается от гальки или булыжника, что наталкивает на мысль, что в древности гора, на которой стоит ныне башня Чортова городища, подвергалась вулканическим извержениям. Таким образом, нельзя не прийти к той мысли, что елабужские камские берега заслуживают внимания опытного геолога.

Вслед за Верещагиным обратим внимание на то, что согласно поэме оракульские «духи» и олицетворяющий их змей обитают в пещере, находящейся в пределах уже «опустошенного града», тогда как у Рычкова «ужасной величины змей» обитал внутри храма. Отсюда становится ясно, что Рычков и Верещагин опираются на предания, связанные с двумя различными историческими эпизодами. Рычков описывает первое известное разрушение «храма змея-оракула», относящееся к XIII в., а Верещагин ссылается на предание о втором и уже окончательном запустении этого оракульского центра, связанном с взятием Казани Иваном Грозным в 1552 г. и последующим присоединением Казанского ханства к Русскому царству.

Данное разночтение содержит важное указание на восстановление функций Елабужского оракульского центра после его разрушения монголами, в промежутке между XIII и XVI вв., что свидетельствует о его сугубой важности и функциональности.

Верещагин отмечает, что Елабужский змей славился не только своими оракульскими качествами, но «исцелял также и от тяжких болезней». Наряду с тем, «если плывущие по реке, не исключая и христиан, ничего не хотели принести ему в дар, то он тотчас же убивал их, топил суда, наносил им различный вред. Наконец, он до того стал простираť свое мщение, что уже никто не смел приближаться к городищу, не заплатив бесу надлежащей дани». Последнее обстоятельство позволяет установить отчетливую связь между Елабужским змеем и славянским «хозяином водных путей» ящером.

Разбирая вопрос о происхождении Чертова городища, Верещагин приводит версию, согласно которой оно являлось «цитаделью, или крепостью чуждых народов, которых местные легенды причисляют к чуди». Далее он указывает, что с легендами о Чертовом городище связывается сказание о находящемся близ Елабуги Ананьинском могильнике (IX–III вв. до н. э.), который, по мнению известного археографа и археолога, член-корреспондента Петербургской Академии наук, профессора К. И. Невоструева (1816–1872), принадлежал скифским народам.

Вопрос о генезисе ананьинской культуры на сегодняшний день остается дискуссионным. Считается, что само Чертово городище первоначально представляло собой родовое убежище одного из местных племен, обитавших в этом районе во второй половине I тыс. н. э. Предполагается, что остатки квадратной каменной цитадели с четырьмя башнями, расположенные в восточной части городища, возведены князем Волжской Булгарии в X в.

Как мы помним, змей-оракул, обитавший первоначально в храме, а затем и в пещере на Чертовом городище, во всех вариантах предания наделялся способностью к полету. Обратим внимание на еще один сюжет, достаточно типичный для пермского культового литья. Он связан с изображением странных «птиц», снабженных подчеркнуто крупными передними зубами или клыками, а также характерным затылочным рогом

(рогами), свойственным более для иконографии ящера (фото 63). Такие существа принято именовать «крылатыми собаками», хотя они практически в точности передают особенности внешнего облика птерозавров из рода орнитохейров и тропеогнатусов из семейства Ornithocheiridae. Птерозавры семейства Ornithocheiridae известны не только характерными костяными гребнями, расположенными на окончании клюва, но и особенно крупными передними зубами, напоминающими изогнутые клыки.

Фото 63. Полая понизка в виде «крылатого пса» с клыками и характерным затылочным рогом (рогами). Бронза, литье. VI–VII вв. Верхнее Прикамье (по изданию: Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь. 1988).

В «Повести временных лет» содержится рассказ о событии, датированном 1071 г., в котором приводится описание внешнего облика «чудских богов», демонстрирующее заметное

сходство с основными характеристиками некоторых разновидностей птерозавров: «В то же время, в те же годы, случилось некоему новгородцу прийти в землю Чудскую. И пришел к кудеснику, прося волхвования его. Тот же по обычаю своему начал призывать бесов в дом свой. Новгородец же сидел на пороге того дома, а кудесник лежал в оцепенении, и ударил им бес. И, встав, сказал кудесник новгородцу: “Боги не смеют прийти, – имеешь на себе нечто, чего они боятся”. Тот же вспомнил, что на нем крест, и, отойдя, повесил его вне дома того. Кудесник же начал вновь призывать бесов. Бесы же, тряся его, поведали то, ради чего пришел новгородец. Затем новгородец стал спрашивать кудесника: “Чего ради бесы боятся того, чей крест на себе мы носим?” Он же сказал: “Это знамение небесного Бога, которого наши боги боятся”. Новгородец же сказал: “А каковы боги ваши, где живут?” Кудесник же сказал: “Боги наши живут в безднах. Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются же и под небо послушать ваших богов. Ваши ведь боги на небесах. Если кто умрет из ваших людей, то его возносят на небо, если же кто из наших умирает, его несут к нашим богам в бездну”».

Характерно, что в соответствии с указом императрицы Екатерины II от 1781 г. именно «черный коронованный дракон» был определен в качестве главной гербовой фигуры Казанского наместничества. Еще в марте 1730 г. Казанский герб с черным драконом получил высочайшее утверждение и был внесен в гербовник. Вот как описал его итальянский геральдист Франц Санти, приглашенный в 1724 г. в Россию Петром I: «Поле серебряное с драконом или змием черным, у которого крылья красные, а коронован золотой или желтой короною; тот же дракон сидит на зеленом дерне». Фигура черного дракона в качестве эмблемы Казанского царства присутствует и в «Царском титулярнике» 1672 г. Впервые в русской геральдике изображение дракона как символа царства Казанского появляется сразу после завоевания Казани в 1552 г. на большой государственной печати Ивана Грозного.

Некоторые историки утверждают, что герб Казанского царства в виде черного дракона представляет собой выдумку русских геральдистов, олицетворяющую враждебное государство по аналогии с драконом, пронзаемым св. Георгием Победонос-

цем. Тем не менее, описание черного дракона в качестве эмблемы Казанского ханства (1438–1552) присутствует в сочинении голландского географа Карла Алларда (1648–1709) «Новое галанское карабельное строение», опубликованной в Амстердаме в 1705 г. и изданной в русском переводе в 1709 г.: «Флаг Цесаря от Тартарии, желтый, с черным лежащим и к наружью смотрящим драхом (великим змием) с василисковым хвостом».

Доктор искусствоведения Ф. Х. Валеев (1921–1984) и профессор Казанского университета культуры и искусства Г. Ф. Сулейманова-Валеева в книге «Древнее искусство Татари» убедительно доказывают, что дракон на гербе Казанского ханства – явление глубоко традиционное, идущее еще с болгарских и даже добулгарских времен.

Это предположение подкрепляется находками на исторической территории татарских ханств предметов с изображением драконов, а также сведениями из «Именника болгарских ханов» о «тамге» (печати, гербе) хана Аспаруха, сына Кубрата (ок. 640–700), в виде дракона с удвоенным хвостом. Тот же самый дракон представлен на фасаде Струпецкого монастыря (Врачанский округ, Болгария). Отсюда следует, что уже в VII веке дракон символизировал власть и могущество рода болгарских ханов в лице исторически известного хана Кубрата и его сыновей.

В 1992 г. у села Шиловка Сенгилеевского района Ульяновской области археологами Самарского государственного университета были обнаружены костяные пластины с изображениями противостоящих крылатых драконов, интерпретируемых учеными как символы верховной власти у тюрков. По золотому солиду Ираклия, найденному вместе с ними, пластины датируются временем не позднее середины VII в.

Указанные находки подтверждают мнение Валеева и Сулеймановой-Валеевой о преемственности этнического и государственного строя Казанского ханства от Волжско-Камской Булгарии и Великой Булгарии, Приазовья и Причерноморья, где уже в VI–VII вв. царствующий дом имел свою печать в виде дракона, сходную с «тамгой» казанских ханов.

Доктор исторических наук, профессор А. М. Досымбаева в статье «Дракон – символ земли тюркской» делает важное

указание на представление, согласно которому представители тюркского института баксы, в функциональные обязанности которых входило врачевание, предсказания и обслуживание ритуальных церемоний, происходили из рода дракона (ашидэ). К их числу относился наставник Тоньюкук, служивший советником у трех тюркских каганов: Ель-терису (682–691), Капагану (691–716) и Бильге (716–734). Правящий род тюрков ашидэ/аштаков, кыпчаков/половцев также именовался шару-каньевым (драконьим).

Существует предположение, что ящер, представленный на сложных религиозных композициях пермской металлопластики, в свою очередь, играл роль «чудского» родового тотема. Аналогичное представление обнаруживается и у скифов и, с большой степенью вероятности, у преемствующих им славян. Отсюда с известной осторожностью можно допустить существование более тесных взаимосвязей между тюркским культом дракона и культом подземно-подводного ящера у славян и «чуди».

Косвенным свидетельством в пользу такого предположения может служить сохранение после Крещения Руси памяти об уничтоженных «чудских» мольбищах и капищах в названиях улиц и селений на местах последующего обитания славян. Не следует забывать и о заметном влиянии «арбуев» (колдунов, владевших «чудским» колдовством, традиционно почитаемых особенно «сильными»), простиравшемся заметно далее Новгородской земли.

Известный москвовед В. Б. Муравьев считает, что дославянские «чудские» святилища существовали некогда и на территории нынешней Москвы. Об этом свидетельствуют три московских топонима с корнем «арбат» – Арбат, Арбатецкая улица возле Крутиц, Малый Арбатец у Воронцова поля (ныне Дурасовский переулок), ведущие происхождение от слов «арбуй» и «арбовати» (колдовать). Наименования эти встречаются в документах XVI в. применительно к «чудским» волхвам.

Громкая слава о «чудском» колдовстве нашла свое отражение в «Стоглаве» – сборнике государственных законов XVI в., где упоминаются арбуи. Там же упомянуты «лихие бабы-кудесницы, знавшие колдовство чудских арбуев», которые поступали в просвирни и «над просфорами, и над кутьями, и

над свечами, также и над богоявленной водой, волхвовали и приговаривали, яко же арбуи в Чюди». Вариант: «И она (проскурня) спросит имени о здравии да над проскурою (проскура, проскурня – разговорный вариант слов просфора и просвирня) сама приговаривает якоже арбуи в чюди» (1551). «И в Петров деи пост многие ядят скором и жертву деи и питья жрут и пият мерзким бесом, и призывают деи на те свои скверные молбища злодеевых отступних арбуев чюдцкых» (1534). Не исключено, что в этой среде продолжал воспроизводиться и передаваться архаический культ подземно-подводного ящера.

В XVII в. рептилии, как две капли воды похожие на «чудских» ящеров (характерные загнутые вверх нос и нижняя челюсть), появляются на ярославской иконе «Чудо о змие Феодора Тирона». Если вспомнить череду событий, связанных с культом ящера в XVI в., становится ясно, почему данный сюжет представлялся актуальным для иконописца XVII в. К этому времени из объекта поклонения ящер и олицетворяемый им культ постепенно превращаются в «супротивника», который может и должен быть повержен. «Старая» аристократическая элита Рюриковичей, связывающая свое происхождение со скифскими хтоническими корнями, отходит на задний план, а вместе с тем рушатся и хрупкие «мостики» между различными изводами архаической религиозности. Обострение идеологического противостояния закрепляется сюжетным основанием иконы, в котором «чудские» ящеры несут вполне узнаваемую для того времени смысловую нагрузку.

К числу дополнительных фактов, свидетельствующих о широкой распространенности культа подземно-подводного ящера, относятся многочисленные топонимы озер и рек Северо-запада: река Ящера, озеро Ящино, населенные пункты Ящера, Малая Ящера и другие. В Московской области можно назвать расположенное неподалеку от Клина село Спас-Крокодино, отмеченное на картах 1860 и 1876 гг. как Спас-Крокодильное.

Особенный интерес вызывают весьма протяженные и столь же непроходимые болота на границе Псковской и Новгородской областей, площадь которых составляет более 200 тыс. га. Что творится сейчас в сердце «болотной страны», доподлинно

не известно – до сих пор этот район Европейской России остается малоисследованным. В глубине болот, на берегу Рдейского болотного озера возвышаются стены ныне заброшенного Рдейского Успенского монастыря. Точная дата его постройки также неизвестна; считается, что она относится ко второй половине XVII в. Из церковных источников можно узнать, что на «мысе Рдейский» было построено два храма, один в 1666 г. во имя Соловецких чудотворцев, преподобных Зосимы и Савватия, а другой – в 1699 г. во имя Преображения Господня. Оба храма на сегодняшний день не существуют – один истлел, второй был разобран. По преданию место, на котором стоит Успенский монастырь, будто бы благословил лично святым крестом апостол Андрей Первозванный, когда проходил из Киева в Новгород и далее по реке Волхову через Ладожское озеро, на Валаам. Еще одна любопытная деталь заключается в самом расположении Успенского собора, напоминающем о культовых болотных городищах Полесья и Поднепровья: он построен на значительном сухом участке суши посреди болота (возможно, насыпном острове), поросшем могучим лиственным лесом, хотя в округе преобладают хвойные породы.

Неизвестно, имелась ли какая-то связь между Рдейским храмовым комплексом и тем примечательным местом, на котором он был построен, с культом подземно-подводного ящера. Тем не менее, следы такой связи отчетливо прослеживаются на других примерах из истории христианского храмового зодчества, к которым относится феномен скандинавских средневековых каркасных церквей-ставкирок.

«ЧУДОВИЩНЫЕ» ХРАМЫ И ХРАМОВЫЕ ЧУДОВИЩА

Ставкирки, называемые также мачтовыми церквями, разительно отличаются по своей архитектуре от традиционных католических храмов, напоминая более многоярусные китайские пагоды или русские терема. Особенный интерес вызывают изображения голов драконоподобных ящеров, помещаемые, как правило, на коньках крыш. В сочетании с деревянной черепицей в форме чешуи, покрывающей кровлю и частично стены, они придают внешнему облику этих христианских культовых сооружений сходство с объемными изображениями драконов.

На одной из самых древних сохранившихся каркасных церквей в Боргунне (норвежская провинция Согн-ог-Фьюране, ориентировочно 1150–80), построенной в честь апостола Андрея Первозванного, головы ящеров воздеты к небу под углом примерно в 45 градусов, а на их шеях присутствует стилизованное изображение идеограммы воды, предположительно соответствующей спинным пластинам, характерным для некоторых разновидностей реликтовых ящеров. Аналогичные изображения ящеров украшают крыши ставкирок из Хопперстада (провинция Согн-ог-Фьюране, ок. 1130), Фантофта (округ Хордаланн, ок. 1150) и Гуля (провинция Бускеруд, XII–XIII вв.). Последняя, по мнению исследователей, «копирует типичный облик деревянной церкви XIII в.». Похожие, но более упрощенные головы ящеров присутствуют на ставкирках в Гарму (около 1120) и Ломе (около 1170–1200), расположенных в провинции Оппланн.

Хотя в настоящий момент ставкирки сохранились лишь в Норвегии, археологи утверждают, что церкви такого типа были распространены на территории всей Северной Европы. Особенности каркасной конструкции, состоящей из системы несущих столбов и перекладин, от которых и происходит название ставкирка (совр. норв. stav – стойка, перекладина и kirke – церковь), позволяли возвести церковь за несколько дней. Все сочленения были выполнены без использования гвоздей – так обеспечивалась необходимая гибкость конструкции. Каркасная система позволяла сравнительно легко заменять любую сгнившую

деталь или разобрать церковь на сегменты и перевезти на другое место.

По сию пору не установлено, кто проектировал и строил эти церкви, когда и где именно были возведены их первые прототипы. Тем не менее, считается, что в Дании эта необычная религиозно-архитектурная традиция появляется гораздо раньше, чем в Норвегии, где между XI и XVI вв. было построено около 2000 таких церквей, большинство из которых относится к XII–XIV вв. Изрядные пробелы в их систематическом изучении усугубляются тем, что к XVII в. большинство норвежских ставкирок было разрушено, и до нашего времени дошло только 28 церквей этого типа.

Как показали исследования, большинство ставкирок существовали преимущественно в малонаселенных районах Норвегии: горных долинах, сельской местности, островных рыбацких поселках и небольших фьордах. Такие церкви имелись и в городах, но только расположенных вдоль побережья. Зафиксированы случаи, когда в приходе одновременно существовали каменная церковь и ставкирка, что свидетельствует об особом значении, которым наделялась последняя.

Следы этой уникальной архитектурной традиции прослеживаются и на территории Древней Руси. Наиболее широкое распространение в русской храмовой архитектуре получило характерное «чешуйчатое» («лапчатое») покрытие куполов и кровли. Похожую строительную планировку обнаруживают несколько памятников шатрового стиля, к которым относится поставленная в 1485 г. церковь Положения Риз Пресвятой Богородицы из села Бородава Вологодской области, считающаяся старейшей деревянной церковью в России. Первоначально она располагалась на высоком мысу («стрелке») у впадения в Шексну речки Бородавы, в 23 км от Ферапонтова монастыря, расположенного рядом с Бородаевским озером, из которого и вытекает речка Бородава. В настоящее время церковь перенесена на территорию Кирилло-Белозерского монастыря, бывшего в XV–XVII вв. одним из крупнейших монастырей России и центром религиозной жизни Русского Севера. Заметное сходство с церковью из Бородавы демонстрирует церковь Воскрешения Лазаря Муромского, построенная на северо-восточном берегу Онежского озера в

конце XIV в. и в 1959 г. перенесенная в историко-архитектурный музей-заповедник Киж. В том же ряду находится церковь святого Николая Чудотворца в селе Колодном, построенная в 1470 г. и относящаяся к числу древнейших памятников деревянной архитектуры Закарпатья.

На Украине этот архитектурный стиль в некоторой степени законсервировался, а вот на севере Руси необычайно эволюционировал в XVI–XVII вв., о чем можно судить по церкви Рождества Богородицы из села Передки Новгородской области (1531), находящейся в настоящий момент в музее деревянного зодчества Витославицы. К сожалению, специалисты по деревянной архитектуре игнорируют подобные славяно-скандинавские параллели и стоящие за ними связи, имевшие, по всей видимости, более глубокий характер, нежели простые архитектурно-стилистические заимствования.

Ответ на вопрос о происхождении и первоначальном назначении такого рода сооружений дают древнейшие посвященные ритуалы, отражающие представление о необходимости быть поглощенным чудовищем для получения его сверхъестественных качеств.

В карело-финском эпосе «Калевала» (XVII руна) Вяйнемейнен, чтобы узнать три волшебных слова, дает себя проглотить огромному чудовищу. Там он разводит огонь и начинает ковать. Чудовище его выхаркивает и не только дает ему знание трех слов, но рассказывает ему историю Вселенной и наделяет его всеведением.

Огонь внутри чудовища – чрезвычайно распространенный мифологический мотив. Он непонятен, если не знать, что в обряде и мифе из поглотителя добываются все первые вещи, в т. ч. первые плоды земли, гончарное искусство и огонь. На Адмиралтейских островах (Австралия) записан миф, содержащий следующий эпизод: «Змей сказал: скользни в мое чрево. Дракон раскрылся. Мужчина скользнул внутрь. Он пошел смотреть огонь, он пошел смотреть таро, он пошел смотреть сахарный тростник. Он пошел смотреть все вещи». Все это герой забирает и приносит людям.

В работе «Исторические корни волшебной сказки» (1946) Пропп пишет, что первоначально поглощение представляло собой обряд, производившийся во время посвящения. О

существовании и деталях таких обрядов известно из рассказов нарушивших его тайну участников и очевидцев; из мифов; из данных по изобразительному искусству; из того, что рассказывают женщинам и непосвященным. Одна из форм такого обряда состоит в том, что посвящаемый пролезал через сооружение, имевшее форму чудовищного животного. Там, где уже сооружались постройки, это чудовищное животное представлено особого рода хижиной или домом. В Австралии змею изображало извилистое углубление в земле, высохшее русло реки; порой делали навес, а впереди ставили расколотый кусок дерева, изображающий пасть.

Ключ к пониманию обряда поглощения содержат сопровождающие его мифы, рассмотрение которых позволяет заключить, что пребывание в желудке чудовища давало вернувшемуся магические способности. Посвящаемый как бы переваривался и извергался, становясь новым человеком. Именно отсюда берет свое начало известный фольклорный сюжет узнавания «языка птиц» через поедание змеи или определенной ее части, равно как и позднейший сказочный мотив о «волшебных сокровищах», охраняемых змеем, и связанный с ним сюжет «змееборства».

По мере угасания непосредственной связи с обрядом мифологический сюжет видоизменяется, и поглощение уже не испытывается как регулярное благо, воспринимается как нечто экстраординарное, происходящее как бы случайно, а сверхъестественные качества змея отделяются от его фигуры и «материализуются» в форме охраняемого им «волшебного сокровища». Содержание самого обряда также претерпевает изменения и становится все более символическим: ритуальное поглощение чудовищем сменяется «поглощением» водой – купаньем в пруду, где водятся змеи, а впоследствии и христианским ритуалом крещения. Параллельно с этим представление о поглощении, необходимом для получения особых качеств, замещается представлением об их получении через буквальное поедание отдельных частей чудовища, а в дальнейшем и самого божества.

Поглощение чудовищной рептилией до сих пор является частью посвятительных ритуалов в первобытных религиях Юго-Восточной Африки и Океании. Отголоски этого архаиче-

ского посвятельного мотива отчетливо прослеживаются в истории ветхозаветного пророка Ионы, на протяжении трех дней и трех ночей пребывавшего в чреве «большой рыбы». В христианской традиции подобные инициатические практики постепенно сосредоточились в монашеской среде, сделавшись частью внутренней аскетической традиции, в которой преодоление препятствий в процессе движения сквозь утробу чудовища приняло характер «бесовских нападений» на монаха.

В качестве наглядного символа многофазовой инициации в православной традиции Багдасаров называет один из центральных сюжетов иконографии «Страшного суда», представленный так называемым «Змеем мытарств». На этом сюжете, появляющемся между XIII и XV вв., изображается восхождение души в виде огромного змея, растянутого от адской геенны до небес. Внутри чудовища движется человек в образе посвящаемого, т. е. незащитного отрока или младенца. Змей членится на сегменты, каждому из которых соответствовал определенный «демон». В среднем число сегментов достигало 21. Змей понимался как некий путь, который должна проделать душа, начиная от хвоста Змея и кончая его головой, т. е. от Иуды до чистого младенческого состояния души через крестную жертву и последующее Воскресение Спасителя. Багдасаров пишет: «Художники любят св. Антония, облепленного нечистью, но вот победу подвижника над демонами не рисуют никогда. А зря. Выдержав концентрированную дозу инферно, посвящаемый получал бесовские полчища в собственное распоряжение».

Это важное замечание подкрепляется, с одной стороны, историей святого мученика Конона Исаврийского, подчинившего «ополчившихся» на него «бесов», а с другой – содержанием традиционного славянского обряда посвящения в колдуны. Криничная указывает, что в различных вариантах этого посвятельного сюжета неопит, пролезший сквозь чрево чудовищного зооморфного существа, обретает «чудесных помощников», через которых к нему поступает «знание» из потустороннего мира, «где хранятся первоначала и тайны бытия». Таким образом, обретение «тайного знания» сводится к обладанию магической властью над мифическими существами, со временем

переосмысленными в негативном ключе и выступающими в качестве «дьяволов», «чертей» и прочих «нечистых духов».

В каббалистической демонологии аналогичную роль выполняет первая жена Адама Лилит, самое раннее упоминание о которой обнаруживается в шумерском царском списке 2400 г. до н. э., где она фигурирует в качестве демонессы Лилиту. В сочинениях испанского каббалиста середины XIII в. рабби Исаака Акозна встречается упоминание о том, что Лилит «есть лестница, по которой можно подняться до пророческих высот». Это означает, что Лилит (отождествляемая каббалистами с библейским «Левиафаном, змеем изгибающимся») помогает тем, кто обрел власть над ней, получить пророческую силу. Эта, казалось бы, малосущественная оговорка средневекового каббалиста может на деле содержать завуалированное указание на существование в каббалистической среде уже упомянутых нами выше практик, направленных на получение власти над мифическими существами.

При этом следует помнить, что сведения, связанные с подобного рода практиками, представляют собой внутренне знание, тщательно оберегаемое от непосвященных. Австралийский антрополог Адольф Питер Элькин (1891–1979) писал: «Судя по обрывкам свежей информации, которые мне удается получать время от времени, я сомневаюсь, что хотя бы один из нас когда-либо был полностью посвящен во все тайны ритуалов и сакрального знания. Но если это трудно в случае с религиозными мужскими культурами, то это еще более трудно, когда дело касается ритуалов, в результате которых получает свою магическую силу знахарь».

В архаических обрядах инициации, рассмотренных Проппом, и в обряде посвящения славянских «знающих», о котором пишет Криничная, предполагается временная смерть неопита, поглощенного чудовищным (изначально тотемным) животным, и его воскресение уже новым человеком. В этом эпизоде реализуется мифологема: проглотить значит родить, желудок чудовища представляется в качестве материнского лона. Указанные обстоятельства проливают дополнительный свет на мотив происхождения героя-змееборца от своего чудовищного антагониста, заставляя искать корни этого мотива в сфере посвященных обрядов.

Связь храма как запечатленной модели мироздания с чудовищем, олицетворяющим «сокровенные первоначала и тайны бытия», наглядно иллюстрирует древнейшая традиция использования реликтовых существ в качестве храмовых животных. Мы уже касались этой темы в связи с Елабужским оракульским центром и практикой содержания священных змей и «giwoites» в языческих святилищах на территории современной Польши. Наиболее ранние следы этой традиции зафиксированы в 14 главе Книги пророка Даниила, где упоминается о живых драконах, содержавшихся при вавилонских храмах: «Был на том месте большой дракон, и Вавилоняне чтити его. И сказал царь Даниилу: не скажешь ли и об этом, что он медь? вот, он живой, и ест и пьет; ты не можешь сказать, что этот бог неживой» (Дан. 14:23–24).

О природе вавилонского дракона можно судить по изображению существа, помещенного рядом с реальными животными (львами, быками и турами) на знаменитых Воротах богини Иштар в Вавилоне, возведенных в 575 г. до н. э. по приказу царя Нововавилонского царства Навуходносора II (605–562 до н. э.). В клинописных текстах это животное фигурирует как *mušḫuššu* («мушруш», «мушрушу»), или «сирруш». Это имя происходит от аккадского слова, которое, как мы уже указывали в главе «Драконьи пастухи», переводится как «ужасный змей, дракон».

Изображение «мушруша» выглядит весьма реалистично: узкое длинное туловище, покрытое чешуей, длинная шея, оканчивающаяся змеиной головой, украшенной прямым рогом, тонкий чешуйчатый хвост; из закрытой пасти высовывается длинный, раздвоенный на конце язык, на затылке видны кожистые уши. Возможно, на самом деле у «мушруша» было два рога, поскольку на соседствующем с ним изображении тура-рими также представлен всего лишь один рог. Наиболее примечательная деталь – лапы «мушруша». Передние похожи на лапы животного из семейства кошачьих, а задние – на птичьи. Они очень большие, четырехпалые, покрыты крепкой чешуей. Вопреки сочетанию столь разных деталей, «мушруш» выглядит как живой, и даже более естественно, чем изображенный рядом с ним тур-рими.

Немецкий археолог Роберт Колдевей (1855–1925), обнаруживший ворота Иштар, был уверен, что «мушруш» представлял собой реальное существо, которое может быть классифицировано как птицетазовый динозавр. В качестве его ближайшего родственника Колдевей называл игуанодона (лат. *Iguanodon*, от игуана и др.-греч. ὄδους «зуб») из рода растительноядных птицетазовых динозавров, обнаруженного в отложениях мелового периода (согласно официальной геологической шкале – 140–120 млн лет назад) в Бельгии.

«Примечательно, – пишет Колдевей, – что, несмотря на чешую, животное имеет шерсть. Рядом с ушами с головы ниспадают три спиралевидные пряди, а на шее, там, где должен быть гребень ящерицы, тянется длинный ряд выющихся локонов».

Вспомним, что «щетинистые волосы» на шее, наряду с рогом, встречаются и в описании «страшного дракона», мирно соседствующего со святыми отцами из православного жития преподобного Давида Гареджийского. Те же характерные детали в виде длинной гривы на спине или шее чудовища обнаруживаются и в иконографии «чудского» ящера. Еще раз внимательно перечитаем описание бронзовой ажурной бляхи, найденной в 1898 г. близ деревни Ныргында, сделанное в 1900 г. сотрудником Императорской археологической комиссии профессором Спицыным: «Огромный, весьма типичный ящер, длинный, изогнутый, с коротким пушистым хвостом и короткими лапами; на сильно вывернутой нижней челюсти и на шее волоса, верхняя челюсть иззубрена» (фото 52). Та же самая шерсть, наряду с длинной шеей и чешуйчатым телом упоминается в описаниях китайских лошадей-драконов, которые приводят Терехов и де Фиссер, а также фигурирует на изображениях «гривастых» ящеров из американских коллекций Джульсруда и Барроуза (фото 30).

Эти сведения подтверждаются последними палеонтологическими данными, согласно которым терапсиды («звероподобные рептилии») пермского периода имели волосяной (шерстный) покров и чувствительные усы (вибриссы), что противоречит «традиционным» представлениям о пресмыкающихся. Решающие доказательства, подтверждающие эту гипотезу,

были обнаружены российскими и польскими палеонтологами, раскапывавшими местонахождение «вязниковской фауны» – ископаемых останков животных верхнепермского возраста во Владимирской области. В их руках оказались волоски, покрывавшие тела звероящеров около 250 млн лет назад. Руководитель российской группы ученых, старший научный сотрудник Палеонтологического института имени А. А. Борисяка РАН А. Г. Сенников говорит: «На шлифах хорошо видны волосоподобные структуры, размеры и морфология которых вполне соответствуют настоящим волосам. Это единая полая структура, овальная в сечении, расширяющаяся внизу подобно корню волоса и чуть сужающаяся к концу. Т. е. все детали полностью совпадают со строением волос современных млекопитающих». Специалисты полагают, что это открытие по своему масштабу сопоставимо с первыми находками следов окаменевшего перьевого покрова у динозавров.

Палеонтологи считают, что в числе счастливых обладателей усов и шерсти мог быть крупный представитель «очерской фауны» – ящер титанофонеус, скелет которого представлен в Пермском краеведческом музее. Предположительно, шерстью была покрыта двиния (*Dvinia prima*) – небольшой зверозубый ископаемый ящер, обнаруженный профессором Амалицким в 1899 г. на реке Малая Северная Двина. Следует отметить, что не только титанофонеус, но и большинство пермских ящеров, принадлежащих к «очерской фауне», имеют признаки млекопитающих.

Согласно официальной версии, звероящеры-терапсиды правили землей в пермском периоде и являлись непосредственными предшественниками динозавров в сухопутных экосистемах. Считается, что случившееся в конце пермского геологического периода очередное Великое вымирание радикальным образом проредило ряды звероящеров и расчистило жизненное пространство для динозавров.

Многочисленные и весьма реалистичные изображения «чудских» ящеров, «ужасный дракон» на Воротах Иштар, длинногривые монстры из Акамбаро и древнекитайские представления о лошадях-драконах заставляют усомниться если не в общей последовательности чередования биологических видов,

то, как минимум, в достоверности геохронологической шкалы, предлагаемой современной палеонтологической наукой.

Настаивая на действительном существовании «мушруша», Колдевей подчеркивал, что в отличие от прочих мифологических созданий вавилонян его изображение не претерпело существенных изменений на протяжении нескольких тысяч лет. Известно, что образ «мушруша» появляется вместе с первыми образцами халдейского искусства около 2800 г. до н. э. и существует вплоть до эпохи Навуходоносора.

ТАЙНЫЙ ЗМЕЙ БЫТИЯ

У мифов есть слои, как у зерна оболочки, и одной из причин их существования является тщательное сокрытие от профанов этого драгоценного зерна – истинного знания.

Griaule M., Dieterlen G. Le renard pâle (1965)

Любопытный комментарий к вавилонскому культу дракона содержится в Книге Премудрости Соломона: «Притом они почитают животных самых отвратительных, которые по бессмыслию сравнительно хуже всех. Они даже некрасивы по виду, как *другие* животные, чтобы могли привлекать к себе, но лишены и одобрения Божия и благословения Его» (Прем. 15:18–19).

Что же это за загадочные животные, которые «лишены и одобрения Божия и благословения Его»? Ветхозаветной традиции известно единственное проклятое Богом существо – эдемский змей, искусивший первочеловека. Скупые строки Книги Бытия выразительно подчеркивают его особый статус, который вполне согласуется с уже известными нам архаическими представлениями: «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» (Быт. 3:1). Комментаторы Талмуда описывают эдемского змея как существо, которое «обладало даром речи и по своим умственным способностям превосходило всех других животных» (Брейшит 3:1). Убеждая Еву отведать плод с запретного древа, змей говорит: «Нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3:4–5). При этом он отнюдь не обманывает прародителей: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло» (Быт. 3:22).

Согласно Быт. 3:5–7 до вкушения запретного плода с древа познания у Адама и Евы были «закрыты глаза»: они «не знали добро и зло» и даже не осознавали собственной наготы. Скрупулезно следуя букве библейского повествования, следует констатировать, что грех Адама и Евы состоял в том, что они

нарушили прямой запрет Бога не прикасаться и не есть «плодов дерева, которое среди рая» (Быт. 3:3; 3:11). Т.к. по понятным причинам прародители в принципе не могли осознавать последствий своего непредумышленного слушания, целенаправленно спровоцированного внешней и враждебной по отношению к ним силой, их проступок никоим образом не может относиться к области свободного выбора между добром и злом, о существовании которых они вообще узнали *postfactum*. Сама принципиальная возможность такого «свободного выбора» явилась исключительным следствием проступка прародителей, после которого они получили способность различения добра и зла, без которой указанный «выбор» был бы попросту невозможен! Кроме того, библейское повествование откровенно и недвусмысленно говорит о том, что Адам был «выслан» из Эдемского сада в первую очередь не в качестве «наказания», но из-за опасения Бога, что в своем новом (богоподобном) состоянии он может обрести физическое бессмертие: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» (Быт. 3:22).

На этом примере прекрасно видно, что в некоторых случаях в Писании гораздо более откровенно говорится о том, что впоследствии изрядно затуманивают некоторые его толкования.

Как мы видим, змей действительно обладает неординарными познаниями и свободно оперирует ими по своему усмотрению. Таким образом, мы имеем дело с описанием высшего разумного существа, способного вмешаться в планы Бога.

Касаюсь внешнего облика эдемского змея, следует обратить внимание на эпизод с его проклятием. В Книге Бытия говорится, что в наказание за искушение человека он был вынужден «ходить на чреве своем» (Быт. 3:14). Следовательно, до своего проклятия змей передвигался как минимум на двух конечностях, т.е. вертикально, о чем повествует раввинистическая традиция, зафиксированная в мидрашах и таргумах: «Рабби Гошая Раба сказал: Восхитителен был он, стоящий [прямо], как тростник, и ноги были у него» (Берешит Раба 19:1).

Профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Генри Энгар Кэлли в работе «Метаморфозы образа эдемского змея в эпоху Средневековья и Возрождения» упоминает довольно распространенный в западном искусстве мотив, изображающий эдемского змея не только с ногами, но и с крыльями. Наряду с тем Кэлли излагает точку зрения, приписываемую рабби Шимону бен Эльазару, которая гласит, что первоначально (до проклятия) эдемский змей мог выглядеть наподобие верблюда: «Как верблюд был он. Великого блага лишился мир, ибо если бы не [случилось] так, человек посылал бы товары с ним, а он бы ходил и возвращался» (Берешит Раба 19:1). Такое предположение не выглядит столь уж наивным, если припомнить «верблюдов» с картины Брейгеля Старшего «Самоубийство Саула», как две капли воды похожих на диплодоков (фото 60), а также современные наблюдения «горбатых» водяных чудовищ, о которых будет рассказано ниже. Пока лишь отметим, что один из основателей криптозоологии, франко-бельгийский зоолог и писатель Бернар Эйвельманс (1916–2001) в книге «Le Grand Serpent de Mer, le problème zoologique et sa solution» (1965) пишет, что у арабов и персов встречаются упоминания о морском змее как о «рыбе в форме верблюда» (персидский космограф Касвини, XII в.).

К сожалению, из сферы внимания религиоведов и культурологов совершенно выпадает то примечательное обстоятельство, что многочисленные изображения крылатого змея, а также змея с четырьмя конечностями и прямоходящего змея с руками, передвигающегося на двух конечностях, в различных вариациях широко представлены в древнеегипетской традиции (фото 64). Например, в погребальном папирусе жрицы Неситанебетишеру (ок. 950 до н. э.) мы встречаем изображение женщины со змеиной головой. В гробнице Сети I среди многочисленных изображений змеев с головой человека, змеев с ногами, крылатых змеев и их разнообразных комбинаций присутствует мужская фигура с двумя змеиными головами.

В 80-е гг. прошлого века в Израиле во время археологических раскопок на холме Тель-Гриси (Ал-Джариша, он же Холм Наполеона), расположенном на южном берегу реки Яркон, была найдена печать в виде египетского скарабея, датированная 1300–1150 г. до н. э., с изображением сцены охоты на козерога.

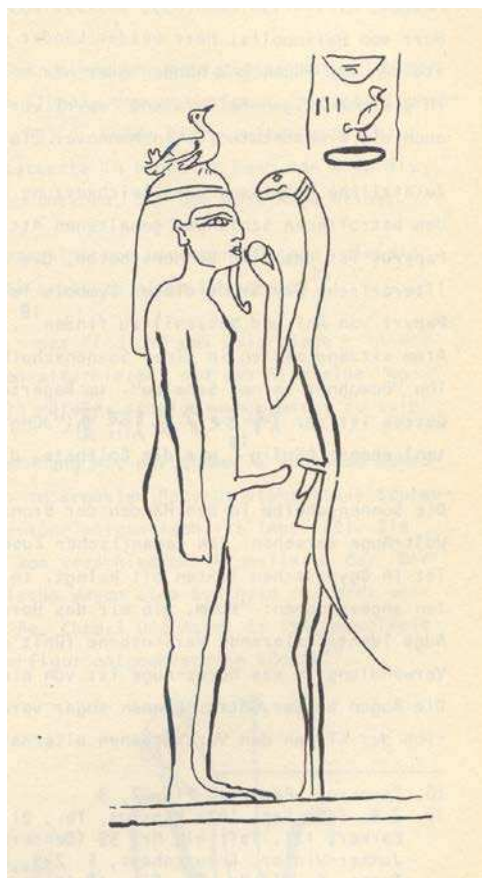

Фото 64. Змей кормит умершего. Саван мумии. Лувр
(*по изданию: Pleyte Willem Etude sur un rouleau magique
du Musee de Leide. Leide, 1886. S. 27.*).

В качестве охотника выступало существо с крыльями и хвостом, стоящее вертикально на задних лапах. Характерное утолщение на окончании пасти сближает существо, изображенное на печати, с птерозаврами из рода орнитохейров и тропеогнатусами из семейства *Ornithocheiridae*, известными своими округлыми или треугольными костяными гребнями, расположенными в передней части клюва. Помимо этого, птерозавры семейства *Ornithocheiridae* были оснащены особенно большими передними зубами, более напоминающими изогну-

тые клыки. Как мы уже указывали ранее, ровно ту же самую характерную особенность имеют головы «крылатых собак», представленных на образцах пермского культового литья из Прикамья (фото 63). На этом, однако, удивительные совпадения не заканчиваются – поза и внешний облик существа с печати (за исключением головы) в точности соответствуют изображению прямоходящего крылатого змея из древнеегипетской «Книги мертвых».

Следует добавить, что многочисленные изображения прямоходящего ящера с антропоморфными чертами типичны для расписной керамики доколумбовой культуры мочы. В их числе выделяется сюжет прямоходящего ящера, вступающего в схватку с человеком (фото 49), присутствующий также и на гравированных камнях Ики (фото 5, 11).

В одном из могильников Ура среди 32 глиняных чаш было найдено несколько женских фигурок: со вкусом вылепленная грудь безупречной формы, тонкая талия, длинная юбка, ниспадающая вдоль стройных ног, и... змеиная голова. Аналогичная фигурка из обожженной глины, относящаяся к Эпохе Эль-Обейда (ок. 4000–3700 до н. э.), была найдена в поселении Чатал-Хююк на плодородной Конийской равнине, в 11 км к северу от города Чумра. Фигурка изображает мать и ребенка с человеческим телом и головой змея.

Тот же самый образ мы встречаем и в славянских устных преданиях о летучих огненных змеях, упомянутых Афанасьевым в «Поэтических воззрениях славян на природу»: «Есть молодцы зазорливые, которые умеют прикидываться позмеиному и по-человеческому». Там же мы находим, что в одной русской сказке змей представляется человеком со змеиной головой: «с виду змей – богатырь, а голова змеиная», аналогичное представление известно и у поляков.

Устанавливая столь неожиданные, на первый взгляд, связи, можно пойти дальше и с известной осторожностью сопоставить символическое проклятие эдемского змея «перед всеми зверями» в сочетании с фатальными анатомическими изменениями (потеря конечностей) с вполне конкретным мелпалеогеновым вымиранием динозавров, случившемся, по оценкам палеонтологов, около 65 млн лет назад. Одновременное вымирание произошло сразу на всех материках и во всех

природных зонах. Исчезли не только динозавры на суше, но и прочие гигантские рептилии: плезиозавры и мозазавры в морях, птерозавры в воздухе. В общей сложности вымерло около четверти существовавших на тот момент семейств морских организмов.

Особенно загадочно исчезновение наиболее защищенных от климатических или экологических катастроф морских рептилий. «Великое вымирание» отличалось изрядной избирательностью – оно не затронуло наземный растительный мир, рыб, сухопутных и водных пресмыкающиеся, птиц и млекопитающих.

Смена мезозойской биоты на кайнозойскую произошла по геологическим меркам внезапно и очень быстро, что наводит на мысль о глобальной катастрофе. Однако широко известная астероидная гипотеза не объясняет удивительную избирательность «Великого вымирания». К тому же попытки обнаружить следы астероидных ударов в зонах, соответствующих другим крупным вымираниям, не привели к убедительным результатам.

Если события, изложенные символическим языком в 3 главе Книги Бытия, действительно имели место, это означает, что человеческий вид и раса, олицетворяемая эдемским прямоходящим змеем, некоторое время сосуществовали в относительно равном статусе. Принято полагать, что мезозой был веком динозавров, а кайнозой – веком пришедших им на смену млекопитающих. На самом деле, динозавры и млекопитающие появились на Земле практически одновременно – в триасовом периоде, и мирно жили бок о бок на протяжении 120 млн лет. При этом число известных видов мезозойских млекопитающих превышает число видов динозавров. Судя по всему, прямой конкуренции динозавров и млекопитающих не было. После исчезновения динозавров млекопитающие постепенно освоили освободившуюся экологическую нишу. Эта картина, в принципе, согласуется с событиями, описанными в Книге Бытия. Для этого, правда, приходится кардинально пересмотреть «традиционную» датировку происхождения *homo sapiens*.

До недавнего времени большинство динозавров представлялось в виде гигантских родичей крокодилов и варанов.

Находки, сделанные в 90-х гг. XX в. в китайской провинции Ляонин, показали, что облик древних ящеров заметно отличался от привычных стереотипов, т. к. их тело было покрыто перьями. Ученые предполагают, что перьевой покров был типичным для многих разновидностей динозавров, а не только для предков птиц. Исследователи даже наловчились определять цвет оперения. Первым динозавром, представшим в «цвете», стал синозавроптерикс – перья на его хвосте образовывали яркие желто-белые полосы. Наряду с этим, последние исследования палеонтологов опровергают представление о динозаврах как о примитивных, малоподвижных и тупых существах. На самом деле, они, как и млекопитающие, имели четырехкамерное сердце, были теплокровными и обладали сложными формами социальной организации и поведения.

Кстати, мало кто задумывается над тем, что начало «эры динозавров» положило предыдущее крупнейшее триасово-юрское вымирание (199,6 млн лет назад). Эта катастрофа погубила практически всех нединозавров. Зато динозавров всемирная катастрофа не просто пощадила, но предоставила в их распоряжение обширную экологическую нишу, лишенную серьезных конкурентов. За каких-нибудь десять тысяч лет (доля мига, по геологическим меркам) динозавры расплодились в необычайных количествах. Причины столь грандиозных перемен и по сию пору остаются загадкой, так же как и причины мел-палеогенового вымирания. Стандартные объяснения вроде «глобального катастрофического вулканизма» или морской регрессии, резко сократившей площадь основной зоны обитания морских организмов, производят впечатление придуманных за неимением лучшего.

По мнению палеонтологов, мел-палеогеновому и триасовому вымираниям предшествовали еще, по крайней мере, три массовых вымирания: «великое» пермское (251 млн лет назад); девонское (364 млн лет назад) и ордовикско-силурийское (440 млн лет назад). Остается только гадать, какие формы могла принять разумная жизнь в столь отдаленные эпохи. В целом все эти события хорошо сочетаются с ветхозаветными представлениями о нескольких последовательно созданных и разрушенных дочеловеческих мирах, берущими свой исток, по всей видимости, в религиозных представлениях Древней Месопотамии.

Одна из таких традиций гласит, что перед нашим миром Бог создал еще несколько миров, но они разрушились из-за своей «неуравновешенности» и «нестабильности». Не слишком афишируемая мысль о неоднократности творения присутствует как на внешнем (экзотерическом), так и на внутреннем (эзотерическом) плане ветхозаветной традиции: «Сказал рабби Абагу: <...> Святой, благословен Он, сотворил миры и разрушал их, пока не создал эти. Сказал Он: Этот приятен мне, а те неприятны мне» (Берешит Раба 9:2). Немецкий философ и историк Альбер Штекль (1823–1895) пишет в «Истории средневековой философии»: «Каббалисты говорят о другом мире, который предшествовал настоящему, но погиб ранее его возникновения. Ангел был властителем этого предшествующего мира; но т. к. он согрешил, то был низвергнут с неба; вместе с ним рушился и мир, опорой которого он был; руины этого разрушенного мира сделались местом страданий для падших ангелов. Из развалин низвергнутого мира восстал затем новый мир, властителем которого является человек».

Важное указание на происхождение образа эдемского змея (ивр. «нахаш») дает Б. Берман (1957–1992) в исследовании «Библейские смыслы». Он пишет, что «нахаш» принадлежит к разряду огромных существ «эт ха таниним ха гдолим» (Быт. 1:21), сотворенных на пятый день Творения Богом в качестве мистической основы и энергетического источника всего царства живых существ. До человека «гдолим таниним» были высшими существами в Творении, им принадлежал весь мир. В славянском варианте перевода эти существа называются «рыбами большими», хотя они скорее соответствуют огромным змеям или драконам, предания о которых, с большой степенью вероятности, восходят к временам земного господства вполне реальных морских ящеров.

Эйвельманс, в свою очередь, указывает, что слово *tennin*, восходящее, по мнению К. Барбье, к иудейскому слову *tannin*, встречается у арабского историка, географа и путешественника Аль-Масуди (896–956) в 954 г. Масуди считает, что *tennin* – рептилия, живущая в глубине океанов; крепчая, она становится грозой рыб, и Бог придает ей форму черного змея, блестящего и длинного, чья пасть возвышается над вершинами и чей свист вырывает с корнем дерева. Исламский богослов, толко-

ватель Корана, сподвижник и двоюродный брат пророка Мухаммеда Ибн Аббас (619–686) добавляет: «Эти змеи достигают возраста 500 лет и управляют всеми другими змеями Земли». Эйвельманс предполагает, что эти верования навеяны гигантскими живыми амфибиями, а *tenpin* (мн. ч. *tananin*) сочетает в себе черты сразу нескольких животных, способных одновременно жить на суше и в воде.

В наиболее древних слоях китайской традиции мы также обнаруживаем гигантских змеев, связанных с подземно-подводной сферой, постепенно трансформировавшихся в драконов, управляющих воздушными и водными стихиями. Многие годы изучавший историю и иконографию китайских мифических чудовищ Джеральд Виллоуби-Мид пишет: «Самые ранние изображения китайских драконов не отличаются особым мастерством и внешне напоминают скорее рыб. Лишь со временем в них появляются ясно видимые черты рептилий»¹.

Именно к разряду таких «больших рыб» относится «кит» из жития библейского пророка Ионы, представленный в виде плезиозавра на мозаике из Аквилеи (фото 62) и росписях в римских катакомбах. Версия о том, что в истории с пророком Ионой фигурирует именно плезиозавр, подкрепляется еще и тем обстоятельством, что в самых разных мифологических традициях символы рыбы и змея (дракона) объединяются общностью стихии обитания и часто взаимозамещают друг друга. Идущая из глубокой древности мысль о чрезвычайной близости образов рыбы и дракона иллюстрируется находкой при раскопках в 1955 г. поселения Баньпо города Сиань провинции Шэньси керамической чаши с изображением «драконов в форме рыб», которая относится к неолитической культуре Яншао и датируется V тыс. до н. э.

Одна из наиболее известных разновидностей «гдолим таниним» представлена морским чудовищем Левиафаном, пищей которому служат огромные морские драконы. Анализируя описание сухопутного Бегемота и морского Левиафана, фигурирующее в Книге Иова, теолог, переводчик и библеист Д. В. Щедровицкий предполагает, что речь идет о двух разновидностях динозавров.

¹ Willoughby-Meade G. Chinese Ghouls and Goblins. L., 1928. P. 143.

Во второй половине XVII в. с легкой руки французского филолога и теолога Самуэля Бошара (1599–1667) в широкий обиход была запущена версия, что Левиафан – это нильский крокодил (*Crocodylus niloticus*), а Бегемот – гиппопотам. К 1712 г. сочинение Бошара «*Hierozoicon, sive bipartitum opus de animalibus Sacrae Scripturae*» (1663), в котором появляется эта версия, было переиздано, по меньшей мере, пять раз и стало наиболее авторитетным руководством по толкованию библейской зоологии. Однако рассуждения Бошара убедили далеко не всех специалистов.

Богданов в книге «О крокодилах в России» справедливо замечает, что Левиафан (если согласиться с тем, что это водоплавающее животное) связывается по тексту с морем, а крокодилы в море не водятся. Исключение составляет *Crocodylus rogosus* – так называемый «гребнистый крокодил», обитающий за тысячи километров от Египта и Палестины, в Юго-Восточной Азии и Австралии. Слова Господа о невозможности «вытащить левиафана удою и веревкою пригнести язык его» (Иов. 40:20) созвучны общему смыслу описания этого чудовища как неборимого для человека, но уже из сообщений античных авторов было известно, что крокодилов в Египте и ловили, и даже приручали. Слова о светоносном чихании и огненном дыхании Левиафана применительно к крокодилу также придется истолковывать скорее метафорически, нежели буквально. В старинных славянских «Азбуковниках» Левиафан именуется «царем, сущим в воде», но нигде не называется ни крокодилом, ни китом.

Нет определенности и с образом Бегемота: само слово *behemoth* возводится к гипотетическому египетскому композиту *p'-ih-mw*, «*pehevu*» («бык [из] реки»), который, однако же, не употреблялся для обозначения гиппопотама ни в египетском, ни коптском языке. Странным кажется библейское сравнение хвоста бегемота с кедром, характеристика его как самого большого зверя из живущих и упоминание о том, что «горы приносят ему пищу» (Иов. 40:15). Бегемот также рисуется в Библии неборимым для человека: «Это – верх путей Божиих; только Сотворивший его может приблизить к нему меч Свой» (Иов. 40:14). Между тем египтяне регулярно отмечали праздники по случаю охоты на гиппопотамов, а саму охоту изобра-

жали как весьма заурядную (см. рельеф из гробницы Мерерука эпохи VI династии, около 2400–2250 до н. э.).

Профессор богословского факультета университета Маркетта А. А. Орлов в статье «Храм творения в Откровении Авраама» указывает, что в ветхозаветной эзотерической традиции Левиафан служит космической плотиной против бурных подземных вод, символизирующих первозданный хаос. О его значении свидетельствует отождествление этого морского чудовища со священным основанием Первого Иерусалимского Храма, возведенного царем Соломоном. Орлов подчеркивает, что в поздних раввинистических текстах рассказы о великих изначальных чудовищах Левиафане и Бегемоте были глубоко вплетены в эзотерическое учение о сотворение мира (Маасе Берешит, Деяние Начала). Их присутствие там настолько важно, что гигантские монстры становятся своего рода символом Деяния Начала; в некоторых отрывках даже говорится не о Маасе Берешит, а буквально о Тайнах Чудовищ.

В Книге пророка Исаяи Левиафан описывается как «змей прямо бегущий» и «змей изгибающийся» (Ис. 27:1). Из текста не совсем понятно, имеется ли в виду описание одного и того же существа или двух его разновидностей. Невзирая на то, что обиталище Левиафана находится «в нижних водах; и меж его плавников покоится средняя ось земли», в ветхозаветной эзотерической традиции он описывается как «летающий змей» (Пиркей де рабби Элиэзер 9)¹. Загадочная связь между небесным царством Божественной Колесницы (Меркавы) и нижним (подземно-подводным) миром, олицетворяемым левиафанами, давно озадачивает библеистов. Орлов заостряет внимание на том, что в 9 главе апокрифа Откровение Авраама, сохранившегося только в славянском переводе, тайнозрителю, пребывающему в небесной Святой Святых, царство левиафанов открывается как «подобие небес».

Здесь нам следует ненадолго прерваться и обратить внимание читателя на то, что именно православные монахи

¹ Пиркей де рабби Элиэзер – агадическо-мидрашистское произведение, написанное в Италии в конце IX века и приписываемое рабби Элиэзеру бен-Гиркану. Содержит толкование Книги Бытия, части Книги Исхода и некоторых мест из Книги Чисел.

скрупулезно переписывали и сохраняли неканонические (в т. ч. апокрифические) тексты и жития, в то время как в ветхозаветной традиции и отчасти на католическом Западе они уже были целенаправленно уничтожены. И не просто сохраняли, но и распространяли через исторические и моральные компиляции и призванные наставлять православных верующих сборники, наподобие Мерила Праведного, Четьи-Минеи, Палеи и т. п.

Наряду с сирийской, славянская традиция по массиву переведенной и цитируемой литературы стоит на втором месте после эфиопской, сохранившей самый богатый и важный массив ветхозаветной псевдоэпиграфической¹ литературы эпохи Второго Храма (516 до н. э. – 70 н. э.). Некоторые представления, зафиксированные в литературе того периода, легли впоследствии в основание богословского фундамента христианской традиции. Свое существование они продолжили и в ветхозаветной традиции, но уже в качестве внутреннего (эзотерического) течения, которое придало мощный импульс развитию мистики хехалот («Небесных чертогов») и возникшей на ее основе Каббалы. В этом свете славянские псевдоэпиграфы представляют особенный интерес для изучения воспринятых христианством, но скрытых иудаизмом внутренних богословских традиций. При этом следует понимать, что в ряде случаев ветхозаветная традиция невольно выступает в качестве важного передаточного звена между христианством и традициями куда более отдаленных эпох.

Профессор кафедры педагогики Русской христианской гуманитарной академии Ф. Н. Козырев в книге «Искушение и победа святого Иова» (1997) приходит к выводу, что 40-я и 41-я главы Книги Иова, в которой подробно описывается внешний облик Бегемота и Левиафана, содержат очевидные отсылки к описанию древнего (эдемского) змея, который именуется также диаволом и сатаной. О том, насколько эта традиция была устойчива в древности, свидетельствуют характерные отличия синодального и церковно-славянского переводов Книги Иова:

¹ Псевдоэпиграфы – сочинения, приписываемые библейским персонажам, не вошедшие в еврейский, греческий или латинский библейский каноны.

РУССКИЙ ТЕКСТ

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ

Излей ярость гнева твоего, посмотри на все гордое, и смири его (40:6)

Пусти же аггелы гневом и всяко го укорителя смири

Это – верх путей Божиих: только Сотворивший его может приблизить к нему меч Свой.

Си есть начало создания Господня: сотворен поруган быти аггелы его
Восшед же на гору стреминную сотвори радость четвероногим в тартаре

Горы приносят ему пищу, и там все звери полевые играют (40:14–15)

Нет на земле подобного ему: он сотворен бесстрашным (41:25)

Ничтоже есть на земле подобно ему сотворено, поругано быти аггелы Моими.

С первых же слов третьей речи становится ясно, что ее тема – некий скрытый конфликт. «Посмотри на все гордое», «взгляни на всех высокомерных» – такими словами Господь приступает к описанию Бегемота, названного Им одновременно «верхом путей Божиих» (Иов. 40:14). Тема вражды не сходит с уст Божиих: «Только Сотворивший его может приблизить к нему меч Свой» (Иов. 40:14), «возьмет ли кто его... и пронзит ли ему нос багром?» (Иов. 40:19), «клади на него руку твою и помни о борьбе...» (Иов. 40:27) и т. п.

Называя Левиафана «царем над всеми сынами гордости» Бог одновременно продолжает откровенно любоваться его красотой и силой: «Не умолчу о членах его, о силе и красивой соразмерности их. Кто может открыть верх одежды его, кто подойдет к двойным челюстям его? Кто может отворить двери лица его? круг зубов его – ужас; крепкие щиты его – великолепие; они скреплены как бы твердою печатью; один к другому прикасается близко, так что и воздух не проходит между ними; один с другим лежат плотно, сцепились и не раздвигаются. От его чихания показывается свет; глаза у него как ресницы зари; из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры; из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя. На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас. Мясистые части тела его сплочены между собою твердо, не дрогнут.

Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов. Когда он поднимается, силачи в страхе, совсем теряются от ужаса. Меч, коснувшийся его, не устоит, ни копье, ни дротик, ни латы. Железо он считает за солому, медь – за гнилое дерево. Дочь лука не обратит его в бегство; пращные камни обращаются для него в плеву. Булава считается у него за соломинку; свисту дротика он смеется. Под ним острые камни, и он на острых камнях лежит в грязи. Он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою. Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости» (Иов. 41:4–26).

С большой степенью вероятности скрытый конфликт, о котором говорит Козырев, стал порождением ревности одного из первых разумно устроенных и прекрасных созданий, задуманных «верхом путей Божиих», по отношению к человеку, призванному властвовать не только над всей землей, но и над всеми тварями земными, т. е. и над этими самыми первенцами: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владейте над рыбами морскими (и над зверями), и над птицами небесными, (и над всяким скотом, и над всею землею), и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт 1:28). Такая трактовка кажется нам наиболее убедительным ключом к драматическим событиям, разыгравшимся в Эдемском саду между змеем и прародителями человечества.

Примечательно, что самое известное изображение Левиафана, представленное на гравюре французского живописца Гюстава Доре (1832–1883) «Убийство Левиафана» (1865), содержит такие бросающиеся в глаза детали, как характерные спинные пластины и перепончатые крылья. Ветхозаветное представление о левиафанах как существах, обитающих «в нижних водах» и одновременно способных к полету, имеет отчетливые корреляции с описанием «чудских богов», содержащимся в «Повести временных лет» (XII в.): «Боги наши живут в безднах. Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются же и под небо послушать ваших богов».

Характеристика Левиафана как «змея изгибающегося» в сочетании с представлением о его космостроительной роли

содержит важную параллель с деятельностью и природой легендарного китайского государя Юя. Филолог-китаист, академик РАН Б. Л. Рифтин (1932–2012) в работе «От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе» пишет: «Иероглиф юй, которым записывается имя героя, представляет собой графическое изображение какого-то необычного земноводного существа, близкого черепахе или дракону. Като Цунэката считает, что знак юй первоначально означал «извивающаяся змея»».

Это знаменательное совпадение усиливается общим полем деятельности указанных персонажей. Интенсивная деятельность Юя по усмирению вод потопа и последующему обустройству Земли и земных вод соответствует миссии Левиафана по подчинению и герметизации усмирённых вод хаоса. В еще большей степени с образом Левиафана соотносится отец Юя – Гунь, который также известен своими усилиями по обузданию потопа. Рифтин указывает, что сам иероглиф гунь не означает ничего иного, кроме имени этого мифического персонажа и одновременно огромной рыбы (такое значение дает древнейший словарь Шовэнь). Также существуют китайские тексты уже первых веков нашей эры, где прямо говорится о Гуне как о гигантской рыбе: «Сяский Гунь умирал потоп, но не добился успеха, тогда он погрузился в пучину Юйюань и превратился в темную рыбу величиной в тысячу чжанов. После смерти она лежала поперек рек и озер. Совершенномудрые из последующих поколений считали рыбу существом, в которое превратилось божество».

Принципиальный момент ветхозаветной эзотерической традиции, связанной с образами чудовищных «гдолим таниним», ведущих свое начало из разрушенных дочеловеческих миров прошлого, состоит в том, что эти существа должны существовать на протяжении всей истории человечества. В каббалистической традиции населенные ими сферы представляют собой темный в своей потаенности или «изнаночный» аспект Творения, именуемый также «Другой Стороной» («Sitra Ahra»).

В одном из главных источников саббатианской Каббалы – «Трактате о Драконах» («Друш ха-танним», 1666), написанном Натаном из Газы (1644–1680), из того же «дна

реальности» («техиру»), где был рожден эдемский змей, происходит и центральная фигура ветхозаветной мистической эсхатологии – Мессия, именуемый «Святым Змеем» или «Святым Драконом». Там же можно найти высказывания о том, что душа Мессии с самого начала творения пребывает на «дне бездны клиппот» в обществе змеев, которые преследуют и пытаются соблазнить ее. По окончании процесса «всеобщего завершения» («тиккун») она поднимется в этот мир с целью его искупления. После окончания земной миссии «Святой Змей» должен снова спуститься в «бездны клиппот», чтобы победить «царя драконов» и переместить его и все его царство в «обитель святости».

С эсхатологической миссией «Святого Змея» отчетливо перекликается посмертное сошествие в ад Иисуса Христа, предназначенное для евангельской проповеди и освобождения заключенных там душ. Древний акроним имени Иисуса Христа и первый символ христианской традиции – «ИХтис» (др.-греч. рыба) вполне прозрачно перекликается с «рыбами большими» («гдолим таниним»). На фреске XIII века из пещерной церкви в Каппадокии изображен сюжет Тайной Вечери, где пасхальная трапеза, олицетворяющая тело Христово, представлена в виде рыбы, возлежащей на столе перед апостолами.

С символизмом воды и рыбы тесно связаны имена и образы пророка Ионы и Иоанна Предтечи, а также такие знаковые евангельские эпизоды, как насыщение народа в пустыне хлебами и рыбами (Мк. 6:34–44, Мк. 8:1–9) или трапеза Христа и апостолов на Тивериадском озере после Воскресения (Ин. 21:9–22). Сам Иисус в Евангелии именуется своих учеников «ловцами человеков» (Мф. 4:19, Мк. 1:17), а Царствие Небесное уподобляет «неводу, закинутому в море и захватившего рыб всякого рода» (Мф. 13:47).

Наконец, не следует забывать про первое и самое главное христианское таинство Крещения (греч. βάπτισμα – «погружение в воду»), наряду с Евхаристией признаваемое всеми без исключения конфессиями. В Евангелие от Иоанна Иисус говорит: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Иоан. 3:5).

В манускрипте XII–XIV вв., хранящемся в армянском монастыре Нораванк, имеется уникальная цветная миниатюра,

изображающая сцену крещения Иисуса Христа в водах реки Иордан. На ней обнаженный Иисус, принимающий крещение от Иоанна Предтечи, стоит на спине извивающегося посреди вод драконоподобного чудовища с отверстой пастью. Данная композиция демонстрирует очевидное сходство с сюжетами пермского культового литья, на которых живой ящер с открытой пастью изображается в подножии стоящих на нем антропоморфных фигур. Принимая в расчет символическое отождествление священного основания Первого Иерусалимского Храма с Левиафаном, можно заключить, что именно это чудовище фигурирует на миниатюре в качестве живого поста-мента Спасителя.

Очевидные совпадения с ветхозаветным «Святым Змеем» обнаруживают легендарные герои-цивилизаторы Номмо из религиозно-мифологической системы догонов, о которых мы уже упоминали в связи с сюжетом человека, передвигающегося верхом на спине чудовища. Уникальную возможность соприкоснуться с внутренним (доступным только для посвященных) ядром мифологии догонов получил французский антрополог, профессор Марсель Гриоль, вместе со своей коллегой профессором Жермен Дитерлен изучавший обычаи и ритуалы племени в 1930–50-е гг. В соответствии с коллективным решением совета жрецов ему были раскрыты некоторые тайные значения образов устной мифологической традиции догонов¹.

В различных вариантах космогонических мифов происхождение Номмо, наделяемых догонами мессианскими качествами, связывается с системой звезды Сириус, известной им как

¹ Основные материалы по этому вопросу изложены в книге «Бог воды: беседы с Оготеммели» (*Griaule M. Dieu d'eau: entretiens avec Ogotemmelé. Paris: Éditions du Chêne, 1948*), которая представляет собой дневник Гриоля, посвященный тридцати трем дням обучения религии догонов у жреца племени. Далее следует статья Гриоля и Дитерлен «Суданская система Сириуса», в которой обсуждаются религиозные представления догонов о звездной системе Сириус (*Griaule M., Dieterlen G. Un System Soudanais de Sirius // Journal de la Societe des Africanistes. XX, I, 1950*). Русский перевод статьи приводится в книге: *Темпл Р. Мистерия Сириуса. М., 2005. С. 415–441*. Последняя работа Гриоля и Дитерлен – статья «Догоны», включенная в сборник «Миры Африки» (*Griaule M., Dieterlen G. The Dogon // African worlds. London: Oxford University Press, 1954*). Наиболее полное исследование религии догонов под названием «Бледный лис» было закончено Дитерлен уже после смерти Гриоля (*Griaule M., Dieterlen G. Le renard pâle. Paris: Institut d'Ethnologie, 1965*).

«Земля рыбы» или «плацента Номмо». Астрономические представления об этой звездной системе составляют наиболее священную и тайную традицию догонской культуры, являющуюся основой религии и всей жизни этого народа. Не вдаваясь в подробности, отметим, что подробные астрономические сведения о Сириусе, содержащиеся в мифологии догонов, не только соответствуют всему тому, что известно современной науке, но и содержат некоторую дополнительную информацию, которую в настоящий момент невозможно подтвердить или опровергнуть.

Понимание образа Номмо для непосвященных затрудняется тем, что это имя используется как для обозначения целой группы существ, так и в качестве имен собственных отдельных персонажей. Во всех вариантах догонского мифа образ Номмо тесно связан с водной стихией: от Номмо земля получила животворящую силу воды, а люди – равнозначный ей дар речи. Отсюда, по всей видимости, берет свое начало загадочная характеристика воды как «элемента, благоприятствующего развитию речи». Внешний облик Номмо представляет собой причудливое сочетание рыбы, змеи и человека. У них красные глаза и раздвоенные языки, гибкие конечности без суставов, зеленые, гладкие и «сияющие, как поверхность воды» тела, покрытые короткими зелеными волосами. Количество конечностей Номмо варьируется в различных описаниях от четырех (как у человека) до восьми верхних и нижних. Их появление на Земле именуется «днем рыбы», а планета, с которой они прибыли – «[чистая] Земля дня рыбы... не [наша] нечистая Земля».

С водной средой связан и нарушитель космического порядка – Ого-Йуругу, преждевременно появившийся из «плаценты», которая должна была дать жизнь первой паре Номмо. Этнограф-африканист, доктор исторических наук Б. И. Шаревская (1904–1985) в статье «Мифы догонов» пишет: «Рожденный подобием рыбы или змеи, он, спустившись на землю и подвергшись обрезанию, превращается в животное – лисицу или лиса разновидности *Vulpes pallida* («Бледный лис»). Этот Бледный Лис, получивший теперь имя Йуругу, становится возмутителем порядка». Место рождения Йуругу – звезда Дигитария – отождествляется догонами с самим Йуругу, непрерывно вращающимся вокруг Сириуса А. Это означает, что система Сириуса

связывается как с происхождением «благодетельных» Номмо, так и с происхождением «злокозненного» Ого-Йуругу. Представления об общей земноводной природе «благодетельных» Номмо и «злокозненного» Ого-Йуругу, подкрепляемые мифами, в которых Йуругу представляется родным братом Номмо, чрезвычайно сближают их с образами ветхозаветного «Святого Змея» и соприродных ему змеев-антагонистов.

Еще более впечатляющие параллели с ветхозаветными змеями и догонскими Номмо обнаруживаются в древнекитайской традиции, основателями которой считаются земноводные Фуси и Нюйва. В эпоху династии Хань (III в. до н. э.) Фуси и его сестра-супруга Нюйва часто изображаются с переплетенными хвостами, в руках они обычно держат плотницкий угольник и компас. На одном из рельефов гробницы этого периода в провинции Шаньдун изображена сплетенная хвостами пара земноводных основателей китайской цивилизации. Фуси держит в руке плотницкий угольник как символ своего вклада в развитие цивилизации. Между двумя главными фигурами этой сцены изображен земноводный младенец с двумя хвостами вместо ног. Надпись гласит, что эти существа «правили миром из морских глубин». Здесь прослеживается прямая аналогия с догонским «Номмо пруда», который, по представлению догонов, «обитает в водах Земли», откуда его заботливый глаз наблюдает за людьми, пока не придет условленный час его возрождения в «день слова».

Интересно, что на некоторых китайских рельефах зафиксирована крылатость земноводных Фуси и Нюйва, не отраженная в письменных памятниках. Этот архаический мотив, связывающий фигуры основателей древнекитайской цивилизации с небесной стихией, еще более сближает их с образами спустившихся с небес земноводных Номмо и ветхозаветных обитателей «дна реальности», в т.ч. крылатых обитателей царства левиафанов.

Ветхозаветный сюжет разрушения предшествующего мира и «низвержения с неба» его властителя органично сочетается с догонским мифом об осквернении Земли пришествием антагониста Номмо – земноводного Ого-Йуругу и взрывом «По толо» (красного гиганта Сириуса Б), с которым связывается его происхождение. Версия о локализации ветхозаветных «разрушенных

миров прошлого» вне пределов Земли дает еще один ключ к пониманию и интерпретации таинственной связи между обитателями небесного царства Божественной Колесницы (Меркавы) и насельниками царства левиафанов.

Все эти далеко не случайные совпадения красноречиво свидетельствуют о том, что транслирующееся из глубины тысячелетий прикровенное содержание образа реликтового чудовища, связанного с «сокровенными первоначалами и тайнами бытия», отнюдь не выхолостилось со временем, а продолжает сохраняться, хотя бы и в скрытой, кодифицированной форме. Внутренние эсхатологические доктрины различных религиозно-мифологических традиций сохраняют память о том, что скрывающиеся за этим образом объективные реалии со временем могут приобрести новое и совершенно неожиданное значение. В частности, догоны полагают, что Ковчег Номмо, на котором некогда предки людей и Номмо прибыли с небес на землю, был разделен на шестьдесят «помещений», содержащих «все земные существа и способы бытия»: мир, небо, землю, деревню, дом собраний, женский дом, домашний скот, деревья и птиц, обработанное поле, раковины каури, огонь и слово, танец и работу, путешествие, смерть, похороны. Догонам известно содержимое только первых двадцати двух «помещений» Ковчега Номмо, остальное «придет в сознание людей позже и изменит мир».

Согласно ветхозаветной мессианской традиции, зафиксированной в Вавилонском Талмуде (Бавли Бава Батра 74В–75А), в конце времен праведники будут приглашены на мессианский пир, во время которого Господь будет угощать их телом Левиафана, а также создаст для них сияющую Скинию («шатер встречи» или «собрания») из кожи Левиафана. Мотив поглощения частей Левиафана символизирует приобщение праведников последних времен к его сокровенным качествам (сверхъестественным способностям) и передачу им космостроительных функций «эт ха таниним ха гдолим», т. е. первобытных реликтовых чудовищ. Причащаясь телу Левиафана, праведники последних времен в некотором смысле становятся коллективным Левиафаном, символом такого «превращения» служит Скиния, сделанная для них из кожи изначального чудовища.

В осетинском нартском эпосе Левиафану соответствует змеевидный Руймон. Хотя в большинстве случаев Руймон описывается как земное существо (подобное ветхозаветному Бегемоту), зафиксированы предания, в которых «мать Руймона живет в море» и сам «Руймон выходит из моря». Кандидат исторических наук А. В. Дарчиев, выявляющий в своих работах тесную связь Руймона и Левиафана, указывает, что оба эти существа оказываются важнейшей частью представлений о загробном мире и эсхатологическом будущем человечества: плоть обоих станет особой пищей для праведников в грядущем мире. Согласно тексту легенды о Руймоне, впервые зафиксированному В. Ф. Миллером, в загробном мире души умерших людей стареют, и для того чтобы омолодить себя, т. е. вернуть себе тот возраст, в котором умерли, они принимают в пищу мясо Руймона. В тексте, записанном М. К. Гардановым, мотив поедания плоти Руймона дополнен важными деталями: Руймон будет побежден окончательно лишь в поединке с Алибегом (образ, тесно связанный с эсхатологической фигурой «скрытого имама» Али), который должен произойти в конце времен. После этого Алибег накормит свой народ мясом Руймона. При этом в раю сможет оказаться лишь тот, кто получил долю от мяса Руймона из рук самого Алибега. Тот же, кто не вкусит плоти Руймона, не попадет в рай¹.

Весьма показательным отождествлением праведника с плавником Левиафана, на котором держится мир, в каббалистической традиции. В хасидских источниках, таких как Ликутей Тора, подобная связь представлена в еще более откровенной форме, поскольку в современном иудаизме именно хасиды демонстрируют последовательную склонность к открытому проговариванию некоторых фундаментальных эзотерических тайн ветхозаветной традиции. Современный каббалист рав Ицхак Гинзбург говорит: «Сказано, что ливьятан это «наполнение слова «даат» («знание»). <...> В хасидизме, в Ликутей Тора, говорится, Алтер Ребе объясняет, что ливьятан – это корень душ тех, кто изучает сокрытую Тору. Все, кто имеют

¹ Дарчиев А. В. Осетинские легенды о Руймоне: происхождение и мифологическая основа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56). Ч. I. С. 57–62.

отношение к тайнам Торы – это аспект ливьятана. Есть те, чьи души более склонны к изучению сокрытой Торы, тайн Торы, и это корень ливьятана».

О том, что последнее высказывание следует понимать не только как сугубую метафору, свидетельствует внутренняя ветхозаветная традиция, согласно которой Каин происходил не от Адама, а от самого прямоходящего эдемского змея Самаэля. Известный представитель цфатской каббалистической школы Моше Кордоверо (1522–1570) в работе «Томер Двора» пишет: «Знай, что Каин был воплощением зла и происходил от Змея». Согласно традиции, зафиксированной в поздних мидрашах, таргуме Псевдо-Ионатана и в псевдоэпиграфе «Жизнь Адама и Евы», в змея вселился ангел Самаэль: «спустившись с небес, он оседлал его, как если бы тот был верблюдом, и вселил в змея свой дух. Впредь все, что змей ни говорил, было внушено ему Самаэлем». В таргуме Псевдо-Ионатана Самаэль оказывается отцом Каина, в то время как Адам – отцом Авеля: «И Адам знал, что Ева, его жена, зачала от ангела Самаэля, и потом она забеременела и родила Каина, и он был как те, что вверху, а не те, что внизу» (4:1). Указанная традиция получила развитие в мидраше VII–VIII вв. н. э. Пирке де рабби Элизер: «Самаэль приехал к Еве верхом на змее, и она забеременела. Потом Адам к ней пришел, и она зачала Авеля, как сказано: и Адам знал Еву, свою жену (Быт. 4:1). Что значит знал? Он (Адам) знал, что она забеременела. И она (Ева) видела, что его (Каина) подобие – это не подобие людей, а подобие богов. И она пророчествовала и сказала: я получила человека с богом (Быт. 4:1)». Аналогичная традиция зафиксирована в Книге Зогар (1.35b), Мишне (Сота 10б) и Книге Бахир (Бахир, 200).

Другими словами, согласно указанной традиции помимо потомства Адама и Евы на протяжении всей (допотопной и послепотопной) истории человечества существовала еще одна «гибридная» ветвь человеческого рода, происходящая от плотского союза Евы и эдемского змея. Эта традиция перекликается с древнейшим сказочно-мифологическим мотивом о происхождении героя-змееборца от самого истребляемого им чудовища и содержит важное представление о принципиальной возможности такого рода межвидовых союзов. Характерно,

что именно в среде одного из племен кочевого народа кенитов (кени, кенеи, кенеяне), возводивших свое происхождение к Каину и вставших после исхода евреев из Египта во главе 12-ти колен Израиля, слившись с коленом Иуды, зародился яхвизм, от которого впоследствии «отпочковалась» христианская традиция. В таком контексте новый смысл приобретают известные слова Иисуса Христа, адресованные иудеям: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8:44); «вы от нижних, Я от вышних» (Ин. 8:23). Таким образом, Иисус недвусмысленно демонстрирует полемизирующим с ним иудеям свое знание внутренних (эзотерических) слоев ветхозаветной традиции.

В качестве своеобразной «вишенки на торте» представим вниманию читателя точку зрения немецкого ариософа и члена небезызвестного «Общества Туле» Ланца фон Либенфельса (1874–1954), изложенную в его книге «Теозоология, или Естественная история богов» (1904). Кстати, именно из этой работы один из первых современных популяризаторов теории палеоконтакта, уже упоминавшийся Эрих фон Дэникен позаимствовал свои антропологические экскурсы, начиная от звероподобных богов древности, смешения с животными, физической эксплуатации потомков этого смешения и заканчивая конкретными примерами.

Либенфельс в «Теозоологии» пишет, что эдемский змей являлся разновидностью динозавра, при этом он был разумным, говорящим и потому человекоподобным существом, стоящим выше Адама; следовательно, он одновременно являлся и «богоподобным или богоравным существом». Либенфельс отождествляет динозавров с «прото-богами» или, согласно его терминологии, «божественно-животными (теозоологическими) существами», к которым он относит и самого ветхозаветного Иегову. Поколение богов, по его мнению, являлось наиболее ранней и высшей формой жизни (Theozoa). Ссылаясь на позицию известных американских ученых-палеонтологов Генри Фэрфилда Осборна (1857–1935) и Роя Чепмена Эндрюса (1884–1960), Либенфельс утверждает, что «двуногие формы динозавров, от которых лишь впоследствии произошли и

отделились четвероногие, явились исходной формой прачеловека (Anthropozoa)». К числу вполне вещественных представителей «изначальной, древней фауны» Либенфельс относит также различные виды ангелов (серафимов, херувимов, архангелов, властей, сил, начал, господств и престолов).

Относительно серафимов смелое утверждение Либенфельса выглядит довольно правдоподобно. Сергей Петров в книге «Языческая религия евреев» указывает, что у Перво-Исайи слово сараф (послужившее основой для русского слова «серафим») дважды упоминается для обозначения крылатых змей, убивающих своим огненным ядом: «Не радуйся, вся земля Филистимская, что сокрушён жезл, который поражал тебя, ибо из корня змея выйдет аспид, а плод его – летучий сараф» (Ис. 14, 29); «Тяжесть на животных юга, в земле угнетения и тесноты, откуда львица и лев, аспид и летучий сараф» (Ис. 30, 6). Чарльз Оуэн в «Эссе о естественной истории змей» (1742) пишет: «Среди змей встречаются такие, которые снабжены крыльями. Геродот, видевший этих змей, говорит, что у них было большое сходство с теми, которых греки и латины называли гидрой. Их крылья составлены не из перьев, как у птиц, а скорее похожи на крылья летучих мышей. Они любят сладкие запахи и нередко на деревьях, производящих благовония. Такими были те огненные [т. е. жгущие своим ядом] змеи, которые произвели великое поражение в лагере Израиля... Медный Змей, которого Моисей вознес на шесте, наверняка был изображением летучего змея, Сарафа, это более чем очевидно». Еще раз в Книге пророка Исайи сарафы упоминаются в видении Яхве, восседающем на престоле в святой святых Иерусалимского храма (Ис. 6, 1–7). Несмотря на то, что в этом фрагменте они несколько очеловечены (имеют лица, руки и ноги), Петров не сомневается, что они являются теми же самыми «змееобразными существами, убивающими своим огненным ядом».

Добавим, что некие «летающие пресмыкающиеся» упоминаются во Второзаконии и параллельном месте из Книги Левит: «Все крылатые пресмыкающиеся нечисты для вас, не ешьте (их)» (Втор. XIV, 19); «Все животные пресмыкающиеся, крылатые, ходящие на четырех ногах, скверны для вас» (Лев. XI, 20).

Что касается херувимов или керувов, то, по указанию Петрова, ветхозаветная традиция представляла их в качестве крылатых львов, как правило, с человеческими головами, т. е. сфинксов. Доподлинно не известно, существовал ли в прошлом реальный прообраз этого существа, хотя вавилонский историк и жрец бога Бэла Беросс (ок. 350/340 – ок. 280/270 до н. э.) писал в «Вавилонской истории» (Кн. I. Фрагмент F1): «Было, говорит, время, когда все было мраком и водой, и в них зародились чудовищные существа, имеющие необычный облик. Ибо появились двукрылые люди, а некоторые четырехкрылые и двулицые, тело имели одно, а голов – две, мужскую и женскую, и стыд двойной, мужской и женский. И другие еще люди, кто с козьими ногами и рогами, кто с лошадиными ногами, кто с задней частью коня, а передней – человека, эти имели облик гиппокентавров. Народились и быки с человеческими головами, и собаки с четырьмя телами, с рыбьими хвостами, торчащими сзади, и собачьеголовые кони, и люди, и другие существа, имеющие головы и тела лошадиные, а хвосты – рыбы, и прочие существа имеющие формы разнообразных животных. Кроме них рыбы, и гады, и змеи, и много других удивительных существ, попеременно соединявших в своем облике черты друг друга. Изображения их выставлены в храме Бела».

Кажущееся на первый взгляд шокирующим отождествление Либенфельсом ангелов и богов с динозаврами подкрепляется свидетельством каббалистической традиции, согласно которой Каин, зачатый от эдемского змея (по версии Либенфельса – динозавра), а также его потомки своим внешним обликом были подобны богам/ангелам: «И она (Ева) видела, что его (Каина) подобие – это не подобие людей, а подобие богов. И она пророчествовала и сказала: я получила человека с богом» (Пиркей де-рабби Элиэзер); «Рабби Иосе сказал, что когда потомки Каина ходили по земле, то они разгладили лицо земли и что они имели сходство и с тем, что ввыси – с ангелами небесными, и с тем, что внизу – с людьми» (Зогар, Берешит А, 464).

Опять-таки не станем забывать, что именно прямоходящий эдемский змей приобщил человека к плодам с дерева познания, после чего тот буквально уподобился богам, знающим добро и

зло (Быт. 3:4–5). Т. е. на момент искушения Евы сам змей уже знал, что такое добро и зло, в отличие от человека, пребывавшего с «закрытыми глазами». Это обстоятельство недвусмысленно свидетельствует о богоподобии самого эдемского змея.

Согласно одной из трактовок, настоящий отец Каина – змей Сатанаэль (Сатанаил) – использовал в качестве «орудия любви» свой хвост, в котором заключалась его сила, что соответствовало суффиксу эль (ил) его имени. После того как в наказание этот хвост был отрублен, он перестал быть Сатанаилом, Ангелом, Сыном Божиим и стал собственно «сатаной». Самое же любопытное заключается в том, что у некоторых динозавров основной объем мозга действительно находился не в голове, а в хвостовой части. Советский биолог, писатель и популяризатор науки И. И. Акимускин (1929–1993) в книге «Исчезнувший мир» (1982) пишет, что у стегозавра (того самого, чье изображение фигурирует на рельефе из храма Та Прохм в Камбодже) помимо головного мозга (объемом с грецкий орех) был еще задний, крестцовый мозг, на который он главным образом и полагался. В крестце стегозавра находилась обширная, раз в двадцать более вместительная, чем в голове, мозговая полость. Случай уникальный, но не исключительный: объем крестцового мозга бронтозавра также во много раз превышал объем его головного мозга.

Примечательно, что в каббалистической традиции оскотлению подвергаются все главные персонажи, ассоциирующиеся с реликтовыми чудовищами. Основатель Палестинского института фольклора и этнологии, ориенталист, антрополог и библиист Рафаэль Патай в исследовании «Иудейская богиня» (1967) указывает, что брак Самаэля (известного также как «ангел Сатана», или «другой Бог») и первой жены Адама Лилит не получил одобрения, т. к. Бог не желал, чтобы они заселили мир своим «демоническим потомством», и потому кастрировал Самаэля. По мнению Патая, эта мифологема, фигурирующая в нескольких каббалистических книгах XVII в., основана на отождествлении Самаэля и Лилит с «Левиафаном, змеем прямобегающим и Левиафаном, змеем изгибающимся» (Ис. 27:1) и на новой интерпретации старого талмудического мифа, согласно которому Бог кастрировал «мужчину Левиафана» и убил «женщину Левиафана», чтобы предотвратить их близость и уничтожение земли. В другом каббалистическом тексте XV–

XVI в. мидрашистское утверждение об «охлаждении» Богом «женщины Левиафана» интерпретируется не как ее буквальное убийство, а в том смысле, что Бог сделал Лилит бесплодной.

Наиболее впечатляющим доводом в пользу предположения Либенфельса служит изображение древнейшего египетского бога Атума, представленного на папирусе 47.218.156 из Бруклинского музея в виде вертикально стоящего на двух ногах змея, в руках которого находится диск или шар с заключенным внутри человеком (фото 65). Возглавлявший гелиопольскую эннеаду¹ бог Атум, считался первым существом, возникшим (создавшим сам себя) из первобытного хаоса (первозданного океана Нуна) в облике змея, а также «единым хозяином» первотворения до того, как небо отделилось от земли. Образ старика, которым иногда изображался Атум, перекликается с ветхозаветным, а впоследствии и христианским образом таинственного седовласого «Ветхого днями» (цер.-слав. ветхій денми) из Книги пророка Даниила (Дан. 7:9) и Откровения Иоанна Богослова (Откр. 1:12-14).

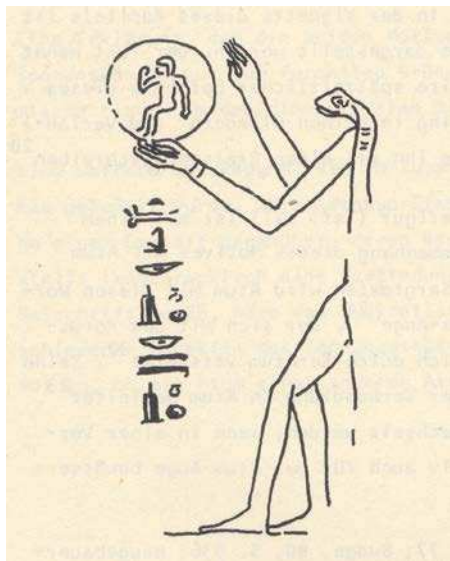

Фото 65. Атум-Змей. Папирус Бруклинского музея, 47.218.156 (по изданию: *Myśliwiec Karol Studien zum Gott Atum. Band I, Die heiligen Tiere des Atum. Gerstenberg. 1978. Abb. 59.*).

¹ Эннеада, или Великая эннеада – девятка изначальных богов Гелиополя: Атум, Шу, Тefнут, Геб, Нут, Осирис, Исида, Сет, Нефтида.

Добавим, что внешний облик Атума-змея на папирусе из Бруклинского музея практически в точности совпадает с единственным известным на сегодняшний момент изображением Номмо в виде железной догонской статуэтки из коллекции Лестера Вундермана (Нью-Йорк), возраст которой составляет 300–400 лет (фото 66). Номмо представлен вертикально стоящим на двух ногах и опирающимся на довольно массивный змеиный хвост существом с фаллоподобной змеиной головой, слегка склонившимся вперед и держащим согнутые руки на уровне груди в позе боксера.

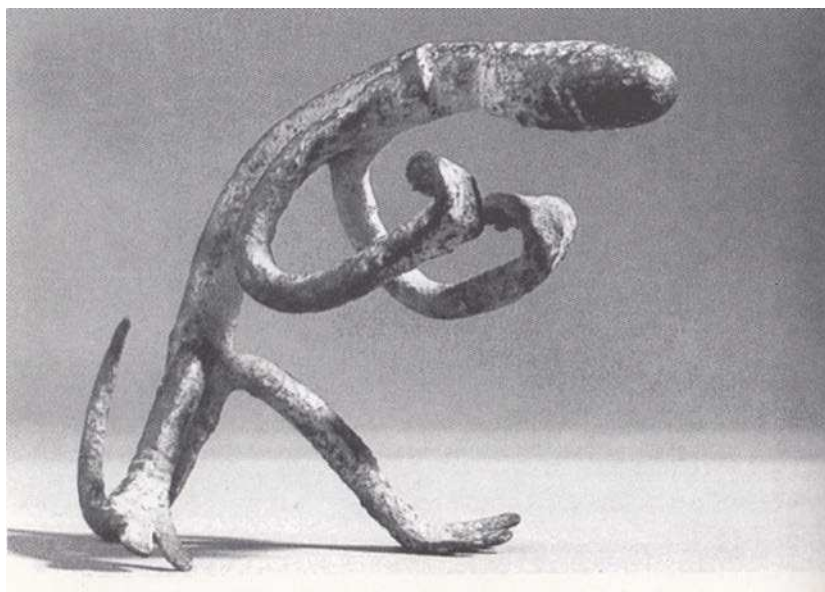

Фото 66. Единственная известная догонская статуэтка, изображающая Номмо. (Коллекция Лестера Вундермана, Нью-Йорк. Фото Лестера Вундермана, по изданию: Темпл Р. Мистерия Сириуса. М.: «Эксмо», 2005.).

С известной долей осторожности к категории такого рода существ можно причислить шумерских допотопных перводивиллизаторов анедотов. Беросс в «Вавилонской истории» описывает их как ужасных своим внешним обликом существ с головой и телом рыбы, но с человеческими ногами и лицом,

периодически появлявшихся из вод Персидского залива. К сожалению, сочинение Бероса дошло до нашего времени лишь в отдельных отрывках и цитатах, которые воспроизводятся некоторыми античными авторами. Вот как звучит история аннедотов в кратком пересказе греческого ученого Луция Корнелия Александра Полигистора (100–40 до н. э.): «В первый год появилось из Красного моря, в том месте, что вблизи Вавилонии, ужасное существо по имени «Оан», тело у него все было рыбье, а из-под головы, из-под рыбьей головы, росла другая голова, и подобным же образом человеческие ноги росли рядом с рыбьим хвостом. Голос же у него был человеческий. Изображение его и теперь еще сохраняется. Это существо дни проводило среди людей, не принимая никакой пищи, и научило людей грамоте, и математике, и владению искусствами разного рода, научило жить в городах, основывать храмы, устанавливать законы, и геометрии научило, и показало, как собирать зерно и плоды, и вообще научило всему, что относится к культурной жизни. С того времени ничего больше уже не было изобретено. С заходом солнца существо это ныряло назад в море и ночи проводило в пучине. Потому что было оно амфибией. Позже появились и другие существа, подобные этому, о которых рассказывается в царских записях. Оан же написал рассказ о творении и государственном устройстве и передал его людям».

В изложении греческого писателя и грамматика Аполлодора Афинского (ок. 180 – после 120 до н. э.) этот пересказ выглядит следующим образом: «Берос пишет, что Амор, халдей из Вавилонии, был первым царем Вавилона. Он царствовал десять саров¹. Следующим царствовал Алапар, и после Алапара – Амелон из города Паутибибла. И после Амелона царствовал халдей Амменон. Во его правление из Красного моря (Персидского залива) появилось чудовище Оан, аннедот. Александр Полигистор утверждает, что это произошло в первом году его господства, Берос – после 40 саров, а Абиден говорит, что оно было вторым чудовищем, вторым аннедотом, появившемся после 26 саров. После Амменона Амегалар из города Паутибибла царствовал 18 саров. После него началось царствование Дана, пастуха из города Паутибибла, он правил 10 саров. Берос говорит, что во время его правления чудовища появились еще

¹ Сар – единица времени, составляющая 3 600 лет.

раз, четверо из них – из Красного моря (Персидского залива), с тем же упомянутым выше обликом человека и рыбы. Затем Эведоранх из города Паутибибла царствовал 18 саров. В его правление также из Красного моря (Персидского залива) появилось подобное рыбе и человеку существо, имя которому было Одакон. Берос говорит, что это чудовище подробно объяснило то, что до этого было рассказано в краткой форме Оанами. Абиден ничего не говорит о нем. Затем началось правление Амемпсина, халдея из Ларанха. Он был царем 8 саров. Затем началось правление Отиарта, халдея из Ларанха. Он царствовал 8 саров. Затем, после смерти Отиарта, его сын Ксисутр царствовал 8 саров. В его правление произошел Великий Потоп. Всего было 10 царей, царствовавших 120 саров».

Американский исследователь Роберт Темпл в работе «Мистерия Сириуса»¹ (1976) указывает, что важным доводом в пользу реальности анекдотов служат их имена-эпитеты: «мурсар» – «мерзость», «аннедот» – «некто отвратительный». Если бы речь шла о сугубой фантазии, мы должны были ожидать рассказа о деяниях прекрасных и могучих богов и героев – образца для последующих поколений. Вопреки этому, существа, которым вавилоняне поклонялись как основателям своей цивилизации, именуется ими «отталкивающими» и «омерзительными».

С преданием об анекдотах тесно связаны шумеро-аккадские представления об Абгаллу (шум. Абгаль, аккад. Апкаллу) – основателях первых семи шумерских городов, явившихся к людям из мировой пресноводной бездны Абзу (Апсу, Энгурра). Абгаллу служили первым шумерским царям в качестве советников, министров и жрецов создавшего их бога Энки, который явился из «далеких вод» Абзу. В шумерской литературе IV–III тыс. до н. э. последний также считается земноводным: «Энки в болотах, в болотах лежит, стираясь».

В том же самом ряду земноводных героев-цивилизаторов находится фигура бога Дагона – покровителя земледелия, а впоследствии и бога войны у финикийцев и филистимлян. Дагон представлялся в качестве получеловека-полурыбы, кото-

¹ Temple, Robert K. G. The Sirius mystery: new scientific evidence of alien contact 5, 000 years ago. St. Martin's Press, 1976. Русский перевод: Темпл Р. Мистерия Сириуса. М.: «Эксмо», 2005.

рый изобрел плуг, научил людей сеять зерно и печь хлеб. Основные качества Дагона прочно закрепились в этимологии его имени: на древнееврейском языке «даг» означает «рыбу», а «даган» – «зерно».

Следы шумеро-вавилонских преданий об аннедоте Оанне отчетливо прослеживаются в ветхозаветной, а впоследствии и христианской традиции. Один из эпитетов аннедотов «мусар» (в переводе Темпла означающий «мерзость») перекочевал в иврит, трансформировавшись в понятие «учение», «мораль» или «наставление», соответствующее славянскому «наказание» (от слова «наказ»). С символизмом воды и рыбы, как мы говорили выше, тесно связаны имена и образы пророка Ионы и Иоанна Предтечи, обряды Крещения и Евхаристии.

В древнегреческой мифологии шумеро-вавилонским аннедотам соответствует основатель Афин и первый царь Аттики – Кекроп, даровавший афинянам письменность, законы и государственность. Он и его сын Эрихтоний, первым впрягший коней в колесницу, основавший состязания на колесницах и учредивший Элевсинские мистерии, описываются как существа с человеческим телом и рыбьими (вариант – змеиными) хвостами. Новорожденного Эрихтония взяла под покровительство богиня Афина, он рос в ее святилище, помещенный в плетеную корзину с плотно закрытой крышкой, которую охраняли две змеи и дочери Кекропа. Несмотря на строгий запрет Афины, дочери Кекропа открыли корзину с Эрихтонием, чтобы увидеть таинственного младенца, после чего их охватило безумие: они выбежали из святилища и бросились с отвесных скал Акрополя, разбившись насмерть.

Еще менее радужен образ порожденных Геей змееногих гигантов, которые стали забрасывать небо огромными скалами и горящими дубами, дабы уничтожить богов-олимпийцев и стереть с лица земли все человечество. Вот как описаны они у Аполлодора Афинского: «Гея, негодуя по поводу того, что произошло с титанами, родила от Урана гигантов, обладавших огромным ростом и необоримой силой. Они внушали ужас своим видом, косматыми густыми волосами и длинными бородами. Нижние конечности их переходили в покрытые чешуей тела драконов»¹.

¹ Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972.

В связи с предположением Либенфельса не лишним будет еще раз упомянуть поучествовавших в генезисе человечества догонских культурных героев Номмо и древнекитайскую богиню Нюйва, не только починившую разрушенные после потопа небеса, но и вылепившую из глины людей. Брат и супруг Нюйвы Фуси научил людей письменности и изобрел систему триграмм и гексаграмм, описанную в Книге Перемен. Примечательно, что эти знаки Фуси скопировал со спины другого земноводного – дракона Ин-луна, появившегося из вод реки Хуанхэ (по другому варианту – Янцзы). Система гексаграмм, предложенная Фуси, полностью соответствует предложенной Лейбницем двоичной системе счисления, которая лежит в основе современной компьютерной техники. В Книге Перемен также утверждается, что Фуси и Нюйва изобрели рыбацкую сеть. Темпл предполагает, что здесь, возможно, содержится скрытый намек на изобретение системы параллелей и меридиан.

Фуси приписывается авторство «теории Гай Тянь» – древнейшей космологической модели, описывающей ночное небо как видимый изнутри полусферический купол. Происхождение этой теории описано в истории династии Цзинь (265–420 н. э.): «Фуси установил градусную меру для измерения окружности небес... Солнце проходит через семь барьеров (кругов склонения) и через шесть дорог (между ними). Диаметр и длину окружности каждого из барьеров... можно вычислить, используя метод подобных прямоугольных треугольников и измеряя длину солнечной тени, отбрасываемой гномоном¹». Известный исследователь традиционной китайской цивилизации, автор масштабного 14-томного исследования «Наука и цивилизация в Китае» (1954–1990), британский биохимик, эмбриолог и синолог Джозеф Нидэм (1990–1995) отмечал, что аналогичная концепция существовала и в Вавилонии: «По всей видимости, она была заимствована как западными народами –

¹ Гномон – древнейший астрономический инструмент, представляющий собой вертикальный предмет, позволяющий по наименьшей длине его тени определить угловую высоту Солнца. Кратчайшая тень указывает и направление истинного меридиана. Гномоном также называют часть солнечных часов, по тени от которой определяется время.

² *Needham J. Science and Civilisation in China. Vol. III. Cambridge, 1959. P. 213.*

в частности, греками, так и восточными – в первую очередь, китайцами»¹. По мнению Нидэма, образ Оаннеса пришел на Восток вместе с астрономическими знаниями.

Темпл упоминает о китайских резных изображениях на кости, чей возраст составляет почти 2000 лет, на которых представлены земноводные существа с хорошо различимыми хвостами, похожие на Номмо и шумерских аннедотов². Рядом с изображениями присутствуют иероглифы со значением «дракон». В 1913 г. Л. Хопкинс опубликовал описание собранной им большой коллекции подобных изображений, снабженное четырьмя фотоснимками. К сожалению, местонахождение этой уникальной коллекции в настоящий момент не известно.

Когда в 1945 г. Нидэм посетил западные районы Китая, он еще застал там храмы, в которых поклонялись Фуси и на стенах которых можно было увидеть изображения существ, напоминающих русалок³. Темпл, в свою очередь, многозначительно замечает, что наличие подобных изображений в надежно датированных погребениях династии Хань ставит перед историками трудную дилемму: либо речь здесь идет о неожиданно широких культурных контактах между Поднебесной и Ближним Востоком, либо «о вещах несравненно более странных».

После приведенных примеров гипотеза Либенфельса о репильной природе человеческих прото-богов не выглядит столь уж чудовищной ересью. По мнению Либенфельса, боги, представлявшие собой «древние племенные формы рода человеческого и человеческих рас», обладали более совершенными «электрическими органами чувств», оказывающими «удивительное воздействие на некоторые жизненные процессы». К числу рудиментов таких древних органов Либенфельс относит: гипофиз; щитовидную железу; главную кость бедренной области позвоночного столба; надпочечник, являющийся «древнейшим образованием, находящимся в связи с некоторыми органами рыб и земноводных»; шишковидную железу (рудимент теменного глаза стегоцефалов), рассматриваемую автором наряду с гипофизом в

¹ Ibid, p. 212.

² Hopkins L. C. Dragon and Alligator: being notes on some Ancient Inscribed Bone Carvings. J. of the Royal Asiatic Society, July, 1913. P. 545–52, Plates 1–111.

³ Needham J. Science and Civilisation in China. I, P. 163.

качестве электрического (или магнитного) органа. Благодаря силам и свойствам их телесных органов «нашим богозвериным пращурам» были известны беспроводное электричество и его энергетические законы, боги являлись «не только живыми электрическими приемными станциями, но и электрическими энергопроизводящими и энергопередающими станциями». Развивая свою мысль, Либенфельс обращает внимание на совершенно бесполезные, на первый взгляд, панцири с пластинами и колючками у динозавров, служившие, по его мнению, «в качестве выступов и поверхностей, генерирующих электроэнергию».

Оставляя пока без комментариев утверждение Либенфельса об электрической природе сверхспособностей протобогов, мы, тем не менее, должны признать, что в самых разных религиозно-мифологических традициях змеи и драконы наделяются целым букетом сверхъестественных (в нашем разумении) качеств. К их числу относится и немаловажное умение ускользать от досужего человеческого внимания. Невзирая на это, сообщения, повествующие о современных встречах с сухопутными и водоплавающими существами, подозрительно напоминающими «ископаемых» рептилий, при желании можно обнаружить во всех уголках земного шара.

КАРАДАГСКИЙ РЕЛИКТ

Реликтовых существ, с завидным постоянством ускользающих из поля зрения академической науки и при этом с не меньшим постоянством заставляющих не забывать о себе массовую аудиторию, принято относить к т. н. «криптидам», от греческого слова κρυπτω, что означает «скрытый». Энтузиасты-криптозоологи, занимающиеся поиском и изучением этих необычных животных, утверждают, что в настоящий момент на Земле обитает гораздо больше видов живых существ, чем это признает официальная наука.

Российский исследователь А. Петухов произвел выборку некоторых наиболее достоверных свидетельств о встречах с реликтовыми существами, опубликованных в отечественных и зарубежных источниках, и осуществил ее статистический анализ. Разумеется, обработке подверглась лишь небольшая часть известных на сегодняшний день показаний очевидцев. Тем не менее, предварительный анализ даже такой ограниченной выборки продемонстрировал весьма любопытные результаты. Из 525 обработанных свидетельств 51% приходится на встречи с морскими «криптидами», 30,5% относится к чудовищам, замеченным в озерах и реках, а 10,5% и 8% рассказывают о столкновении с сухопутными и летающими монстрами. Таким образом, именно на мировой океан и материковые водные бассейны приходится более 80% свидетельств о встречах с реликтовыми существами. Наиболее известным и популярным представителем водоплавающих криптидов, фигурирующим в мифах различных народов всего мира и многочисленных рассказах очевидцев, является т. н. морской змей.

Весной 1858 г. археологическая экспедиция Керченского музея во главе с его директором А. Е. Люценко приступила к раскопкам т. н. Павловского кургана – одного из самых значительных курганов некрополя древнего Пантикапея, относящегося к периоду расцвета Боспорского царства (360–330 до н. э.). Во время раскопок была обнаружена гробница, состоявшая из шести рядов тесаных камней и покрытая пятью каменными плитами. Две крайние плиты обрушились вместе с землей на роскошный деревянный саркофаг с расписными и позолоченными

стенками, изящно украшенными ионическими колонками, инкрустированными янтарем. В саркофаге покоились останки молодой женщины с большим набором золотых украшений. На пальцах ее левой руки было надето три золотых перстня. На синей стеклянной вставке одного из них изображено море, по которому плывет загадочный морской змей в окружении дельфинов и других рыб.

Писатель-крымовед А. В. Васильев в статье «Крымский бестиарий» пишет: «Если бы участники раскопок знали знаменитую легенду о Карадагском змее, они сразу бы догадались, что имеют дело с древнейшим артефактом, доказывающим тот факт, что уже в IV столетии до Рождества Христова жители Боспорского царства были знакомы с самым популярным чудовищем Черного моря».

Скептически настроенные ученые посчитали, что на перстне изображен мифический дракон, чьим реальным прототипом в греческих мифах, по их мнению, служил всего-навсего маленький морской конек. Для тех же, кто верил в легенду о Карадагском змее, перстень из Павловского кургана явился первым вещественным звеном в цепи доказательств существования крымского реликтового существа.

О существовании в Черном море гигантского чудовища сообщает в своих книгах «Тайная история» и «Война с готами» византийский историк и писатель Прокопий Кесарийский (VI в.). Подробная история этого монстра, именуемого Порфирионом, приводится в 29 разделе III книги «Войны с готами». Черноморское чудовище более 50 лет терроризировало Византийскую империю и прилегающие к ней страны – потопило множество судов и постоянно держало в страхе греческих моряков. Однажды оно появилось у устья реки Сагарис (ныне турецкая река Сакарья, впадающая в Черное море). Здесь оно начало охотиться за дельфинами, проглотив нескольких из них. Далее византийский историк сообщает: «Но затем под влиянием то ли голода, то ли жажды борьбы оно продолжало их преследовать, пока незаметно не подплыло близко к берегу. Попав здесь на глубокий ил, оно стало биться и всячески двигаться, чтобы возможно скорее уплыть отсюда, но никак не могло сдвинуться с отмели, и еще сильнее засасывалось илом и грязью. Когда слух об этом прошел по всем окрестностям, все

бегом бросились сюда, поражая его непрерывно всякого рода топорами, не только его убили, но и вытащили крепкими веревками на берег».

По свидетельству Прокопия, длина чудовища составила 30 локтей (ок. 10 м), ширина 10 локтей. Местные жители разрезали чудовище и частично съели, а частично засолили на зиму.

Интересно, что с рекой Сагарис связана история еще одного монстра, по всей вероятности, двоюродного брата Карадагского змея. О нем сообщает римский писатель Гай Юлий Гигин (ок. 64 до н. э. – 17 н. э.), назначенный императором Октавианом Августом главой основанной им в 28 г. н. э. Палатинской библиотеки, располагавшейся в Риме при храме Аполлона на холме Палатин. Гигин пишет, что на берегах реки Сагарис Геракл удушил змея, сгубившего множество людей и опустошавшего окрестности.

Начало эпохи современных наблюдений Карадагского змея принято связывать с именем Максимилиана Волошина (1877–1932), прошедшего последние годы своей жизни в Коктебеле. Информация об этом содержится в предисловии писателя Всеволода Иванова (1895–1963) к собранию своих фантастических рассказов, опубликованных спустя четверть века после его смерти в сборнике «Пасмурный лист» (1987). Там же писатель рассказывает о личном столкновении с Карадагским змеем и приводит свидетельства других очевидцев, наблюдавших чудовище.

14 мая 1952 г., наблюдая за дельфинами, охотившимися за кефалью в водах коктебельской Сердоликовой бухты, Иванов увидел объект, находившийся в 50 м от берега и в 200 м от него, который он принял вначале за большой, метров 10–12 в окружности, камень, обросший бурыми водорослями, или клубок водорослей. Однако в 12:15 «клубок» развернулся, вытянулся и волнообразными движениями поплыл против течения к тому месту, где находились дельфины, т. е. к левой стороне бухты. Иванов пишет: «Реальности видимого мной мешало расстояние, блеск солнца на воде, но вода была прозрачна, и оттого я видел тела дельфинов, которые были вдвое дальше от меня, чем чудовище. Оно было велико, очень велико, метров 25–30, а толщиной со столешницу письменного стола, если ее повернуть боком. Оно находилось под водой на полметра-метр

и, мне кажется, было плоское. Нижняя часть его была, по-видимому, белая, насколько позволяла понять это голубизна воды, а верхняя – темно-коричневая, что и позволило мне принять его за водоросль. <...> Чудовище, извиваясь, так же как и плывущие змеи, не быстро поплыло в Страну дельфинов. Они немедленно скрылись. <...> Угнав дельфинов и, может, быть, и не думая за ними гнаться, чудовище свернулось в клубок, и течение понесло его опять вправо. Оно снова стало походить на коричневый камень, поросший водорослями. Отнесенное до середины бухты, как раз к тому месту или приблизительно к тому, где я его увидел впервые, чудовище снова развернулось и, повернувшись в сторону дельфинов, подняло вдруг над водой голову. Голова в размер размаха рук похожа была на змеиную! Глаз я по-прежнему не видал, из чего можно заключить, что они были маленькие. Подержав минуты две голову над водой, – с нее стекали большие капли воды, – чудовище резко повернулось, опустило голову в воду и быстро уплыло за скалы, замыкавшие Сердоликовую бухту... Я посмотрел на часы. Было без трех минут час. Я наблюдал, за чудовищем сорок минут с небольшим».

Далее Иванов приводит рассказ «хранительницы всех коктебельских преданий и обычаев» Марии Степановны Волошиной о заметке, напечатанной в 1921 г. в местной феодосийской газете, где говорилось, что в районе горы Карадаг появился «огромный гад» и на его поимку отправлена рота красноармейцев. О величине «гада», равно как о его дальнейшей судьбе, не сообщалось. Волошин передал эту вырезку Михаилу Булгакову, и она легла в основу знаменитой повести «Роковые яйца». Кроме того, Мария Степановна сообщила Иванову, что в поселке тоже недавно видели «гада», и направила его за подробностями к Н. Габричевской, жене искусствоведа Габричевского, безвыездно живущей в Коктебеле. От нее Иванов узнал следующее: «Ранней весной этого года, по-видимому, в первых числах марта, соседка Габричевской, колхозница, переехавшая сюда недавно из Украины, прибежала, проклиная эти места. Недавно была буря. Дров в Коктебеле мало, а после дождей и весной ходить за валежником в горы трудно. На берегу же после бурь находят плавник. Колхозница и пошла собирать дрова. Она шла берегом моря, мимо так называемой «могилы Юнга», все дальше и дальше вдоль берега обширной Кокте-

бельской бухты в направлении мыса Хамелеон. Не доходя до оконечности мыса, она увидела на камнях какое-то большое бревно, с корнями, оборванными бурей. Очень обрадовавшись находке, она бросилась бегом к камням, и когда почти вплотную подбежала к ним, бревно вдруг качнулось, то, что она считала камнем, приподнялось. Она увидела огромного гада с косматой гривой. Гад с шумом упал в воду и поплыл в направлении Карадага. Колхозница уж и не помнила, как дошла домой».

Одно из наиболее значительных документальных свидетельств существования черноморского реликтового чудовища было опубликовано бывшим директором Карадагского отделения Института Биологии Южных Морей П. Г. Семеньковым в первом номере «Геологического журнала» за 1994 г.:

«7 декабря 1990 г. бригада рыбаков Карадагского филиала ИнБЮМ АН Украины¹ в составе Цабанова А. А., Нуйкина И. М., Сыча М. М. и Герасимова Н. В. вышла в море для проверки сетей, поставленных для отлова черноморских скатов. Сеть представляет собой полотно шириной 2,5 м и длиной 200 м с размером ячеи 200 мм. Установлена была на глубине 50 м с координатами на расстоянии 3 миль по направлению юго-восток от бухты Лягушачья и 7 миль на юг от поселка Орджоникидзе. На место прибыли около 12 часов по полудню и начали переборку сети с южного конца. Через 150 м сеть оказалась оборванной, и рыбаки решили, что при постановке они бросили свою сеть поверх чьей-то другой, и хозяин нижней сети вынужден был обрезать верхнюю для того, чтобы проверить свою. Они зашли с другого конца сети и продолжили проверку. Когда подошли к оборванному краю, то вытащили на поверхность дельфина – черноморскую афалину размером около 230 см, хвост которого был запутан в сетку. Подтянув дельфина к носу мотопельюги, рыбаки обнаружили, что живот дельфина выкушен одним укусом. Ширина укуса по дуге около 1 м. По краю дуги на коже дельфина были четко видны следы зубов. Размер следа от зуба около 40 мм. Расстояние между следами зубов около 15–20 мм. Всего по дуге было около 16 следов зубов. Живот у дельфина был выкушен с ребрами,

¹ Институт биологии южных морей имени А. О. Ковалевского; начиная с 2015 г. – Институт морских биологических исследований имени А. О. Ковалевского РАН.

так что четко просматривался позвоночник. В районе головы болтались остатки легких, с которых при подъеме стекала кровь. Следы зубов четко просматривались по обоим бокам, причем расположены были симметрично.

Голова дельфина была сильно деформирована, равномерно сжата со всех сторон, как будто ее пытались протолкнуть в узкое отверстие. Глаз не было видно, и деформированная часть имела белесый цвет, напоминающий цвет рыбы, вытасценный из желудка другой рыбы.

Осмотр дельфина продолжался не более трех минут. Вид дельфина и текущая кровь вызвали сильнейшую панику среди рыбаков. Один из них обрезал сетку, дельфин упал в море, и рыбаки на полной скорости ушли из этого района домой.

Я увидел рыбаков сразу же по возвращении их с моря, подробно расспросил о случившемся, и по их рассказу художник сделал зарисовку увиденного ими дельфина.

Весной 1991 г. рыбаки привезли второго дельфина с аналогичными следами зубов на теле. Это была азовка размером полтора метра. Вытащили ее из сети, которая была установлена приблизительно в том же месте, что и 7 декабря 1990 г.

На этот раз сеть не была порвана, и почти весь дельфин был сильно запутан в сети, завернут как кукла, так что наружу выглядывала одна голова. Следы трех зубов были хорошо заметны на голове дельфина. По внешнему виду они точно походили на следы зубов на теле дельфина афалины.

Привезенного дельфина положили в холодную камеру, и в мае 1991 г. я, будучи в Ленинграде, зашел в Институт зоологии, беседовал с рядом сотрудников, приглашал к нам для осмотра азовки. К сожалению, никто из сотрудников не смог поехать, однако я получил адрес специалиста по следам, обнаруживаемым на теле морских млекопитающих, добываемых на промысле в океане. Это были сотрудники ЮгНИРО¹, работающие в Керчи и Одессе. С одним из них мне удалось связаться по телефону. Я подробно описал следы, обнаруженные на теле дельфинов, запутавшихся в наших сетях, и пригласил его для осмотра азовки, хранящейся у нас в холодной камере. Мне было обещано, что он постарается найти время для приезда к нам

¹ ЮгНИРО – керченский филиал Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО).

в учреждение. Однако ни в мае, ни в июне, ни в июле никто к нам так и не приехал. В конце августа случилась авария, и все, что находилось в холодной камере, пропало, в т. ч. и дельфин. Вот это точное описание событий, произошедших в декабре 1990 г. и в апреле 1991 г.».

Рассматривая гипотезы, объясняющие причины гибели дельфинов и происхождение следов на их трупах, Семенов пишет: «Ни один из известных науке обитателей Черного моря не смог удостоиться чести попасть в кандидаты на роль “убийцы”. Более того, даже известные обитатели Мирового океана, окажись они гостями в Черном море, не смогли бы оставить на теле дельфинов таких следов. И тут самое время вспомнить о легендарном чудовище, якобы обитающем в Черном море. Первое упоминание о нем встречается в крымских легендах. Не забыто оно и в наше время. Несмотря на то, что официально сведения о нем попадали в разряд дурных сенсаций и опубликованию не подлежали, все же свидетельства очевидцев о встрече с ним на суше и в воде у крымских берегов иногда появлялись на страницах периодической печати, особенно издающейся в Крыму. Мы не ставили перед собой задачу систематизировать все сведения о крымском чудовище, упоминавшиеся в публикациях периодической печати, однако следует признать, что реально зарегистрирован факт гибели двух дельфинов, и следы на теле этих животных соответствуют сведениям о размерах и повадках крымского чудовища. Может быть, настало время, когда ученые отбросят скепсис или снобизм и внимательно и непредвзято займутся анализом хотя бы тех фактов, которые случайно попадают в их поле зрения?»

Статья директора Карадагского заповедника заинтересовала академика Национальной академии наук Украины, геолога Е. Ф. Шнюкова. В книге «Сокровища и загадки» (1996) он пишет, что вместе с Семеновым они посетили некоторых из его знакомых, видевших загадочное чудовище. В конечном итоге Шнюкову удалось собрать следующие свидетельства, которые он опубликовал на страницах своей книги.

Корреспондент газеты «Судакский вестник» А. Н. Овчинников видел змееобразное существо несколько лет назад в море, с двадцатиметровой высоты мыса Французенка. Бросившиеся враспынную дельфины бежали от этого змея. По данным

Овчинникова, в 30-е гг. рыбак из Кучук-Ламбата (ныне Малый Маяк), татарин по национальности, столкнулся в «каменном хаосе»¹ со змеем. Подоспевшие рыбаки спасли его. Однако его парализовало, и он умер через месяц. Сын погибшего рассказал Овчинникову, что перед смертью тот упоминал некую «Собачью башку».

В 1967 г. Людмила Сегеда осенним вечером на прогулке в Арматлукской долине переступила через бревно. Услышав сзади всплеск, она увидела огромного, толщиной с бревно, змея, переползающего из одного водоема в другой. Бревна, через которое она переступила, на месте не было.

По данным В. М. Костюкова, тридцать лет работавшего рыбинспектором, легенды о змее чрезвычайно распространены среди рыбаков Восточного Крыма. Согласно его же свидетельству, один из чабанов видел в районе Чауды у мыса Салар змееподобное существо с большой головой, туловище которого напоминало столб. Дельфины в панике исчезли, когда змея, извиваясь, стала приближаться к ним.

Шнюков пишет, что в историческом плане существование чудовища прослеживается на протяжении как минимум нескольких столетий вплоть до наших дней: «Обращает на себя внимание как бы сужение ареала обитания чудовища. В прошлом веке оно устанавливалось от Тарханкута до Карадага и, очевидно, восточнее. Перед второй мировой войной его наблюдали у Кучук-Ламбата (Малый Маяк), у Аю-Дага, на Казантипе в Азовском море. В наши дни фактически более или менее достоверные свидетельства указывают на один район – Карадаг».

Примечательно, что для Крымского полуострова не менее характерны многочисленные свидетельства столкновения с наземными змеями аномальных размеров. Описание сухопутного «гада» фигурирует в сообщении, опубликованном в 7-м томе «Универсального описания Крыма» (1875) краеведа В. Кондараки. Автор пишет, что в евпаторийском уезде появилась огромная змея с заячьей головой и подобием гривы, которая нападала на овец и высасывала из них кровь: «Начальник губернии вынужден был для проверки всего этого откоманди-

¹ Беспорядочное скопление крупных камней.

ровать отдельного чиновника с несколькими казаками, чтобы убить чудовище и, если это возможно, снять шкуру его. Посланному, после долгих поисков, внезапно пришлось наскочить на змею эту, но она быстро скрылась в расщелине около деревни Зумбрюка. Несколько времени после этого один молодой татарин, пастух, вооруженный дубинкою, возвращался по почтовой дороге в селение, как вдруг перед ним выползла змея, имевшая приблизительно 5 аршин длины¹, заячью голову, от которой шла черная полоса по шее, представляющая подобие гривы. Татарин лишь только подметил в ней желание приблизиться к нему, удачным ударом дубинкою размозжил ей голову и изуродовал туловище».

В повести С. Славича «В поисках Киммерии» (1969) приводится рассказ о встрече с гигантской змеей в районе мыса Казантип: «Однорукий чабан заметил под кустом терна что-то блестящее, похожее на отполированный дождями и ветрами бараний череп, и от нечего делать ударил по нему черлыгой². И вдруг случилось невероятное: произошел как бы бесшумный взрыв... взлетел вырванный с корнями терновый куст, взметнулся клуб пыли. Полетели во все стороны куски земли. Чабан оцепенел, перестал понимать, где он и что с ним. Он видел только этот клуб пыли, а в нем своих, словно взбесившихся, овчарок и что-то громадное, с чудовищной силой и быстротой извивающееся. Когда чабан пришел в себя, одна собака была убита, а две уцелевшие с остервенением рвали еще трепыхающееся тело какого-то огромного гада. То, что показалось пастуху бараньим черепом, было головой громадной змеи».

Другой змей, о котором упоминает Васильев, длиной 5–6 м, жил до начала Второй мировой войны возле сероводородного источника в окрестностях Судака, где его видели многие местные жители, приходившие за водой. Этот змей был исключительно миролюбив и только грелся на солнце, демонстрируя похожую на собачью голову с конской гривой.

Весьма доброжелательно настроенные к людям змеи, которые достигали в длину трех метров, водились около Уппинского водопада (село Родное). Они не только не трогали людей, но даже спасали им жизнь.

¹ Около 3,5 м.

² Пастушеский посох.

Намного более зловредным был змей из-под села Азамат (Малиновка) Белогорского района. По рассказам местного 106-летнего старожилы, напасть постигла село в 1915 г., когда поселившийся рядом с селом пятиметровый змей стал убивать овец, коз и прочий домашний скот, пока смельчакам не удалось уничтожить чудовище. О четырехметровой змее с собачьей головой и гривой рассказывали жители сел Татар-Осман, Биюк-Узенбаш (Счастлиное) и Богатырь.

Все эти свидетельства заставляют вспомнить о гигантском полозе – змееобразном существе длиной до 11 м, о котором сохранилось множество легенд у жителей юго-востока Украины. Огромный змей – гроза запорожских казаков, – которого до сих пор ищут украинские криптозоологии, обитал, оказывается, не только на территории Херсонской и Запорожской областей, но и в самом Крыму. Криптозоологи указывают на то, что относительно безобидный полоз не мог стать прототипом столь зловещих легенд, распространенных по всему югу Украины. Ведь загадочный змей мог съесть не только собаку или овцу, но и человека.

По крайней мере, такие истории рассказывали старожилы о чудовище, которое жило на знаменитой скале Ак-кая в районе Белогорска. Как утверждает аксакал Умер Эминов, «до войны его видели несколько раз. Жил змей в пещере, иногда спускался со скалы к реке Биюк-Карасу. Часто утаскивал у пастухов овец и коз. Однажды даже утащил молодого бычка. Был случай, когда схватил мужчину, косившего сено. Его товарищ, бросив косу, побежал за помощью в деревню. Когда прибежали на покос с ружьями, не нашли ни змея, ни косаря, только в траве лежала брошенная коса».

Васильев отмечает, что рассказ о Белогорском змее напоминает греческую легенду об основании Свято-Успенского монастыря в районе Бахчисарая, где обитал не менее злобный его собрат. Как свидетельствовал русский летописец XVII в. Андрей Лызлов, «бисть некогда в оных каменных горах змий великий, людей и скота пожиравший, и того ради людие от места того отбежавши, пусто оставиша, но яко тамо во оно время жили еще греки и генуенсы, молишася Пресвятой Богородице, дабы их от оного змия освободила». Только заступничество Пресвятой помогло избавиться от этой страшной напасти, поэтому на

месте, где обитал монстр, был построен греческий монастырь Панагии – ныне Свято-Успенский монастырь.

Возвращаясь к изображению Карадагского морского змея на перстне из Павловского кургана, следует обратить внимание на то, что изображения морских драконов с узкими мордами, увенчанными рогами, перепончатыми гребнями на шеях, чешуйчатыми телами с крыльями или плавниками – не редкость на предметах античной материальной культуры, обнаруженных в крымской земле. Васильев указывает, что фигуры подобных драконов часто украшали кольца, диадемы, нашивные бляшки.

Доктор исторических наук М. В. Скржинская в книге «Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья» (2010) пишет, что к древнейшим изображениям морского дракона в Северном Причерноморье относятся золотые бляшки конца V в. до н. э. из кургана Куль-Оба; бляшки с таким изображением были нашиты на одежду и покрывала в могилах курганов Большая и Малая Близница. К лучшим изображениям этого «мифического» животного Скржинская относит уже известный нам перстень из Павловского кургана и украшенную гранатами золотую диадему из некрополя Пантикапея (II в. до н. э.). На диадеме изображены два дракона, обрамляющие центральную фигуру крылатой богини. Скржинская сетует, что толкование сюжета этой композиции затрудняется его отсутствием в известных на сегодняшний момент письменных источниках. Мы же отметим, что сюжет, представленный на пантикапейской диадеме, перекликается с тотемными образами змееногой/рыбохвостой женщины с руками-крыльями, представленными на древнейших русских вышивках, и с не менее архаичными рельефами, на которых зафиксирована крылатость земноводных основателей древнекитайской цивилизации Фуси и Нюйва, также не отраженная в письменных памятниках.

ТАЙНЫ ОЗЕРНЫХ МОНСТРОВ

Человеческой жизнью правят не череда упражнений, направленных на разрешение тех или иных проблем, а воображение и миф, которые подчиняются строгим законам.

Jacques Vallee «Autres dimensions: chroniques des contacts avec un autre monde» (1988)

Развивая тему водоплавающих криптидов, невозможно пройти мимо многочисленных историй, связанных с загадочными озерными существами, обитающими в непосредственной близости от человеческого жилья. Безусловная пальма первенства в этом вопросе принадлежит знаменитому чудовищу, обитающему в шотландском озере Лох-Несс. Длина озера составляет 24 мили, а ширина редко превышает одну милю. Весьма внушительная глубина (более 200 м) делает Лох-Несс одним из крупнейших пресноводных водоемов Европы.

Первые сведения о таинственном существе, обитающем в озере, были получены римскими легионерами еще на заре христианской эры. Они поведали миру о загадочном каменном изваянии, созданном местными шотландскими умельцами, с изображением странного длиннеего «тюленя» исполинских размеров. Первое письменное упоминание о чудовище, обитающем в водах озера Лох-Несс, связано с именем знаменитого христианизатора Ирландии св. Колумбы (521–597), которого со всей определенностью можно отнести к уже известному нам разряду покорителей драконов. Отметим, что основанное св. Колумбой аббатство на острове Айона станет одним из важнейших европейских центров монашеской жизни, положивших начало кельтскому монашескому движению, охватившему многие страны Западной Европы и докатившемуся до самого Киева¹. В «Житии святого Колумбы», написанного около 697–700 г. аббатом Айонского монастыря Адомнаном (624–704), интересующий нас эпизод представлен следующим образом:

¹ Согласно житию Мариана Скота, в Киеве кельтская община существовала уже в XI веке.

«В другом случае также, когда блаженный муж несколько дней жил в провинции пиктов, он был обязан пересечь реку Неса (Несс), и когда он достиг берега реки, он увидел некоторых жителей, хоронящих несчастливое человека, который, согласно рассказу тех, кто хоронил его, был недолгое время перед тем схвачен, когда он плавал, и очень жестоко укушен чудовищем, обитавшим в воде. Его несчастное тело было, хотя и слишком поздно, вытащено с помощью крюка теми, кто приплыл в лодке на помощь к нему. Блаженный муж, слушая это, был так далек от того, чтобы быть охваченным ужасом, что он направил одного из своих попутчиков переплыть и переправить через реку плоскодонку, которая была пришвартована к дальнему берегу. И Лугн Мокумин, услышав повеление святого, повиновался ему без малейшего промедления, сбросил всю свою одежду, кроме туники, и прыгнул в воду. Но чудовище, которое было далеко не насытившимся, было всего лишь воодушевлено, чтобы добыть побольше добычи, и лежало на дне потока. И когда оно почувствовало, что вода возмутилась от плавания человека, внезапно выплыло и, подняв ужасный рев, бросилось на него с широко раскрытой пастью, когда человек плыл в середине потока. Тогда блаженный муж, наблюдающий это, поднял свою святую руку, тогда как все, как братья, так и незнакомцы, затрепетали от ужаса, и, взывая к имени Божьему, начертал в воздухе крестное знамение, и приказал свирепому чудовищу, говоря: «Тебе не должно ни идти далее, ни трогать человека, – возвращайся со всей скоростью». Тогда чудовище было испугано голосом святого и сбежало быстрее, чем если бы его оттащили веревками, хотя оно подобралось к Лугну так близко, что между животным и человеком расстояние было не больше, чем длина древка копья. Тогда братья, видящие, что чудовище поплыло обратно и что их товарищ Лугн вернулся к ним в лодке живым и здоровым, были поражены восхищением и воздали славу Богу в блаженном муже»¹.

Начиная с 1933 г. накопилось более тысячи задокументированных случаев наблюдения чудовища как с берега, так и с поверхности воды. В числе очевидцев фигурируют фермеры,

¹ «Житие святого Колумбы». Книга II «О чудесных силах», глава XXVIII «Как водяное чудовище было прогнано добродетелью молитвы блаженного мужа».

священнослужители, рыбаки, юристы, полицейские, политики и даже лауреат Нобелевской премии в области химии англичанин Ричард Л. М. Синдж, наблюдавший существо в 1938 г. Многочисленные научные экспедиции обследовали Лох-Несс, исследователи проводили месяцы, осматривая поверхность озера в бинокли, фраговали мини-подлодки, сканировали глубины с помощью самых современных электронных приборов. Однако озеро по-прежнему ревностно хранит свои тайны.

Известный советский лингвист, биолог и журналист А. М. Кондратов (1937–1993) в книге «Динозавра ищите в глубинах» (1984) приводит любопытные факты, свидетельствующие об особом внимании, которого были удостоены поиски Лохнесского чудовища на самом высоком правительственном уровне.

К примеру, пленка, снятая в 1960-х гг. с горы у берегов Лох-Несс, на которой был зафиксировандвигающийся по озеру загадочный треугольный предмет высотой около 1,5 м, по личному указанию государственного министра Королевских ВВС лорда Эдварда Шеклтона (1911–1994) была передана на экспертизу в Объединенный разведывательный комитет Великобритании. «Каждый кадр был подвергнут тщательному анализу, не менее тщательно были изучены условия, при которых шла съемка: степень освещенности, наличие отражений, направление двигавшегося объекта, положение кинокамеры. Сенсационные кадры сравнили с кадрами, отснятыми в том же самом Лох-Несс в то же утро, – на вторую киноленту сняли лодку, двигавшуюся с той же скоростью, что и Несси, в том же самом направлении. Заключение экспертов было следующим: объект, запечатленный в первом фильме, имел непрерывные очертания. Очертания же лодки во втором фильме получились раздробленными, неслитными. Значит, в фильме, демонстрировавшемся по телевидению, не могла быть изображена лодка, и подводная лодка тоже. Проведя сложные измерения и вычисления, эксперты определили длину объекта, снятого в Лох-Несс, – чуть больше 27 м. Не менее 1,8 м он имел в ширину и 1,5 м – в высоту. Скорость движения объекта, большая часть которого находилась под водой, – около 10 миль в час».

Изучив отчет, глава британских ВВС лорд Шеклтон признался, что до последнего времени не верил в реальность Лох-

несского чудовища: «Теперь я еще более мистифицирован, но мне трудно опровергнуть заключения доклада».

10 декабря 1975 г. в Палате общин британского парламента были представлены фотографии, полученные в ходе исследовательских работ, проводившихся на озере Лох-Несс, начиная с 1971 г., под руководством основателя Академии прикладных наук США, одного из создателей современных радаров и сонаров Роберта Райнса (1922–2009).

Четырьмя годами ранее на озере исследовательской группой Райнса были установлены чувствительные микрофоны, автоматически включавшие прожекторы и камеры для подводных съемок. Первые положительные результаты были получены в следующем 1972 г. На одном из снимков был зафиксирован отчетливо различимый ромбовидный плавник, выходящий из массивного темного тела с расплывчатыми контурами.

Фото 67. Загадочный плавник на фотографии, сделанной исследовательской группой Роберта Райнса (Лох-Несс, 1972).

Предположив, что чудовище движется в глубинах настолько тихо, что микрофоны не в состоянии среагировать на его передвижение, Райнс решил изменить технику подводной съемки. Фотографирование перевели в автоматический

режим – съемка производилась через каждые 75 секунд, независимо от наличия шумов. В 1975 г. этот прием позволил получить сенсационные снимки, вызвавшие очередную волну публикаций, споров и дискуссий вокруг тайны озера Лох-Несс. На одном из них, сделанном на глубине 24 м, виден силуэт крупного тела с длинной шеей и плавниками. На другом – крупным планом нечто вроде головы с похожими на ноздри буграми.

Фотографии было решено продемонстрировать на специальном симпозиуме, назначенном на 9 декабря 1975 г. Королевским обществом Эдинбурга и двумя шотландскими университетами. Перед симпозиумом Роберт Райнс показал снимки ряду специалистов-зоологов, после чего некоторые из них выступили в печати с комментариями.

Один из организаторов симпозиума, канцлер Бирмингемского университета сэра Питер Скотт заявил, что он убежден в реальности чудовища: «Наиболее важное, что видно на фотографиях – это плавник. Нет ни одного дельфина и кита, которые имели бы что-нибудь подобное». По мнению сэра Скотта, в озере обитает около 20–30 особей этого животного.

Зоолог Джордж Зуг из Смитсоновского института отметил, что «снимки на этот раз достаточно четкие и дают достаточно хорошее представление, как это существо выглядит».

Доктор Райнс в свою очередь объявил, что у него есть доказательства существования в озере Лох-Несс группы чудовищ около 6 м длиной каждое, происходящих от вымерших десятки миллионов лет назад водных ящеров – плезиозавров.

Однако ученые так и не смогли вынести согласованный вердикт, т. к. специалисты из Музея естественной истории в Лондоне заявили, что доказательствами реальности животного могут быть скелет, части тела или само животное, а не расплывчатые снимки, сделанные в мутной воде на глубине десятков метров. Этот довод оказался настолько весомым, что симпозиум в конечном итоге был отменен.

Одна из фотографий, сделанных Райнсом, вскоре была опубликована в авторитетном общенаучном журнале «Nature», а полный комплект фотографий, которые удалось выполнить под водой, демонстрировался, как мы уже говорили, в Палате общин британского парламента 10 декабря 1975 г.

В следующем, 1976 г. на озеро Лох-Несс прибыла объединенная экспедиция, в состав которой входило около 40 ученых, техников и подводников из США, Канады и Великобритании. Финансировали ее уже известная нам Академия прикладных наук США и газета «Нью-Йорк таймс». Помимо фотокамер в поиске Несси участвовали высокочастотные сонары и ультразвуковые эхолоты. Именно они в 15–17 м от поверхности воды зафиксировали движущиеся тела длиной от 10 до 13 м. Также были зафиксированы два тела, двигавшиеся рядом, и косяк мелких рыбешек, который, по мнению некоторых членов экспедиции, спасался от преследования Несси. «После получения этих сонарных картинок мы уже не можем более делать вид, что речь идет о мифе или легендарном существе, – заявил участник экспедиции, канадский палеонтолог Кристофер Макговен. – Что-то, по-видимому, живет в озере, но мы не знаем, что это за зверь».

Главной тайной Несси остается то, как она вообще попала в озеро. Единственные водные пути, связывающие этот водоем с морем – Каледонский пролив, или канал, открытый для навигации в 1922 г., и река Несс. Пролит перекрыт многочисленными шлюзами. Река же слишком мелка, чтобы по ней проплыло чудовище; но раньше, после последнего оледенения, она была намного глубже, пока под давлением огромных ледников рельеф не стал меняться. Так или иначе, существо прочно обосновалось в своем новом комфортном доме Лох-Нессе, богатом угрями, лососями, форелью, треской и прочей рыбой.

Если идентификация животного из озера Лох-Несс, мягко говоря, проблематична, то численность особей представляет еще большую загадку. И те, кто верит в существование монстра, и заядлые скептики чаще всего говорят об одном существе, но были свидетельства и о двух и более животных, наблюдаемых одновременно. Все сходятся во мнении, что одно-единственное животное не смогло бы сохраниться в озере на протяжении веков. Основываясь на размерах озера и его потенциальной кормовой базе, Джордж Зуг из Смитсоновского института считает, что число «нессиподобных» существ в озере может варьировать от 10 до 20 при условии, если каждое весит около тонны, и более 150 при весе 100 кг.

Чаще всего о Несси говорили в 2002 г.: тогда ее наблюдали, по меньшей мере, пять раз. Последний «всплеск» внимания

приходится на 2016 г., когда чудовище объявилось уже не на Лох-Нессе, а на самой Темзе, да к тому же еще и в черте города! Случайная панорамная съемка с канатной дороги у лондонского стадиона «Арена 02», расположенного на полуострове Гринвич в юго-восточном Лондоне, сделанная в марте 2016 г., зафиксировала на несколько мгновений очень крупное, двугорбое и явно живое существо, плывущее по реке. При наведении на него объектива камеры чудовище мгновенно погрузилось в мутные глубины Темзы, словно чувствуя, что его снимают. Как ни старался автор видео вновь поймать существо в кадр, оно больше не появилось на поверхности. В связи с этим инцидентом Лондонское зоологическое общество (ZSL) поспешило напомнить, что в устье Темзы нередко заплывают тюлени и дельфины. Но то, что показалось рядом с «Ареной 02», нисколько не напоминает тюленя или афалину.

В том же самом 2016 г. фотографу-любителю Иэну Бремнеру удалось получить неожиданно четкий снимок существа, отлично подходящего под все известные описания Лохнесского чудовища. Путешествуя по горным районам Шотландии на автомобиле, Бремнер завернул к знаменитому озеру, чтобы сделать несколько фотографий его общих видов. С этой целью он прокатился вокруг водоема, отсняв два десятка фотографий, в т. ч. с видами кристально чистой глади озера. Просматривая дома получившиеся снимки, он был озадачен, обнаружив на одном из них длинное существо с серебристой кожей (или чешуей), голова которого была повернута в противоположную от объектива сторону. Высокое качество снимка вызвала недоверие к нему со стороны многочисленных пользователей Интернета. Некоторые считают, что на самом деле на фотографии запечатлены три резвящихся в воде тюленей. Не отрицая такой возможности и не вступая в споры, сам фотограф, однако же, искренне верит в то, что он все же зафиксировал Несси.

Веским доводом в пользу того, что Бремнеру действительно удалось сфотографировать неуловимое чудовище, а не резвящихся тюленей, служит тот факт, что в те же самые дни похожее существо было замечено у берега неподалеку от деревень Дорес и Инверферигейг. Еще один важный факт, на который не обращают внимания критики, состоит в том, что во время съемки сам фотограф не наблюдал на озере никакой не-

обычной активности. На последнем обстоятельстве следует остановиться подробнее.

Способность оставаться невидимыми для человеческого глаза относится к одному из сверхъестественных качеств, приписываемых змеям или драконам в самых разных культурах и религиозно-мифологических традициях. В Южной Франции существует легенда, согласно которой сосед укрощенного св. Мартой Тараска – дракон, живший некогда в реке Роне, близ города Бокер, – периодически навещался на городской рынок, где, оставаясь невидимым для «вечно спешащих куда-то горожан», подстерегал свою добычу – оставленных без присмотра детей.

Чтобы отыскать ключ к понимаю природы данного качества, обратимся к статье Василия Мамонтова «АЯ¹ – вершина эволюции?» (1990), в которой автор сравнивает период внешних изменений в минералах (104÷106 лет и больше), с аналогичным периодом у растений (10÷180 дней), животных (10–1÷104 секунд) и человека, сознание которого способно перестраиваться меньше чем за тысячные доли секунды. Мамонтов констатирует, что человек воспринимает мир самого себя, миры животных, растений и минералов. Животные воспринимают мир человека как животного, мир самих себя, миры растений и минералов. Растения воспринимают самих себя и минералы, а вот мир людей и животных в своих естественных условиях они не «видят» и, как правило, не чувствуют. Случаи непосредственного вмешательства этих «высших» по отношению к ним миров в их жизнь воспринимаются растениями как проявления аномальных явлений. Минералы или воспринимают только самих себя, или же ничего не воспринимают. Мамонтов делает вывод, что «сверхподвижность» животных и людей по отношению к растениям и минералам эквивалентна для последних буквальному исчезновению (не существованию) животных или людей. После чего он высказывает предположение, что человек не является последней ступенью этой лестницы, и интерпретирует аномальные явления (в т. ч. феномен НЛО) в качестве проявления следующего (более высокого по отношению к человеку) уровня – мира «сверхподвижных» существ.

¹ Аномальные явления, к разряду которых автор относит и феномен НЛО.

Перед тем как прокомментировать гипотезу Мамонтова, скажем несколько слов о камнях, которые живут своей трудно-достижимой для человека жизнью. В 2015 г. Институтом Мировой культуры МГУ был выпущен сборник работ по итогам проекта «Живой камень: от минералогии к мифопоэтике»¹. Рассматривая камень в ракурсе гуманитарных и естественных наук (от семиотики до минералогии), авторы этого уникального сборника раскрывают камень в ипостаси живого существа: двигающегося, растущего (камни в человеческом организме), дышащего (камни-растения), видящего и даже говорящего. Руководство научно-исследовательских работ по этому проекту осуществлял выдающийся российский лингвист, семиотик и антрополог, доктор филологических наук В. В. Иванов (1929–2017), известный тем, что в далеком 1983 г. одним из первых в СССР написал о «технологически продвинутой, чрезвычайно замкнутой и не делившейся своими достижениями с генетически отдаленно близкими представителями высших приматов» працивилизации в центральноафриканском Габоне, уничтоженной в ходе локальной ядерной катастрофы, носители которой деэволюционировали до шимпанзе и горилл»².

Возвращаясь к гипотезе Мамонтова, отметим, что применительно к главным персонажам нашей книги она подтверждается свидетельством, зафиксированным в «Поэтических воззрениях славян на природу» Афанасьева, где говорится: «лужичане верят, что змей несется по небу с такой быстротою, что глаз не успевает за ним следовать».

Переход в «сверхподвижные» состояния не является чем-то принципиально невозможным и для самого человека. Широко известны случаи кратковременного спонтанного ускорения биологических процессов, вызванные, как правило, экстремальными обстоятельствами, во время которых за короткий промежуток времени человеком совершаются действия, далеко выходящие за рамки обычных человеческих возможностей. При этом все происходящее воспринимается человеком как бы в режиме замедленной съемки.

¹ Живой камень: от природы к культуре / Отв. ред. и сост. Л. О. Зайонц. М.: Институт мировой культуры МГУ, 2015.

² Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983.

В некоторых дальневосточных школах практикуются техники, связанные с управляемым ускорением биологических процессов. В одной из них такое состояние именуется «серебряным туманом». В другом состоянии, именуемом «цветение бамбука», скорость биологических процессов наоборот замедляется. При этом человек начинает «слышать» мысли других людей, передвигать предметы, не прикасаясь к ним, управлять людьми, подменяя их мысли своими, и делать многие другие «невероятные» вещи. Концептуально «серебряный туман» и «цветение бамбука» относятся к разряду состояний, доступных для «человека, соединившего воедино четыре первоэлемента»¹.

Предположительно, состояние «цветение бамбука», вызываемое замедлением скорости биологических процессов внутри организма, в каком-то смысле эквивалентно анабиозу, диапаузе или ее частому случаю – гибернации (зимняя спячка). Во всех перечисленных случаях мы имеем дело с временным замедлением жизненных процессов в организме под воздействием внешних или внутренних факторов.

Это предположение подкрепляется историей Левиафана, представленного в Книге Иова одновременно «верхом путей Божиих» и чудовищем, один только сон которого спасает человека от немедленной гибели: «Нет столь отважного, который осмелился бы потревожить его» (Иов. 41:2); «О! ночь та – да будет она безлюдна; да не войдет в нее веселье! Да проклянут ее проклинающие день, способные разбудить левиафана!» (Иов. 3:7–8). По мнению литературоведа, филолога и переводчика М. Б. Мейлаха, мифы о Левиафане восходят к представлениям об олицетворенном первобытном хаосе, враждебном богу-творцу и некогда им покоренном, ныне же пребывающем в состоянии сна, который, однако, может «быть разбуженным». Т. е. в случае с Левиафаном речь идет о спящем чудовище, чей сон продолжается достаточно продолжительный по человеческим меркам промежуток времени.

Сон Левиафана, спасающий человека от полного истребления, отнюдь не мешает чудовищу выполнять свои важные и сложные космостроительные функции. Развивая аналогию

¹ *Медведев А. Н.* Кунг-фу: Формы Шоу-Дао: Истоки искусства Ниндзя. М., 1991. С. 150–151.

между сном и состоянием «цветение бамбука», открывающем доступ к целому спектру «невероятных» возможностей, можно предположить, что пребывание в таком «сверхзамедленном» состоянии в каком-то смысле эквивалентно состоянию осознанного сновидения (в терминологии Карлоса Кастанеды¹, 1935–1998).

Кандидат филологических наук Е. О. Борисова² отмечает, что в русской народной мифологии «сверхподвижные» и «сверхзамедленные» состояния являются важным атрибутом представителей низшей демонологии, имеющих непосредственный контакт с людьми и иницирующих у человека состояние сверхактивности или заторможенности. Эти мифологические персонажи действуют настолько быстро, что момент совершения действия ненаблюдаем для окружающих.

В наибольшей степени способность к исключительно быстрому передвижению характерна для *чертей* и *бесов*, а также для таких мифологических персонажей, как *шуликуны*, *кострома*³ и *ягарма*. Состояние исключительной замедленности представлено единичными примерами (*слепая макура*), а вот уникальное сочетание «сверхподвижного» и «сверхзамедленного» состояний обнаруживается в представлениях о *кикиморе* (*шишиморе*), *кумохи* и *лешем*.

Активизирующиеся в период от Рождества до Крещения *шуликуны* (печор. *шелікон*, *шулібкун*) выглядят как маленькие человечки, с кулачок или чуть больше, появляются, как правило, «ватагами», «артелями», «толпами», или «скопищами». Помимо сверхподвижности им присущи особые способы передвижения: ездят на конях, «на маленьких лошадках»; в санях или на одном полозе от саней; скачут или летают в железных ступах; скользят по снегу на воловьей шкуре; ездят на горячей печи; на ухвате; сковородке или кочерге.

В польской народной мифологии аналогичная поспешность присуща *skrzat* – гномам-домовым, «сферой влияния» которых

¹ *Castaneda, Carlos*. The Art of Dreaming. New York: Harper Collins, 1993.

² *Борисова Е. О.* Мифологические образы в номинации скорости (на материале русских народных говоров). // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 15–23.

³ *Кострома* может использоваться как в значении имени собственного, так и в качестве нарицательного (подобно таким наименованиям, как *леший*, *домовой* и проч.).

является изба и двор. Сугубая незаметность их действий приписывается использованию высокой скорости: *leci jak skrzat* («летит как гном»).

Еще один «сверхподвижный» мифологический персонаж русского календарного обряда и хороводной игры, уже упоминавшийся в связи с отголосками славянского культа ящера – *кострома*. На Русском Севере этот образ используется в качестве эталона высокой скорости движения: карел. *как костромá*, т. е. очень быстро. Так же, как и французскому дракону из реки Роны, *костроме* приписывается склонность к незаметному для взрослых похищению детей.

В Костромской области аналогичная склонность ассоциируется с образом *женщины-ягармы* (один из вариантов имени Бабы-Яги), которая также наделяется признаком высокой скорости: *бежать как ягáрма* (быстро бежать).

«Сверхподвижный» режим связывается в народной мифологии с образами ведьмы (тул. *труболетка* «ведьма, колдунья») и колдуна, или самими колдовскими операциями (перм. *скудесить*). Древнерусское слово *кудесъ* («чары», «колдовство»), от которого происходит слово *кудесник* («волшебник», «чароплет») и название племени чудь, которому приписываются обладание колдовскими способностями, а также склонность к похищению человеческих детей, восходит к праславянскому слову *čudo* («чудо»). Его производные *кудесить* и *кудесничать* имеют сразу два значения: совершать волшебство, колдовать и чудить, подшучивать, шалить, проказничать. Перечисленные признаки фигурируют в северо-европейских преданиях о *fairu* – «сокрытом народе» маленького роста, обитающем в недрах холмов и время от времени похищающем человеческих детей с целью получения смешанного потомства. Английское слово *fairu* имеет относительно позднее происхождение, прежде него в английском языке бытовало существительное *faу* и производное от него *fayerie* («чары фей»), лишь позднее слово *fairu* стало прилагаться к самим существам, владеющим чароплетным искусством.

В отличие от перечисленных выше персонажей, способность *кикиморы* вести незаметную для людей активную ночную деятельность получает различную скоростную интерпретацию, закрепившуюся в двух вариантах ее имени (*кикимора*, *шишимора*), содержащих противоположные скоростные

значения. Поскольку хозяйка дома, в котором она появляется, ночью спят, ей необходимо действовать тихо и медленно, чтобы не разбудить хозяев (*шишимора*). С другой стороны, число ее дел столь велико, а сферы приложения усилий так разнообразны, что ей приходится демонстрировать сверхподвижность (*кикимора*): она прядет шерсть за хозяйку, правда, чаще путает, рвет, мусолит, иногда жжет кудель, ощипывает кур, бросает и бьет горшки, портит хлебы и пироги, кидается луковицами из подполья или из-под печки и пр.

В Вологодской области аналогичный разброс скоростных значений приписывается народной персонификации лихорадки в образе *женщины-кумохи*. Это одновременно и само мифическое существо, и вызываемая им болезнь, и нездоровый сон, сопутствующий всем болезням, которые могут обозначаться словом *лихорадка*.

К числу мифологических персонажей, характеризующихся чрезвычайной медлительностью и одновременной способностью к сверхбыстрому перемещению в пространстве, относится *леший* (арх. *только леший видел* «очень быстро, мигом»), отличающийся обширным и длинным шерстяным или волосяным покровом. Добавим, что указанные характеристики сближают мифологический образ *лешего* с современными криптозоологическими представлениями о внешнем облике и свойствах реликтового гоминида (т. н. «снежного человека»).

Восприятие человека, внезапно оказавшегося в «сверхподвижном» состоянии, довольно подробно описано в XVIII главе апокрифического «Первоевангелия Иакова»: «И, найдя на месте том пещеру, он ввел туда Марию, и оставил сына своего охранять Ее, и сам пошел в Вифлеем искать знающую женщину. И когда он был в пути, он увидел небо остановившимся, и воздух омрачился, и птицы задерживались среди полета своего. И, взглянув на землю, он увидел котел, наполненный приготовленным мясом, и работников возлежавших, руки которых были в котлах. И, собравшись (начав) есть, они не ели, и те, кто протянули руку, не брали ничего, и кто хотел поднести что-нибудь к устам, не подносил ничего, и взоры всех были обращены к небу (устремлены вверх). И овцы были рассеяны, они не ходили, но оставались неподвижными. И пастух поднял руку, чтобы ударить их своим посохом, и рука его остановилась,

не опускаясь. И, взглянув в сторону реки, он увидел козлов, губы которых касались воды, но они не пили, ибо все в эту минуту уклонились от пути своего».

Практика, предположительно связанная с управлением «сверхподвижными» и (или) «сверхзамедленными» состояниями, позволяющая, в частности, мгновенно перемещаться на большие расстояния, известна в раввинистической традиции как *кфицат дерех* (букв. «перепрыгивание пути», «стяжение (скачок, прыжок) земли (пути)»). Этой способностью владеют великие праведники, достигшие ступени, называемой «свыше пространства». В Мидраш Рабе говорится, что эту практику использовал Авраам для погони за карательной экспедицией, организованной четырьмя восточными царями против Ханаана, в ходе которой был пленен его племянник Лот (Быт. 14:14–15). За время погони ноги Авраама и его людей «запылились не больше, чем у человека, идущего от дома до синагоги» (Берешит Раба 43:3).

Израильский филолог, литературовед, переводчик и комментатор библейских текстов, доктор философии М. Я. Вайскопф в книге «Между огненных стен. Книга об Исааке Бабеле» (2017) отмечает, что к этой практики прибегал не только сам Авраам, но и его слуги. В мидраше, повествующем о поездке слуги Авраама в далекий Харан за невестой для хозяйского сына, говорится, что хотя такое путешествие занимает обычно семнадцать дней, посланец прибыл на место уже через три часа; а вернулся домой мгновенно.

Рассуждая о природе *кфицат дерех*, Вайскопф указывает на связь этой практики с особыми свойствами пространства: «Согласно древней традиции, одно и то же пространство, не меняя своей конфигурации и внешних размеров, может неимоверно растягиваться изнутри – так во времена древних праздников и в Судный день внутри неподвижных стен раздвигался Иерусалим, давая приют бесчисленным паломникам (Авот де-р. Натан 41)».

Помимо Авраама умение совершать *кфицат дерех* приписывается великим каббалистам и знаменитым хасидам. Существует множество преданий об использовании этой практики и самим основателем хасидизма рабби Исраэлем Баал-Шем-Товом (Исраэль бен Элизер, 1698–1760)¹.

¹ Агнон Шмуэль-Йосеф. Рассказы о Бааль-Шем-Тове. М.: «Текст», 2011.

Не меньшей известностью в исламской мистической традиции пользуется аналогичная практика *Тей аль-Ард* (букв. «складывание земли», «пересечение земли без перемещения», «перемещение земли, перемещаемой под ногами»). Это понятие хорошо известно сунитам, шиитам и суфиям, хотя каждое из перечисленных направлений толкует его по-своему. Считается, что столь необычным способом транспортировки также владеют джинны, хотя и в весьма ограниченном объеме.

Некоторые суфии именуют эту практику *Теем ал-макан* (букв. «сворачивание пространства»), а один из крупнейших специалистов по исламскому мистицизму Аннемари Шиммель (1922–2003) в книге «*Mystical Dimensions of Islam*»¹ (1975) называет ее «качеством *тайй ал-макан*, свободы от пространственных ограничений» или «вездесущностью», о которой часто повествуется в исламской агиографической литературе. Шиммель констатирует, что святые в исламской мистической традиции обладают способностью внезапно исчезать из поля зрения других людей, становиться совершенно невидимыми, или присутствовать одновременно в разных местах. По меньшей мере, первые два из упомянутых Шиммелем свойств приписываются также змеям и драконам.

Не исключено, что перечисленные выше практики в той или иной форме присутствуют или, по крайней мере, присутствовали и в христианской аскетической традиции, о чем косвенным образом свидетельствуют жития некоторых святых. Это предположение подкрепляется замечанием Борисовой, что способность к исключительно быстрому (молниеносному) передвижению приписывается не только представителям низшей русской демонологии – в некоторых случаях она интерпретируется как непосредственное проявление Святого Духа.

Дабы не быть голословными, приведем пример, связанный с житием одного из первых ирландских святых – Киерана (Киарана) Сайгирского, известного также как Киеран Старший (501–530). Считается, что Киеран был учеником одного из «двенадцати апостолов» Ирландии и учителя ирландских святых, преподобного Финиана Клонардского (вторая половина

¹ Русский перевод: Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М.: ООО «Садра», 2012.

V в.). Предания говорят о связи Киерана со многими святыми Ирландии, что хронологически не всегда верно, и эту связь следует интерпретировать скорее как духовную. В Сайгирской обители (графство Оффали, провинция Ленстер), первым игуменом которой был святой Киеран, обучались многие будущие святые, и впоследствии она превратилась в известный центр миссионерства и учености. Интересующее нас предание гласит, что за много километров от монастыря Сайгир жила бывшая няня святого Киерана – игуменья святой жизни по имени Куах. Киеран чудесным образом навещал свою воспитательницу каждый год в ночь на праздник Рождества Христова и причащал ее. Затем он за короткое время возвращался к братии и праздновал рождение Спасителя с ними. Один из современников Киерана даже предположил, что угодника в далекую обитель каждый раз переносили ангелы Божии.

В XX в. тайна «сверхподвижности» постепенно становится «секретом Полишинеля». Уже в 1901 г. из-под пера английского писателя и футуролога, сопричастного многим тайнам современной западной элиты, Г. Уэллса появляется на свет рассказ «Новейший ускоритель». Уэллс описывает действие химического вещества, созданного на основе гипофосфатов (солей фосфорноватой кислоты $H_4P_2O_6$), с помощью которого человек может на определенное время переходить в «сверхподвижное» состояние. В конце рассказа Уэллс упоминает о перспективах создания средства, позволяющего достигать «сверхзамедленного» состояния.

В современном кинематографе «сверхзамедленное» состояние довольно правдоподобно показано в картине «Photographing Fairies» (1997) английского режиссера и сценариста Ника Уиллинга: некое растение позволяет герою оказаться в быстром времени «сокрытого народа» (явный намек на чудесные свойства некоторых растений, использующихся в шаманских практиках). «Сверхподвижные» состояния наглядно представлены в экранизации трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец» (2001–2003) режиссера Питера Джексона, в эпизодах, где Фродо надевает Кольцо Всевластья. Исторический боевик китайского режиссера Чжана Имоу «Герой» (2002) буквально нафарширован сценами, происходящими в быстром времени. Такой мотив отнюдь не нов для кинематографа,

эксплуатирующего тематику традиционных восточных единоборств. Вспомним «невозможные» воздушные кульбиты (буквально полеты) героев в процессе схватки, передвижение по водной глади «аки посуху», бег по вертикальным поверхностям и т. п. Благодаря возможностям современного кинематографа ничего не ведающему зрителю демонстрируются вполне реальные состояния и некоторые (далеко не все) проистекающие из них возможности.

Новый виток популярности (хотя бы и в завуалированной форме) «сверхподвижные» состояния приобретают благодаря частично экранизированному в 2004–2005 гг. циклу произведений российского писателя-фантаста С. Лукьяненко, описывающему «Вселенную дозоров». Стержень цикла – мир Иных, отличающихся от обычных людей способностью входить в сумрак, состоящий из семи слоев реальности, последним из которых является наш мир. В описании перехода в сумеречное состояние мы сталкиваемся с уже знакомым изменением скорости восприятия: «Прохожие стали призрачной дымкой, машины поползли как черепахи, свет фонарей потемнел, стал давящим, тяжелым. Тишина, звуки сместились в глухой, едва уловимый рокот. <...> Краски стерлись. Звуки умерли. Стрелка на часах еле ползет. <...> Здесь медленнее идет время, здесь все иное». Для простых смертных погружение героя в сумрак равносильно полному его исчезновению: «Сквозь тебя смотря и не замечают тебя».

Описание аналогичного состояния мы встречаем у Гесиода (VIII–VII до н. э.) в работе «Труды и дни». Повествуя о людях золотого века, живших как боги и почивших в эпоху Кроноса, Гесиод в двух фрагментах упоминает, что впоследствии они были превращены Зевсом в «благодетельных демонов», обретающихся на земле, «одевшись тьмою туманной»:

«После того как земля поколение это покрыла,
В благодетельных демонов все превратились они наземельных
Волей великого Зевса: людей на земле охраняют,
[Зорко на правые наши дела и неправые смотрят.
Тьмою туманной одевшись, обходят всю землю, давая]
Людям богатство. Такая им царская почесть досталась» (120–125).
«Близко, повсюду меж нас, пребывают бессмертные боги
И наблюдают за теми людьми, кто своим кривосудьем,

Кару презревши богов, разоренье друг другу приносит.
Посланы Зевсом на землю-кормилицу три мириады¹
Стражей бессмертных. Людей земнородных они охраняют,
Правых и злых человеческих дел соглядатаи, бродят
По миру всюду они, облеченные мглою туманной» (245–250).

Отметим, что слово *демон* в те времена еще не использовалось в значении злого духа, а обозначало низшие божества.

Рискнем предположить, что в реальности при переходе в «сверхподвижные» и «сверхзамедленные» состояния изменяется не только скорость восприятия человека и его возможности, но и сам окружающий мир, а также его свойства (это видно хотя бы из примера Вайскопфа с расширением внутреннего пространства Иерусалима). Именно это имеет в виду Элиаде, предупреждая, что антропологи ошибаются, интерпретируя «сакральное время» (*dreamtime* – время сновидений) австралийских аборигенов как некое «мифологическое прошлое». Элиаде полагает, что этот другой вид времени продолжает существовать и в настоящий момент, а аборигены умеют проникать в него с помощью определенных ритуалов. Это пространство-время характеризуется особой географией, иным ходом времени и предполагает неожиданные способы перемещения в пространстве. В славянской фольклорной традиции указанные характеристики соответствуют образу «ино-го царства», вход в которое стережет Баба-Яга (играющая амбивалентную роль «пограничного» персонажа), а одним из главных его насельников и хозяев, как уже говорилось выше, является Змей, имеющий много общих черт с главными персонажами нашей книги.

Чтобы хотя бы отчасти представить себе некоторые специфические особенности этого пространства, процитируем глубокого знатока западной герметической традиции Е. В. Головина (1938–2010): «Если мы сумеем путем внутренней работы развить в себе субтильное тело души и подняться на уровень Океаноса, т. е. воды, мир предстанет перед нами в совершенно другом варианте, потому что земля будет легче и субтильнее, воздух будет гораздо более тяжелый, и огонь будет ближе к нам. Значит, это будут условия совершенно другого мира. <...>

¹ Три мириады – тридцать тысяч.

...в беспредельном мире Океаноса материка просто плавают, как плавучие острова. Они не являют точных координат, они просто являются некоторыми точками в пространстве воды. Если с помощью этого субтильного тела, которое совершенно реально и которое называется субтильным телом души, мы сможем пройти на поверхность воды, мир откроется совершенно по-другому. Причем останется этот мир, как таковой, но мы уже совершенно свободно сможем путешествовать либо во сне, либо, пользуясь определенной навигацией, сможем достичь некоторых материков и островов, которые совершенно не обозначены на этих картах»¹.

Древнеиндийская традиция связывает способность змеев (в т. ч. нагов) оставаться невидимыми для человеческого глаза и даже предстать в облике человеческих существ с манипуляциями особой энергией – «майей», скрывающей истинную природу реальности. Вот как говорится об этой энергии в «Махабхарате» (Сожжение змей):

«Но в мире есть также и сила другая:
Обман осязанья, и выдумка зренья,
И видимость мощи, и призрак творенья
Над истинной силой порой торжествует,
И кажется всем, что она существует.
Случается так, что и тот ее хвалит,
Кого она режет, и рубит, и жалит.
Влечет она многих, свой облик скрывая,
Зовут ее майя, обманная майя!
Смотрите на хитрость жестокого змея:
Он змей своих вызвал и, майей владея,
В подвижников праведных он превратил их...».

В ветхозаветной и христианской традициях эдемский змей, именующийся драконом, змием древним, диаволом и сатаной (Откр. 20:2), также наделяется способностью являться в разных обличиях и прямо называется «лжецом и отцом лжи» (Ин. 8:44).

¹ Головин Е. География магического мира. Полный текст беседы Евгения Головина с Григорием Бондаренко // URL: <http://golovinfond.ru/content/geografiya-magicheskogo-mira>

Некоторый свет на природу таких способностей проливают исследования высших нервных функций головного мозга, осуществленные канадским нейрохирургом Уайлдером Пенфилдом (1891–1976), о которых рассказывается в книге известного американского астрофизика и популяризатора науки Карла Сагана (1934–1996) «Драконы Эдема: Рассуждения об эволюции человеческого мозга» (1977).

Воздействуя слабым электрическим током на различные части коры головного мозга, Пенфилд вызывал у своих пациентов реалистичные ощущения различных запахов, звуков и видения цветных образов из их прошлого. Во время одного из экспериментов в процессе электрической стимуляции затылочной части коры головного мозга, связанной со зрением, пациент видел порхающую бабочку с такой ясностью, что протянул руку с операционного стола, чтобы ее поймать. Во время аналогичного эксперимента с обезьяной животное внимательно всматривалось в нечто, находящееся прямо перед ним, делая быстрое хватательное движение правой рукой, а затем в очевидном замешательстве исследовало свою пустую ладонь.

Исследования Пенфилда позволяют заключить, что с помощью слабого электрического тока можно воздействовать на определенные зоны человеческого мозга так, что у человека, испытывающего данное воздействие, возникают переживания, которые по своим характеристикам (вкусовым, обонятельным, осязательным) отвечают реальным переживаниям, хотя на самом деле таковыми не являются. Это заключение совпадает с утверждением Ланца фон Либенфельса об электрической природе сверхспособностей прото-богов, отождествляемых им с динозаврами.

В своей книге Саган приводит еще одно важное свидетельство, перекликающееся с гипотезой Либенфельса. Речь идет о т. н. «триединой» или «трехэтажной» модели структуры и эволюции человеческого мозга, автором которой является американский нейрофизиолог Поль Мак-Лин. Согласно этой модели, человеческий мозг состоит из трех надстроенных друг над другом частей. Наиболее древняя часть мозга, общая у нас со всеми другими млекопитающими и рептилиями, располагается вокруг среднего мозга и состоит из того, что нейроанатомы

называют olfactostriatum, corpus striatum, globus pallidus. Это «древний мозг», или мозг рептилий, который Мак-Лин называет «комплексом рептилий», или «Р-комплексом». Сверху его окружает средний мозг – «старый мозг», или лимбическая система, называемая также мозгом млекопитающих. И, наконец, венчает все неокортекс, или кора головного мозга – собственный мозг человека, точнее, мозг высших приматов.

Мак-Лин считает, что человеческий мозг равнозначен трем взаимосвязанным биологическим компьютерам, каждый из которых имеет собственный разум, собственное чувство времени и пространства, собственную память, двигательную и другие функции. При этом все три мозга различаются нейроанатомически и функционально.

Мозг рептилии, или Р-комплекс, роднящий нас с динозаврами, отвечает за выполнение базовых функций организма: дыхание, сон, циркуляцию крови, сокращение мышц в ответ на внешнюю стимуляцию. Р-комплекс играет первую скрипку в агрессивном ритуальном и территориальном поведении, а также в установлении социальной иерархии. Для Р-комплекса характерно послушное и бесстрастное осуществление любого поведения, диктуемого генами или мозгом. Р-комплекс первым включается у новорожденного, обеспечивая основные функции, связанные с выживанием.

А теперь сопоставим эту информацию с видением американского антрополога Майкла Харнера, полученным в процессе прохождения ритуала аяюаски (*айаюаска*, *айаваска*, *аяваска* – букв. «лиана духов», «лиана мертвых») во время экспедиции 1960–1961 гг. по изучению культуры индейцев конибо, живущих в бассейне реки Укаяли (Перу). В книге «The Way of the Shaman» (1980) Харнер следующим образом описывает свой опыт: «Теперь я был полностью уверен, что я умираю. Когда я попытался примириться с моей судьбой, еще более низкая часть моего мозга начала передавать еще большие видения и информацию. Мне было «сказано», что этот новый материал предлагается мне оттого, что я умираю, и потому «безопасен» для получения этих откровений. Мне сообщили, что это тайны, хранящиеся в запасе для умирающих и мертвых. Я мог очень туманно различать тех, кто подавал мне эти мысли: гигантские пресмыкающиеся существа, лениво лежащие в глубочайших

глубинах моего мозга, где он встречается с верхушкой позвоночника. Я мог только смутно видеть их в том, что казалось мрачными, темными глубинами. Затем они спроектировали передо мной визуальную сцену. Сначала они показали мне планету Земля, какую она была в очень давние времена, до того, как на ней появилась жизнь. Я увидел океан, голую сушу и яркое синее небо. Затем с неба упали сотнями черные пятнышки и приземлились передо мной на голом ландшафте. Я мог видеть, что «пятнышки» были на самом деле крупные, блестящие, черные существа с короткими и толстыми, как у птеродактиля, крыльями и огромными китоподобными телами. Они слетали вниз, крайне измученные своим путешествием, и долгое время отдыхали. Они объяснили мне на каком-то языке мысли, что прилетели откуда-то из космоса. Они прилетели к планете Земля, спасаясь от врага. Эти существа показали мне затем, как они создали на планете жизнь, для того чтобы спрятаться среди разнообразных форм и таким образом замаскировать свое присутствие. Передо мной развернулось великолепное зрелище создания и приспособления жизни на протяжении сотен миллионов активных лет в масштабах, не поддающихся описанию. Я узнал, что эти подобные драконам существа находятся таким образом внутри всех форм жизни, включая и человека [В сноске к этому фрагменту Харнер пишет: «ретроспективно можно сказать, что они были почти подобны ДНК, хотя в то время, в 1961, я ничего не знал о ДНК»]. Они сказали мне, что они истинные хозяева человечества и всей планеты. Мы, люди, только вместилище и слуги этих существ. Поэтому они могли говорить со мной изнутри меня».

Горя желанием поделиться увиденным во время ритуала, Харнер описал пережитый им опыт самому известному знатоку сверхъестественного среди местных индейцев – слепому шаману, организовавшему его путешествие в мир духов. Т. к. в языке конибо нет слова «дракон», антрополог сказал индейцу, что там были огромные черные животные, похожие на огромных летучих мышей, только более длинных, чем этот дом, которые утверждали, что они истинные хозяева мира. На это индеец ответил ему с ухмылкой: «О, они всегда говорят это. Но они только хозяева Наружного Мрака».

Также Харнер поделился своим видением с двумя знакомыми из местной американской евангелической миссии. Когда

он дошел до описания драконоподобных существ, бегущих от врага неизвестно откуда из космоса, они процитировали ему следующий фрагмент из Откровения Иоанна Богослова: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12:7–9).

Как было показано выше, представление о змеях, «спящих» внутри человеческого организма в качестве некой потенции, действительно имели место в христианской аскетической традиции (локализация в области пупа), у практиковавшего внутреннюю молитву немецкого мистика Гихтеля («первоначальная матка», локализованная в области пупа и в районе таза), а также в индийских йогических и тантрических практиках, связанных с активацией змеи-*кундалини*, «свернувшейся» в нижней части позвоночника.

Следуя модели Мак-Лина, центр рептильной активности в организме человека сосредоточен в R-комплексе. В процессе развития мозг наращивал новые структуры над уже существующими, и под тем местом, где у человека расположены височные доли, развились тормозящие центры, которые приглушают излишнюю активность рептильного мозга, а центры возбуждения, появившиеся в варолиевом мосту, наоборот, включают R-комплекс, но делают это во время сна. Результативность различных практик «осознанных сновидений» может быть связана с тем, что во время сна R-комплекс подвергается наименьшему контролю со стороны тормозящих центров.

Объединив перечисленные концепции, можно предположить, что пробуждение *кундалини* и подъем ее энергии вдоль позвоночника от самой нижней Мулачакры к самой верхней чакре Сахасраре, локализуемой в области темени, вызывает активизацию рептильного мозга. Напомним, что одним из «побочных продуктов» пробуждения и подъема *кундалини* становится приобретение adeptом сверхъестественных свойств (*сиддх*), которые, в частности, позволяют мгновенно перемещаться в любую точку пространства, становиться бесконечно малым или большим, подчинять своей воле предметы и само

время. Таким образом, указанные «побочные качества» (воспринимаемые в аскетических практиках как отвлекающие от настоящей цели – окончательного освобождения) могут являться следствием активизации рептильного мозга.

Если Лохнесское и другие реликтовые чудовища обладают подобными *сиддхами*, включая способность к управляемому переходу в «сверхподвижные» и (или) «сверхзамедленные» состояния, они без труда могут путешествовать не только по изолированным друг от друга озерам Шотландии, но и по всей территории нашей планеты. В таком случае, особые способности чистильщиков-завроктонов и «знающих слово» (в т. ч. подвижников и святых), позволяющие им без видимого труда обнаруживать и обезвреживать опасных чудовищ, должны иметь аналогичную природу.

Возвращаясь к шотландским реликтовым чудовищам, мы должны обратить внимание на шотландские и ирландские предания о «водяных лошадях», иногда принимаемых людьми за настоящих сухопутных лошадей. Древние скотты называли эти создания водяными («келпи») или просто духами. Легенды описывают келпи как коня с длинной шеей и совсем маленькой головой. Завидев случайного путника, келпи заманивал его, подставляя свою лоснящуюся спину – словно предлагал довезти – и увлекал доверчивого человека под воду.

Легенда гласит, что в графстве Каван «водяные кони» выходили по ночам из озера Лох-Рамор и паслись на полях, засеянных овсом. Фермеру удалось изловить жеребенка и заставить его работать в поле, но однажды вечером, когда фермер ехал мимо озера, раздалось ржание «водяных коней», и жеребенок бросился в воду, увлекая за собой наездника, которого никто более не видел.

Такая же судьба была уготована юноше, работавшему близ озера Лох-Каох в графстве Литрим, который поймал заблудившегося – так он подумал – коня и стал пахать на нем поле. Однако животное вдруг ринулось прямо в озеро, утащив с собой на дно и борону, и юношу.

Хотя такие истории и выглядят на первый взгляд весьма необычно, они свидетельствуют, что в прошлые века подобных существ часто встречали вблизи озер или других водных источников. Предположение, что многочисленные рассказы о

конеподобных водяных чудовищах имеют под собой реальную основу, подкрепляется древнекитайскими описаниями лошадей-драконов и практикой жертвоприношений обыкновенных лошадей, адресованных водным божествам, существовавшей в Китае, Японии и России.

Такая интерпретация дает ключ к совершенно неожиданному толкованию знаменитого персонажа сказки Петра Ершова «Конек-горбунок» (1834). В этом загадочном волшебном помощнике героя «ростом только в три вершка, на спине с двумя горбами да с аршинными ушами» проступают все главные черты летающего дракона из славянской и древнекитайской мифологической традиции, а также характерные детали внешнего облика «водяных коней», наблюдавшихся рядом с водными источниками в Ирландии и Шотландии.

Патрик Каннинг, в 1955 г. оказавшийся на озере Шанакивер (графство Голуэй), столкнулся с существом, которое назвал «замечательным вороним жеребенком». По словам Патрика, начался дождь, и он отправился за ослом, чтобы привести его домой, но метров за двести остановился, увидев, что возле осла кружит черное животное размером с жеребенка. Каннинг обратил внимание на неестественно длинную шею и вполне отчетливо различил голову с торчащими ушами. Заметив человека, странное существо бросилось в воду.

В конце позапрошлого века неизвестное животное видели в озере Лох-Мак (графство Донегол). Рассказывают, что в 1885 г. молодая женщина отправилась на озеро собирать болотные бобы. Услышав всплеск, она оглянулась и увидела плывущее к ней чудовище с огромными глазами. Неудивительно, что женщина бросилась прочь со всей расторопностью, на которую была способна. Этот монстр попадался на глаза людям в течение нескольких последующих лет – его спинные гребни то и дело бороздили водную гладь. Странность заключается в том, что Лох-Мак недостаточно велик (1,6 км в длину и 800 м в ширину), чтобы долгое время обеспечивать пищу. Самое крупное животное в ирландских озерах – бурая форель. Кажется невероятным, чтобы огромные монстры смогли выжить при столь скудном питании, что еще раз возвращает нас к предположению о способности этих чудовищ входить в «сверхподвижные» и (или) «сверхзамедленные» состояния, позволяющие им сво-

бодно перемещаться между изолированными друг от друга озерами Шотландии.

Лох-Абисдиали в графстве Голуэй тоже не отличается большими размерами – всего 1,6 км на 400 м. В переводе с ирландского название означает «озеро чудовища», и предания о «водяном коне» полностью ему соответствуют. Монстра неоднократно видели в 1854–1856 гг., в следующий раз он показался в 1914 г. Три человека, направлявшиеся в церковь в легком экипаже, заметили его, когда проезжали рядом с озером: черное длинношее животное со сплюсненной головой плыло очень быстро, причем над поверхностью временами появлялись еще два изгиба (горба?), и потому оно напоминало гигантскую змею. В другом случае мужчина наблюдал угреподобное существо, выползавшее из озера.

Георгина Керберри в 1954 г. наблюдала монстра на озере Лох-Фадда (длиной 19,5 км и шириной до 550 м) в графстве Голуэй, куда приехала на рыбалку с тремя друзьями. Мисс Керберри отчетливо помнила открытую «огромную белую пасть» чудовища, выглядящего «отвратительным червяком», с телом, которое «казалось, находилось в непрерывном движении». Голова неведомого зверя, венчавшая длинную шею, поднималась высоко над водой; когда наблюдатели отступили дальше на сушу, существо двинулось в обход скалы, и в этом ракурсе стали заметны раздвоенный хвост и два гребня на спине.

18 мая 1960 г. три священника из Дублина отправились на рыбалку на озеро Лох-Ри, расположенное на реке Шеннон и известное в связи с легендой о подводном городе, скрывающемся в его глубинах. Там они наблюдали длинношее животное с плоской головой, проплывшее всего в девяносто метрах от них. Стоял теплый тихий вечер, и они хорошо рассмотрели монстра. Голова возвышалась над водой примерно на полметра, шея уходила под воду, а сантиметрах в шестидесяти за ней над водой выступали два горба, отстоявшие друг от друга приблизительно на шестьдесят сантиметров. Две или три минуты священники наблюдали, как животное медленно плыло к берегу. Монстр нырнул, всплыл вновь метрах в тридцати от берега, опять исчез под водой и более не появлялся.

В 60-е гг. XX в. встречи с монстрами резко участились – вероятно, этому способствовал рост интереса к озерным чудовищам.

Исследователи посещали ирландские озера, проводили эксперименты, беседовали с местными жителями, видевшими необычных животных. Многие озера малы и разбросаны в малообжитых местах, и потому на их берегах люди появляются очень редко, в отличие от шотландского Лох-Несса, окольцованного автодорогой, которую патрулируют неугомонные глазастые туристы. Ирландских монстров обычно видят лишь местные рыбаки: пришлые люди на отдаленных и малодоступных озерах, как правило, не появляются.

22 декабря 2007 г., проезжая в полдень на мотоцикле по дороге, ведущей к озеру Лох-Ногуин, расположенному в графстве Голуэй, профессор зоологии из Чикаго Рой Мэкел наблюдал чудовище с тремя «рваными горбами и с плоской, как у рептилии, небольшой головой на длинной шее, черное, с серыми и белыми пятнами». Животное, подняв брызги, резко перевернулось на спину, продемонстрировав ласты-плавники.

Наиболее близкий конкурент Лохнесского монстра обитает предположительно в шотландском озере Лох-Морар, расположенном на северо-западе страны. Это озеро является самым глубоким в Великобритании, максимальная глубина его достигает 309 м, тогда как глубина озера Лох-Несс составляет 229 м.

Близ ирландского морского побережья находится великое множество больших и малых озер, рядом с которыми издавна происходили странные встречи, а в житиях многих ирландских святых фигурирует сюжет о противостоянии зарвавшемуся чудовищу.

Один из наиболее известных святых, основавший множество ирландских церквей и монастырей, святой Сеннан (ок. 488–560) изгнал «огромное морское чудовище», наводившее страх на жителей острова Скаттери, расположенного в устье реки Шаннон (графство Клэйр). После этого он основал на острове один из известнейших монастырей, который посещали не только начинающие подвижники, но и его святые современники – Брендан и Киеран Младший, игумен Клонмакнойский.

Основатель и первый настоятель одного из наиболее значимых культовых мест в Ирландии, монастыря Глендалох в графстве Уиклоу, святой Кевин (498–618) каждый день в течение часа молился в одном из двух озер Глендалоха. Во время

одной из таких медитаций угодник изгнал обитавшее в озере огромное чудовище, наводившее ужас на местных жителей и скот.

Основатель монастыря в Балле (графство Мейо) святой Кронан Мохуа (ум. 637) одолел монстра из озера Лох-Хакет, расположенного в графстве Голуэй (провинция Коннахт).

Невозможно обойти вниманием главного покровителя Ирландии – святого Патрика (IV–V вв.), согласно преданию, раз и навсегда изгнавшего с острова всех змей. В процессе 40-дневного Великого Поста на вершине горы Кро-Патрик, расположенной на западе Ирландии в графстве Мейо, святой якобы подвергся нападению змей и в наказание приказал всем змеям собраться на вершине горы, после чего мановением своего посоха сбросил их в море. Как оно было на самом деле, судить чрезвычайно сложно, но змей в современной Ирландии действительно нет, чего не скажешь об озерных и морских чудовищах.

Отметились озерные монстры и в соседних скандинавских странах. В Исландии не так давно государственная комиссия признала подлинной снятую в 2012 г. видеопленку Хьертура Кьерульфа, на которой зафиксировано передвижение в озере Лагарфльоут, расположенного на востоке страны, неподалеку от городка Эгильсстадир, какого-то крупного водоплавающего существа. Местные жители считают, что это гигантский морской змей. Впервые о нем сообщается в «Исландских Анналах», создание которых относится к концу XIII в.

В Швеции на протяжении последних 350 лет наблюдают большое неизвестное животное на озере Стуршен. Начиная с 1987 г. общество по расследованию тайны озера собрало около 500 свидетельств о «Сторсбодьюрет», как называют это чудовище сами шведы. К сожалению, на сегодняшний момент нет точного описания этого животного. Некоторые свидетели упоминают большую шею, извивающуюся спину и похожую на лошадиную гриву. Другие сообщают о большом червеобразном существе с отчетливо просматривающимися ушами. Размеры животного колеблются от 4 до 12 м в длину.

Если верить норвежскому журналисту Эрику Кнеттеруду, в двадцати озерах этой страны местные жители периодически наблюдают странные змееподобные существа. Одно из таких

озер, под названием Реммен, расположено в округе Остфольд на юго-востоке страны, неподалеку от городка Ремског. Хотя этот водоем является самым большим в округе – 14 кв. км, – он все же гораздо меньше большинства других норвежских озер, где предположительно обитают реликтовые существа.

Первое достоверное наблюдение Ремми (так местные жители прозвали монстра) относится к 1929 г. Молодая девушка Астрид Мирвольд пошла на озеро за водой. На обратном пути она остановилась, чтобы отдохнуть. Солнце клонилось к закату, не было ни ветерка, и вода в озере напоминала гладкое зеркало. Неожиданно Астрид заметила на берегу нечто, похожее на большую черную трубу. Вдруг «труба» скользнула в воду и начала пробираться сквозь камыши и осоку, растущую у берега. Девушка видела, как шевелится растительность на пути монстра. Над водой торчала голова, немного похожая на лошадиную, с торчащими ушами. Хвост существа напоминал плавник и извивался, как у змеи. Астрид бросилась домой и позвала мать, но когда они пришли на берег, Ремми уже скрылся. Братья Астрид посмеялись над ней и решили, что она видела уток. Много лет спустя Астрид увидела в одном журнале изображение монстра из озера Лох-Несс и узнала в нем свое чудовище.

Другое достоверное наблюдение Ремми относится к 20 сентября 1976 г. Эрик Густавсон сидел за рулем автобуса, следующего из Лиллестрема через Ремског в направлении шведской границы. Кроме Эрика в автобусе ехали его жена и 15 школьников в возрасте от 8 до 13 лет. Когда они доехали до перекрестка около церкви в Ремскоге, Эрик посмотрел на озеро и увидел большие волны между берегом и островом Бьорноя. Автобус остановился. Водитель и пассажиры вышли из салона. Обзор ограничивался кустами, однако было видно, что по озеру плывет крупное существо. Эрик подумал сначала, что это лось. Дети закричали, когда монстр, пытаясь, стал выползать на берег. Все прекрасно видели, что у чудовища змеевидное тело длиной около 10 м, на спине – 4 или 5 горбов. Эрик хотел подойти ближе, но животное уже нырнуло обратно в воду.

В 1980 г. житель Ремскога Роджер Нильсен купался вместе с женой в озере. Они заметили, как большое животное с торчащими над водой горбами и головой теленка плавает, описывая

круги, на расстоянии около 500 м. Испугавшись, Нильсены быстро выбрались на берег. Когда они оглянулись, монстр исчез.

За пределами скандинавских стран вызывают интерес многочисленные былички о белорусских озерных цмоках (змеях или драконах). Один из самых известных цмоков, по преданию, жил в Лепельском озере, входящем в состав водоемов белорусского Поозерья. Территории эта, сформировавшаяся в последний ледниковый период, изобилует великим множеством больших и малых озер. Некоторые из них сообщаются между собой протоками и подземными каналами. Известны две основные разновидности цмоков – «сухопутная» и «озерная». Последнего еще называют цмок-фока, поскольку в переводе с древнегреческого «фока» (Φωκάς) переводится как «тюлень». Именно на этого зверя более всего похож водяной цмок Поозерья.

Описание фоки как нельзя лучше соответствует скандинавскому скримслу – морскому змею с головой тюленя, длинной шеей, большими плавниками в форме весел и горбатой спиной. Шведские и норвежские моряки считали появление скримсла на поверхности моря или озера добрым знаком. В этом «суеверии» присутствует своя сермяжная правда – чуткая рептилия не появлялась на поверхности во время ненастья или в его преддверии. По всей вероятности, и скримсл, и озерный цмок – небольшие озерные плезиозавры, которые наводняли озера Европы еще в XV–XVI вв. Особенно много таких животных видели в Уэльсе – многие валлийские короли хвастались убийством озерных чудовищ. Это обстоятельство нашло свое отражение на флаге Уэльса, центральную часть которого украшает изображение дракона.

Сохранились свидетельства более тесных и к тому же практически современных контактов между человеком и озерными цмоками. Будто бы в 1765 г. во время посещения Великого княжества Литовского известный уроженец Венеции, связанный с итальянской магико-герметической традицией, Джакомо Казанова (1725–1798) по пути к Екатерине Великой специально навестил Лепельское озеро, чтоб пообщаться с озерным цмоком. И это якобы ему удалось. Говорят, их общение длилось несколько часов, после чего прославленный авантюрист, путешественник, ловелас и разведчик несколько дней пребывал в

весьма задумчивом настроении. Настоящее содержание их «беседы», разумеется, осталось неизвестным широкой публике. Владимир Орлов утверждает, что примерно в те же годы в гости к цмоку навещалась и официальная фаворитка французского короля Людовика XV маркиза де Помпадур.

Имели ли место таковые контакты на самом деле или нет, но белорусские цмоки, известные и другим славянским народам (болгарам, словенцам, полякам, чехам и словакам) в отличие от западноевропейских драконов не представлялись враждебными человеку. Лепельский краевед Владимир Шушкевич в 1969 г. записал со слов своей бабушки Аннеты Михайловны Шушкевич (1899–1975), проживавшей в деревне Веребки, следующую легенду о свадебных благословениях цмока: «С детства слышала небылицы, будто в деревню Волова Гора с Лепельского озера в день свадьбы кого бы то ни было из сельчан обязательно приплывает по рекам Эссе и Береще, озеру Береща и Березинскому каналу змееподобное чудовище по имени Цмок. Делает он это ради того, чтобы получить угощение со свадебного застолья. Ровно в полночь жених и невеста уходили со свадьбы на дамбу Березинского канала и в самый глубокий омут, где якобы уже ожидал разносолы и выпивку Цмок, выливали самогон и бросали закуску. Одновременно просили у чудища благословения на будущую совместную жизнь. Делали это полулегально, поскольку церковнослужители не одобряли почитания мифического существа. Однако никто не отваживался нарушать обычай. Говорят, что молодые даже слышали, как после угощения пьяный Цмок бушевал в омуте и на местном диалекте благословлял будущую семью».

В статье «Хто такі Цмок?», опубликованной 9 января 2012 г. на сайте газеты «Лепельскі край», Шушкевич приводит два самых последних свидетельства наблюдения белорусских цмоков. Первое из них принадлежит ученице гимназии, музыкальной и художественной школы, второкласснице Насте Щербач: «Летом была в школьном лагере. Каждый день ходили купаться на городской пляж. Для нас специально была натянута ленточка, за которую запрещалось заплывать. Я решила поднырнуть под нее, раскрыла глаза в воде и испугалась: на меня добрыми голубыми глазами смотрело страшное существо, красное, подернутое слизью, с белым чешуйчатым животом,

длинным хвостом, с торчащими ушами. От страха я опустила глаза ко дну и увидела два больших, в крапинку, яйца, много бóльшие, чем страусиные. Но в легких не хватило воздуха, и я вынырнула. На берегу не поверили, что я видела Цмока». Отметим, что сочетание доброго взгляда и отталкивающего внешнего облика (а-ля шумерские анекдоты) делает это свидетельство весьма достоверным.

Второе свидетельство принадлежит художнику и преподавателю школы искусства Игорю Будревичу: «В большом Полсвиже на агроусадьбе “Полсвиж” Василия Шкиндерова проходил Фестиваль дударской музыки. Огромное количество народу собралось. Мы с Иваном Будичем заметили, как за забором, в еловой аллее, две тени медленно продвигаются. Подкрались – и глазам своим не поверили. Расположенные там старинные сельскохозяйственные машины осматривали... два Дракона. Мы так и замерли на месте, чтобы не напугать озерных пришельцев. Они потрогали лапами-ластами заржавевшие экспонаты Василева частного музея крестьянского быта и в обход Фестиваля медленно зашагали к озеру Полсвиж. Разгоряченные дударской музыкой и экзотическими угощениями люди так и не заметили едва заметные тени добрых чудовищ. А мы с Иваном на следующий день взялись вырезать из дерева тех бесов такими, какими их видели. Показали работу гостям-минчанам, а те выпросили их у нас. Сейчас, может быть, где в Свислочи или Слепянке живут, а то и вовсе за границу переместились лепельские Драконы».

О том, что в подмосковных Медвежьих озерах водится какая-то «нечисть», заговорили еще 30 лет назад. Житель деревни Мальцево Федор Кузьмич Караухов во время рыбалки видел существо, похожее на тюленя и передвигавшееся по озеру со скоростью моторной лодки. Больше всего повезло Марии Тимофеевне Любавиной, рассмотревшей его с близкого расстояния: длинный язык в беззубой огромной пасти, маленькие глазки-буравчики. По ее словам, «зверь» любил забираться в камыши и жевать их. Некоторые утверждают, что пожилая женщина даже подкармливала местную «несси» сухим хлебом. Но Мария Тимофеевна умерла, родственников у нее не осталось, и прояснить странную историю приручения озерного чуда не удалось.

Старожилы помнят, что сюда не раз приезжали ученые-палеонтологи, что-то замеряли, ныряли с аквалангами. Сотрудники Палеонтологического института тогда, впрочем, так и не нашли никаких следов древних животных.

Сегодняшняя пенсионерка, живущая в подмосковном Щелково, кандидат биологических наук О. В. Буйнова принимала участие в этих исследованиях. Она рассказала, как при первой же попытке погружения на небольшую глубину стало ясно, что озеро «изнутри» слишком мутное, в то время как снаружи, казалось, был виден буквально каждый камешек! О той экспедиции у ученого осталось впечатление неразгаданной загадки: «Официально мы тогда сообщили Академии наук, что никаких необычных явлений в озерах пока не обнаружено, но место это требует серьезных исследований. Однако экспедицию быстро свернули, и карты местности почему-то изъяли».

Некоторые из местных жителей связывают феномен с древним языческим культом медведя. На берегах озера издревле справлялись ритуальные праздники в честь этого священного зверя и приносились соответствующие жертвы. Существует легенда, как некий рыбак ослушался наказа старейшин своего племени и решил жениться на иноплеменной красавице. Подобные проступки наказывались весьма сурово. Юношу привязали к бревну, отрезали ему руки и ноги и медленно погружали в воды озера. Его несчастная невеста прокляла весь проживающий на берегу озера «медвежий» род, и с тех пор якобы в озере поселился «черный зверь», который пугает всех своим необычным видом. Многие, впрочем, утверждают, что «дракон», наоборот, охраняет окрестные деревни от всяких напастей.

О таинственных животных из якутских озер мировая общественность узнала впервые из дневника геолога Виктора Твердохлебова, опубликованного в журнале «Вокруг света» в 1961 г. В один из вечеров на озере Ворота он наблюдал неведомое существо: «Это было что-то живое, какое-то животное. Оно двигалось по дуге: сначала вдоль озера, потом прямо к нам. По мере того как животное приближалось к нам, странное оцепенение, от которого холодеет внутри, охватывало меня. Над водой чуть-чуть возвышалась темно-серая овальная туша. На ее фоне отчетливо выделялись два симметричных белых

пятна, похожих на глаза животного, а из тела его торчало что-то вроде палки... Может быть, плавник? Мы видели лишь небольшую часть животного, но под водой угадывалось огромное массивное тело. Об этом можно было догадаться, видя, как чудовище двигается: тяжелым броском, несколько приподнимаясь из воды, оно бросалось вперед, а затем полностью погружалось в воду. При этом от его головы шли волны, рождавшиеся где-то под водой. “Хлопает пастью, ловит рыбу”, – мелькнула догадка... Перед нами был хищник, без сомнения, один из сильнейших хищников мира: такая неукротимая, беспощадная, какая-то осмысленная свирепость чувствовалась в каждом его движении, во всем облике. В ста метрах от берега животное остановилось. Оно вдруг сильно забилося на воде, поднялись волны, и никак нельзя было понять, что происходит. Прошла минута – и животное исчезло, нырнуло. Только тогда я вспомнил о фотоаппарате. Прав был якут-рыбак, у животного расстояние между глаз действительно было не меньше плота из 10 бревен».

После сенсационной публикации дневников в 1962 г. якутские озера посетила экспедиция, организованная Якутским филиалом Сибирского отделения АН СССР, состоящая из ихтиологов под руководством доктора биологических наук Ф. Н. Кириллова. Исследователи дважды обошли озеро Лабынкыр на плоту, спускались под воду, но ничего не обнаружили. Поскольку ни одно животное не может обходиться сутками без воздуха и обязательно должно себя обнаружить, ученые сделали вывод, что в озере ничего нет.

15 июля 1964 г. газета «Волжский комсомолец» сообщила, что на плато Сордоннох отправляется новая группа исследователей: всего 18 человек, в число которых вошли геоморфолог, врач, геофизик, радист, журналист газеты и оператор куйбышевского телевидения. Возглавил экспедицию студент-энтузиаст П. Молотов. «Мы несколько раз наблюдали длинный прямой или извилистый след, который мог оставить за собой плавник огромной рыбы или зверя, – рассказывал после возвращения Молотов. – Судя по размерам, этот след принадлежал очень крупному животному. Мы подсчитали скорость, с которым оно двигалось: вышло не менее 50 км в час. Некоторые свидетели подтверждали, что видели животное в обоих озерах:

в Воротах и Лабынкыре». Молотов сделал вывод, что животные существуют в озерах автономно, Твердохлебов же считал, что речь идет об одном существе, кочующем из одного озера в другое.

Похожие события связаны с другим якутским озером – Хайыр. Н. Гладких, член биологического отряда Якутского филиала Академии наук СССР, отправился рано утром к озеру за водой. Видение возникло внезапно: на берег выползло странное чудовище. «Маленькая голова на длинной лоснящейся шее, огромное тело с иссиня-черной кожей, вертикально торчащий спинной плавник», – рассказывал ошеломленный неожиданной встречей очевидец товарищам, которые прибежали на его крики. А чудовище тем временем скрылось в глубинах озера, и лишь волна, пробежавшая по поверхности воды, да примятая трава свидетельствовали о том, что здесь произошло.

Вскоре хайырское чудовище вновь напомнило о себе, всплыв в нескольких сотнях метров от группы наблюдателей. «Неожиданно на середине озера появилась голова, затем плавник на спине, – вспоминал заместитель начальника Северо-Восточной экспедиции МГУ Г. Рукосуев. – Длинным хвостом существо било по воде, отчего по озеру расходились волны».

Весьма кстати оказались воспоминания известного полярного штурмана В. Аккуратова. В 1939–1940 гг. ему приходилось летать над этими местами. Однажды с высоты 700–800 м он и Герой Советского Союза летчик Иван Черевичный заметили в озере два длинных темных пятна, которые им показались живыми существами. Снизившись до 50 м, пилоты отчетливо разглядели крупные тела неизвестных животных, которые, испугавшись шума самолета, скрылись в глубине.

Каким же путем в маленьком замкнутом водоеме, длина которого всего 600, ширина – 500 м, а глубина не превышает 10 м, могли оказаться плезиозавры, вымершие, согласно официальной версии, более шестидесяти миллионов лет назад? Сторонники их существования выдвигают следующую версию: когда море, плескавшееся на месте тундры, отступило, и началось оледенение, ископаемые животные, обитавшие в его прибрежных водах, впали в спячку, а через миллионы лет растаявшие льды освободили их из плена, и они ожили в прогревшихся водах озера Хайыр подобно заполярным амфибиям-

углозубам, которых находят в Якутии и Магаданской области на глубине 20-ти м.

Кандидат геолого-минералогических наук Ю. Н. Попов в статье «Новые находки трупов плейстоценовых животных на Северо-востоке СССР» (1948) пишет: «Известны случаи нахождения трупов не только млекопитающих, но также рыб, к сожалению, утраченных для науки. В 1942 г. при производстве дорожных работ в долине реки Лыглыхтаха (бассейн Колымы) взрывом была вскрыта подземная линза прозрачного льда с заключёнными в ней замёрзшими телами каких-то больших рыб. По-видимому, случайно была вскрыта древняя протока реки с замёрзшими в ней представителями древней ихтиофауны. Производитель работ сообщает, что рыбы были изумительной свежести, и куски мяса, выброшенные взрывом, были съедены присутствовавшими при взрыве».

Нельзя обойти вниманием многочисленные сообщения о находках в камнях или горной породе, цельном камне, угле, дереве различных живых существ, к которым преимущественно относятся земноводные и рептилии, в частности, лягушки.

Прочитируем одно из наиболее любопытных, но, к сожалению, анонимных сообщений, автор которого указал только свое имя – Алексей: «В свое время, при производстве определенных работ в пустынной местности, столкнулся с таким явлением. Лягушки на многометровой глубине, при положительной температуре и полном отсутствии воздуха. Причем все живые и оставались таковыми не менее недели, по крайней мере, столько я некоторых еще наблюдал. Находится лягушка в овальном коконе-шарике величиной от половины до целого куриного яйца. Стенки шарика 3–4 мм из более уплотненной глины, снаружи сросшиеся с общей породой. Внутри стенки покрыты беловатой слизью. При вскрытии кокона лягушка сразу открывает глаза и через несколько минут начинает двигаться. Тогда я не придавал этому особого значения, посчитав, что это вполне известный науки факт. Но спустя время, пересмотрев множество литературы, узнаю, что с этим сталкивались некоторые строители тоннелей, а в Англии якобы находили в камне живую лягушку, возраст которой определили в 200 лет. Да в Сибири в 50-х гг. вроде бы нашли в вечной мерзлоте тритонов, которые потом ожили. Существует еще

мнение, что-то там про телепортацию. А иных фактов и доказательств как бы и нет. Только в моем случае температура положительная, а по геологическим справочникам выходит, что почва, в которой залегают эти твари, сформировалась не позднее последнего ледникового периода. Не знаю, по крайней мере, никаких плодородных или культурных слоев там нет. Совершенно однородная, материковая глина. И лягушек не 1–2, а на определенной глубине по несколько десятков в каждом кубическом метре. С таким явлением столкнулся не в одном месте, а расстояние между ними десятки километров. Найти их нетрудно и относительно недорого, хороший экскаватор вполне справится».

Серьезным доводом скептиков является утверждение о недостаточной кормовой базе: каждое животное весом не менее тонны должно поглощать десятки килограммов рыбы ежедневно. Сможет ли небольшое озеро воспроизвести столько корма? На это можно возразить, что водное животное в состоянии покоя расходует мало энергии и поэтому нуждается в относительно небольшом количестве пищи.

Также можно предположить, что при температуре воды в 2–3 градуса (такой она остается в Хайыре большую часть года) жизненные процессы у животных замедляются, и они впадают в спячку или же (согласно нашей гипотезе) в «сверхзамедленное» состояние, в определенном смысле эквивалентное дальневосточному «цветению бамбука». Напомним, что человек в таком состоянии получает возможность делать многие «невероятные», на первый взгляд, вещи, к числу которых может относиться и мгновенное перемещение на большие расстояния.

В последнее время участились случаи столкновения с неизвестными существами в озере Тяньчи, расположенном в горном районе Маньчжурии на границе Китая и Северной Кореи на высоте 2200 м. Максимальная глубина озера – 373 м, площадь водного зеркала – 9,8 кв. км. На протяжении трех дней с 21 по 23 августа 1962 г. более сотни человек наблюдали в подзорную трубу, как два монстра, словно играя, гонялись друг за другом по поверхности озера. В 2003 г. очевидцами появления чудовища стали офицеры и солдаты Народно-освободительной армии Китая! В 2005 г., по сообщению китайской газеты «The China Daily», 52-летний китайский турист Чжэн Ченчунь

наблюдал, как на водной глади озера резвилось какое-то огромное существо, и даже успел сделать несколько снимков. К сожалению, на фотографиях трудно разобрать, что представляет собой чудовище.

Сенсационное подтверждение реального существования в озере Тяньчи неизвестных животных было получено директором новостного центра местной телекомпании, созданной руководством заповедной зоны Чанбайшань, журналистом Чжо Юншэном. В 2007 г. ему удалось снять 20-минутный видеоролик, на котором ясно видны шесть плавающих в озере таинственных животных. Сам журналист рассказывает о том памятном дне: «Я поднялся по южному склону горы с двумя местными проводниками ориентировочно в пять утра в четверг. Я надеялся снять рассвет, однако было облачно и восхода солнца не было видно». Юншэн вспоминает, что в 5:26 утра открылся неплохой вид на расположенное у подножья горы озеро Тяньчи. Как раз в этот момент один из гидов крикнул, указывая на озеро, что в воду якобы ниоткуда свалился большой камень. Чжо Юншэн направил свою видеокамеру на озеро и через объектив увидел, что это был не камень, а некий движущийся большой черный объект. Неожиданно из глубины озера показались еще пять таких же объектов, которые очевидно являлись живыми существами довольно значительного размера: «Они плавали столь же быстро, как катера, временами они исчезали под водой. Очень впечатлило то, что иногда они плыли с одинаковой скоростью, как будто им кто-то отдавал команды». По мнению Чжо, существа были чем-то похожи на тюленей. Он подчеркивает, что «их плавники или, может быть, крылья, были длиннее их тел». Почти полтора часа журналист наблюдал за этими загадочными созданиями, с волнением ощущая, что ему приоткрылась одна из наиболее сокровенных тайн нашей планеты. По словам Юншэна, он никогда не верил в существование каких-либо фантастических монстров, а теперь своими глазами убедился в их реальности. Кадры из ролика Юншэна быстро распространились по интернету. Впечатляет, как на одном из них существа, словно на параде, плывут параллельными курсами в три ряда. На другом кадре видны два нырнувших животных, оставляющих после себя на поверхности озера круговые волны.

За последние 20 лет набралось более 30 свидетельств существования «чудовищ из Тяньчи». В озере явно обитают какие-то огромные существа, но возникает вопрос: откуда они там взялись? Кратер, в котором находится озеро, образовался при сильном извержении в 969 г. Озеро по геологическим меркам очень молодое, и никакие гигантские рептилии со времен динозавров в нем сохраниться не могли. На вытекающей из озера реке имеются водопады, преодолеть которые весьма проблематично – самый крупный водопад достигает в высоту около 50 м. Таким образом, никакие крупные водоплавающие животные, известные или неизвестные науке, попасть в озеро просто не могли, что в очередной раз возвращает нас к гипотезе о нетривиальных способах перемещения чудовищ в пространстве.

По другую сторону Атлантики у Несси имеется, по крайней мере, два североамериканских кузена. Озеро Шамплейн, 109-мильный водный путь между штатами Нью-Йорк и Вермонт, расположенный на границе США и Канады – родина Шампа, наблюдавшегося более 200 раз и однажды даже заснятого на пленку. История чудовищ в канадских озерах имеет многовековую историю. У индейцев есть легенда о водяном змее Найтаке – полубоге, полудемоне. Они настолько боятся Найтаку, что, проплывая по озеру, швыряют в воду живых поросят и цыплят, задабривая монстра. Тот, кто этого не делает, рискует жизнью.

В середине 1850-х гг. Джон Макдугалл пересекал озеро в каноэ, за ним плыли две лошади, привязанные к лодке веревками. Обычно Макдугалл прилежно исполнял древний индейский обряд, бросая в воду мелких животных перед тем, как отправляться в путь, но на этот раз он почему-то этого не сделал. Вскоре кто-то стал дергать лошадей за ноги и тянуть вниз. Если бы Макдугалл не выхватил нож и не перерезал веревки, то каноэ вслед за лошадьми пошло бы на дно.

В начале июля 1977 г. супруги из Коннектикута Энтони и Сандра Манси, проводившие отпуск в Вермонте, остановились на привал, чтобы дать возможность путешествовавшим с ним детям поплавать в озере Шамплейн. Пока дети играли в воде, Энтони пошел к машине за солнцезащитными очками и фотоаппаратом. Спустя несколько мгновений Сандра заметила бурление в воде в 50 м от берега, и вскоре на поверхности

показалось нечто с маленькой головой, длинной шеей и бугристой спиной. Оно покачивало головой из стороны в сторону, и миссис Манси пришло в голову, что оно похоже на чудовище из доисторических времен. К этому времени вернулся супруг и тоже наблюдал за животным с растущей тревогой. Он позвал детей, которые не видели монстра, ибо он был у них за спинами, и перебрал фотоаппарат жене, попросив ее сфотографировать существо. Она успела сделать один снимок, прежде чем оно погрузилось в воду. Всего животное находилось на поверхности около четырех минут.

Опасаясь насмешек (или, может быть, чего-то другого?), супруги долго молчали о фотографии, поместив ее в семейный альбом. Со временем негатив потерялся. Как-то раз через друзей снимок попал к Джозефу Царцинскому, энтузиасту-криптозоологу, долгое время пытавшемуся разгадать тайну Шамплейна. Ему удалось подружиться с супругами и провести собственное расследование.

Сотрудник центра оптических наук университета Аризоны Б. Р. Фриден проанализировал снимок на предмет его достоверности и убедился, что это не монтаж. Характер волн возле чудовища показывал, что они вызваны вертикальным, а не горизонтальным движением – это указывает на то, что предмет всплыл из-под воды, а не передвигался по поверхности, как могло бы быть, если бы муляж тащили на буксире. Океанограф Пол Ле Блон из университета Британской Колумбии с помощью формулы, учитывающей скорость ветра и расстояние в открытой воде, необходимое для ветра, чтобы вызывать волнение, высчитал, что длина волн – между 6 и 13 м. Когда он сравнил животное с соседними волнами, оказалось, что его размер равняется двум длинам. Таким образом, находившаяся над водой часть тела не могла быть меньше 6 и больше 26 м.

Возникает закономерный вопрос: почему миссис Манси ждала столько времени, прежде чем дать разрешение на публикацию снимка? Еще более странно, что ей удалось сделать только одну фотографию. Четверть века прошло с момента съемки, и до сих пор нет доказательств того, что снимок фальшивый.

Самое знаменитое канадское чудовище Огопото из озера Оканеган сделало свой первый выход на публику задолго до

Несси. Архивные записи об Огопого существуют с 1872 г., а поток показаний очевидцев не иссякает и в наши дни. Говорят, что животное это составляет 30–40 см в диаметре и 4–6 м в длину. Форма головы по описаниям варьируется от лошадиной до козлиной. Часто упоминается сходство чудовища с бревном.

В Оканаганской долине до сих пор сохраняется много индейских резерваций. Индейцы верят, что маленький пустынный остров Рэттлснэйк является прибежищем чудовища из озера Оканаган. Индейцы называли его Нха-а-тик, по сей день существуют рисунки в виде пиктограмм, изображающих чудовище близ истоков ручья Паэрс. Другие легенды включают историю о злобном Чайнуке и «великом озерном звере». Древние обитатели этого района считали чудовище злым духом. Индейцы утверждали, что на скалистые берега острова Чудовищ часто выносило останки растерзанных им животных.

Согласно материалам, сохранившимся в местных архивах, индейцы, пересекая озеро во время плохой погоды, всегда брали с собой маленькое животное, чтобы сбросить его за борт на середине озера с целью задабривания монстра. Примечательно, что когда в районе поселились европейцы, вооруженные поселенцы одно время патрулировали берег на случай нападения чудовища, а некоторые из них впоследствии переняли индейский обычай задабривать Огопого! Такая, на первый взгляд, неожиданная преемственность в очередной раз свидетельствует о жизнеспособности подобных ритуалов даже в среде «цивилизованных» народов.

16 сентября 1926 г. Огопого наблюдали люди из окон около 30 автомобилей на берегу Оканаганской миссии. Явление Огопого 2 июля 1947 г. наблюдали одновременно несколько лодочников. Один из свидетелей, мистер Крэй, так описывает животное: «Длинное извивающееся тело 30 футов¹, состоящее примерно из пяти изгибов, очевидно, разделенных друг от друга расстоянием в 2 фута², т. к. эта часть изгибов была под водой. У него был раздвоенный хвост, который только наполовину вылез из воды. Время от времени все это уходило под воду, а потом снова всплывало».

¹ 9 м.

² 60 см.

Было бы непростительным упущением не упомянуть, что водоплавающие чудовища встречаются не только в морях и озерах, но и вблизи океанских побережий.

Портрет очередного эквивалента лох-несского чудовища – морского змея по кличке Клэр – стал известен только через полтора столетия после его создания. Изображение причудливого монстра, замеченного у берегов курортного поселка Килки (графство Клэр, Ирландия), было обнаружено в лондонских архивах. Оказывается, это чудовище, впервые замеченное в 1850 г., было предметом многочисленных сообщений. Наиболее заметный случай его появления имел место в сентябре 1871 г., когда «большой и пугающий морской монстр» был замечен сразу несколькими очевидцами. У него была огромная голова, по форме напоминающая лошадиную, а позади головы и на шее не менее огромная грива как будто из водорослей, глаза были большими и очень заметными, тело же было в основном скрыто под волнами.

В феврале 1976 г. женщина, оставшаяся в анналах криптозоологии под именем Мери Ф., явила миру фотографию, сделанную в британской бухте Фалмут. Снимок сопровождало описание 15–18-футового существа с длинной шеей, похожей на поднятый вверх слоновий хобот, оканчивающийся небольшой змеиной головой. Существо имело множество горбов на спине, а его кожа была коричневой или черной, «как у морского льва». Сама фотография казалась подлинной, но негатив дама не предъявила. С тех пор множество людей, в т. ч. банкиры, историк искусства, рыбаки и даже работники Британского телевидения неоднократно заявляли, что видели похожее создание.

В те же годы по другую сторону Атлантического океана в районе Ванкуверского озера объявился гривастый собрат фалмутского морского змея, получивший прозвище Кадди. Неоднократные сообщения о его появлении поступали как от туристов, так и от местных жителей. В 1969 г. два исследователя из университета Британской Колумбии, океанограф Пол Ле Блон и биолог Джон Сиберт, задались целью собрать неопубликованные сообщения о чудовищах этого района. Ученые подготовили вопросник и разослали его во все газеты побережья Британской Колумбии, а также в клубы рыболовов, на маяки и прочие заведения, связанные с морем. Ответы не заставили себя ждать. Результаты исследований Леблona и

Сиберта, включающие в себя описание и подробный анализ 23 сообщений о наблюдении морского змея, были опубликованы в 1973 г.

Наиболее типичным из свидетельств, полученных Леблонном и Сибертом, было сообщение от некоей миссис Стаут из Кламат-Фоллс, штат Орегон. В марте 1961 г. она вместе с двоюродной сестрой и двумя племянниками дошкольного возраста гуляла по берегу пролива Хуан-де-Фука, разделяющего американский штат Вашингтон и канадскую провинцию Британская Колумбия. Сначала они увидели в проливе грузовое судно, а когда оно прошло, смогли разглядеть нечто, что сначала показалось им деревом, покачиваемым волной на поверхности воды. Внезапно ствол исчез и потом возник снова, уже ближе к берегу. Женщины воззрились на странное морское существо. Позже мисс Стаут описала его как животное с крупной головой, шестифутовой шеей, пышной гривой и тремя горбами. Само тело угадывалось лишь по движению шеи и покачиваниям головы. Монстр двигался вперед с поистине лебединой величавостью и погрузился в глубину почти перпендикулярно. «Если не считать горбов, – вспоминала миссис Стаут, – его вид напоминал растительоядных, живших в болотах динозавров». «Сначала, – продолжала она, – голова у него была повернута в сторону, будто существо рассматривало проходящее судно. Затем оно нырнуло и появилось уже ближе к свидетелям». Один из племянников испугался и заплакал. Теперь существо, видимо, уже заметив наблюдателей, снова пропало и в следующее мгновение всплыло чуть дальше.

По другую сторону американского континента обитатели районов, примыкающих к Чесапикскому заливу, сообщали о спорадических появлениях местного чудовища, известного под именем Чесси. О его существовании здесь было известно с начала XX в. В середине 60-х гг. в этом районе начало регулярно появляться похожее на рептилию темноокрашенное существо. В 1982 г. оно, наконец, попало в объектив видеокамеры жителя штата Мериленд Роберта Фрю. 26 мая супруги Фрю принимали друзей в своем доме на Кент-Айленде и любовались бухтой. Около семи вечера чета Фрю и их гости заметили чудовище в спокойных чистых водах в 200 ярдах от дома. Сначала его увидел в бинокль хозяин, сбегал за видеокамерой и

стал снимать из окна спальни. Существо, вспарывая поверхность воды, резво направилось к ничего не подозревающим купальщикам, находящимся в тот момент в бухте. Из дома стали кричать пловцам, предупреждая их об опасности, но те не могли слышать их крики. Существо нырнуло и проплыло под купавшимися, которые так и не заметили его, даже когда оно появилось по другую сторону от них, словно чудовище было совершенно невидимым и демонстративно бравировало этим обстоятельством перед ничего не ведающими людьми. По свидетельству Фрю, темно-коричневое тело с горбами имело 30–35 футов в длину и фут в диаметре.

В результате трехчасовых дебатов, состоявшихся впоследствии под крышей Смитсоновского института в Вашингтоне, пленка, снятая Робертом Фрю, была признана неубедительной. На видео временами появлялась некая «угловатая структура, видимо, начало или конец тела, но ни глаз, ни ушей, ни рта не было видно». У всех смотревших видеозапись сложилось представление о некоем объекте животного происхождения, но эксперты так и не пришли к общему заключению, какой именно объект они наблюдали на экране.

Перед нашими глазами прошла только малая толика накопившихся к настоящему времени фактов, свидетельствующих о существовании рядом с человеком чудовищных реликтов, привычно относимых современными учеными к далекому прошлому нашей планеты. Легко предположить, как невероятно сложно будет укорениться в нашем сознании мысли, что персонажи «Парка юрского периода» не только являются нашими современниками, но и с легкостью переживут нас и наших потомков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Управлять воображением индивида – значит формировать судьбу всего человечества.

Jacques Vallee «Autres dimensions: chroniques des contacts avec un autre monde» (1988)

На конкретном археологическом, этнографическом и историческом материале мы продемонстрировали, что в традиционных культурах различных народов, зачастую разделенных не только огромными расстояниями, но и многими тысячелетиями, содержатся сходные представления и соответствующие им изобразительные мотивы, связанные с образами реликтовых чудовищ. Особенное значение имеют многочисленные совпадения внешнего облика «мифологических» чудовищ, принадлежащих к разным культурным традициям, с современными палеонтологическими реконструкциями некоторых разновидностей динозавров, якобы полностью вымерших еще до появления на Земле *homo sapiens*.

Изложенные в книге свидетельства говорят о том, что вопреки позиции палеонтологов реликтовые чудовища не только существовали на протяжении всей известной нам истории человечества, но и определенным образом взаимодействовали с человеческим обществом. Следы таких взаимоотношений, варьирующихся от поддержания регулярных симбиотических связей до прямого физического противостояния, отчетливо прослеживаются в самых разных исторических культурах.

Об огромном значении реликтовых чудовищ в жизни человеческого общества говорит их присутствие в эсхатологических доктринах различных религиозно-мифологических традиций. В этом смысле следует еще раз подчеркнуть, что в традиционном религиозно-мифологическом сознании сохраняется лишь то, что полагается актуальным и находится в функциональной связи с действительностью. Традиционные представления о том, что реликтовые чудовища играют важную роль в системе мироздания, а, следовательно, должны существовать на протяжении всей истории человечества, подкрепляются многочисленными современными случаями их

наблюдения. С некоторыми из них мы ознакомили нашего читателя на страницах этой книги.

Указание на разумность некоторых разновидностей реликтовых ящеров встречаются не только у Ланца фон Либенфельса, но и в самой Библии (прямоходящий эдемский змей), мидрашах и каббалистической традиции. Сведения об участии этих существ в генезисе *Homo sapiens* содержатся в древнеегипетской (бог Атум) и древнекитайской (богиня Нюйва) традициях, а также в устной традиции африканского народа догонов (культурные герои Номмо). С известной долей осторожности к категории таких существ можно отнести шумерских аннедотов и Абгаллу, индийских нагов, змееногих гигантов и отдельных персонажей древнегреческой мифологии (Кекроп, Эрихтоний).

Один из наиболее важных выводов нашего исследования состоит в том, что особые качества, которыми, по всей вероятности, обладают дожившие до нашего времени реликтовые чудовища (управление «сверхподвижными» и (или) «сверхзамедленными» состояниями, использование потенциала биологического электричества), практически сводят к нулю возможность их физической поимки с помощью арсенала средств, имеющихся в распоряжении современной науки. Вероятно, теми же самыми причинами обусловлена неуловимость реликтового гоминида и отчасти НЛО, с которыми феномен реликтовых чудовищ имеет гораздо больше общего, чем может показаться на первый взгляд.

Вспомним хотя бы славянские предания об огненных змеях, упомянутые Афанасьевым в «Поэтических воззрениях славян на природу». Зримые на небе «пламенным искрометным шаром», «светящимся огненным коромыслом», «пламенным веником», «клубком синего цвета», «огненной холстиной», «красным мечом» или «змеем с огненным хвостом», они появляются из облаков, летят по воздуху и, рассыпавшись над крышей «искрами», «жаром», или «звездами», через печную трубу проникают в дом приглянувшегося им человека (чаще всего девицы или вдовы), после чего обращаются в молодца несказанной красоты, или же принимают облик умершего, по которому тоскует человек. Согласно древним верованиям от «сожития» людей и огненных змеев иногда рождаются дети, которые обычно долго не живут или становятся колдунами,

«говорящими» со змеями. Многочисленные случаи наблюдения огненных змеев известны и в наши дни.

Феномены реликтовых чудовищ, НЛО и реликтового гоминоида связаны не только их общей способностью к мгновенному исчезновению, невидимости или манипулированию электрическими (электромагнитными) силами, но, в первую очередь, тем колоссальным социальным воздействием, которое они оказывают на массовое сознание и человеческое творчество.

Обладатель докторской степени по математике за работы в области искусственного интеллекта, астроном и астрофизик Жак Валле, создавший в 1950-е гг. неформальное сообщество ученых, занимавшееся негласным изучением феномена НЛО, в книге «Autres dimensions: chroniques des contacts avec un autre monde»¹ (1988) указывает на связь между закономерностями проявления феномена НЛО (значительная активность, чередующаяся с периодами полного затишья) и условиями, в которых организм, реагируя на внешнее раздражение, наиболее эффективно учится новому поведению. Эти условия были выявлены одним из самых влиятельных психологов прошлого столетия Берресом Фредериком Скиннером (1904–1990), в течение полувека изучавшим поведение и механизмы его изменения.

Итоги совместных исследований Скиннера и Чарльза Ферстера, финансировавшихся Бюро военно-морских исследований США, можно резюмировать буквально в нескольких фразах. Глубоких изменений в поведении животных и человека можно добиться избирательным подкреплением некоторых действий, например, давая пищу голубю лишь тогда, когда он нажмет на определенный рычаг. Однако если тренировка слишком однообразна и монотонна, то обучаемый останавливается в своем развитии и даже возвращается на более низкую стадию. Наиболее эффективная программа подкрепления комбинирует периодичность и непредсказуемость. В этих условиях обучение идет медленно, но непрерывно и приводит к высшему и необратимому уровню адаптации.

¹ Русские переводы: *Валле Ж.* Параллельный мир. М.: «Прогресс», «Пангея», 1995; *Валле Ж.* Другие измерения. Хроника контактов с неведомой реальностью. М.: «Лори», 2007.

Валле констатирует полное совпадение структуры проявления феномена НЛО со структурой наиболее действенной программы подкрепления, выявленной Скиннером и Ферстером, делая вывод, что указанный феномен является целенаправленным средством изменения человеческих представлений, функционирующим как операционная система символической коммуникации на уровне всего земного шара. Воздействия этого феномена, в первую очередь, накладывают отпечаток на нашу мифологию (как традиционную, так и современную) и религию, а значит, и человеческую культуру в целом. В свою очередь, мифология определяет некий глубокий уровень нашей социальной реальности, на котором структуры времени растянуты, а эволюция медленна. Однако именно такие долгосрочные изменения властвуют над судьбами цивилизаций.

Как видно на примере Лохнесского и прочих реликтовых чудовищ, их «мерцающая» активность по своей структуре совпадает с базовой схемой проявления феномена НЛО, а это значит, что феномен реликтовых чудовищ является еще одним средством формирования человеческих представлений. Если косвенный ответ на вопрос о происхождении этого феномена может содержать история происхождения старейшего египетского бога Атума и даосской богини Ньюва, то вопрос о конечной цели нашего обучения предсказуемым образом остается открытым. Вместе с тем мы охотно допускаем, что ответ на него в аллегорической форме может сохраняться во внутренних школах некоторых ныне здравствующих религиозно-мифологических традиций, или же, наоборот, находится на самом виду, как это было продемонстрировано нами на примере анализа нескольких общеизвестных сюжетов из Книги Бытия и Книги Иова. Как говорил патер Браун из рассказа Г. К. Честертон «Сломанная шпага», «умный человек прячет лист в лесу, а если леса нет, он его сажает». В конечном счете, как справедливо замечает доктор Валле, у нас нет выбора: мы обречены изучать эти феномены, хотя их изучение неизбежно внесет свой вклад в программу подкрепления, но это, может стать, не так уж и плохо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Камни Ики	17
Динозавры из Акамбаро.....	65
Динозавры в культурах Нового Света	98
Реликтовые ящеры в Пермском зверином стиле.....	110
Драконьи пастухи	127
«Знающие слово» и тайны святого змееборца	149
Реликтовые чудовища в европейской культуре	165
Культ подземно-подводного ящера на Руси, в Европе и на Дальнем Востоке	183
Венеция: обрученная с чудовищем	203
Рожденные Змеедевой: хтонические тотемы славян и скифов	214
Реликтовые чудовища в христианской аскетической традиции	227
Елабужский оракул	240
«Чудовищные» храмы и храмовые чудовища.....	251
Тайный змей Бытия.....	261
Карадагский реликт	295
Тайны озерных монстров	306
Заключение.....	350

Научно-популярное издание

**Андрей Жуков
Алексей Комогорцев
Николай Непомнящий**

Люди и динозавры

Корректор *М. Глаголева*
Верстальщик *М. Глаголева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru